

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА
ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ — ВЕК НЕОБЫЧАЙНЫЙ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ — ВЕК НЕОБЫЧАЙНЫЙ

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева
Союз краеведов России
Кафедра региональной истории и краеведения
Российского государственного гуманитарного университета

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»

Век двадцатый — век необычайный

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век» 2013–2014 годов

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В26

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Комитета общественных связей города Москвы, Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ)

Издание осуществлено в рамках проекта «Подростки, среднее образование и права человека». При реализации проекта используются средства государственной поддержки (грант) в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 18 сентября 2013 года № 348-рп и на основании конкурса, проведенного ООД «Гражданское достоинство»

Редакционная коллегия Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Редактор Николай Gladких

Подготовка текста Любовь Гришина, Оксана Михайлова

Дизайн обложки Георгий Кизевальтер

В оформлении обложки использованы фотография из архива Александра Зусмановича и фотография Александра Тягны-Рядно «Памятник Н. Гоголю». 1980-е/Агентство «ФотоСоюз»

Век двадцатый — век необычайный:
В26 Российская история XX века глазами школьников
М.: Мемориал; 2014. — 424 с.:ил.

ISBN 978-5-9902341-8-5

В сборник вошли работы российских школьников — лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 2013–2014 годов, посвященные ключевым событиям XX века — от Первой мировой войны до переломных 90-х. В работах использованы уникальные источники, найденные школьниками в семейных и государственных архивах: письма, воспоминания, дневники, материалы следственных дел.

УДК 94(47)
ББК 63.39(2)6

ISBN 978-5-9902341-8-5

© Международное общество «Мемориал», 2014

Содержание

<i>Ирина Щербакова. Необычайный век</i>	6
Связка писем	
<i>Ирина Грибович, Елена Жукова, Анастасия Магзова.</i> «Я... буду беспристрастной повествовательницей событий»	11
<i>Екатерина Андрианова, Денис Соболев, Александр Колесников.</i> «На острых кончиках штыков Мигало солнце огоньками»: Первая мировая война в воспоминаниях и фотографиях	31
<i>Анастасия Сироткина. «Строки о судьбе...»</i>	51
<i>Людмила Севостьянова. Храм на воде (История плавучего храма «Святитель Николай Чудотворец», 1910–1915 годы)</i>	69
Так и жили	
<i>Марина Беляева. История семьи Поверенных. Беспамяństwo и память</i>	81
<i>Екатерина Загорулько, Александра Карасева, Александр Лысенко, Давид Юневич. «Под большим трепетом»</i>	102
<i>Даниил Мочалов. Хлебный Туркестан</i>	136
<i>Мария Стрелюхина. От рассвета до заката: история умирающей деревни</i>	151
Эхо главной войны	
<i>Мария Скачкова. По страницам семейной истории</i>	172
<i>Дария Гизатулина. Он защищал Сталинград</i>	186
<i>Дарья Медведева. По страницам дневника Лены Левиной</i>	200
<i>Ксения Харланова. А был мой прадед ростом не велик...</i>	213
<i>Анастасия Мелконян, Кристина Петрова. Пишет домой война</i>	227
<i>Юлия Огородникова. Листая прошлого страницы...</i>	249
Обыкновенная биография	
<i>Диана Вишнякова, Анастасия Попова, Валентина Сватковская.</i> «Жизнь была типична, трагична и прекрасна». Из биографии Ирины Андреевны Дубровиной	263
<i>Екатерина Самкова. «Категорически, и с полной ответственностью утверждаю...» (Письма Е. И. Соловьевой в органы НКВД)</i>	285
<i>Дарья Марьянина. «Муравьиная жизнь»: обыкновенная биография необыкновенного человека Сергея Фомича Гаврилова</i>	297
<i>Анна Мурашева, Ирина Перхурова. «Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь учат в школе...» (Повседневная жизнь и профессиональная деятельность советских учителей в 1950–1970-х годах)</i>	312
<i>Оксана Елисова. «И юность ушедшая всё же бессмертна...»</i>	339
Конец эпохи	
<i>Валерия Панфилова, Дарья Двойнишникова. Письмо с войны.</i> Живые страницы армейских писем пограничника Евгения Кротова	351
<i>Николай Веретин, Дарья Гальцова, Софья Караборчева, Виктор Мещеряков, Виктория Пятецкая, Александр Пятецкий. Если тебе комсомолец имя (Курлакский комсомол от рассвета до заката)</i>	375
<i>Дарья Первушкина. Герой. Кто он?</i>	412
<i>О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»</i>	421
<i>Жюри конкурса «Человек в истории. Россия — XX век»</i>	423

Необычайный век

Ирина Щербакова

Век двадцатый — век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней,

— эти строки поэта Николая Глазкова, несомненно, можно взять эпитафией к очередному, уже 16-му, сборнику работ победителей Исторического конкурса «Человек в истории. Россия — XX век».

Здесь, в работах 2013–2014 года, и в самом деле собраны сюжеты и истории, охватывающие все минувшее столетие. Каждый год, когда мы ждем новых работ на очередной конкурс, нам кажется, что события XX века, с которым мы давно распрощались, — особенно первой его половины, — стали для сегодняшних старшеклассников уже совсем далеким прошлым. Даже профессиональным историкам трудно найти не только живых очевидцев того, что произошло 60–70 лет назад, но и новые письменные свидетельства — дневники, переписку, воспоминания. И тем сильнее нас удивили работы нынешнего года.

Они поражают количеством интереснейших документов, которые удалось найти, расшифровать и проанализировать нашим юным авторам. Когда вчитываешься в них, становится ясно, что интерес школьников к прошлому, даже к событиям вековой давности подогревается удивительными историями находок: тут и лежавшая многие десятилетия в старинном сундуке связка пожелтелых писем 1905–1910 годов, и сохранившиеся вопреки войнам, переездам и арестам письма молодого офицера любимой девушке с фронтов Первой мировой, и случайно найденный на чердаке старого деревенского дома крестьянский дневник 30-х годов; и другие письма — тоже девушке, только гораздо менее грамотные, почти детские, и отправленные тоже с фронта, но тридцать лет спустя, а последнее, предсмертное — уже из Восточной Пруссии...

Многие из использованных в работах документов трудно было не только расшифровать, но и прочитать — старинная орфография, торопливый почерк, грамматические ошибки, стершиеся буквы, непонятные слова, — но всё это преодолевает

охвативший юных авторов исследовательский и человеческий интерес к событиям далекого прошлого.

И в самом деле — этот интерес можно понять, если вслед за ребятами вчитаться в удивительно подробные и живо написанные письма школьной учительницы из Иркутска к сестре в Париж, с описаниями не только повседневной жизни российских интеллигентов в первом десятилетии века, но и ярких сцен революции 1905 года. Глубокое сочувствие, радость и надежды, которые вызывают эти события, даже звучащее в письмах оправдание революционного насилия, создают живой образ настоящей народницы, передают общественную атмосферу тех лет. Или проследить за судьбой студента-филолога, который уходит добровольцем на Первую мировую, наблюдая по письмам с фронта, как меняется человек по мере того, как война становится всё более кровавой и затяжной. Или погрузиться в драматические события 1930 года на юге России, вчитываясь в ежедневные дневниковые записи крестьянина, из последних сил сопротивляющегося давлению власти.

При чтении этих и многих других документов и материалов, помещенных в сборнике, не покидает мысль о том, какой богатый материал собран и осмыслен юными авторами. Можно без преувеличения сказать, что некоторые сюжеты кажутся почти прямой иллюстрацией к прозе Андрея Платонова, Василия Гроссмана.

Конечно, этот век, следуя за цитатой Глазкова, такой интересный для историка, для героев большинства работ и в самом деле оказывается печальным. Это Первая мировая и Гражданская, коллективизация и уничтожение деревни, массовый террор, другая мировая война, еще более страшная и кровавая, чем Первая, плен и угон в Германию и тяжелейшая послевоенная жизнь. Все эти события не просто печальным, а самым трагическим образом отражаются на человеческих судьбах.

Но, наверное, неслучайно в качестве героев выбраны люди «неподдающиеся», пытающиеся отстаивать свои права, сопротивляться, насколько возможно, государственной машине — во всяком случае, выскальзывать из-под ее катка. Это крестьянин-«единоличник» из Кривой Балки, который, несмотря на постоянные угрозы и преследования, не вступает в колхоз. Это поразившая школьницу из Твери история ее прабабушки, которая после шестимесячного пребывания в тюрьме пишет письма

в НКВД, добиваясь освобождения арестованного вместе с нею мужа. Это судьба бывшего фронтовика, который чудом уцелел в страшных боях за Саур-Могильские высоты, стал учителем истории, но от тяжелых разочарований и потери надежды на то, что начнется наконец хорошая и честная жизнь, уходит в 1970-е с поста директора школы и, несмотря ни на какие угрозы, выходит из КПСС.

Нас часто упрекают в том, что мы специально подталкиваем школьников заниматься трагическими моментами отечественной истории. Но это, конечно же, не так. Просто наш конкурс называется: «Человек в истории», и это заставляет его участников видеть в биографиях людей не пустые формулы вроде «самоотверженного труда на благо...», а трудную и порой трагическую реальность, которую приходилось преодолевать многим людям, жившим в России в XX веке.

И, пожалуй, самое ценное в этом сборнике — сохраненная память об этих людях. Недаром автору одной из работ, уже после ее завершения, удалось отыскать потомков людей, ничего не знавших о судьбах своих предков, и рассказать им, откуда они родом. Именно это и дает надежду на то, что необыкновенный XX век не останется непонятым и неосмысленным.

СВЯЗКА ПИСЕМ

«Я... буду беспристрастной
повествовательницей событий»
(Опыт исторической реконструкции
на основе писем иркутянки
Л. Е. Литвинцевой)

Ирина Грибович, Елена Жукова, Анастасия Магзоева
школа № 1, пгт Качуг, Иркутская область
научный руководитель Инга Валерьевна Зуева

Долгие десятилетия эта связка пожелтевших писем лежала в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями и обувью. Даже хозяйки сундука — две сестры-старушки, доживающие свой век в квартире на втором этаже двухэтажного особнячка в центре Иркутска, — были младше писем. Им часто помогали молодые соседки Светлана и Надежда, которые снимали комнатку рядом. Когда одна из пожилых сестер умерла, другая передала девушкам сундук со словами: «Это нам досталось от родственников. Сохраните, ведь больше у нас никого нет...» Это было в начале 90-х. Фамилии старушек не сохранились ни в памяти девушек, ни в документах паспортного стола. Светлана Татарникова и Надежда Молчанова в 1993 году закончили иняз, вышли замуж, разъехались. Сундук пришлось оставить, а письма они решили передать своей учительнице литературы, Ларисе Владимировне Чемякиной, живущей на родине девушек — в селе Харбатово Качугского района, 300 км севернее Иркутска. До 2009 года письма хранились у нее.

И вот сентябрь 2011 года. Мы, четыре восьмиклассницы (члены школьного научного общества) и наша учительница, сидим в кабинете литературы друг против друга, между нами — пожелтевшие от времени листы, исписанные черными чернилами. «Девочки, я предлагаю вам прочитать вот эти письма, — говорит Инга Валерьевна. — Скорее всего, это будет сложно: почерк не очень разборчивый, орфография и графика дореволюционные. Никем они до сих пор не прочитаны и не изучены. Кто кому писал — неизвестно. Ясно только, что автор — какая-то девушка или женщина, жившая в Иркутске в начале XX века, — писала за границу “Туте”, видимо, подружке. Работа для вашего возраста довольно сложная. Возьметесь?» Понятно, что мы были страшно заинтригованы и, конечно, за

работу взялись. От письма к письму перед нами разворачивалась история Иркутска начала XX века и иркутской семьи.

КТО ЖЕ АВТОР?

Сначала помогли сами письма. На открытках был указан адресат: «Miss Augusta Litvinseff». Внимательное прочтение убедило нас, что переписывались сестры, — таким образом, была установлена их фамилия. Среди писем был найден обрывок старой книги, на котором можно было различить надпись тем же почерком: «Из книг Ларисы Литвинцевой». В одном из писем автор сетует по поводу долгого молчания сестры: «Ну, Августа Евгеньевна, задала ты нам жару!» Так «сложилось» имя — Лариса Евгеньевна Литвинцева! Упомянуто место проживания: «Мы, жильцы 2 Солдатской...» Также много пишется про школу, про учеников, что привело нас к выводу, что обе сестры раньше работали в школе.

Письма охватывают период с 1903 по 1911 годы и адресованы младшей сестре Августе, получающей образование за границей (на письмах указаны адреса: Швейцария, Англия, Франция). Письма отправлялись из Иркутска, а также из Баранчиков (ныне порт Байкал, конечная точка Кругобайкальской железной дороги) и Усолья (ныне г. Усолье-Сибирское Иркутской области), куда Лариса уезжала на летний отдых. Кроме того, Лариса гостила (видимо, не раз) в деревне Картухай Качугского района (в 300 км от Иркутска, на реке Лене). Благодаря тому, что каждое письмо автором пронумеровано, можно определить следующее: писем было отправлено более 1500 (до нас дошло 115), то есть сестры писали друг другу через каждые 3–4 дня (по характеру писем чувствуется, что сестра Гута активно отвечала). Из этих писем сохранилось 24 многостраничных письма, остальные — на открытках. Часть открыток 1909–1911 годов деформирована: кем-то оторваны или стерты части текста. Ни одной фотографии, к сожалению, вместе с письмами найдено не было, хотя указывается, что они существовали. Заинтересовавшая нас семья Литвинцевых ни разу не попала в объектив историко-краеведческих исследований иркутских ученых, тем не менее эта фамилия оставила свой след в периодических изданиях и архивных документах того времени. Всего нами было просмотрено и изучено около 500 единиц печатных и рукопис-

ных источников: адресные книжки, «Епархиальные ведомости», «Клировые ведомости», «Дела Духовной консистории», метрические книги и т. д.

Мы установили возраст автора в период переписки: 30–40 лет. Год рождения: 1869. Собственной семьи Лариса Литвинцева не имела.

На долю автора выпали немалые испытания: ранняя смерть отца, судебная тяжба с двумя родными сестрами из-за наследства, длительное расставание с любимой младшей сестрой (и другом), смерть матери, материальные трудности. Всё это подорвало здоровье Ларисы, но не сломило ее дух. Вначале она жила вдвоем с мамой Лидией Васильевной по улице Второй Солдатской (ныне улица Лапина). Литвинцевы владели несколькими зданиями в одном дворе, сдавая их жильцам (сейчас на этом месте, видимо, расположено Монгольское консульство).

После внимательного изучения периодической печати и архивных документов мы установили, что отец Ларисы был священником Никольской церкви в селе Лиственичном на Байкале. В Листвянке отец Евгений прослужил 20 лет, был любим и уважаем своей паствой и начальством, получил благодарность Священного Синода и фиолетовую скуфью. Но в 1881 году неожиданно подвергается опале со стороны священноначалия и светских властей: в Духовную консисторию поступает жалоба на батюшку от начальника таможни с. Лиственичное, где отца Евгения упрекают в том, что он сотрудничает с народнической газетой «Сибирь» и описывает якобы «поборы» простых рыбаков таможенниками.

Одновременно поступают и другие жалобы на правдолюбивого и бескомпромиссного священника. Батюшка подвергается «заключению в Вознесенский монастырь» и вынужден перевестись в другой приход. Из архивных документов видно, что иркутскому владыке Вениамину, ценившему отца Евгения, не просто далось это решение, он, как смог, смягчил участь своего подчиненного; тем не менее, это был удар для семьи. Очевидно, что отец Евгений обладал как замечательным даром художественного слова, так и далеко «не смиренным» характером. Согласно материалам дела, он довольно резок и даже дерзок в своих объяснительных следователю и владыке.

И вот, позади — блестящая карьера, впереди — вечная помета «неблагонадежен». Из года в год, в каждой клировой ведомости,

с каждого места служения. В семействе подрастают 4 родных дочери и одна приемная, на руках — престарелые родители, перевезенные из Забайкалья, и жена Лидия Васильевна. Лариса — подросток. Согласно «Епархиальным ведомостям» 1880–90-х иерей Евгений Литвинцев еще два раза меняет место служения, затем переходит в «заштатные», а после в «безместные» священники. Умирает он в 1894 году в возрасте 50-ти лет.

Из писем понятно, что личность отца и семейные испытания, связанные с ним, наложили неизгладимый отпечаток на мировоззрение и судьбу дочери Ларисы. Она критично описывает церковное начальство (обидчиков отца), руководство иркутской семинарии, в письмах встречаются фразы, что она не может молиться и ходить в церковь, оставаясь при этом верующим человеком, церковную обрядность называет «шелухой». В других же письмах благодарит Святителя Иннокентия (Кульчицкого), которому молилась во время тяжелой болезни, со светлой радостью вспоминает Пасхальную службу, пишет, что обретает после долгого перерыва радость молитвы, заказывает панихиды по матери.

«НЕОБЫКНОВЕННО НАСЛАЖДАЮСЬ.. ЖИЗНИЮ»

Письма дают представление о семейном укладе Литвинцевых, о том, во что одевались, что ели, что читали, у каких врачей лечились, куда ходили в баню, где отдыхали, как обычно проводили день и т. д.

6 февраля 1910 г. она пишет: «Я стараюсь соблюсти декорум. Всегда прилично одета, причесана. В комнате убрано. Стараюсь правильно и сытно питаться, регулярно гуляю. Одним словом, все, кто меня знает, не подозревают, какие страшные душевные бури переживаю подчас. Здорова. Открытки твои получаются исправно».

У Ларисы постоянная потребность в общении с «милой сестрой Гутой». Пишет Лариса убористым почерком, исписывая весь лист, не оставляя даже места для прощания, так как за каждый грамм общего веса письма надо платить. Благодаря этому создается впечатление, что разговор с Гутой не заканчивается, он переливается из письма в письмо.

В письме от 4 декабря 1906 года Лариса пишет: «С утра я обыкновенно прочитываю местную газету, которую разнос-

чик заталкивает в щель парадных сеней, а мамочка заботливо кладет ее подле моего чайного прибора. ...Потом я облакаюсь в твою евражковую шубу — она очень тепла, легка и удобна, я уже ее оттреплю скоро — и отправляюсь с зелененьким бархатным мешочком (работой мамочки) вдоль по Большой прогуливаться и опускать в ящик тебе открытку. ...Необыкновенно наслаждаюсь и морозным воздухом, и видомдвигающегося люда, и жизнью. Захожу в магазин покупать лакомство или фрукты и плетусь обратно. После сытного, великолепно приготовленного обеда, за которым мама чуть не плачет, вспоминая тебя и что ты теперь бегаешь в чужих людях, как голодная собачонка, что теряешь здоровье и силы, я ложусь, совершенно расслабленная воздухом и пищей, спать часа на полтора. Встаю совершенно бодрая, свежая, крепкая, веселая и счастливая, так как с этого момента для меня начинается самая лучшая часть моего дня — вечернее чтение. Напившись чаю (мы с мамой двое чуть не выпиваем весь самовар), я с улыбками и ужимками, как, бывало, тятинька, беру за бутылку керосину и наливаю мою висячую лампу — лохань, и при ослепительном свете принимаюсь за чтение». Мать Ларисы тоже была грамотным, читающим человеком. «Она обыкновенно запоем читает, не пойдёт прогуляться, не посмотрит, как тени от тучки ложатся на воду, и лес делается мрачным, а так будто обязанность отбывает и старается всячески скоротать время и совершенно не отрывается от книги. ...Мама читает Писемского», — пишет Лариса из Усолья (20 июля 1908), куда возила маму на лечение.

Похоронив ее в 1909 году, Лариса постоянно ходит на могилу, носит самодельные венки, заказывает в храме панихиду (это было последней настоящей просьбой глубоко верующей матери): «Верь мне и сейчас, ибо дух мамы своей помощью не оставит нас ни на минуту». Мать осталась для дочерей образцом труженицы и стойкого человека, не теряющего присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Она одна управлялась «с жильцами» (сдача жилья в аренду), обшивала и обвязывала всю семью, была искусным поваром. Хотя в доме была прислуга, мама хорошо и вкусно готовила: «Сейчас я продолжаю писать это письмо, сижу в столовой у печки, потому что сегодня страшный мороз. Мамочка готовит обед, на кухне уже давно хорошо пахнет. На столе сейчас уже стоит “антрэ” — рыжики и грузди, залитые уксуом, огурцы, капуста, ягоды разных со-

ртов в маринаде. Сейчас мама принесет жирные щи с капустой, от которых я сразу валяюсь спать» (27 января 1906).

«БЕСПРИСТРАСТНАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНИЦА СОБЫТИЙ»

Лариса описывает строительство Кругобайкальской железной дороги и русско-японскую войну, революционные события 1905 года, покушение на губернатора Мишина и разгул преступности, произвол полиции и реформы в Иркутской Александровской тюрьме, ограбление на золотоплавильне и реакцию на убийство политического ссыльного А. М. Станиловского, приезд французского кинематографа и спектакли Городского театра, открытие бань на Арсенальской (ныне ул. Дзержинского) и порядки в магазинах купца Второва. Перечень личных имен также обширен: кроме членов семьи и близкого окружения, это губернаторы Кутайсов и Мишин, редактор народнической газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов, протоиерей Дмитрий Гагарин (церковный деятель, педагог, публицист, отец будущей солистки Большого театра Варвары Гагариной; интересно, что автор называет его, как хорошего знакомого, «Митей»), зритель Александровской тюрьмы Лятоскович и многие другие.

В письме от 27 января 1906 года Л. Е. Литвинцева так оценивает свою роль в истории: «Я... не буду оценивать явления, превышающие мой кругозор, а только буду беспристрастной повествовательницей событий». Она не общественный деятель. Она серьезно больной человек, она многого боится, редко выходит из дома. Но ее горячее сердце, боль за происходящее, аналитический склад ума не дают ей успокоиться.

Строительство Кругобайкальской железной дороги

В письме от 15 июля 1904 года, отправленном из Баранчиков, Лариса Евгеньевна пишет: «На Байкале идут сплошные работы. Взрывы динамита гремят беспрерывно. Грудь горы вся истерзана им, точно коршун выклевал ее живую душу. Я каждый день хожу мимо этих работ, и вид падающих гор производит на меня тяжёлое действие. Издолбят всю, зашатается и упадёт и только синий дымок вьётся на месте смерти».

Речь идет о строительстве Кругобайкальской железной дороги, которая являлась самым сложным по строительству участ-

ком Великого Сибирского пути. Она строилась при императоре Николае II с 1902 по 1918 год и проходила от конечной станции Иркутско-Байкальской ветки (порта Байкал) по берегу озера Байкал до станции Мысовой. Для прокладки тоннелей (общей протяженностью 7,2 версты) производились взрывные работы.

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Делясь с сестрой личными впечатлениями от инженеров-строителей, Лариса Евгеньевна переходит к описанию событий и настроений, связанных с Русско-японской войной: «Гута, сейчас... с пристани Ледокола служащий принёс поразительное известие: сегодня утром над Ледоколом летал воздушный шар, конечно японский. ...Взорвать Ледокол гораздо важнее, чем Порт-Артур, и я так испугалась, что при первом известии у меня руки отнялись. Здесь в Баранчиках центр переправы. Ежедневно проходят тысячи войск, пушек, провиант везут непрерывно. Это узел всероссийской переправы. ...Издан строжайший приказ стрелять, как только шар близко спустится. Как важен этот пункт, видно из того, что на каждом шагу стоит часовой и 10 шагов не пройдёшь, чтобы не вырос солдат с ружьём и что в Лиственничном живёт министр путей сообщения, который лично смотрит за переправой; и вот опасность подкралась с воздухом. ...Важнее всего то, что мы с мамой третьего дня видели этот воздушный шар над Иркутском. Я приезжала проводить её и менять книги. И вот вечером прохаживалась по мосткам перед крыльцом. Смотрю над головой, т. е. в стороне, к востоку от дома, высоко летит что-то круглое, красное. Я думала, метеор и в окно громко закричала: “Мама!” Мама выскочила и по медленности движения мы определили, что это, вероятно, спустили шар в Интендантском саду и, глубоко заинтересованные, следили, пока он не пролетел над нами и не скрылся из виду» (15 июля 1904).

Подтверждения факта летающего в 1904 году над Байкалом и Иркутском шара в официальных и летописных источниках мы не нашли. Все упоминания о первых опытах русских воздухоплателей в Иркутске начинаются с 1906 года, то есть двумя годами позже. Однако А. К. Чернигов в «Иркутских повествованиях» оговаривает (без указания дат), что «одним из первых

практических применений летательных аппаратов являлось военное дело, как орудие уничтожения живой силы и техники противника». На одной из конференций у нас возник спор по этому вопросу. Ученый-историк утверждал, что никакого летающего шара в этот период быть не могло, так как об этом не было ни одного упоминания в донесениях министра М. И. Хилкова царю. У нас возник вопрос: каким образом человек, пишущий о событиях июля 1904 года, мог «сочинить» то, что произойдет только через 2 года? Мы не могли не реабилитировать нашу Ларису Евгеньевну и просмотрели все номера газеты «Восточное обозрение» за это время. Конечно, нашли заметку «Воздушный шар над Забайкальем» (№ за 18 июля 1904 года), где сказано, что таинственный шар действительно видели в разных местах в районе озера Байкал. Объяснения данному факту еще предстоит найти.

Первая русская революция. Волнения военного гарнизона (ноябрь 1905 года)

В книге А. П. Косых, В. Н. Панова, В. Г. Тюкавкина «История Иркутской области» мы обнаружили такую информацию об этих событиях: «Военная организация РСДРП подготовила митинг солдат Иркутского гарнизона и казаков казачьего дивизиона 28 ноября в городском театре. Солдаты и казаки избрали военно-стачечный комитет, нового начальника гарнизона, командиров частей и коменданта города. 30 ноября в городе проходила вооруженная демонстрация».

Л. Е. Литвинцева пишет о том, что волнения солдат очень напугали жителей, ждали кровавых погромов. Но офицерский состав взял ситуацию под контроль, организовал написание солдатского манифеста и повернул ситуацию в мирное русло: «Ожидали, что пьяные солдаты разнесут город так же, как разнесли, сожгли и обратили в груды развалин Владивосток (Камня на камне не осталось). Но ничего подобного не случилось именно потому, что нашлись интеллигентные офицеры, которые и повлияли на массу в благоприятном смысле, вдохнув в нее свой благородный рыцарский дух. Получилось нечто совершенно обратное тому, что мы ждали: в городе воцарилась тишина, хулиганы куда-то скрылись, выстрелов по Иркутску не было слышно. Народ ликовал. ...Наступила как

Письма Ларисы Евгеньевны
сестре Гуте

Озеро Байкал.
Конечная точка Кругобайкальской
железнодорожной дороги

Статья отца Евгения в народнической газете «Сибирь», в которой он описывает «поборы» простых рыбаков таможенниками

Дом в центре Иркутска,
здесь хранились письма
Л. Е. Литвинцевой

Фото авторов и их помощников

Монгольское консульство.
На этом месте стояли
дома Литвинцевых

бы Пасха, народ толпами гулял по улице, слышался везде говор, смех, радость, торжество. Я уже говорила, что солдаты сами выбрали себе Председателя Стаечного комитета, начальника гарнизона, коменданта, командира казачьего дивизиона. Всё это оказались личности, чрезвычайно интеллигентные, самоотверженные и светлые. Солдаты не обманулись, чутье им верно подсказало, кто друг их, кто враг. И я не ожидала, что и военная среда имеет истинно образованных людей и нелицеприятных борцов за Правду. Они вступили в управление 20 тысячной массой, и народ им доверчиво, как дети, покорился. Вынесен был им список нелюбимых офицеров и комитет приказал этим лицам удалиться из Иркутска в 12 часовой срок, а также и всем тем офицерам, которые не примкнули к забастовке».

Любопытны замечания о солдатском манифесте. Сказывается то, что писала учительница: «С внешней стороны он начинался так: “Хотим быть, как японцы, чтобы вилка, ложка, баня, мыло, записная книжка, чтобы морду не били и не обкрадывали нас. Что мы хуже японцев, что живем как свиньи?” А потом вглубь пошло так, как японцу далеко, ибо у них нет ни Толстого, ни Достоевского, а перед нами сейчас стояли духовные дети этих гениев, и этот Дух дышал среди них, потому что первое, о чем они повели речь, это о Душе и о Правде человеческой. Им больше всего надо было, “чтобы в людях правда была”. Дремавшие в них духовные силы проснулись вдруг с страшной мощью, и они запросили “не поповской правды”, а другой, которая открыта “книжным людям”».

Следующий интересный факт, описанный Ларисой Евгеньевной, мы считаем также не утратившим актуальности для современного общества: «Постоянный председатель солдатских митингов, brave фельдфебель и человек, как оказалось потом, недюжинных способностей, по поручению и просьбе всех забастовавших солдат, ходил к управляющим акцизными сборами и попросил не только закрыть винные лавки, но и вывезти все вина из его главных складов: “Мои товарищи во хмелю бывают беспокойны и водка может много зла наделать. Солдаты просят увезти ее с глаз долой, чтобы не быть злу и не пролить человеческой крови”. Управляющий согласился. И хотя казна понесла за эти дни [3 дня — *И. Г., Е. Ж., А. М.*] убытку свыше 150 тысяч рублей, Иркутск был спасен» (27 января 1906).

Покушение на вице-губернатора Мишина

Лариса Евгеньевна была из либеральной семьи, она критикует царское правительство, разделяет мысль о необходимости реформ в стране. Но в цитируемом письме от 27 января 1906 года (которое по объему могло бы стать отдельной книгой) Лариса пишет: «А вот, когда убивали Мишина, так была маленькая подробность, которая совершенно валит всю целесообразность этого акта [т. е. бескомпромиссной борьбы с «душителями Свободы» — И. Г., Е. Ж., А. М.]. Когда Мишин вышел из подъезда своего дома, к нему подошел солдат и стал просить милостыню. Мишин приостановился, а в это время выслеживающий его убийца из-за угла выстрелил, пуля задела бок Мишина. Когда раздался второй выстрел, солдат проворно собою загородил Мишина, и уже смертельно раненый, всё держался на ногах и толкал Мишина в дверь подъезда, всё время загораживая его собою и получая выстрел за выстрелом в спину, и упал только тогда, когда Мишин скрылся в дверь подъезда. Вот этот случай немножко смущает». Видимо, Лариса хочет сказать, что при таком покушении могут погибнуть и невинные люди. Но мы видим, что даже дочь священника готова оправдать кровь, проливаемую за «святое» дело — так много недовольства накопело в обществе.

В книге И. В. Наумова «История Сибири» этот случай описывается таким образом: «Одной из знаменитых форм революционной борьбы сибиряков стал политический террор. Самыми известными террористическими актами стали: убийство в Омске губернатора Акмолинской области генерала Литвинова в 1906 году, убийство иркутского полицмейстера Драгомирова в 1905 году и тяжелое ранение иркутского вице-губернатора Мишина в том же году». Официальной информации о самопожертвовании солдата мы не нашли ни в учебниках, ни в архивном деле «О покушении на вице-губернатора Мишина». Видимо, история в данном варианте ходила в народе, который одобрял именно такой поступок. По этой причине считаем этот отрывок письма очень ценным.

Революционные настроения

С огромным волнением и сочувствием она описывает революционные события в Иркутске в 1906 году, радуется насту-

пившей свободе: «За последнее время в Иркутске произошло много событий. Самое важное — это то, как мы были гражданами, и как у нас образовалось свое правительство. Это было между 17 октября и 20 декабря. Сейчас у меня осталось воспоминание об этом, как о чем-то светлом, радужном... Я узнала это в первый раз после того, как приходившие к нам знакомые, не называли нас по имени, а говорили: “Здравствуй, гражданка”. И на улице на каждом перекрестке слышалось это слово. В магазинах приказчикам говорили: “Гражданин, дайте того-то”, мальчики кричали: “Граждане, газеты”. Я еще более убедилась, что произошло что-то, когда раскрыла газету [номер «Восточного Обозрения» — И. Г., Е. Ж., А. М.], там на первом листке объявлялось, что так как мы отныне стали гражданами, то всякий именующий себя таковым, должен немедленно вступить в открытую борьбу с царским правительством, его чиновниками, черносотенцами, хулиганами и попами. Граждане призывались к вооруженному восстанию против своих “душителей и палачей”, причем рекомендовалось пускаться в ход все средства. В первый раз я тут поняла, чем может быть, т. е. чем должна быть газета, для читателя и вспомнила между прочим твои слова, как ты однажды вскользь заметила — “не знаю, как буду обходиться без парижской газеты”. Тогда я подумала, что разве мало газет на свете, не все ли равно, какая газета. А тут вспомнила, что если такие в Париже газеты, как было наше Вос[точное] Об[озрение] во время “Свободы”, так, действительно, жить без такой газеты нельзя. Она была, как живая. Казалось, каждое слово дышало в ней кровью и слезами. Бывало, с нетерпением ждешь следующего дня только для того, чтобы получить следующий № газеты. А не думай, чтобы там говорилось о великом горе России, нет, тут разбирались только иркутские язвы и боли в ее общественной жизни. Выступили на арену иркутские темные силы и светлые его духи, и тьма оказалась так велика и силы их так громадны, и явились они в таком всеоружии, точно сам дьявол вышел из ада. Весь народ “забастовал” — так называется это состояние души человеческой на народном языке. “Забастовка” — это полная невозможность человека сосредоточиться на чем-нибудь другом, кроме того, что охватывает его стихийно в данный момент. Во всех концах города собирались митинги, вдруг откуда-то, точно из земли выросли, появились талантливые народные ораторы

и вожаки партий. Митинги устраивал каждый, кто организовывал известную группу, были и просто беспартийные всенародные митинги. Народ собирался по пять, по десять тысяч, набивался как мошка, в здание заседаний и прилипал к стенам его и к выходам, и мостился на карнизах и окнах.

Так велика сила живого, могучего человеческого слова. Митинги устраивали и забастовщики, и учащиеся, и учащие, и чиновники, и хулиганы, черносотенцы, и попы. Каждый говорил, что думал, что знал и что мог. Из простого черного люда, из солдат, из извозчиков выдвинулись вдруг недюжинные силы, настолько светлые и легкие по уму, что и сейчас умственный облик стоит в памяти всего Иркутска, как нечто в высшей степени яркое и необыкновенное: «Свобода сходов, союзов, собраний и организаций!», «Свобода слова и печати!» Да, я поняла, что это нечто действительно великое и могучее, и на первый раз, как я прочитала в манифесте эти слова, я не могла охватить всей глубины их смысла и значения, таких, по-видимому, общих обещаний, общих мест, обыкновенных слов. Этими 4–5-ю словами сама скованная жизнь была выпущена на волю, могущественная, бьющая через край, кипучая жизнь. Казалось, могучий поток пробил оковы и хлынул, разрушая все на пути. В человеке вдруг проснулось его человеческое достоинство и божеские его силы, Ум и Совесть. И вместе с тем вырвалось на волю все вековечное его горе, обиды, унижения, боль, поругание — все вылилось в могучих потоках слов и речей».

Мы пришли к выводу, что прочитав только письма Л. Е. Литвинцевой, можно понять, почему произошла революция.

Но очень хотелось бы узнать судьбу нашей героини после Октябрьского переворота, в пору репрессий и уничтожения народа пришедшими к власти «светлыми» силами. Поменяла ли она свои взгляды? Не случилось ли так, как с нашим обществом, когда наши родители, бабушки и дедушки так верили в «перестройку», ждали ее — и были обмануты в своих ожиданиях? Среди репрессированных имен сестер Литвинцевых мы не нашли.

Будучи дочерью священника, Л. Е. Литвинцева могла получить образование в Иркутском Духовном епархиальном женском училище, которое было открыто в 1854 году. Согласно Уставу училища, в штатные воспитанницы и пансионерки принимались дети лиц духовного звания от 10 до 12 лет — урожен-

ки Иркутской губернии. Срок обучения девочек в училище составлял 6 лет.

В семье Литвинцевых царил либеральный, даже народнический дух, значительную ценность имело интеллектуальное развитие, получение хорошего образования. Семья готова была терпеть любые трудности, лишь бы одна из дочерей получила дорогостоящее образование за границей.

Семья читала полузапрещенных авторов, выписывала газеты «Сибирь» (отец сотрудничал с газетой под псевдонимом «Туттошний»), затем «Восточное обозрение», которое в 1906 году было запрещено правительством.

В круг общих друзей сестер входят люди, занимающиеся распространением революционной литературы, члены подпольных кружков. Лариса в письме от 19 августа 1904 года подробно описывает дело «юноши Ковригина» и очень жалеет «сестру Сашу Синявиной»: «Но ведь я начала-то рассказывать не о том, как расправляется полиция с обывателями, а как она выметает и выскребает “старателей” земли Русской, нашу русскую многострадальную молодежь. Удручающее впечатление произвело известие о помешательстве Ковригина. Погиб даровитый, цветущий юноша. Сестра Синявиной была схвачена вместе с ним. Срок свой отсидела и по недостатку улик выпущена «на свободу», но тюремное заключение и то обстоятельство, что она нечаянно выдала Ковригина, так на нее скверно подействовало, что она впала в тихое помешательство. Тоскует страшно, бредит тюрьмой и каждую минуту говорит о самоубийстве. Теперь она живет в улусе в качестве фельдшерицы. Лечит бурят и питается около них. Ей все пути к жизни отрезаны. Запрещено не только преподавать в школе, но даже частные уроки. В улус она забралась только для того, чтобы как-нибудь просуществовать, не умереть с голоду и работать “идейно”. Говорят, буряты ее очень любят, называют “святая девушка”, потому что она творит чудеса самоотвержения, но что душевное ее состояние скверно и, вероятно, она кончит самоубийством. Не следовало Саше без призора оставлять малую сестру. Одна, без любви, без поддержки, она как былиночка от первого же налетного ветра сломилась».

В ГАИО мы нашли подтверждающий документ «О рукописных журналах “Порыв”, “Свисток”, рукописях, прокламациях и брошюрах революционного содержания, найденных у учени-

ков Иркутской духовной семинарии Павла Попова, Михаила Ковригина и ученицы Иркутской акушерско-фельдшерской школы Евстолии Синявиной. 5 мая 1903 г. — 6 октября 1904 г.».

Лариса Евгеньевна раньше, как мы предполагаем, тоже подверглась преследованиям за подобную деятельность или сочувствие таким кружкам. На это наталкивают некоторые строки, особенно эти: «Ныне Катюха моя [бывшая ученица — И. Г., Е. Ж., А. М.] съездила на деревенскую свадьбу [в Жилкино]. Так там имя мое окружено легендой: “К царю уехала ‘с одобрением от общества’ отстаивать интересы крестьян. Царь ее до себя не допустил, но велел схватить в тюрьму, и она там умерла за крестьянский народ...”» (открытка, 11 сентября 1908). Поразительные строки! Лариса пишет о себе с иронией, она вообще не раз подчеркивает, что ее силы потрачены впустую, что жизнь прожита зря. И всё же перед нами предстает образ народного заступника, вышедшего из среды русской интеллигенции.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА

При чтении писем стало понятно, что Лариса Евгеньевна была учительницей в одной из иркутских школ, это предположение требовало документального подтверждения. Изучая архивные материалы в Отделе историко-культурного наследия областной библиотеки им. Молчанова-Сибирского, мы нашли место работы Ларисы. Это Вениаминовская школа по Спасо-Лютеранской улице с двумя классами: для мальчиков и для девочек. Она учила девочек.

Видимо, из-за тяжелой болезни Лариса Евгеньевна, проработав педагогом почти 20 лет, вынуждена была уйти из школы, а затем перейти на частные уроки. Она не раз размышляет о смысле учительского труда в своих письмах, тем более что до отъезда за границу сестра также работала учительницей (ее имя мы нашли в списках учителей Александровской школы). Например, в одном из писем читаем: «Как значительны для детей их детские впечатления и с какой бережливостью и осторожностью надо обращаться с детской душой. Теперь, окидывая взглядами мою 20-ти летнюю практику в школе, я ясно вижу, что самое прекрасное и изящное, что было в моей жизни, это галерея тех сотен детских душ, которые прошли предо мною, и теперь я понимаю, почему я была так счастлива в школе» (5 апреля 1906).

Школа в жизни Ларисы сыграла огромную роль. Для нее это тяжелый, но любимый труд, и она до конца остается ему предана. Лариса Евгеньевна с такой любовью отзывается о своих ученицах, так подробно описывает их сочинения, что создает впечатление истинного патриота профессии. Ей очень близка методика Л. Н. Толстого, разработанная им для яснополянской школы. Она применяла в работе приемы «естественного воспитания».

Руководству было очень жаль расставаться с хорошим учителем. 4 марта 1905 года, после болезни, Лариса пишет сестре: «Гагарин, когда я подала прошение через него, удержав на два дня это прошение, приехал ко мне и чуть не со слезами просил: “Подождите подавать прошение до конца августа. ...Напишите в совет, чтобы он дал вам вторичный отпуск, конечно, без сохранения содержания. Я, главным образом, из-за того хлопочу, что вы редкая учительница, и мне терять вас жаль”».

Мы нашли еще одно подтверждение тому, что Лариса Евгеньевна была уважаемым и любимым учителем. В «Епархиальных ведомостях» за 1906 год есть заметка следующего содержания: «Чествование учительницы. 15-го апреля с. г. состоялось скромное по размерам и по обстановке, но редкое по сердечности и участникам, торжество. Учащие и учащиеся, в лице своих представителей, Иркутской городской имени Архиепископа Вениамина II церковно-приходской школы чествовали свою бывшую учительницу Лариссу Евгеньевну Литвинцеву. Они явились в ее квартиру и в адресе, прочитанном заведующим школой священником Д. Гагариным, выразили ей свою глубочайшую благодарность за труды и заботы по благоустройству учебно-воспитательной части этой школы и вместе с тем высказали сердечное соболезнование, что она хворает и оставила занятия в школе. Прощаясь, прибывшие высказали пожелание вновь видеть Лариссу Евгеньевну в школе. Полную сил и здоровья. Затем поднесли ей фотографическую карточку с девятого выпуска школы».

КРУГ ЧТЕНИЯ

Уже говорилось, что в семье Литвинцевых царило уважение к книге, художественному и философскому слову. В письме от 4 декабря 1906 года Лариса пишет о вечернем чтении:

«Я могу читать со страстью, с упоением 5–6 часов подряд, не поднимая головы и ни на секунду не прерывая течение мысли, всё равно, будь это серьезный философский трактат или европейский классик».

Письма Ларисы Евгеньевны дают представление о ее незаурядной начитанности. Кроме того, что она является большой поклонницей Льва Толстого и дает глубокий литературоведческий анализ его произведений, в список ее любимых авторов входят Лермонтов, Достоевский, Горький, Мельников-Печерский, Л. Андреев, Тэффи, Мопассан, Джек Лондон, Гамсун, Ницше, Шопенгауэр и другие. Все письма предваряются обязательной цитатой какого-то мыслителя, которая отражает ход мыслей и душевное состояние автора в данное время.

Особая страница и в ее жизни, и в письмах — отношение к Л. Н. Толстому. Лариса Евгеньевна была потрясена творчеством Льва Николаевича. Вот что она писала сестре в 1903 году: «сегодня буду целый вечер читать дорогого Льва Николаевича. Я каждое его слово беру с уважением и глубочайшей благодарностью читаю его чрезвычайно внимательно и только тогда, когда бываю совершенно спокойна... Когда я прочитаю все 15 или 12-ть томов, то составлю о Толстом ясное и определенное понятие и он будет воплощён в моей душе, как Гомер в душе грека и это будет воплощение идеи русского народа».

В письме сестре в Англию от 5 октября 1908 г. она достаточно образно описывает свое состояние: «Толстой поднял меня на такую головокружительную высоту, что у меня ноги болтаются в воздухе. Мне страшно и холодно. Хочется опять на землю. Воздух режет лёгкие, свет слепит глаза и дышать больно. Оборваны нити, которыми душа была прикреплена к земле, а новая страшная нить к небу не удержит — высока. Не по силам нам, бедным и тёмным».

Лариса очень переживает, что церковь не принимает Толстого. Отвергая его учение — отвергает и как великого художника: «Не знаю, что большее, о чём говорить: о том, как убиваются в России земства или как убивают святые имена, или как убивают цветущую молодёжь. Всё больно и всё тягостно, но Рима [племянница, тоже учительница — И. Г., Е. Ж., А. М.], об арестах и обысках говорила спокойно, а (по) проклятию Льва Ник. перед взрослыми девицами плакала навзрыд. Не знаю, что легче и что тяжелее. ...Господи, как же работать-то, где смысл

«Я... буду беспристрастной повествовательницей событий»

нашей учительской работы? ...Мы не учителя, а жалкие презренные холопы» (19 августа 1904).

ТЕАТР И КИНЕМАТОГРАФ

Лариса Евгеньевна была большой поклонницей театра и оперы. Постоянно посещала Городской театр (ныне Драматический театр им. Охлопкова), радовалась строительству нового на месте гостиницы «Россия» (здание ТЮЗа в советское время), с восторгом вспоминает гастроль Московского Малого театра в 1903 году.

В Городском театре была на таких спектаклях, как «Фауст», «Демон», «Кармен» и многие другие. В письме № 114 (без даты) читаем: «Меня же ошеломил “Тангейзер” Вагнера и “Хованщина” Мусоргского. Эти две оперы событие и новый поворотный пункт в моей духовной жизни. Я прозрела... до этой оперы я не знала, что есть мир Музыки и что я, в сущности, была лишена этого счастья».

В письмах можно найти немало других свидетельств активной культурной жизни горожан того времени. Трудно поверить, что в такой удаленности от российских столиц Иркутск являлся важным культурным и общественным центром. В частности, в письме от 27 сентября 1906 года Лариса Евгеньевна подробно описывает посещение «синематографа Люмьера», которое потрясло ее: «Я тебе хотела написать, как мы с мамой смотрели нынче синематограф Люмьера. В одно прекрасное время на столбах появляются объявления, что из Парижа приехал инженер Надо, он будет демонстрировать в Иркутске первоклассный синематограф Люмьера, причём печаталась и программа представления. Она была так заманчива, что я, слова не говоря, побежала в кассу за билетами».

Представление давали в здании Общественного собрания по улице Амурской (сейчас это здание Филармонии и ТЮЗа по улице Ленина). В зале была создана атмосфера праздника: «Когда мы пришли, Собрание уже было залито морем света, и гремела музыка. Мы пробрались в первые ряды и заняли свои места. Ну, а потом, когда занавес поднялся, начались такие чудеса, что мы забыли всё на свете и приросли к месту».

Демонстрировался фильм о жизни французов: «Прежде всего он демонстрировал все замечательные здания Парижа и его

главные улицы и площади, Эйфелеву башню от основания до вершины, т. е. весь подъём ее, Булонский лес, парки, парижские скачки на всём их пространстве, на громадном расстоянии, от места отправления до приезда к цели, ложи с парижской знатью, весь парижский шик и простую толпу, тотализатор. Набережную Сены показал всю. Затем типы парижских женщин и вообще женщин Франции, их национальные особенности, костюмы и причёски, здесь главное внимание он сосредоточил на британках и нормандках, показывая их во всевозможнейших головных уборах и костюмах. Они были совершенно живые, некоторые из них так раскланивались с публикой, так смеялись или делали такие произвольные движения, что забываешь, что видишь это только на полотне».

Ларисе очень понравилось то, что в заключение фильма были показаны сибирские просторы, Уральский перевал: «Просто сердце затрепетало от родных сосновых лесов, гор, дикой и могучей тайги. И опять он снял её на всём протяжении, из вагона снимал, а потому получилось такое впечатление, что ты едешь по железной дороге и смотришь из окна вагона, тем более, что всё время попадаются поезда, и вагоны то и дело мелькают мимо тебя. Теперь он поедет снимать Кругобайкальскую дорогу и типы и виды Забайкалья. Хорошо он заработает за этот выезд из Парижа, публика так валом и валит. Да и в Париже потом заинтересует всех Сибирью; я думаю, и наша Сибирь там фурор произведёт...»

Письма иркутской учительницы раскрывают перед нами незаурядный и в то же время типичный облик русского интеллигента того времени. Даже бытовые письма подчас превращались в многостраничные летописи.

Благодаря письмам, мы прикоснулись к прошлому Иркутска. Теперь многие дома и улицы для нас стали знакомыми и родными, рассказывающими свою историю.

«На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками»:
Первая мировая война
в воспоминаниях и фотографиях

Екатерина Андрианова, Денис Соболев,
Александр Колесников
школа № 23, п. Красногорняцкий, Ростовская область
научные руководители Светлана Ивановна Мумикова,
Николай Дмитриевич Ильченко

...На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

В. Катаев, 1916

2014 год — год столетия со дня начала Первой мировой войны.

В наших семьях память о Первой мировой — это даже не крупички, а предположения: кто из прапрадедов мог в ней участвовать? К сожалению, уже никто об этом не сможет рассказать. В местных архивах мы с трудом нашли сведения о Георгиевских кавалерах, всего 17 фамилий и больше ничего. Поэтому, когда мы познакомились с воспоминаниями Капитона Мельникова, то поняли, что это настоящий клад для исследования.

Подлинник воспоминаний хранится в краеведческом музее средней школы № 1 хутора Керчик-Савров, расположенного на территории нашего района. Первым их хранителем была дочь автора Мария Капитоновна Мельникова. В конце 70-х годов прошлого века она передала документ Тамаре Васильевне Рыковской, основателю школьного музея.

Воспоминания повествуют о периоде с 1887 по 1944 год. Время написания — предположительно 1950–1957 годы. Капитон Савельевич делал записи в последние годы своей жизни. Мелким почерком он заполнил 92 страницы толстой тетради, похожей на книгу. Получилась целая энциклопедия жизни одного человека. На страницах «Воспоминаний» бережно наклеены фотографии.

Разбирать текст очень трудно: мелкий почерк, не все буквы четко видны, много непривычных слов. Мельников пишет так, как привык разговаривать, — это не литературный текст, а просто рассказ пожилого человека о своей жизни.

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАПИТОНА МЕЛЬНИКОВА

Капитона Мельникова призвали на действительную воинскую службу 26 января 1911 г.: «Я был призван воинским начальником в станицу Каменскую для отбытия военной повинности».

Воинская обязанность была всеобщей. Это означало, что служить в армии были обязаны все подданные Российской империи мужского пола всех сословий. В те годы Россия еще не знала демографических проблем XXI века. Молодых людей призывного возраста в стране было больше, чем требовалось армии. Об этом говорит обширный список «лиц, не подлежащих призыву на военную службу в Армию или Флот» — в нем 17 позиций.

Определенные категории граждан не призывались на военную службу или пользовались отсрочками от призыва, льготами. Нужно отметить, что в России в начале XX века трудоспособным членом семьи считалось лицо мужского пола, достигшее 16 лет. Капитона Мельникова призвать не должны были — он единственный сын в семье; отец умер и на его попечении находилась одинокая мать и незамужняя сестра, трудоспособных мужчин в доме больше не было.

Матери Капитона, Евдокии Семеновне, предлагали обратиться с ходатайством в управление, чтобы сына не брали в армию. Но она не стала этого делать. Семья после смерти отца жила бедно. Скорее всего, на семейном совете решили, что эта служба даст возможность пережить трудные времена. По воинскому уставу, находящиеся на действительной службе полностью освобождались от всех подушно-государственных, местных (земских) налогов и сборов, от натуральных повинностей. Это положение действовало еще год после окончания службы и перехода в запас.

По воспоминаниям видно, что Капитон без особого желания отправлялся в армию. Он боялся неизвестности, встреч с незнакомыми людьми. Молодому человеку из далекого степного хутора все кажется чужим, непривычным.

28 января Мельникова назначают в 81-й Апшеронский пехотный полк, который стоял в городе Владикавказе. Потом осенью 1912 года полк перемещают в Персию.

Мельников перечисляет: «в Персию, Иран». Наша первая реакция: автор ошибся. Из курсов географии и истории знаем,

что это одна страна. Персия — древнее название страны в Юго-Западной Азии, которая с 1935 года официально называется Ираном. Иногда используются оба названия, но это одна страна. Персия в начале XX века — одна из самых отсталых стран, фактически полуколония. По секретному русско-английскому договору 1907 года разделена на две сферы влияния. Северная относилась к России, ее называли в народе — Персия. Южная часть, которая отошла под влияние Великобритании, — Иран. Мельников, указывает оба названия, для него Персия — часть близкая к России.

В годы Первой мировой войны Персия пыталась соблюдать нейтралитет. Однако боевые действия на Кавказском и Месопотамском фронтах захватили и ее территорию. Северный Иран в 1914–1918 гг. заняли русские войска, южный — английские.

Мельников принимает участие в боях с курдами: «15–19 июля 1913 г. на участке 5-го Кавказского полка завязались бои с группировкой курдов до 10 000 человек. В город Урмию и селение Сирг прибыли в помощь несколько конных полков и артиллерия в составе 6 орудий. 19-го выступили тремя колоннами в разных направлениях. Пройдя горную местность, спустились на равнину к селениям Гонгочи, Машокан. Здесь завязалась оружейная и оружейная перестрелка. Курды держались упорно, но, не выдержав боя, стали отходить на турецкую территорию через горы, покрытые снегом».

Осенью 1913 года Капитона Мельникова отпустили в отпуск на два месяца. И лишь весной 1914-го из полковой канцелярии сообщили об увольнении по высочайшему приказу в запас армии. 5 марта Капитон отправился домой. Вернулся в Донскую область, в хутор Керчик 14 марта. Почти 10 дней занимала дорога.

Мельников живет с матерью в маленькой старой глиняной хате. Он рассчитывает заняться плотницким делом и заработать денег. В его планах построить себе «деревянную хатенку, потом можно бы уже и жениться, так как время подошло и невеста уже была». Но Капитону Мельникову не удалось осуществить свои планы. Всего 4 месяца пожил он домашней мирной жизнью.

«ВНЕЗАПНО ПРИШЛОСЬ ИДТИ НА ЗАЩИТУ СВОЕЙ РОДИНЫ»

Этими словами начинается рассказ Мельникова о Первой мировой войне, новом этапе его жизни. Война разрушила меч-

ты и планы не только Капитона. Для большинства населения, далекого от политики, она была внезапной.

Мельников описывает самое начало войны.

«Утром я лижал, отдыхал. Мать говорит, вставай, говорят война началась. Говорят, что будут брат на войну вас. Я сначала не поверил. Потом раздумал, может и правда. Быстро поднялся, вышел на двор, поглядел. Потом пообедали, что у нас было. Но через недолгое время бежит вистойой, несет повестку».

По хутору везде толковали о войне и о мобилизации. В то время стоял самый разгар уборки хлебов. Все полевые работы были приостановлены.

18 июля было воскресенье. Народ Керчика собрался в церкви. «Как вдруг раздалась весть о том, что началась война с Австро-Венгром и Германией. Проскакали конники с красным хлагом. Известили о том, что страна в опасности. Пришлось идти на защиту своего государства. Мы первыми и в количестве 6 чел., были отправлены на сборный пункт в ст. Константиновскую», — пишет Капитон.

«Делать было нечего, нужно было собираться в пут. Родственников у меня не было, кроме матери. Прощался и вышел из дома. Был полудень, народу никого на улице не было. Я оглянулся назад, там стояла одна мать. И так скрылась из вида родная избенка. Сердца сжималось от жалости, может больше не придется вернуться домой, встретиться опять с родными и близкими друзьями».

Первый призыв скоро прибыл в управление, где людей ожидала конная подвода. Когда она помчалась по хутору, встречные «делали прощальный привет, покачивая головой, размахивая руками». Выехав за хутор, Капитон оглянулся назад, прощаясь с родными местами.

На сборном пункте в станице Константиновской 20 июля проходило назначение в различные части. Мельников описывает митинг, который состоялся в станице. На площади около церкви собралось много народу. Выступил с речью какой-то делопроизводитель дворянства, характеризуя положение. Он сказал, что война долгой быть не может. В Германии хлеба хватит только на 6 месяцев. Дальше она не в состоянии будет вести войну, «после всего этого был отслужан молебен в чест победы над Германией».

После митинга всех отправили на конных подводах, которых на сборном пункте было очень много. Помчались при-

зывники на войну, сменя подводы в каждом населенном пункте. 22 июля утром прибыли в город Новочеркасск, где их погрузили на поезд и отправили на юг через Ростов-на-Дону.

Ростовская публика провожала проходящие воинские эшелоны с большим почетом. Стоявшие на перроне кидали в вагоны подарки. «Приветствуя руками и всеми своими чувствами уходящих воинов». По улицам города мобилизованных провожали с музыкой и пением. (Пройдет три года войны, и Капитон Савельевич, возвращаясь с фронта, увидит другой город. Равнодушный к солдатам, уставший...)

23 июля 1914 г. Мельников вместе с другими солдатами отправился из Ростова через станицы и города в Батум, где их расположили в Михайловской крепостной артиллерии. 1 августа Капитона назначают в 7 роту форта № 5 около Степановки. Всех прибывших с первых дней обучают орудийному делу. Через несколько дней они начали рыть окопы, устанавливать батареи, развозить орудия, разносить снаряды. Обычная солдатская работа, не знающая ни праздников, ни отдыха. В Михайловской крепостной артиллерии пробыли два месяца.

Шли разговоры о том, сколько может продолжаться война. Офицеры объясняли своим солдатам, что война будет короткой, так как Германия придет к истощению и будет вынуждена просить мира. Но война разгоралась всё больше.

30 сентября 1914 г. поступил приказ коменданта гор. Батума генерала Ельшена: откомандировать нижних чинов, служивших действительную службу в пехотных полках, в 264-й пехотный Георгиевский полк в составе 506 человек. Капитон попал в 8 роту, где пришлось пробыть не долго.

8 октября прибыл офицер поручик Войневич для набора в команду службы связи. Он знал Мельникова по действительной службе. Войневич попросил командира полка назначить Капитона в команду службы связи и соответствующий приказ был дан. В службе связи начинались занятия по телефонному делу, которые продолжались до объявления войны Турцией.

НА ВОЙНЕ С ТУРЦИЕЙ

До сих пор не утихают споры о том, действия какой же страны являлись ключевыми в ходе Первой мировой войны. В нашем исследовании мы бы хотели рассмотреть, как повлияло на

ход войны вступление в войну Турции. Что происходило на Кавказском фронте?

Находившаяся под влиянием германской политики, Турция вначале заявила о нейтралитете. Но уже 2 августа 1914 г. турецкое правительство заключило тайный договор с Германией о войне против России. Приступив к всеобщей мобилизации, Турция фактически передала в распоряжение германского генерального штаба все свои вооруженные силы. 12 ноября Турция провозгласила «священную войну» против Антанты.

Кавказская армия под командованием И. И. Воронцова-Дашкова насчитывала 170 тыс. человек, 350 орудий. В ноябре 1914 года, перейдя турецкую границу, армия развернула наступление в полосе до 350 км. Но, встретив упорное сопротивление противника, перешла к обороне.

В то же время турецкие войска вторглись на российскую территорию. 5 ноября 1914 года российские войска отступили в сторону Батума. Под контроль турецких войск перешла вся Батумская область, за исключением Михайловской крепости.

«Служба связи с того времени начала занятия по телефонному делу, которые продолжались до 21 октября, то есть до объявления войны Турцией. 22-го были отправлены некоторые роты на позицию. С этого дня завязался бой. Слышно было орудейные выстрелы. С каждым днем турки все приближались к нам», — пишет Капитон Савельевич.

После столкновений русская армия овладела турецкими позициями в районе Эрзерума. В декабре 1914 — январе 1915 в ходе Сарыкамышской операции Кавказская армия остановила наступление на Карс 3-й турецкой армии под командованием Энвера-паши. Вскоре и разгромила их.

«20 декабря 1914 г. полк в составе двух баталнонов выступили в город Ардаган... 28 отправились на Ахалкалаки, расстояние было 66 вер. По прибытию в Ахалкалаки мне пришлось лечь в лазарет, где пролежал до 10 января 1915 г. После этого прибыл в Ардаган, где полк занимал караулы и сторожевое охранение к бою». Из этих строк можно понять, что Капитон Савельевич не участвовал в Сарыкамышской операции, так как находился в лазарете.

Битва имела весьма большое значение не только для России, но и для всей Антанты. Она укрепила положение России и Антанты в азиатском регионе. Усиление турецких войск, на-

К. С. Мельников
(в центре)
во время службы
в армии. 1914

Связисты
русской армии
в горах. 1916

К. С. Мельников в Персии. 1914

К. С. Мельников. 1915

К. С. Мельников. 1917

правленных против Кавказской армии, облегчало действия англичан в Месопотамии и Сирии.

Капитон Савельевич подробно, день за днем, рассказывает о продвижении войск, перечисляя почти все населенные пункты, перевалы, горы, реки. При этом он указывает расстояния переходов войск. Походным маршем прошли 120 верст, 40 верст...

Командующим Кавказской армией в феврале 1915 г. назначен Н. Н. Юденич (1862–1933), один из лучших генералов России. Войска обрели веру в себя и в свое превосходство над противником.

В феврале–апреле 1915 года русская и турецкая армии вели переформирование. Бои имели локальный характер. К концу марта русская армия очистила от турок южную Аджарию и всю Батумскую область.

«Слышно была сильная стрельба, но утром поднялась сильная буря которая не давала смотреть глазам вперед, но было приказано идти вперед укреплений... В то время шла сильная стрельба. Мы находились в резерве 29 января возвратились в Госы-калу находящуюся под Эрзерумом (шали). 3-е февраля утром город был взят нашими войсками. Здесь было зафочено до 400 (200) орудий разного калибра, включая 12 дюймовые, 15 тысяч пленных. Артелерийская запражка и много разного тонцового инструмента и инженерного имущества», — вспоминает Мельников.

В декабре 1915 — феврале 1916 г. русская армия осуществила успешную Эрзерумскую наступательную операцию. В результате штурма крепости на 6-й день 3 (16) февраля Эрзерум был взят. Турецкий гарнизон отступил, потеряв до 70% личного состава и почти всю артиллерию. Преследование отступавших турецких войск продолжалось, пока линия фронта не стабилизировалась в 70–100 км западнее Эрзерума.

«4 февраля 1916 г. в Гасан-Калу прибыли командующий кавказским фронтом Николай Николаевич осмотрел Гасан-Калу и проследовал в город Эрзирум. Он благодарил войска за твердость, стойкость и мужество».

12 февраля 1916г. в жизни Капитона Савельевича произошло значимое событие. Приказом по полку он «был переменован в младшей унтер офицеры за боевые отличия».

Уставами русской армии определялась ведущая роль унтер-офицеров. Унтер-офицеры умело руководили действиями сол-

дат в бою. Младшие унтер-офицеры были командирами отделений. Младшие командиры, хотя и относились к нижним чинам армии, являлись промежуточным звеном между офицерами и солдатами. Выпускник унтер-офицерской школы, известный полководец Г. К. Жуков отмечал, что основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав. Младший унтер-офицер Капитон Савельевич Мельников и был таким «фундаментом» русской армии.

Итоги кампании 1916 года на Кавказском фронте превзошли ожидания русского командования. Русские войска продвинулись вглубь Турции, овладев важнейшими и крупнейшими городами — Эрзерумом, Трапезундом, Ваном, Эрзинджаном и Битлисом. Кавказская армия выполнила свою основную задачу — защиту Закавказья от вторжения турок на огромном фронте, протяжённость которого к концу 1916 года превышала 1000 верст.

ВОЙНА — ЭТО ВСЕГДА СТРАШНО

Человек на войне. Как живется солдату на войне? О чем думает? Что он ест? Вот что описывает в своих воспоминаниях Мельников.

В 1915 стояли сильные морозы. Ночевать приходилось под открытым небом в палатках. Солдаты замерзали от холода и недоедания.

1 января 1916 г. потери с нашей стороны небольшие, но много выбыло из строя ввиду обморожения и поэтому ряды рот ослабли. Стояли в снеговых окопах. Не было хлеба, мучил голод.

16 января наступление шло тяжело. Бои были жестокие, с обеих сторон участвовало до 800 орудий. Гул был непрерывным, пулеметы трещали своим адским огнем день и ночь.

Ранили и убивали. Полки сильно редели. Лежал глубокий рыхлый снег, по которому было очень трудно проходить. Лошади с вьюками падали в грязь, так что приходилось их вытаскивать на себе. Из-за непогоды пришлось мириться с голодом, рассчитывать на подвозы не приходилось.

Из Гасан-Калы Мельников вышел в плохих сапогах, их хватило только на один переход, то есть на 30 верст. Пришлось идти босому по снегу и грязи. Переходить реки по пояс и даже глубже.

27 марта. По дороге в грязи лежали лошади, верблюды, скот, замерзший от холода и голода. Селения были разбитые. Не было никого кроме кошек и собак. На пути лежали замерзавшие женщины, дети, старики, а так же трупы убитых аскеров — турецких солдат.

30 марта заняли сторожевое охранение. Здесь пришлось сильно голодать. Потому что не было хлеба и нельзя было ожидать подвоза ввиду сильного расстройств транспорта и дорог. Солдаты почти умирали от голода. Пришлось питаться травой, которая только начинала вылезать из земли. Можно было питаться рыбой, которая ловилась в реке, но не было соли. Без соли есть было невозможно, начиналась тошнота. Утром доставили хлеба на роту, то есть на 250 человек 5 пудов. «Мы с жадностью ждали, когда раздадут нам хотя по малинкому кусочку».

Конец января 1917 г. От плохой пищи и окопной жизни началась цинга. Она обессиливала роты. Оставалось по 50 человек, но и они не могли нести караульную службу. Капитон описывает признаки болезни: «красные потнушки на поясе», болезнь десен, «ночами ноги скорчивает и человек не ходит». С каждым днем больному становится всё хуже. Больных отправляли не в Россию, а в соседнее селение Сикави, где они голодали и умирали без всякой помощи. Требовались хороший уход и хорошее питание.

Изучая материалы о Первой мировой войне, мы нашли фотографию, где турецкий чиновник дразнит хлебом армянских детей. Жестокая картина: голодные дети с трудом стоят на ногах и тянут руки к хлебу. Вот слова из дневника Капитона Савельевича: «На улицах города Арагона работали пленная турки которые жадно бросались на нашедший ими кусок хлеба». Как все относительно. Где-то чиновник дразнит булкой хлеба детей, а где-то его же соплеменники дерутся за кусок, найденный на улице. «Одежда их была оборванная, ноги почти босые все это наводило жалкий вид», — пишет Капитон Савельевич.

Мы обратили внимание на тот факт, что в дневнике больше говорится о тяжелых переходах через перевалы в жару и в холод, об обмороженных солдатах, о потерях во время передвижений, о голоде. О том, как ведется сам бой, сказано очень мало и кратко. Это говорит о том, что переходы и подготовки к боям были психологически намного сложнее, чем сами бои. Ведь во время боя трудно о чем-то задуматься надолго. А вот во время «спо-

койных» переходов и затишья после и перед боями люди как раз думают о смысле войны и жизни, о том, удастся ли увидеть еще своих родных. Именно такие моменты надолго остаются в памяти. Как говорят: «Ожидание смерти мучительнее, чем сама смерть». Скорее всего, именно в эти моменты Капитон Савельевич делал свои записи для будущих воспоминаний, которые мы теперь изучаем. На Мельникова большое впечатление производят не бои и штыковые атаки, а то, что происходит вне сражений, как живет местное население, окружающая природа.

Как живет человек с вражеской стороны? Как он себя ведет?

«Когда сошел с высоких гор снег, то жители с турецкой стороны приходили шайками и рассказывали, что хлеба нет, одежды тоже самое». Турецкие войска получали по $\frac{1}{4}$ хлеба в сутки. Сахару совсем нет, мясо давали два раза в неделю. «Литца у перебежчиков были измучены, одежда рваная». Среди беженцев были женщины, дети и старики. Мужчин среднего возраста не было, они находились на войне. Дома этих людей были разрушены, «они бежали неизвестно куда». Это ситуация по другую сторону войны.

И с той и с другой стороны были голодные, обмороженные, покалеченные, злые и добрые. «Част жителей города Эрзерума бежало, но многие остались, которые разказывали, что их угоняли бежать в глубину Турции. Им говорили что русские в плен не берут, а убывают. Которые остоятся живые, тех мучат голодом, заставляють работать. Вообще указывали, что русские как звери. Незнають человечества. Жители город были оборваны. Их изнуренные литца наводили жалкий вид».

Босые, полураздетые, голодные беженцы шли неизвестно куда. Их заметало снегом и вьюгой. Люди бродили семьями и поодиночке, сбивались в большие группы по сто человек. К весне приток беженцев стал усиливаться. Беженцы, несмотря на слухи и агитацию, искали помощи у тех, кто сильнее.

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Фронтная жизнь Капитона Савельевича Мельникова наполнена разными событиями. Одно из них произвело на него огромное впечатление. Прошло много лет, а он вспоминает его в мельчайших подробностях.

В ночь на 10 апреля 1916 г. Мельников был назначен в полевой караул. На небе было пасмурно, тучи спускались низко. Не успели дойти до сторожевого охранения, как пошел сильный дождь, настала абсолютная темнота, так что идти не было возможности. Путь длился около часа. Полевой караул состоял из 7 человек. Дул сильный порывистый ветер, шел проливной дождь, шумел высокий бурьян. Часовой зорко всматривался вперед, чутко прислушивался к каждому новому стуку и шороху. Около 12 часов ночи Мельников услышал подозрительный шорох. Держа оружие в боевой готовности, они прислушивались к шуму в высокой траве, который то приближался, то удалялся. На вопрос: «Кто идет?» — отозвался какой-то писклявый непонятный голосок.

«Нас берет сомнение, что это такое? Мы даем вторичный отзыв. Нам отвечает тот же пискливый голосок. Мы решили подпустить поближе, не давая выстрела, чтобы не поднять тревогу. Шорох повернул на нас. Мы, ожидая, зорко всматривались вперед, в 10 шагах показался маленький человек. Других шорохов ни вправо, ни влево не было. Мы решаем подпустить вплотную к себе. Чем ближе, тем нам явственней видно, что это не противник, а что-то иное. Вместе с шорохом нам стало слышно детские звуки и трясение от холода и дождя. Предмет подошел вплотную к нам и мы увидели, что это человек не более десяти лет».

Через час «этот предмет», которым оказалась маленькая девочка, сидел, переодетый в сухие солдатские рубашки и жевал хлеб. «Больше дат девочки было нечего». Солдаты отдали ей свои скромные порции хлеба. «Для спасения ее жизни мы отдали всё, что только могли». Солдаты сами голодали, питались травой. Накануне им раздали долгожданный хлеб — кусочки по 320 г.

В любом возрасте человек понимает, что если люди с ним делятся последним куском хлеба, то они ему точно не враги. И девочка, около десяти лет от роду, поняла это: «Она сидела среди чужих людей, но они ей повидемому были очень милы».

Автор пишет, что девочка сидела среди чужих людей. Когда русские осаждали город, народ из города бежал. Девочка, потеряв отца и мать, бродила, вероятно, не одни сутки. Утром ее доставили к ротному командиру поручику Петрову и батальонному командиру капитану Орловскому. Через переводчика

узнали, что зовут ее Сара. Происхождения айсорского. Ее семья жила в городе Эрзеруме. Солдаты и начальство были рады девочке. Для них она была воспоминанием о мирной жизни и своих родных. Днем ее лучше одели, дали продуктов, какие были. В этот же день доложили начальнику боевого участка генералу Потто. Он велел доставить ее в город Тифлис.

История о девочке Саре, которую русские солдаты нашли возле своего лагеря, больше всего тронула нас в воспоминаниях.

Еще мы заметили одну важную деталь. В тексте дневника очень сухо описываются боевые действия — без эмоций и отношения к происходящему: «С этого дня завязался бой. Боев не было до 8 декабр. Местами завязывался небольшой бой. С тех пор боев не было. Доходило до штыковой атаки». Все стало привычно: начался и закончился бой. Больше ни слова. Обычная военная работа.

«Мы были кругом атакованы, есаул Кибиров нас бросил и ускокал со своей каволерией. Пришлось бежат, кто куда мог. В такие ловушки мы попадали не раз». «Выступили на селения Огнот, где были встречены турецкими войсками, которые нас отоковали. Казаки с Кибировом от нас бежали. Из нас часть попала в плен, часть бежало в рассыпную». Бравый есаул первым шел в атаку и в разведку. Бежал он тоже первым. В итоге оказался трусом. Война — это проверка на прочность. Не каждый выдержит такую психологическую нагрузку: постоянные смерти, голод, холод, злость, страх... Капитон Савельевич понимает, что это и как это. Наверное, именно поэтому он не дает комментариев, не высказывает своего мнения.

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ, ПОТОМ УСЛЫШАТЬ И ПРОЧИТАТЬ, И ЕЩЕ РАЗ УВИДЕТЬ

Во время Первой мировой войны в российской армии большое значение придавалось недавно созданным подразделениям связи, которые занимались налаживанием телефонных и телеграфных линий. В конце 1916 г. русское верховное главнокомандование создает при каждом корпусе уже целый инженерный полк из двух батальонов. В саперный входили две саперные роты и одна дорожно-мостовая. В технический — две телеграфные роты и одна прожекторная. Пехотные дивизии получили по инженерной роте, состоявшей из двух полурот, телеграфного

отделения и паркового взвода. Телеграфная рота русского корпуса имела 16 телеграфных станций, 40 полевых телефонных аппаратов, 106 км телеграфного и 110 км телефонного провода, светосигнальные средства (гелиограф, лампы Манжена и др.). Русский корпус к началу войны был наиболее обеспечен средствами связи.

Судя по тексту «Воспоминаний», Капитон Савельевич Мельников служил в телеграфном отделении инженерной роты пехотной дивизии.

Самыми распространенными средствами связи в первую мировую войну оставались телефон, телеграф и гелиограф. Телефонная связь помогала артиллерии скорректировать данные для стрельбы. По телеграфу обычно передавали приказы из штабов. Если первые два понятны, то гелиограф (по-гречески «пишу солнцем») — странная штука. Он применялся в армиях до середины XX века. На наш взгляд из XXI века, прибор очень даже несерьезный и ненадежный.

Каждый из нас не раз встречался с «солнечными зайчиками». Любимая детская игра: поймав солнечный луч зеркальцем, навести «зайчика» на какой-то объект. Если из игры сделать систему, то получится передача световых сигналов на расстоянии, то есть гелиограф. В основе прибора — условные знаки и вспышки, полученные отражением солнечного света при помощи зеркала. Круглое зеркало устанавливают в рамке на треножник; поймав «зайчика», наводят на принимающий объект. Световые сигналы могут передаваться в солнечную погоду на большие расстояния — до 50 км. Если приборы устанавливались на возвышенности, в горах — видимость была около 200 км. Правда, есть один, но очень большой минус. Что делать, как передавать сведения, если пасмурно, идет дождь и солнца на небе не видно? На этом связь прерывается, ждем хорошей солнечной погоды. В игре можно подождать, а каков выход на войне?

Мельников рассказывает, как группе связистов было приказано выйти с телеграфом на гору недалеко от селения Сир и связаться с уходящими отрядами. Так как было пасмурно, то установить связь не удалось. «Мы остались без дела». При световой передаче использовали коды азбуки Морзе: точка — тире — точка, короткий — длинный — короткий.

Азбука Морзе широко применялась в армейской связи. Работать с ней было сложно, поэтому обучение связистов длилось

почти год. Выучить все коды «морзянки» и не ошибиться было под силу не каждому. По окончании курсов часть солдат возвращали обратно в полки, они не могли сдать экзамены. Для связиста были важны хорошая память, старание и терпение, чтобы не ошибиться при передаче сигналов. Мельникову было интересно учиться на таких курсах, и он успешно сдал экзамены 1 августа 1912 года. Он был не просто хорошим солдатом, а еще старательным, с крепкой памятью связистом. На службе в частях связи он был отмечен командованием.

За отличия в боях Капитон Савельевич Мельников был награжден медалью 4-й степени. В воспоминаниях Капитона Савельевича Мельникова нет и намек на самолюбование, хвастовство. Не называет точно награду, возможно, потому, что считает ее общеизвестной. Анализируя дополнительные источники, мы пришли к выводу, что это медаль «За храбрость», которой награждали солдат и унтер-офицеров за мужество и храбрость в бою.

3 марта до их части дошла телеграмма об отречении Николая Второго. 9 марта полк присягнул Временному правительству. Смену государственного строя встретили все в полку с радостью. Ждали новых распоряжений. На митингах говорили, что войну нужно довести до победного конца. Однако при этом воевать никто не хотел. Военное начальство старалось перебраться подальше в тыл. В ротах остались одни прапорщики. Солдаты, отправляясь в отпуск домой, не возвращались в часть — дезертировали. Ослабевших от болезней солдат отправляли с фронта в тыл. Новые сформированные части на фронт не доходили, разбегались по дороге. Известны случаи, когда «в части приходили одни списки». Мельников заключает: «Дисциплина слабела, линия фронта обессиливалась».

В апреле 1917-го Мельников заболел цингой. Причинами болезни автор называет плохое питание и тяжелую солдатскую жизнь. Капитон Савельевич был в результате признан не годным к воинской службе и отправлен домой на 49 дней. Все солдаты, которых не отправили, надеясь, что болезнь пройдет, остались на местном кладбище.

Капитон Савельевич, получив документы, отправляется в дальний путь. Где пешком с трудом, где на подводе. Он преодолел около 400 верст, пока добрался до Гасан-Калы. На «кукушке», так называли узкоколейную железную дорогу, доехал до Саракамыша.

Проехав дальше в тыл, Капитон Савельевич везде встречал много праздного народа. Увидев мирную жизнь, Мельников возмущен тем, что люди не знают войны. «В городах везде были переполнены людьми различные пивные заведения. Люди были не истощенные. Даже не чувствовали той тяжести войны, которая длилась уже три года». На возвращающихся с фронта худых, загорелых и грязных солдат мало обращали внимания. А ведь они защитники отечества и тех людей, которые сидели в ресторанах, «роскошничали и кричали, что войну нужно довести до победного конца. Такой взгляд на фронтовиков ложился глубоким впечатлением на их сердца. Ведь на фронте нет вдоволь хлеба и других питательных продуктов, здесь в тылу всего большое обилие».

Так вели себя многие люди в тылу, для них война была где-то далеко. Они не знали, как голодают и как воюют, не заботились о своих защитниках.

Капитон Савельевич прошел через войну, видел боль и смерть однополчан. Он знает цену хлеба и тепла. Ему жаль людей, которые не знают, как тяжело на войне.

12 апреля 1917 года Мельников приезжает домой на месяц в отпуск. Отдохнув, он возвращается в часть. Капитон отмечает, что в полку хорошая дисциплина. В конце августа 264-й Георгиевский полк отправляют в Персию. Но тех, кто прослужил три года со дня мобилизации, уволили в тыл в город Пятигорск в 113 запасной полк. В контрольную роту полка при станции Торговая попал и Мельников. Однако служить ему пришлось недолго.

Утром 16 января 1918 года роту разоружили большевики, отобрав винтовки. Получив на руки документы в штабе полка в Пятигорске, фронтовики разъехались по домам. «Дорога была уже затруднительна»: поезда не ходили, шли бои с большевиками. «28 января 1918 года я прибыл в хутор Керчинский Области Войска Донского».

Дома было беспокойно. На угрозы и призыв волостного правления идти немедленно защищать Донское войско Мельников ответил: «добровольно не пойду». Навоевался уже Капитон Савельевич, непонятно, за чьи интересы. Тогда казачья власть конфисковала его армейскую форму — шинель и ботинки.

Так закончилась для Капитона Савельевича Мельникова Первая мировая война.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ВОЙНА — ЖЕСТОЧЕ НЕТУ СЛОВА. ВОЙНА НАРОДАМ НЕ НУЖНА

Мы долго искали название для нашей работы. И случайно на сайте «Герои 1914 года» прочитали стихотворение, которое созвучно нашему источнику. Имя автора нам показалось знакомым. Открыли «поиск» — да, точно, известный писатель, автор книг детства «Цветик-семицветик» и «Сын полка». Валентин Петрович Катаев (1897–1986) сражался на фронтах Первой мировой, был дважды ранен, произведен в чин подпоручика, награжден орденами Святой Анны и двумя Георгиевскими крестами. Его стихотворение «Письмо» написано в 1916 году на Восточном фронте:

Я шел в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге,
Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.
Мне было странно, что война,
Что каждый миг — возможность смерти,
Когда на свете — ты одна
И милый почерк на конверте.
В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

Капитон Савельевич Мельников идет по дорогам Кавказского фронта и тоже видит «обозы, кухни на дороге, патрули, пушки, лошадей, пни, телефонный шнур на елях...» Для него «каждый миг — возможность смерти».

Но уроков Первой мировой хватило ненадолго. Вторая мировая была еще более масштабной и более жестокой.

«Строки о судьбе...»

Анастасия Сироткина

гимназия № 44, г. Тверь

научный руководитель Светлана Петровна Сербская

Моя работа написана на основе писем Якова Николаевича Троицкого. Эти письма мой папа, Андрей Андреевич Троицкий, передал мне со словами: «Ты должна знать, как умели люди любить и ценить друг друга». И я начала читать...

Что же это за письма? Так же как и мне, несколько лет назад, в мае 2006 года, эти письма передал моему папе его дядя — Николай Яковлевич, которого, увы, уже нет в живых. Согласно дарственной надписи, он оставил их нашей семье «в память о дедушке Якове».

Автор писем — дедушка моего отца, Яков Николаевич Троицкий. В начале прошлого века он писал девушке Лиле, Лидии Ивановне Соловьевой.

Первое письмо, а всего их 63, от 27 мая 1914 года, последнее — от 18 марта 1917 года. Писал их Яков, по его собственным словам, «приблизительно через 3–4 дня».

Познакомились молодые люди, когда Яков заканчивал Тверскую духовную семинарию, а Лидия училась в Тверском коммерческом училище. Встречались они мало, с большими перерывами, а в начале 1917 года встретились, чтобы расстаться. Спустя много лет перед смертью Лидия попросила свою племянницу передать письма родственникам Якова, что та и сделала.

Первым эти письма прочитал Николай Яковлевич. В своих воспоминаниях он писал, что «в тексте писем я ничего не правил, убрал только букву ять и твердый знак в конце слов». Все даты — по старому стилю. Оригиналы писем хранятся в семье Николая Яковлевича, а у нас лишь копии. Они — единственное, что написано рукой деда моего отца и что сохранилось от него в семье.

Яков Николаевич Троицкий родился, согласно справке о реабилитации, 9 октября 1895 года в селе Городище Калязинского уезда Тверской губернии.

Он был в семье первенцем. Его отец, Николай Павлович, был сельским священником. Пройдет время, в семье Николая Павловича и Варвары Яковлевны Троицких будет шестеро детей.

Яков окончил Тверскую духовную семинарию, о чем упоминает в своих письмах. В 18 лет поступает на историко-филологический факультет Московского университета. Когда началась Первая мировая война, весной 1915 г. студент Яков Троицкий вольноопределяющимся поступает в военное училище, а уже в декабре 1915 года отправляется на фронт в составе 4 Сибирского стрелкового полка. По-видимому, после перенесенного тифа был демобилизован в феврале 1917 года.

После демобилизации, согласно письму от 23 апреля 1917 года, Яков Николаевич служил «конторщиком в одном учреждении». Дело для него было непривычное. Он пишет об этом своей девушке Лиле: «Посмеялась бы Лиля, посмотрев, как вела первые дни конторские книги. Полнейшая импровизация». В 1918 году он был арестован ЧК и был выпущен через 3 дня без предъявления какого-либо обвинения.

Яков Николаевич после войны женился на Софье Эдуардовне Ландэзен. В Твери во второй половине XIX — начале XX века особой известностью и уважением пользовалась эта семья врачей — отца и сына фон Ландэзен. Признание тверитянами заслуг этих людей, особенно отца, было столь велико, что в 1906 году Городская Дума улицу Прогонная, где проживал старший фон Ландэзен, переименовала в Ландэзенскую (сегодня это улица Жигарева). В 1873 году Эдуард Федорович возглавил медицинское обслуживание на Тверском участке Николаевской железной дороги, где позже, после смерти отца, будет работать и сын. Оба врача были организаторами железнодорожной больницы.

Яков Николаевич работал на Калининской ткацкой фабрике имени А. П. Вагжанова «старшим нормировщиком». 4 ноября 1937 года он был арестован. По постановлению тройки УНКВД Калининской области от 2 декабря 1937 года по ст. 58-10, 11 УК РСФСР был приговорен к расстрелу. Постановление тройки было приведено в исполнение 4 декабря 1937 года. София Эдуардовна, конечно, этого не знала и многие годы безуспешно пыталась хоть что-то узнать о муже. Верила, что он жив, ждала. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 июля 1957 года постановление тройки УНКВД Калининской области от 2 декабря 1937 года было отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Только тогда, за 10 лет до ухода из жизни, она получила свидетельство о смерти мужа. Она в одиночку подняла

двух сыновей, а когда началась Великая Отечественная война, проводила их на фронт.

Так закончилась жизнь человека, с чьими письмами я познакомилась. Но сыновья Якова Николаевича выросли достойными и уважаемыми людьми.

А эти письма говорят лишь о начале его жизни, когда никто ничего и представить не мог...

МОСКВА СТУДЕНЧЕСКАЯ

Как сын священника, Яков, получив первоначальное образование, стал слушателем духовной семинарии. Окончив семинарию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Так обычно поступали выпускники семинарий: они либо избирали поприще церковного служения, либо университетское образование и педагогическую стезю. Яков снимает квартиру, как это и сегодня делают студенты: «Живу я один. Квартирка по-здешнему недорогая. Хозяева из простых, но славные», — пишет он в одном из писем.

Ему нравится в Москве, он быстро привыкает и осваивается настолько, что «с апломбом» дает провинциалам указания — куда пройти. «А давно ли сам подходил за этим к каждому родовому? Москва нравится. Сразу чувствуешь себя как рыба в воде, она быстро делается чуть не родным городом... Положим, на москвича еще совсем не похож».

Яков строил планы на будущее: «Рамки жизни раздвинулись шире. Новые мысли, новые горизонты, свобода, сознание себя студентом, сознание ответственности и важности этого звания необходимо должны отразиться на личности». У него началась та жизнь, о которой он мечтал, возможность посещать театры, музеи: «Был я, Лиля, на опере “Жизнь за Царя” в Большом театре. Впечатление громадное и от оперы, и, пожалуй, от театра. До сих пор не идут из головы эти чудесные мелодии».

В своем втором письме к Лидии от 24 октября 1914 года Яков пишет о своих первых студенческих днях: «От университета, признаюсь, ожидал большего, хотя это и естественно». Но: «в большинстве случаев наши науки интересны. Некоторых лекций ждешь как удовольствия».

Яков пишет, что он «с товарищами по отделению почти не познакомился, и его «сначала эта отчужденность угнетала». Он пишет, что студенты «филологи народ “хмурый”».

Сегодня среди молодежи практически не используется слово «товарищ». В письмах можно найти, что термин «товарищи» обозначает понятие растяжимое: сюда входят вообще все студенты и курсистки. «Товарищи» — противовес «кавалерам с барышнями». «Насколько плохо завязываются у меня знакомства с товарищами в университете, настолько быстро и хорошо с теми же “товарищами” вне университета. Есть у меня несколько земляков и землячек. Отношения к курсисткам славные, товарищеские. Можно всегда запросто бывать у них. Вообще я редко сижу дома по вечерам. То к землякам наведаешься, то так к знакомым».

Он вспоминает Тверь, родной город. Яков представляет, как Лиля каждое утро идет с учебниками в руках «сначала через Сенную [сегодня Тверская площадь — А. С.], потом Милionную [сегодня улица Советская — А. С.] и особенно хорошо представляю я, как Вы идете мимо Собора к Коммерческому [Лилия могла проходить по Соборному переулку, сегодня это переулок Ивана Седых — А. С.], там, где была цирковая арка с афишами и портретами борцов с чудовищными мускулами». Можно определить место, которое вспоминает Яков, — это площадь восточнее Гимназии № 6. Здесь и сегодня есть тумба с рекламной спортивных мероприятий и достижений, потому что на месте бывшего кавалерийского плаца расположен старейший городской стадион «Химик».

Яков думает о своей жизни, о себе. «Вы спрашиваете, Лиля, изменился ли я. Не знаю как по внешности и для других, а для себя очень изменился». Но в конце августа 1914 года начинается война, вошедшая в историю как Первая мировая, и он поступает вольноопределяющимся в военное училище.

ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ ВОЙНЫ

Отношения Якова и Лидии начались незадолго до войны. Молодые люди познакомились, когда Яков заканчивал Тверскую духовную семинарию в Твери, а Лидия училась в Коммерческом училище. Эти учебные заведения находятся рядом, их разделяет лишь река Тьмака. В здании духовной семинарии рас-

полагается сегодня Тверское суворовское училище, а в здании бывшего Коммерческого училища — Тверская гимназия № 6.

Возможно, эта встреча произошла на одном из танцевальных вечеров. Они любят танцевать, и об этом упоминается во многих письмах. Так, в письме из Городищ от 27 мая 1914 года Яков пишет о том, что «Шура [кузина — А. С.] привезла из Томска интересные танцы и теперь меня учит. Между прочим, “Тореадор”, “Футбол”. Надо сознаться, что там танцы интереснее наших, изящнее и пластичнее. Некоторые, например, “Тарантеллу” и “Этранж” там танцуют не так. “Этранж” гораздо у них сложнее. Положим, по Шуре судить нельзя. Она очень красиво танцует. Так же нельзя судить по тому, как танцуете Вы, Лиля, о танцах тверских. Можно бы получить очень выгодное и несоответствующее действительности впечатление». В письме из Москвы: «Слушал “Аиду”. В этой опере в одном танце есть “па” точь точь такое, какое вы делаете в “Тарантелле”. Очень красиво». Из действующей армии он пишет: «Заставили перетанцевать всех наших денщиков. Видала ли ты когда-нибудь деревенскую “русскую”? Движения паяца на ниточке, а такт — что-то неподражаемое. Даже мой солидный Лопухов пустился в пляс».

Пишет Яков практически через каждые 3–4 дня, как и обещает в одном из своих писем.

В самом начале их отношений его письма носили почти официальный характер, он обращался к ней на Вы: «Здравствуйте, Лиля! Попробую Вам написать. Давно не брал пера в руки, разучился. А сейчас захотелось написать Вам. Письмо Ваше недавно получил и благодарю». Со временем они оба становились более открытыми, пишут обо всем, что происходило у них в жизни. Так Яков писал в письме от 24 августа 1914 г.: «Пишу я Вам, Лиля, когда это взбредет мне в голову, и пишу о том, что для меня интересно в этот момент». И уже на «ты»: «Дорогая Лиль! Можешь поздравить — я устроился. Тебе пишет офицер славного 4-го Сибирского стрелкового полка. После долгих скитаний по штабам получил назначение в этот полк, отыскал деревушку, в которой помещается он, и вот пишу тебе».

Яков всегда с нетерпением ждал ответного письма, иногда сам просил, чтобы Лиля ему писала: «Так пишите мне, Лиля. Пишите больше всего о себе, пишите о Твери, о чем хотите».

В письме от 24 октября 1914 г. он говорит о том, насколько счастлив получать от нее известия: «Гипнотизмом не зани-

маюсь, но о Вас вспоминаю часто. И почему знать: может быть, настойчивая мысль о Вас может и у Вас вызвать тоже воспоминание. Пишите мне, Лилия, почаще. Ваши письма доставляют большое удовольствие. Только, ради Бога, не думайте о том, интересно или нет. Может быть, обдумав письмо, Вы напишете его и умнее и красивее, чем написав непосредственно, по первому позыву. Так ведь я и так знаю, что Вы умная, и мне хотелось бы, чтобы именно непосредственно Вы писали. Тогда Вы безусловно будете искреннее. А это мне и нужно».

При любой возможности, каждую свободную минуту он сразу старается «поболтать» со своей дорогой Лили о том, что у него происходит, и рассказать о том, что он узнал или увидел: «Милая Лиль! Хочется написать тебе, пока свободен. Полк ушел на репетиционный смотр. Я как дежурный остался. И вдруг после нескольких дней работы — нечего делать. Решил, что самое лучшее — поболтать с тобой». Яков делился с Лилей всем, что с ним происходило на фронте, он хотел, чтобы она обо всем знала, была частью его жизни: «В нашей хате такая идиллия. Я пишу, у печки притулились два моих товарища и тихо болтают с одним из денщиков. А знаешь, Лиль, мы совсем обеднели. Нет ни табаку, ни сахару, ни свеч и достать буквально негде. Писать тороплюсь, через четверть часа мой огарок догорит и в хате воцарится темнота». И под конец сообщает: «А у меня новости, Лиль. Теперь я в пулеметной команде. Совсем неожиданно назначили. Попасть в эту команду считается очень лестным».

Яков волнуется и переживает за девушку, но он уверен, что Лилия хорошо закончит училище: «Ты, Лиль, тоже скоро начнешь худеть и зубрить, зубрить без конца. Лиль! Еще месяц и ты свободна, а там студенчество. Я по опыту знаю, какое это счастье, как хочется обнять и расцеловать весь мир. Желаю тебе больших успехов, медаль». Волнуется, изменит ли ее Москва, училище: «Вот сейчас думаю — в чем изменит тебя Москва, курсы. Узнаю ли я Лиль? Узнаю, узнаю. Лиль, пойди в фотографию и подари мне свою карточку-фотографию Лили — курсистки».

Он скучает, и особенно грустно ему в праздники: «В Пасхальную ночь так думалось о Лиле, далекой, любимой. Мысль эта не покидала и в церкви. И все грустней становилось. На разговенье веселые товарищи, шумно за столом, хлопанье пробок. Стало так грустно, что один хороший товарищ — студент-прапорщик

даже посочувствовал. А я не люблю раскисать. Притворился веселым, стал пить. И это пьянство кончилось только в 2 часа дня. Было шумно и как будто весело. Ведь все мы с одним настроением: и у старых и у молодежи дома семьи, близкие, родные. “Из страны, страны далекой...” Вот удачно подходящая песня и настроение. А писать тебе, Лиль, такой чистой хорошей о наших кутежах всегда неловко. Хотя я себя за это не осуждаю. Таков человек».

Самая большая трудность в отношениях на расстоянии — оставаться частью жизни друг друга. Со временем это расстояние начало сказываться на отношениях Якова и Лилии. Он пишет: «Что ответить тебе на твои сомнения? Ты права и не права. Помнишь, я летом писал тебе, что что-то изменилось в моем чувстве! Оно стало спокойнее, ровнее. Эта разлука лучшее испытание. Когда встретимся, Лиль, — увидим, выдержало ли наше чувство испытание». После их встречи, произошедшей в Москве в феврале, все точки над «i» в их отношениях были поставлены. «Лиль! После того, как я увидел тебя, и до отъезда я чувствовал себя как человек, потерявший самое дорогое и все надеющийся снова найти его — это дорогое. Сначала спрашивал себя: неужели потерял, потерял и не найду. А потом, когда взял себя в руки, убедился, что потерял и потерял навсегда. Тогда, на вокзале, уже сказал тебе это. И стало ясно: вот она откуда неопределенность-то. Тяжело, но так мне и нужно. Не дал разрастись чувству, не сберег свое сокровище — сам виноват. Из всех привязанностей чувство к тебе было самым сильным, глубоким, а теперь будет самым дорогим воспоминанием. Ясно, другой Лили не будет. Ты, Лиль, сильная. Ты победишь, потушишь горе. Сильная и чуткая. И потому я не боюсь за тебя. Если найдешь другого — я буду знать, что он стоит тебя. А со мной что-то сделалось. Что-то во мне умерло. И без этого чего-то тяжело и пусто. Здесь это незаметно. Там, дома, я ясно увидел это. И таким, каков я теперь, не нужно было и идти к тебе, Лиль. И я больше не приду. Если улыбнется мне судьба, даст то, что отняла — тогда еще посмотрим, Лиль. А пока прощай, моя хорошая, добрая, прощай и прости».

Так закончились те прекрасные отношения, связывавшие их почти 3 года. Это первая любовь этих молодых людей, Яши и Лилии. Мне кажется, она оставила неизгладимый след в их жизни. Ведь Лили до конца своих лет хранила и берегла его письма.

МОЛОДОСТЬ И ВОЙНА

Я не знаю, как выглядел Яков Николаевич в годы Первой мировой войны. Наверное, это был высокий и красивый человек, ведь мой папа тоже высокий. О себе, о своем внешнем виде он пишет с легкой долей иронии. «Понемногу все мы обрастаем бородами, привыкаем и миримся с грязью. До сих пор я умываюсь каждый день. Нечего хвастаться спартанским образом жизни. На войне как на войне». А в конце письма задается вопрос, получала ли Лилия «карточку старого медведя в папахе, с длинным носом и неживым лицом?»

И лишь спустя какое-то время, в домашнем архиве мы обнаружили всего две фотографии, относящиеся ко времени уже семейной жизни Якова Николаевича. Это человек, благородной наружности, с тонкими чертами лица. И, действительно, красивый. Мой папа говорит о том, что на этих домашних фотографиях его дедушка неслучайно в рубашке и галстук. Он даже дома ходил красиво одетый. Думаю, что в молодости он был отчасти педант, может быть, даже модник в какой-то мере.

Но вернемся снова к его письмам с войны.

В письме от 5 февраля 1916 года Яков пишет о том, что он теперь «в пулеметной команде. Совсем неожиданно назначили. Понемногу принимаюсь за изучение пулемета. Штука интересная и сложная». «Но переход из 1-й роты куда бы то ни было не есть большое счастье... Вместе с переводом пришлось переманить и свою резиденцию. Живу теперь в имении, в доме управляющего. Небольшая чистенькая уютная комнатка. На окнах цветы, занавески. Хорошая постель с громадными подушками. Под ними ковры. Диван, кресла. На стенах гравюры. И что лучше всего, большая светлая лампа. Вот видишь, как хорошо я устроился. Последние дни масса хлопот. Только на сегодня перерыв. Готовимся к Царскому смотру. Будет на днях. После напишу. Мечтаю теперь о том, как хорошо бы попасть на Кавказ, где теперь так хорошо работают. О взятии Эрзерума, конечно, знаешь».

Яков молод, и среди огня и окопов он находит время, чтобы понаблюдать «какую красоту сегодня видел. После занятий практиковались с товарищами в бросании бомб. Бросили одну в воду. Первое мгновение только круги по поверхности, а потом громадный фонтан в целую колокольню взвился и тяжело упал,

Родители Якова Троицкого
разбирают почту

Эдуард Эдуардович Ландзэн
с семьей

Яков Николаевич Троицкий,
София Эдуардовна Троицкая (Ландэзен),
Ольга Андреевна Ландэзен,
Андрей, Николай, соседский мальчик

Тверская духовная семинария

Тверское коммерческое
училище

обдав нас брызгами. Надо было видеть, как отразилось в нем солнце, как прямо перед нами сверкнула яркая широкая полоса радуги и пропала вместе с столбом воды. Мы даже ахнули...»

Он молод и, несмотря на войну, совершает, как сам говорит, приключения: «Захотелось покататься на Саврасе. Давно не ездил: грязь страшная. Поехал; в верстах в двух от своей деревушки вздумал переправиться через речку. Она разлилась, бурлит, гордая своим весенним полноводием. Саврас уперся. Дал шпоры и сразу оказался по горло в воде. А Савраса и не видно. Мелькнула мысль, что Саврасу вместе со мной не выплыть. Бросил стремя и поплыл к своему берегу. Доплыл, выбрался. Саврас, смотрю, карабкается на противный берег. Нужно достать его. Бегаю, ищу брода. Снова плавать в весенней воде не улыбается. Нашел узкое место с кладками. Перебрался. Хотел провести Савраса на поводу около кладок. Дрожит, уперся. Вскочил на седло, дал опять шпоры и снова поплыли и снова пришлось выбираться из седла. Течение в этом месте сильное. Свалился опять, повод в руке. Поплыли вместе и вместе ж выбрались на берег. Саврас с ног до головы мокрый. Смешной. У меня сухой осталась только папаха. Хорошо, что легко был одет. Много помогли кожаная куртка, летние перчатки, легкие сапоги. Домой скакал как сумасшедший. Переоделся и теперь уже высох. Ванна хорошая. Приключением очень доволен». И по-мальчишески добавляет: «было скучно, а теперь хорошо». Он «привязан» к своему коню. В одном из писем он пишет, что его «Саврас стал совсем молодцом: научил его прыгать через канавы, лужи и небольшие барьеры. Смешной он: поедешь куда-нибудь, охотно, бойкой рысью идет; домой же старается идти в галоп и очень недоволен, что я ему это не позволяю. Или вдруг испугается чего-нибудь, насторожит уши, захрапит и начнет извиваться, воображая, что он настоящий арабский скакун. После купания стал бояться воды и неохотно идет, когда она выше колен».

Письма Якова позволяют узнать, как любили поддерживать фронтовиков. «Моя Катись и ее подруги устроили мне приятный сюрприз: прислали подарки мне и моим солдатикам. Не знаю, кто был больше рад, я или мои ребята. Прислали, правда, не много. Но всем хоть что-нибудь да досталось. Написал благодарственное письмо всему классу».

Даже на передовой он читает — думаю, что читал он всегда много. Еще до войны он писал Лилии о своем увлечении чтени-

ем: «В 11 я только читать начинаю. Читаю всю ночь». Это может объяснить великолепный слог его писем, красивую грамотную речь. «Читаю сейчас рассказы Арцыбашева [Михаил Петрович Арцыбашев (1878–1927) — русский прозаик, драматург, публицист. — А. С.]. Никто так хорошо не умеет выставить нелепости жизни, всё безобразное; и редкий с такой любовью говорит о всём прекрасном, нежном. Никто так хорошо не говорит о красоте тела человека. Хоть его и ругают, но он бесконечно прав, описывая тело. Да я не знаю, что может быть красивее нормального, правильного человеческого тела. Будешь в Москве, пойди в Александровский музей — и убедишься в правоте моих слов». И даже находясь в окопах: «Сейчас читаю в свободные минуты рассказы Мопассана в хорошем очень переводе. В одном из рассказов “Старые предметы” невольно бросились в глаза слова, выражающие то, о чем зимой я много писал тебе и чем так смущал тебя. Вот они. Говорит их старая, прожившая жизнь, женщина: “Почему мы, женщины, бываем так часто несчастливы?” И сама отвечает: “Оттого, что нам в юности внушают слишком большую веру в счастье. Нас никогда не воспитывают в представлении о борьбе, о страдании”. Последнее особенно верно, добавлю от себя. Как ты, Лиль, смотришь на Мопассана? Почему-то обвиняют его в том, что он не видит в женщине человека и смотрит на нее как на источник наслаждений и радостей. Так говорят, положим, люди односторонние, недалекие, да и мало его читавшие. Ты много его читала?» Сам Яков о своем увлечении чтением говорит в письме от 19 мая 1916 года: «в окопах порядочно читал. Теперь тоже. Приехали старые товарищи по выздоровлению, привезли книги. Я выбран библиотекарем нашей пулеметной библиотеки».

Он размышляет над мастерством писателя, способного описать события войны, прочитав «в последний день затишья случайно попавшую и обрадовавшую книгу Толстого — “Севастополь” и “Рубку леса”. С таким интересом давно не читал ничего. Было все это чуть не 100 лет назад, а как по-прежнему думаем и чувствуем мы — так называемые воины. Жаль только, что нет у нас теперь такого выразителя нашего мира, какой был у сева-стопольцев».

В августе Якова произвели в подпоручики. Он пишет о том, что это назначение «было неожиданно — и потому приятно». Сейчас он «еще не адъютант, а что-то вроде чиновника особых

поручений при к-ре. На отдыхе помогает адъютанту, в бою исполняет поручения к-ра п-ка и болтается по всему полку, исполняя приказание там привести в порядок, тут направить в атаку, посмотреть заняты ли немецкие окопы, выяснить обстановку, исправить связь и т. д.»

В 1916 году началась окопная война, фронт топчется на месте, и в письме Якова встречаются такие строки: «Мы, Лиль, засели в окопах и, кажется, надолго. Началась осень, дождливая, пасмурная...» Яков Николаевич был произведен в поручики, переболел тифом, и он с радостью наблюдает, «как крепнут мускулы и исчезают всякие следы тифа. Теперь я вприсядку танцевать могу. Утешительно».

В России наступает экономический кризис, усложняется продовольственная ситуация в столице. Об этом упомянуто вскользь: «Сестра моя живет пока у знакомых. Не нашла еще квартиры. Нехорошо во многих отношениях у вас в Москве. И дорого и ничего нет. Прежде Москва была радушная, гостеприимная, а теперь отсюда она кажется жадной, беспощадной». А в письме от 3 января 1917 года находим следующие строки: «Ждали, что немцы “поздравят” нас с Новым годом, но они держались тише воды, ниже травы. А всё уже было готово, чтоб ответить на поздравление. 1-го устроили у себя великолепный обед. Ели и думали, можно ли в тылу устроить такое пиршество. Решили, что тыловым далеко до нас».

В начале января 1917 года Яков, наконец-то, получает долгожданный отпуск. «Знаешь, Лиль, не верится. До того засиделся и привык здесь». Прибыв домой, он «счастлив, радостен», ездит «с визитами по родственникам и везде приходится рассказывать».

Больше о фронте нет ничего, потому что отношения молодых людей расстроились. В предпоследнем письме, от 18 марта 1917 года можно найти отношение Якова к тем событиям, которые произошли в России: февральская революция, отречение от престола Николая Второго: «в первые дни жизни обновленной России, когда каждому судьба дала столько счастливых минут, когда весь живешь вестями из тыла...»

Удивительно тактичен, внимателен этот двадцатилетний юноша — Яков Троицкий. Ведь с фронта, где рвутся пули и взрываются снаряды, где смерть, кровь, он посылает дорогим для него людям письма теплые, очень заботливые. Но война всё

же стоит за каждым словом писем, она есть, это от нее «в голове сейчас сумбурно. Почему — долго объяснять. Вчера плакал горькими слезами от немецких газов. Но кончилось благополучно: спасла маска».

Здесь вспомнились уроки по истории и химии: в годы Первой мировой войны немцы впервые использовали ядовитый газ для атак — иприт. Значит, об одной из таких немецких атак и пишет Яков. Российским химиком Зеленским был изобретен противогаз. Сколько жизней спасло его изобретение, и среди них — дедушка моего отца. Если бы не изобретение этого учебного, то никогда не смог бы родиться и мой папа.

ВОЙНА И ЕЕ ГЕРОИ

Из писем к Лилии я узнала о подвиге одного из простых русских солдат. В школьном курсе истории материал о Первой мировой войне изучают вскользь, не говоря уже о ее героях. По-моему, даже такого выражения — герои Первой мировой — не существует, поэтому так важны записи Якова Николаевича. В письме от 19 февраля 1916 года, когда идет уже третий год войны, он пишет: «сейчас просматривал свои бумаги и нашел недавно взятое и уже забытое письмо одного стрелка команды. Это его рассказ о побеге из плена. Бежал удачно, вернулся в полк и живет, как ни в чем не бывало. Точно и не был у немцев. Вернулся, командир сказал: “Молодец”, приказал идти в свою роту, тем дело и кончилось. Я совершенно случайно узнал у него, и в знак особого доверия он дал мне свой безыскусственный рассказ-быль». Яков говорит, что приводит все «в точности, исправив только ошибки».

«1915 года попал в плен 20 февраля Иван Григорьев под Капустниками. И нас вели в город Млаву и нас тут построили в две шеренги и выдали нам по фунту хлеба и повели нас на станцию и посадили нас по 60 человек в вагон. И вагоны были темные, только дыры для воздуха, чтоб не задохнуться; и вагоны два дня не отпирались, и оправлялись в вагоне. И приехали к городу Хамарштанту, и тут нас разбили по баракам, по триста человек. А евреи были над нами старшими. И тут нас стали кормить по полфунту хлеба в сутки. А суп варили их бураков, из какой-то муки вроде желудошна [вероятно, мука из желудей — А. С.], какая-то кислая. И стали нас гонять на работу. Отхожее возили

на себе за пять верст. А которые поздоровше запрягали в плуг по пятнадцать человек пахать. И в плугу нас очень били палкой. Потом нас посадили на поезд и привезли ближе к границе и нас разбили попоменьше по помещикам. А у помещика нам стало еще хуже. Я говорю товарищу: давай убежим. И собрались в 12 часов ночи и убежали в лес и лесом мы бежали пять суток до границы без хлеба и ничего не ели. Потом подходим ближе к позициям и стали мы спрашивать своих мирных жителей, где позиция. Они нам рассказали где, и мы пошли. И мы пришли в одну сопку леса, и там стояла ихняя батарея. И мы в этом лесу лежали целый день и тихонько смотрели, как наша батарея взяла цель и попала в ихнюю батарею. Она так полетела, что мы даже напугались: вот-вот на нас нападут теперь. Ну, когда подошла ночь, мы пошли из этого леса и ходили, ходили, нигде пройти нельзя. Тут мы пошли тихонько в деревню, шинели бросили. Когда мы пришли в деревню, тихонько стали спрашивать. В деревне нас накормили и дали нам пинжаки, и мы тут жили 6 дён. И когда наши отступили, тогда мы пошли вперед. И мы пришли в лес под Неманом, и тут у немца только был полевой караул, и мы чуть на него не наткнулись, слышим разговор. «Стой, — говорим с товарищем, — пойдем правее». И пошли справо. Когда мы перешли германскую цепь и подошли к реке Неману и пошли краем реки. Подошли к мосту. Мост был сожжен. Мы хотели скинуть одежду и плыть. Глядим, стоят наши казаки, и мы стали им махать, чтоб они подошли. Казаки видят, что наши солдаты, сели на лодку и подъехали к тому берегу и перевезли нас».

А потом автора с товарищем препроводили в свой полк. Яков пишет, что прибавить к этому нечего, и постарается, «чтоб его представили к кресту». И здесь же сетует на то, что «только вряд ли. Таких героев много. Не правда ли странно. И уважаю и преклоняюсь перед ними, должно быть, только я, разве еще другие не бывшие в боях. Для прочих это дело обычное».

В его письмах нет слов о любви к Родине, о долге, но в письме от 7 марта 1916 года есть очень искренние, очень показательные слова. Юноша просит свою подругу: «Лиль, родная, не говори этих слов: “Береги себя!” Я больше всего боюсь, как бы на самом деле не начать беречь себя. А папа с мамой в каждом письме упоминают об этом и молятся. И раньше меня в семье больше других любили, а теперь Бог знает как. И приятно и не-

приятно. А мама, моя простая мамочка, так та прямо боится, как бы я не вытеснил из ее сердца других детей». Далее в письме юноша продолжает: ему «неприятно будет умереть с мыслью о том, что будут горевать и ничем им не докажешь, что эта смерть лучшая из всех смертей. Такая простая и скорая. Я слишком люблю жизнь, чтобы уметь умереть медленно, постепенно делаясь трупом. Опять мрачные мысли. Не буду. Теперь вечер. За окном темно. И из темноты доносится непрерывный гул: то наша артиллерия готовится к атаке».

Он гордится своими товарищами. Пишет в этом же письме от 5 марта, что «много раненых, убитых», что «остановились в глухой деревушке. Полк впереди верстах в 20. Моя команда живет вместе с запасным батальоном полка. Я с офицерами, оставленными в резерве. Вот тоска-то, Лиль! Одна надежда — скоро должны позвать: много убили. А как действуют-то, Лиль! Будут помнить немцы сибиряков! Впрочем, будем говорить о себе, когда кончится операция...» А в письме от 15 марта 1916 года он упоминает, что «над нами пока только аэропланы, наши и изредка немецкие. Побросают бомбы и скроются. Жертв пока нет. Сегодня попала мне в руки “Речь” за 11-е. Пишут о событиях на фронте сдержанно». «А наши бьются успешно», говорит он. Даже в первых письмах звучала гордость за своих сослуживцев: «Смотришь на них и странно: три дня тому назад были под огнем тяжелой артиллерии, а сегодня они веселы, поют и победно звучит песня сибиряков. И песня (я ее впервые слышу) такая характерная: суровая, гордая и скромная в то же время. Пожелай мне, Лиля, оказаться достойным того полка, в котором я служу, поддержать знамя сибирских полков». Он испытывает горечь, боль от потери товарищей. «Немножко отдохнем», пишет он в августе 1915 года, «пополним поредевшие ряды и опять в бой. Да, пришли и стали считать раны, товарищей считать. Многих не досчитались». Возвращаясь в полк из госпиталя после тифа, Яков пишет Лили: «рад тому, что выздоровел, что снова могу работать. Настроение бодрое, рабочее. Опять в полковой семье».

И НА ВОЙНЕ ЕСТЬ МЕСТО... ПРАЗДНИКУ

Но и на фронте продолжается жизнь — с ее праздниками. В письмах есть описание нескольких праздников. Можно представить себе, например, как проводили сочельник 1915 года на

фронте. «После занятий и обеда заставили денщиков притащить ёлок. Одну большую установили посредине хаты, так что она заняла добрую половину ее, и стали устраивать “ёлку”. Нужно достать украшений. Подумали, подумали, и через полчаса наша ёлка была готова, стояла вся украшенная и как бы говорила, что она единственная в мире, и великолепные ёлки столиц ей завидуют. И она права. Украшением служили все наши значки, Георгиевские кресты, блестящие части нашей формы, погоны, наконец, раздобытые где-то пряники, реквизированные в чемодане уехавшего товарища свечи и бумажные гирлянды из обложек старых журналов. Ёлка выглядит очень мило и, надо сознаться, оригинально. Вся хата, окна, передний угол убраны ветками ёлок. Напоминает наши вечера. Всё прибрано, подметено. На столе чистая скатерть. Наша люстра полна свечей, чуть не с бою добытых. После уборки поехали в соседнее село ко всенощной. Хорошо побыть в церкви, помечтать. Приехали — дома уж ждал чай, закуски и среди них скромно выглядывала бутылка вина. Зажгли елку, люстру. Хата преобразилась. И мирно, тихо встретили сочельник. Вот только погода не Рождественская. Снег почти весь стаял, третий день дождик. Везде грязь и слякоть. Вспоминаются наши Рождественские и крещенские морозы».

Для каждого христианина главным праздником является Пасха — Воскресение Господне. И, конечно, Яков пишет о подготовке к этому великому празднику на фронте: «сегодня страстная пятница. Вчера я исповедовался и причастился. Расскажу тебе, как это у нас делается. Из жердей соорудили большой шатер. Весь укрыли еловыми ветками. В большом шатре перегородка с проходом — за ней алтарь. Две-три иконы на этой перегородке. Пара деревянных самодельных подсвешников, кой-что необходимое для службы в алтаре — и церковь готова. Получилась она красивой и нарядной, вся густо зеленая. Но это маленькая, только для части полка. А к Пасхе соорудили другую, более красивую, нарядную и большую и устроили ее в лесу. Кругом солидные сосны и ели. Перед церковью площадка. Ночью при свете факелов будет красиво и создаст настроение, особенно когда в этой почти волшебной обстановке прозвучат волшебные слова: “Христос Воскресе!” Все-таки хоть и не дома, а настроение создается. Должно быть, эта великая ночь чарует всех и везде. Дневные дела и хлопоты по приготовлению кончены. Хозяйки вымыли нам хату, повесили рядом на образа, по-

стелили белую скатерть на стол, на другом столе красуется высокий кулич, белая пасха и тарелка с крашеными яйцами. Это для домашнего разговенья. А после утрени будем разговляться все вместе в лесу за длинными столами».

Наверное, людям, смотрящим смерти в лицо, это крайне необходимо — осознание поддержки сил неземных, чтобы достойно встретить, может быть, последний день своей жизни. И одновременно, это своеобразный уход от того ужаса, с которым столкнулись наши прадеды. Именно это дает понимание, почему так много строк посвящено этой теме.

Вот и закончилась моя работа. Письма Якова стали для меня «временным порталом», позволившим мне пережить то, что видели, пережили люди, жившие столетие назад, а мой город, знакомый мне с детства, приоткрыл для меня некоторые свои тайны.

Храм на воде (История плавучего храма «Святитель Николай Чудотворец», 1910–1915 годы)

Людмила Севостьянова
технический колледж АГУ, г. Астрахань
научный руководитель Татьяна Вячеславовна
Чемоданова

Летом этого года я и мои родители отправились в село Красный Яр, которое находится в 35 километрах от Астрахани. Мы ехали навестить мою крёстную — настоятельницу Христорожественского женского монастыря Астраханско-Енотаевской епархии игуменью Августину (Акиншину). Перед самым въездом в село есть понтонная переправа через реку Бузан. Переезжая через нее, я подумала: «Как же православный люд жил раньше, в отдаленных от города местах, без храма или церкви, ведь переправу построили лишь 7 декабря 2005 года?» По приезде я поспешила расспросить об этом матушку Августину: «Как человек, живший вдали от города, мог посещать храм, если на территории его проживания, храма попросту нет?» — спросила я у нее. Матушка была удивлена и с улыбкой ответила: «До революции в казачьей станице Красноярской было три церкви: храм Покрова, храм Ильи Пророка, церковь Великомученика Пантелеимона. Но я слышала о существовании плавучей церкви, она как раз и предназначалась для отдаленных уголков Астраханской Епархии».

Разговор наш был коротким, так как матушка спешила. Проводив нас до выхода, она попрощалась и благословила на дорогу. Переезжая обратно через понтонную переправу, я думала: «Как же могла выглядеть плавучая церковь?» Представляла, как она плывет по реке в сторону берега. Всю дорогу размышляла и делала предположения. Дома я решила поискать информацию о плавучей церкви в интернете. К моему удивлению, выяснилось, что первая в России плавучая церковь появилась именно в Астраханской губернии! Поэтому когда мне предложили участвовать в конкурсе исследовательских работ, проблема выбора темы даже не стояла — я точно знала, о чем буду писать.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ ПЛАВУЧЕЙ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1910 г.

Поиск информации о плавучей церкви я начала в Астраханской библиотеке им. Н. К. Крупской. Работники библиотеки посоветовали пройти в отдел краеведения. Там я сделала запрос на имеющиеся у них материалы по плавучей церкви за 1910–1915 год. Но, к сожалению, нашлись только вырезки из газет и материалы, опубликованные в 1990-е годы, которые содержали общие сведения о постройке. По совету научного руководителя, свою работу я продолжила в Государственном архиве Астраханской области. Там я нашла и просмотрела «Епархиальные ведомости» за 1908–1916 гг., отчеты Кирилло-Мефодиевского братства, отчеты Миссионерского общества. Ценным источником стал отчет, написанный священником А. Луцким, «Плавучая церковь на волнах реки Волги в 1912 г.». Так же мне посчастливилось поработать с хранящейся в Областном краеведческом музее книгой Д. Фаворского «Плавучая церковь на волнах реки Волги и Каспия во имя св. Чудотворца Николая», напечатанной в 1911 г.; в ней дается подробное описание устройства храма и деяний его священнослужителей.

Я выяснила, что идея создания плавучего храма принадлежала астраханскому мещанину Н. Е. Янкову. Проживал он на ловецких промыслах и занимался скупкой рыбы на море. В декабре 1903 года, будучи человеком верующим, Янков обратился в астраханскую епархию с предложением о сооружении передвижной плавучей церкви для обслуживания ловецкого люда и сезонных рабочих в низовьях Волги, которые в течение 7–8 месяцев навигации были оторваны от большой земли и «божьего дома». Но его запрос отклонили.

Лишь в 1908 году Кирилло-Мефодиевское братство решило избрать комиссию, которая занялась рассмотрением проектов плавучей церкви. Она находилась под покровительством протоирея Петра Горохова и двух его помощников: протоирея Дмитрия Фаворского и купца С. И. Захарова. В нее входило еще девять человек, в том числе архитектор О. И. Карягин.

Не имея нужной суммы для заказа нового судна, комиссия решила купить у пароходных обществ или частных лиц один из готовых пароходов и приспособить его под плавающий храм.

Было осмотрено около 30 судов. Выбор остановили на буксиропассажирском пароходе «Пират» астраханского мещанина П. М. Мирина. Я нашла описание его технических характеристик и чертежи в разных ракурсах. В отчете Кирилло-Мефодиевского общества указывалось, что в 1897 году был сделан капитальный ремонт корпуса, а паровую машину заменили на новую наклонную систему. В январе 1910 года пароход был куплен уполномоченными совета Кирилло-Мефодиевского братства протоиереем В. Карасевым и протоиереем Д. Фаворским. «Астраханские епархиальные ведомости» от 1 апреля 1910 года по этому случаю сообщили: «Для оборудования плавучей церкви недавно приобретен колесный полуморского типа пароход 60 сил, длиною корпуса 134 фута, шириной 23 фута и осадкой 4 четверти 2 вершка» (Богданов В. С. Плавучая церковь Николая Чудотворца. Астрахань, 1996. С. 1).

Потребовалось всего два месяца на переоборудование парохода. На месте штурвальной рубки возвели храм и часовую звонницу. Церковь имела пять глав. По воспоминаниям очевидцев, храм, увенчанный позолоченными главами с крестами, выглядел необычайно нарядным. Церковь внизу могла вместить до 200 человек молящихся, на хорах — больше 100 человек, на палубе — около 100 человек (Цыбин В. М. Пароход на Волге. Саратов, 1996. С. 304).

В нижнем носовом помещении церкви был оборудован алтарь с иконостасом, который был выполнен мастером Соломоновым по рисункам архитектора Корягина. В «Епархиальных ведомостях» за 1910 год мне встретилось описание некоторых икон и внутреннего убранства церкви. Впереди иконостаса размещался аналой, на котором выставлялась икона святого Николая Чудотворца, почитаемого всеми ловцами, покровителя обездоленных и страждущих. Он был изображен по пояс, в митре, украшенной драгоценными камнями, и красной рясе, препоясанной голубой лентой — саккосом. Правой рукой святой благословлял всех верующих, а в левой держал Библию в синем переплете с золотом. К сожалению, фотографии или картины внутреннего убранства плавучего храма мне так и не удалось найти.

Постройка и оборудование храма оказалось делом затратным. Поэтому Кирилло-Мефодиевская община начала сбор средств на строительство храма. Всего пожертвований

за 1910 год набралось 20 479 рублей, но на постройку требовалось 28 000 рублей. Основными жертвователями средств были комитет Каспийско-Волжских рыбных и тюленых промыслов — 6000 руб., преосвященный Георгий, архиепископ Астраханский — 1000 руб. (Цыбин В. М. Цит. соч. С. 303).

Меня удивил тот факт, что и снаряжали плавучий храм тоже, что называется, всем миром. За счет пожертвований церковь была оснащена практически всем необходимым для совершения богослужений. Церковная утварь была куплена крестьянами села Кривозубенское — М. И. Ерошенко и М. Е. Милько. Два напрестольных Евангелия в серебряных с позолотой окладах и серебряный позолоченный напрестольный крест даровал храму купец И. Н. Рукавишников. Облачения для священника и диакона из серебряной парчи пожертвовала некто А. П. Вахромеева. На алтарь и жертвенник были надеты облачения, вышитые руками монахинь Благовещенского женского монастыря. Настоятель Чуркинской Николаевской пустыни передал книги и серебряный позолоченный ковчег (дарохранительницу), медную посеребренную водосвятную чашу и такое же всеобщное блюдо для освящения хлебцев. Были пожертвованы и позолоченные трехсвечники для святого престола, «воздухи шелковые и бархатные» и многое другое — всего до 220 ценнейших церковных предметов. Свой труд в создание храма вложили рабочие и инженерно-технические служащие ряда астраханских заводов.

Плавучая церковь — первый в истории православия храм такого рода. Его конструкцию и строение приходилось продумывать и воссоздавать, не основываясь на опыте других построек, так как подобных попросту не было.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЛАВУЧЕГО ХРАМА «СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ» В 1910–1915 гг.

11 апреля 1910 года, в пасхальную седмицу, что предавало дополнительную торжественность мероприятию, плавучая церковь «Святитель Николай Чудотворец» была освещена владыкой Георгием. В архиве я нашла газету «Астраханский вестник» за это число. Вот что пишет автор заметки: «Церемония освящения храма на плаву началась ранним утром. Это событие произвело большое впечатление на общественность. И на площади

Беззубикова собрались люди абсолютно разных сословий. Лица купечества, пристанские рабочие, представители знати, духовенство, простой люд заполнили всю огромную площадь. Все находились в напряженном ожидании... Преосвященный владыка Георгий произнес торжественную речь. Было проведено богослужение». Удивительно, но астраханцы действительно выступили своего рода новаторами. Ведь плавучий храм «Святителя Николая Чудотворца» был первым и единственным в своем роде храмом-пароходом.

16 апреля в 12 часов по полуночи «Святитель Николай Чудотворец» отправился в свое первое плавание. В отчетах Кирилло-Мефодиевского общества я нашла сведения о священниках, несших службу в храме-пароходе в первый год его работы. Все они были постоянными членами Кирилло-Мефодиевского братства. По результатам своей работы они периодически давали отчеты, некоторые из которых мне удалось найти и прочитать в архиве, где они находятся в единственном экземпляре.

Для церковных служб были назначены монашествующие и послушники Чуркинской обители в лице иеромонаха и иеродьякона, трех певцов, алтарника, фельдшера и повара. Светская команда состояла из 9 человек: командира, штурвального, трех матросов, машиниста, помощника машиниста и двух коچهгаров.

В период с 1910 по 1915 год плавучий храм посетил все отдаленные населенные пункты, жители которых, не имеющие церкви, нуждались в духовном утешении. Некоторые поселки, промыслы и шаланды посетили дважды, а иные по 3–4 раза. Заходил храм-пароход и в попутно лежащие по курсу сёла.

Конечно, главное внимание заведующих храмом было обращено на удовлетворение религиозных потребностей христиан. Ежегодно совершалось свыше 60 обедней и литургий. Почти за каждой службой священнослужитель читал проповеди, а после раздавались брошюры и листки религиозно-нравственного содержания, в которых особенно осуждались пьянство и сквернословие.

Я обратила внимание на то, что в команде обязательно был фельдшер. Сначала решила, что он просто лечил членов команды, если те заболели. Но выяснилось, что медицинская помощь оказывалась всем нуждающимся в ней прихожанам, лекарства выдавались бесплатно. Всё необходимое для лече-

ния — медикаменты и специальные инструменты — при содействии губернатора отпускались местным врачебным отделением. Число амбулаторных больных, обратившихся за помощью в 1911 году, составило 145 человек, к 1912 году их количество увеличилось до 250 человек. За врачебной помощью обращались не только православные, но и представители других религий — киргизы, калмыки, казахи. Не отказывали им и в трапезе в столовой-трапезне.

Плавающая церковь «Святитель Николай Чудотворец» имела и свой небольшой доход. Источники дохода, на мой взгляд, традиционны для начала XX века: продажа церковных свечей, кстати, приносящая наибольшую прибыль, кружечный и тарелочный сбор, проскомидийный сбор, служение молебнов, исповедь, крещение и похороны, продажа брошюр «Плавающая церковь» и открыток с ее видами, случайные пожертвования.

4 июня 1913 года плавающую церковь посетили прибывшие в Астрахань на пароходе «Император Александр Благословенный» члены императорского двора и после краткого молебна с интересом осмотрели ее. Протоиерей Петр Горохов, обратившись к гостям, сказал: «Наша Плавающая церковь не блещет ни простором, ни обилием света, ни богатством украшений, но она в скромном и скудном своем наряде совершает тоже великое и святое дело. Она приносит свет, радость и благодатную помощь всем и с помощью фельдшера и аптеки несет первую скромную помощь и для тела».

Однако не всегда всё было так гладко. Каспийское море по своей сути не предсказуемо и капризно. Весна 1912 года команде храма-парохода запомнилась особенно. Ветер, сильный шторм сопровождалась сильной качкой. В таких случаях плавающая церковь отплывала к береговой полосе и продолжительное время стояла на якоре.

Храм-пароход был приписан к астраханскому речному порту, где и зимовал ежегодно: «В районе Эллинга на Волге или на Адмиралтейском Затоне (ныне в районе завода Карла Маркса, со стороны Волги или со стороны Приволжского затона). После схода льда, весной он опять отправлялся на рыбные промыслы» (Очерки Астраханской Епархии за 400 лет ее существования. Астрахань, 2002. С. 53). Срок фактического плавания, исключая время стоянки, продолжался около пяти месяцев. Продолжительные стоянки весной (11–14 апреля, 5–11 и 21–30 мая)

и летом (с 21 июня по 14 августа) были вызваны необходимостью производства ремонта.

В 1913 году плавучая церковь была передана монастырю Чуркинской Николаевской пустыни на полное содержание.

ПОЧЕМУ БЫЛ УНИЧТОЖЕН ХРАМ-ПАРОХОД?

Отслужив пять навигаций, плавучая церковь в навигацию 1916 года не вышла навстречу ожидавшему ее ловецкому люду. К осени все киоты, иконы, церковные книги, церковная утварь были сняты с парохода и переданы на хранение в Чуркинскую Николаевскую пустынь. Сам пароход прибыл к причалу поселка Форпоста напротив Астрахани. По астраханскому краю пошли слухи о продаже плавучей церкви и ее разрушении. В середине декабря в «Астраханском листке» появилось сообщение о том, что «плавучая церковь, которую создавали для обслуживания приморских и отдаленных от приходских храмов местностей, закончила свое существование». Статья вызвала волну слухов о причине ликвидации плавучей церкви.

Появились предложения о том, как возобновить деятельность плавучей церкви. Рейдовые капитаны предлагали доставлять храм на буксире своих пароходов в указанные места, если будут удалены из корпуса «Святителя Николая Чудотворца» паровые машины и котлы. Другие предлагали содействие «тарелочному» сбору средств в храмах епархии, третьи соглашались быть ходоками к имущим в надежде, что пожертвования их будут значительными, четвертые поспешили обратиться в Святейший Синод с просьбой разобраться в истории продажи плавучей церкви.

Но время было упущено, продажа парохода состоялась. Совершить продажу было поручено бывшему владельцу парохода «Пират» и одному из главных руководителей переоборудования «Пирата» в плавучую церковь «Святитель Николай Чудотворец» протоиерею Дмитрию Фаворскому.

Поразительно, но пароход купил почти за бесценок (по слухам, за 5000 рублей, застрахован же он был на 19 000 рублей) предприниматель и купец К. И. Рябцев. Так еще недавняя святыня в 1916 году превратилась в обычный буксир для доставки бочковой тары на рыбные промыслы низовья Волги и Каспия, получивший название «Нечаянный».

Особо меня тронуло описание разрушения церкви. В моем сознании рисовалась картина того, с каким безразличием и хладнокровием уничтожался плавучий храм. Бригада плотников с помощью топоров и ломов разломала деревянные храм и часовню и снесла на берег их обломки. В «Астраханском вестнике» за 1916 год я нашла заметку следующего содержания: «Валяется всё абы как на платформе. Одна главка, например, лежит совсем на неподходящем месте. Купола пока не разламываются — почему: разное тут говорят. Один купол на барже поставлен, другой на платформе. На одном треплется что-то вроде изображения св. Серафима. Ломают не как храм, а как простое жильё какое. Когда строилась, говорит народ, так сколько было просьб о сочувствии и о пожертвованиях. А чуть вышла с делом неустойка — сейчас за топор и трахтарарах! И нет уже храма. Много, много соблазна и поводов для зубоскальства».

В это же время в поселке Форпоста близ стоянки бывшей плавучей церкви было окончено строительство церкви, и всё было подготовлено, чтобы совершить чин освящения ее также во имя святого Чудотворца Николая. Заложенная в начале века, она стала как бы преемницей плавучей церкви.

На страницах газет Астрахани, Москвы и столицы развернулась полемика, которая дошла до того, что стала делить астраханское духовенство на «белое» и «черное» в соответствии с тем, как оно относилось к продаже плавучей церкви. К «белому» духовенству относили тех, кто осуждал эту продажу и ожидал «раскрытия этой истории в связи с приездом Преосвященного Нафанаила, к «черному» — клир Чуркинской Николаевской пустыни да и самого епископа Филарета, по инициативе которых и была продана плавучая церковь, сооруженная «на пожертвованные средства и предназначавшаяся для важной цели — обслуживания рейда и взморья, куда приходят с моря ловцы, неделями лишенные возможности слушать слово Божие».

В ответ на нападки печати в адрес духовенства и главным образом архиерея, без которого продажа парохода, где была устроена церковь, не могла быть произведена, епископ Филарет и главные строители плавучей церкви протоиереи Петр и Дмитрий Фаворский обратились с письмом в редакцию «Астраханского вестника», в котором сообщали, что «главным мотивом, вызвавшим неотложность продажи, послужила непригодность корпуса судна и его котлов». В письме был приведен «подлин-

ный акт освидетельствования церкви-парохода специально назначенной для этого епархиальным начальством комиссией». Епархиальная комиссия пришла к выводу, что «в настоящем своем состоянии судно к плаванию не пригодно и требует капитального ремонта на сумму около 15000 рублей». «Принимая во внимание значительность суммы, потребной для проведения судна в пригодный для работы вид, а также старость его, в особенности корпуса и котлов, мы приходим к заключению, что затрату значительных средств на ремонт этого судна следует признать нецелесообразной», — таково было заключение комиссии, представленное в епархиальную консисторию, которая, «приняв во внимание полную непригодность парохода плавучей церкви к дальнейшему плаванию, нашла, что церковь сия ныне подлежит упразднению». С этим мнением был согласен и епископ Филарет, утвердивший акт и передавший дело в Совет Кирилло-Мефодиевского братства для окончательного решения вопроса о дальнейшей судьбе плавучей церкви.

Немалую роль в ликвидации плавучей церкви сыграл и ежегодный дефицит на ее содержание. Несмотря на вложения монастырей, усиленные жертвы частных лиц, «тарелочные» сборы в церквях епархии, многими существование церкви признавалось невозможным.

До настоящего времени неизвестна судьба икон, церковной утвари с плавучей церкви. В одном из отчетов «Епархиальных ведомостей» я прочитала, что всё было передано Чуркинской Николаевской обители.

Я решила позвонить матушке Августине и узнать, к кому можно обратиться с этим вопросом. Крёстная мне сказала: «Про Чуркинскую обитель я могу тебе сказать одно. После революции, как это часто бывало в церквях, устроили больницу для душевнобольных. Говорят, что была там лечебница для болящих туберкулезом. Иконы и другие ценности были утеряны».

О судьбе икон я так ничего и не узнала. Могу только предположить, что скорее всего они со временем были утеряны, а может кто из жителей что-то взял себе на память.

К концу сентября 1916 года волнения, вызванные продажей плавучей церкви, улеглись. Жизнь заставила людей решать другие проблемы. То было время, когда Россия испытывала горесть поражений на фронтах войны с Германией. В этих условиях нельзя было ожидать сбора больших средств на постройку но-

вого плавучего храма. Февральские события, а затем революция 1917 года идею о новом плавучем храме окончательно похоронили. Настали времена, когда не только не создавали новые храмы, а наоборот, старые под разными предлогами разрушали и использовали для хозяйственных нужд.

26 января (8 февраля) 1918 года В. И. Ленин подписал Декрет о национализации флота. Все суда Рябцева были национализированы и переданы правительству. «Нечаянный» работал в Баку, затем в Астрахани. 5 ноября 1924 года он был разобран на металлолом в Астрахани. Так завершилась история уникального сооружения парохода-храма.

ТАК И ЖИЛИ

История семьи Поверенновых. Беспамятство и память

Марина Беляева

лицей, с. Ельники, Мордовия

научный руководитель Елена Васильевна Никишова

Поведение людей в конкретно-исторической обстановке изучает социальная психология. Психология жителей Российской Империи — советской России — СССР на протяжении XX века менялась в зависимости от того, кто находился у власти. Менялась идеология — в корне менялось и поведение людей. Именно в этих условиях и возникло такое явление, как «беспамятство».

И. Г. Харитонова, одна из героинь моего исследования, написала: «Удивительно, но мама для меня была как человек без прошлого...»

Это действительно так. Ведь дочь пишет о своей маме, которая происходила из семьи Поверенновых, репрессированных в 1920–1930-е годы. Как выяснилось, почти все потомки Ивана Фомича Повереннова (1812–1902), жившего в Краснослободском уезде Пензенской губернии (в настоящее время Ельниковский район Республики Мордовия), при советской власти вынуждены были скрывать свои корни.

Фотографии Андрея и Савелия, двух сыновей Ивана Фомича, до сих пор висят в рамочках на стенах домов в мордовских деревнях Лепченка и Новые Пичингуши у внуков и правнуков. Но уже в третьем и четвертом поколениях мало кто знает не только о судьбах людей с фотографий, но и их полные имена.

Сам Иван Фомич, основатель рода, прожил 90 лет. Он отличался крепким здоровьем, и умер от несчастного случая — утонул в реке Мокше, второй по величине реке нашего края. Сколько у Ивана Фомича было детей — точно неизвестно. Знаем имена только троих его сыновей — Андрей, Василий и Савелий. Каждый из них имел большие семьи и унаследовал от отца физическую силу и умение крепко держаться на земле.

Истории рода Ивана Фомича Повереннова я и посвящаю свое исследование, которое основано на устных и письменных свидетельствах, фотографиях и архивных документах. Мне было непросто искать архивные материалы о роде Ивана Фомича, так как фамилия Повереннов на протяжении многих лет и в разных

местах искажалась. Внуки и правнуки Ивана Фомича по мужской линии носят сейчас разные фамилии — Повереновы, Повериновы, Поверновы. Соответственно и архивные документы, найденные мной, относятся к людям с этими фамилиями.

Как не оберегали своих детей Поверенновы, как ни скрывали историю своих предков, но «беспамятство» все равно проросло «памятью». В 1970–1980-е годы Петр Власович Поверинов, житель города Душанбе, заинтересовался историей своего рода и по крупицам начал собирать свидетельства о своих родичах и предках.

В 1990-е он стал российским беженцем. А папка с фотографиями, родословными, воспоминаниями всё росла и росла. Так получилось, что историей рода Поверенновых заинтересовалась и я, увидев в музее несколько фотографий начала XX века.

Мы познакомились с Петром Власовичем. Он рассказал историю своего рода, показал фотографии, дал адреса многочисленных родственников. Но его устные рассказы не были подкреплены документально. Поиском архивных документов о роде Поверенновых я как раз и занялась.

Документов нашлось много: в районном архиве, в базе данных «Жертвы политического террора в СССР» общества «Мемориал». Чтобы не заблудиться среди множества фактов и не потерять нить, я решила написать отдельные главы о семьях Андрея, Василия и Савелия, сыновей Ивана Фомича Повереннова.

РОД АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ПОВЕРЕННОВА

Андрей Иванович был старшим из братьев. Он родился в 1852 году, в браке состоял дважды. От первого брака у Андрея было шестеро детей: Дмитрий, Георгий, Иван, Андрей, Прокофий и Анна.

Андрей Иванович имел купчую землю и держал ямскую гоньбу. Так в России называлась почтовая служба, которая существовала с XIII по XIX века и занималась в основном перевозкой казенной корреспонденции. Работал много, жил широко. Содержал скаковую лошадь по кличке Пава, которая не раз становилась победительницей скачек, проводимых ежегодно в лугах близ села Русское Маскино. Поговаривали, что изредка Андрей Иванович наезжал в Санкт-Петербург к своим товарищам и баловался там картежной игрой. Впрочем, этот «грешок»

не мешал ему в обыденной жизни оставаться добропорядочным христианином — многие Повереновы пели в хоре Покровской церкви села Каменный Брод. Очевидцы рассказывали: когда они в полный голос брали высокие ноты, начинали подрагивать язычки пламени на свечах.

В 1908 году после смерти супруги Андрей Иванович обвенчался со своей кухаркой Натальей и дал ей свою фамилию. Наталья Платоновна родилась в 1879 году и была на 27 лет моложе мужа. От этого брака родилось двое детей — сын Михаил и дочь Марфа.

Старший сын Георгий (Егорий) стал подпоручиком. Это первый офицерский чин в дореволюционной Российской армии. В подпоручики производили либо после окончания военных училищ (80%), либо после окончания срока действительной службы при условии сдачи определенных экзаменов. Чин подпоручика соответствует званию лейтенанта современной армии. Кстати, в начале века подпоручики получали неплохое жалование — 70 рублей в месяц, что соответствует современным 75 тысячам рублей.

Судьбы этих людей определились событиями, происходившими в стране после 1917 года. Андрей Иванович в годы коллективизации был раскулачен и в 1930 г. вместе с другими членами семьи лишен избирательного права как «эксплуататор наемного труда и владелец предприятия» — паровой мельницы, которая уже числилась собственностью колхоза. В это время ему исполнилось 78 лет. Кстати, в доме Андрея Ивановича долгие годы размещался сельский совет, а в наши дни там квартира.

В списках лишенцев по Ново-Пичингушанскому сельсовету в 1934 году против фамилии Андрея Ивановича в этом списке стоит запись: *«Исключен из списка лишенных избирательных прав. Умер»*. Дата смерти не указана. В этом же списке находим сведения о его сыне Дмитриии — с женой Варварой Семеновной он выписан и как спецпоселенец находится в Сибири.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ И ГЕОРГИЙ АНДРЕЕВИЧ ПОВЕРЕННОВЫ

Это старшие сыновья Андрея Ивановича, судьбы их трагичны.

Сохранилось две фотографии Андрея Андреевича, избравшего стезю священника. Более ранняя фотография имеет надпись: *«Дорогому папе. Андрей и Шура, 1913 год, январь, с. Путино, Перм-*

ской губернии, Охонский уезд, фотографировался в Петербурге, на Невском проспекте». Фотография плохой сохранности, видны лишь очертания фигур, лица размыты. На второй фотографии лица Андрея Андреевича и его жены Александры видны четко. Можно предположить, что сделана она в конце 1920-х годов. Андрей Андреевич уже не в рясе. Взгляды обоих выдают тревогу, лица напряжены. Петр Власович считает, что во второй половине 1930-х годов Андрей Андреевич был расстрелян. Но документов, подтверждающих это, в семейных архивах я не нашла.

О судьбе Георгия, офицере, было известно только одно что он — «троцкист». Но об этом не говорили вслух. Я стала искать имя Георгия Андреевича в списках жертв политических репрессий «Мемориала». Нашла! Вот сведения о нем:

Поверенов Георгий Андреевич

Родился в 1888 г., Мордовия, д. Н.-Пичингуши, школа 9, преподаватель.

Проживал: г. Сталинск НСО, Куйбышевский рудник.

Арестован 9 февраля 1938 г.

Приговорен (тройка при УНКВД по НСО 13 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-2-8-10-11 УК РСФСР.

Приговор: ВМН. Реабилитирован в 1956 г.

Статьи 58-2, 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР, по которым он обвинялся, не давали ему ни одного шанса остаться в живых. Статьи эти включали следующие преступления: вооруженное восстание в контрреволюционных целях, совершение террористических актов, пропаганда и агитация к свержению советской власти.

Из найденных сведений я сделала такие выводы: если Георгий Андреевич учитель, значит, он образованный человек. Осужден он был безвинно и доброе имя его восстановлено.

В своем большом альбоме Петр Власович хранит две фотографии Георгия Андреевича.

В судьбе Георгия Андреевича оставалось много неясного. Я решила сделать запрос в Управление ФСБ по Кемеровской области, где он был осужден. Ведь «г. Сталинск НСО» — это город Новокузнецк современной Кемеровской области.

Ответ пришел быстро. О составе семьи в архивной справке говорилось так:

*«жена — Александра Николаевна (45 лет)
дочь — Зинаида (12 лет)
теща — Дубкова Татьяна Васильева (75 лет)
братья — Прокопий Андреевич, Дмитрий Андреевич (50 лет)
сестра — Анята Андреевна».*

Выходит, что вместе с Георгием в 1938 году жили два его брата и сестра, но о сыне сведений нет.

О службе в царской армии написано следующее:

*«В армии с 1914–1917 г., начальник пулеметной команды, поручик.
С 1918–1919 служил у Колчака в качестве офицера».*

Эти две строчки дали новые сведения о Георгии Андреевиче. Первое — он дослужился до чина поручика. Второе — он был начальником пулеметной команды. Если Георгий Андреевич был начальником пулеметной команды, значит, он считался опытным офицером. Пулеметы в Первой мировой войне были сравнительно новым видом оружия, и если пулеметную команду доверили Георгию Андреевичу, это говорит о том, что командование признавало его боевой опыт и ценило его организаторские способности.

Почему Г. А. Поверенов был арестован именно в феврале 1938 года? Известно, что по всем областям СССР в 1937 проводились «планы» по уничтожению антисоветских элементов: по первой категории (расстрел) и по второй категории (10 лет лишения свободы). Вот и «добрали» план, арестовав бывших офицеров, участников Первой мировой войны.

Что стало с семьей Г. А. Поверенова, родственники не знают. С согласия Петра Власовича я разместила заявку о розыске его потомков на сайте «Жди меня». Слабая надежда на то, что они откликнутся, всё же есть.

Но вернусь к фотографии семьи Андрея Ивановича Поверенова, на которой запечатлена также Наталья Платоновна, его вторая жена и маленький сын Миша. Как сложились их судьбы?

Об этом я узнала из документов районного архива и рассказов старожилки села Н. Пичингуши Елены Александровны Становкиной (1942 г. р.), которая до сих пор хорошо помнит воспоминания своей мамы о Поверенновых.

Наталья Платоновна после смерти мужа пыталась восстановить избирательное право, но ей было отказано как совладелице паровой мельницы, каковой юридически она не являлась. Потом — годы ссылки в Сибири, где она долго работала в совхозе.

Умирать Наталья Платоновна приехала на родину. Жила в маленьком домишке вместе с дочкой Марфой. Ушла из жизни в послевоенные годы. Их домишко в два окна до сих пор стоит, всеми брошенный и заросший травой.

Михаил Андреевич (1909–1975), маленький мальчик с фотографии, по словам Петра Власовича, обладал хорошими вокальными данными. Во второй половине 1920-х годов он пел в одном из оперных театров Москвы, но был уволен после доноса, как сын кулака. Достигнув двадцати с небольшим лет, Михаил вместе с матерью оказался в ссылке. После окончания срока вернулся в Новые Пичингуши. С женой Дарьей Яковлевой родили пятерых сыновей и дочь.

У их сына Дмитрия Михайловича до сих пор на стене висит та самая дореволюционная семейная фотография, о которой я уже писала.

Интересна судьба брата Дмитрия Михайловича — Николая. В конце 1990-х годов он вместе с женой Ольгой жил в Германии в городе Вольфсбург. Их сыновья Александр и Николай переняли от предков физическую силу. Александр стал известным русскоязычным боксером Германии в весовой категории до 91 кг. Имеет титул пятикратного чемпиона Германии по боксу.

РОД ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ПОВЕРЕНОВА

Василий Иванович Поверенов (1861–1934) был средним братом. Занимался земледелием и был одним из совладельцев паровой мельницы. Интересно, что в первые годы советской власти односельчане избрали его председателем сельского совета.

В 1929 году Василий Иванович был лишен избирательного права. В списке лишенцев за 1934 год написано — «умер». Стало быть, прожил он 73 года.

Сохранилась характеристика Василия Ивановича, составленная в сельском совете, в которой сильно преувеличены сведения о его хозяйстве (все архивные документы приводятся с соблюдением орфографии подлинника):

Хростиристика

Ликвидированные кулацкие хозяйства Ново-Пичингушанского сел./совета Ельниковского района.

Поверенов Василий Иванович лишен избирательных прав в 1929 году как эксплуататор имел около 40 гектаров земли имел до 30 лошадей имел работников до 15 человек. В настоящее время часть паровой мельницы, ветряной, лошадь, корову и земельный надел 3,28.

В семье Василия Ивановича и Анны Егоровны родилось девять детей: Иван, Анастасия, Михаил, Евдокия, Петр, Власий, Мария, Александр, Анна.

Через судьбы почти каждого из них прокатилось колесо репрессий, отсюда и отсутствие точных сведений об их жизни. О репрессированных было не принято говорить, поэтому потомки и передают из поколения в поколение полуправду-полулегенды. Устные истории о судьбах детей Василия Ивановича я узнали от Петра Власовича Поверенова, о котором уже упоминала. Их я дополнила архивными документами. Петр Власович живет в деревне Булаево Темниковского района Мордовии. 4 августа 2013 года мы с моим папой Михаилом Викторовичем и моим руководителем Еленой Васильевной Никишовой ездили к нему.

Петр Власович — настоящий летописец рода. Много лет он собирал то, о чем Повереновы предпочитали молчать: о «кулацком происхождении», о ссылках и репрессиях, о «богатых» родственниках.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПОВЕРЕНОВ

Вот, что рассказал о своем дяде Иване Петр Власович: «Иван Васильевич окончил Казанский университет, женился на девушке из Сибири, которая происходила из довольно зажиточной русско-якутской семьи. Жену его звали Елена Ивановна. Молодожены уехали жить в Сибирь, где Иван Васильевич работал учителем.

В 1942 году он был обвинен в «антисоветской пропаганде» и приговорен к высшей мере наказания. Для семьи это было настоящим ударом и потрясением.

У Ивана Васильевича и его жены было пятеро детей. Дочери Антонина, Анна и Клавдия жили в Новосибирске, а сын Владимир — в Москве, Леонид — в Новокузнецке».

Петр Власович передал несколько фотографий потомков Ивана Васильевича. Они очень красивы, якутские корни чувствуются в разрезе глаз и цвете волос. И еще одна особенность детей Ивана Васильевича — их стремление к образованию и умению добиваться в жизни высокого общественного положения.

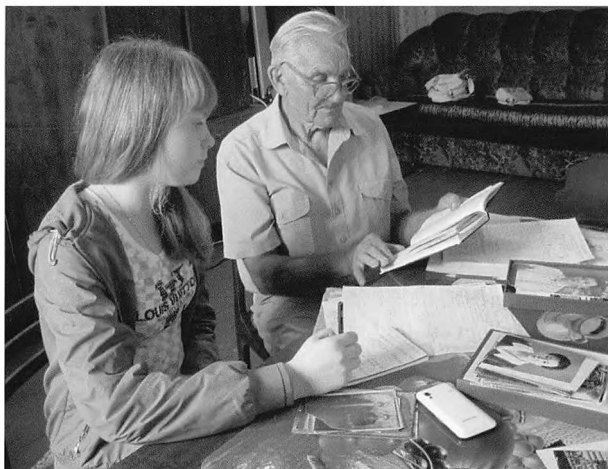
Владимир Иванович окончил Московский институт сплавов и работал в министерстве черной металлургии. Был хорошим специалистом и принимал участие в создании металлургических комбинатов на Кубе, где работал 3 года, и в индийском городе Бокаро, где работал 6 лет. Перед выходом на пенсию работал заместителем председателя Государственного комитета по науке и технике СССР. Владимир Иванович трагически погиб в Москве. Он имел двоих дочерей. Обе живут в Москве.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОВЕРЕНОВ

Родился в 1907 году. Михаил Васильевич был хорошим механиком. Этому ремеслу он научился еще в Новых Пичингушах на отцовской мельнице. Жаль, его способности оказались ненужными на Родине. В годы войны в Сибири он работал в МТС механиком. Мог починить и отладить любой механизм. На старости лет родные звали его Дед-Трубка, потому что он любил курить трубку. У Михаила Васильевича родилось семеро детей — Петр, Иван, Арина, Василий, Мария, Сергей, Федосья, о судьбах которых известно мало. Все они тоже жили в Сибири, а их дети в Алма-Ате, в Ленинск-Кузнецке, на Чукотке, в Сталинабаде (Душанбе). И никто — на Родине. Удалось узнать о судьбах некоторых детей Михаила Васильевича. О его сыне Петре среди родственников были такие сведения: погиб 9 мая 1945 года в Берлине.

С помощью сайтов Министерства обороны РФ «Мемориал. ОБД» и «Мемориал. Подвиг народа» мне удалось узнать о боевом пути Петра и дате его гибели. Родился он в 1920 г. в Мордовии, в армию призывался Гурьевским РВК Кемеровской области. Служил командиром взвода 98 ОРР 234 СД. Два наградных листа Петра Михайловича позволяют частично восстановить его боевой путь.

В Красную Армию призван в декабре 1941 года. Младший лейтенант Поверенов служил командиром взвода 5 стрелковой

Пётр Власович
знакомит меня
с семейным
архивом

Андрей Повереннов
с сыновьями
и женой Натальей.
Годы I мировой войны

Клавдия Ивановна Поверенова
в 1930-е годы

Савелий Иванович Повереннов,
его жена Прасковья Фёдоровна,
их сын Михаил и дочь Домна

Владимир Иванович
Поверенов. Индия

Александра Филипповна Ефимкина,
дочь Домны

роты 1340 стрелкового полка 234 Ломоносовской стрелковой дивизии. С июля 1942 до августа 1943 г. воевал на Воронежском фронте, с января 1944 г. — в составе 1 Белорусского фронта.

В октябре 1944 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В составе Ломоносовской дивизии Петр Михайлович воевал и в 1945 году. 21 февраля 1945 г. лейтенант Поверенов был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Приказ о награждении штабом 1 Белорусского фронта был утвержден 25 марта 1945 года. Был ли в самом Берлине Петр Михайлович, установить не удалось, но воевал он на Берлинском направлении.

Я убеждена, что орден получить он не успел. Он получил тяжелое ранение в брюшную полость и 20 мая 1945 г. умер от кровопотери в госпитале 91 ГПЭП.

Похоронен на гарнизонном кладбище в городе Бад-Фрайенвальде по дороге, идущей на город Кенигсберг. Это земля Бранденбург в Германии. На этом кладбище покоится 1843 советских солдата и офицера. Поверенов Петр Михайлович — под № 932.

Рада, что мне удалось воскресить из безвестности имя 25-летнего лейтенанта Петра Поверенова. Защищая Родину от фашистов, вряд ли думал молодой лейтенант о том, как поступила власть с его предками...

ВЛАС ВАСИЛЬЕВИЧ ПОВЕРЕНОВ

Влас родился в 1896 году. С ранних лет трудился вместе с отцом в его хозяйстве. Женится рано — выкрал невесту в соседнем мордовском селе Каньгуши. В 1913 году у 17-летнего Власия и 15-летней Елены родился ребенок. Полное имя молодой жены — Елена Семеновна Демина. Интересно, что ее мать Стефанида Стефановна — болгарка, которую муж привез с русско-турецкой войны. У Власа и Елены родилось 12 детей.

Влас Васильевич был участником Первой мировой войны, но родственники не знали, где и когда он служил. Ответить на эти вопросы смогла я. В архиве удалось найти анкету Власа Васильевича, из которой следует, что он был участником Первой мировой войны. Призывной возраст в Российской Империи — 20 лет, значит, призван он был в 1916 году. В другом доку-

менте, в «Билете эвакуированного солдата», указан полк, в котором он служил, — 196 Инсарский полк. В интернете удалось найти информацию о боевом пути полка в 1914–1917 годах, но нас интересуют только 1916–1917 годы, когда в полку служил Влас Васильевич:

«В окт. 1916 полк был переброшен в Румынию и вошел в состав 9-й армии Румынского фронта. В дек. принял участие в боях в районе Мунте-Корунта (Карпаты), до июля 1917 вел позиционные бои в горах; в авг. в составе 4-й армии принял участие в последнем наступлении рос. Армии».

Точно сказать, в каких именно боевых операциях участвовал Влас Васильевич, я не могу, но направление ясно — это фронт с Румынией.

Воевал Влас Васильевич почти два года. Из «Билета эвакуированного солдата» выяснилось, что 17 октября 1917 г. Влас Васильевич попал в лазарет, где ему поставили диагноз: цинга. А 25 октября 1917 г. он был демобилизован. Интересное совпадение: 25 октября 1917 года в Петрограде началось вооруженное восстание, которое приведет к власти большевиков. И новая власть круто изменит положение Повереновых.

Хоть в военном билете Власа Васильевича было написано, что из армии «уволен вовсе», но на Гражданскую войну был взят, о чем говорит заполненная им в 1931 году анкета.

Анкета

Поверенов Влас Васильевич

В 1910 был пастухом, до 1914 был хлебопашцем.

С 1916 г. по 1918 г. был на войне.

С 1918, 1919 и 1920 хлебопашец

С 1920 и 1921 г. был в Красной Армии.

Служил в Красной Армии по мобилизации 1920 года 8 отд. жд. рабочий батальон, демобилизовался в 1921. Ранен и в плену не был, под судом и следствием не был и никаким репрессиям не подвержен.

Вернувшись после Гражданской войны домой в Новые Пичингуши, Влас не только продолжал заниматься хлебопашеством, но одновременно был совладельцем паровой мельницы. Семья его жила небогато. Власу приходилось даже батрачить, видно, мельница давала небольшой доход.

В годы коллективизации, как и для всех Поверенновых, эта мельница стала камнем преткновения для сельского совета. Они были лишены избирательного права.

Вот характеристика «лишенца» В. В. Поверенова, из которой узнаем о состоянии его хозяйства:

Характеристика

На лишение избирательных прав с. Н.-Пичингуши Краснослободского района Поверенова Власа Васильевича.

Поверенов Влас Васильевич до революции совместно с братьями хозяйство имели средняцкое. После революции уже до 1924 года тоже с братьями имел 1/3 часть паровую мельницу, держали сезонных рабочих до 50 человек имел 2-х лошадей, 2 коров, мелкого скота до 15 голов.

В протоколе заседания пленума сельского совета тоже есть сведения о хозяйстве Власа Васильевича:

Выписка

Из протокола заседания Мордовской Окружной Комиссии по переvýборам Советов

Протокол №4/7 §34 от 8 марта 1930

Слушали: Ходатайство гр. Д. Пичингуши, Ельниковского района Поверенова Власа Васильевича о восстановлении в избирательных правах, коих он лишен как живущий на нетрудовой доход.

Постановили: в ходатайстве гр. Поверенову В. В. о восстановлении в избирательных правах отказать, как эксплуататору чужого труда и имеющему предприятие отказать.

К этому заявлению он предлагал справку о том, что служил в Красной Армии.

Справка

Предоставитель сего Поверенов Влас Васильевич действительно служил в рядах Красной Армии рядовым красноармейцем, призван в 1918 году.

Дано в настоящем на основании Военной книжки, и что удостоверяет Ново Пичингушанский Совет.

Но и Окружная Комиссия ответила отказом, несмотря на то что Влас Васильевич служил в Красной Армии и его поддержала

беднота деревни Новые Пичингуши, о чем говорит следующий документ:

Справка

Дано от членов колхоза имени «Од Веле» и от бедноты д. Н. Пичингуши, гр-ну Поверенову Власу Васильевичу в том что он лишен не правильно и как указано в протоколе имел мельницу, поэтому мы считаем ложно. Влас Васильевич и его отец батрачили, имели 1 лошадь, 1 корова, 3 года имели пар-мельницу, 1/9 часть на 6 братьев. А купчих и также арендованных ни сажня земли не имели. А также никаких рабочих и батраков не имели. И так как он сам Влас Васильевич был постухом, а отец его Василий Иванович был Председателем сельского совета, гаянл тезертиров... мы Беднота Актив колхоза считаем его лишение не правельным, а поэтому просим обсудить на Активе Бедноты и колхоза, до сего дня он не был лишен, состоял членом колхоза, и был в Красной Армии.

В чем подписуемся: подписались 25 человек.

Поздней осенью 1931 года семья Власа Васильевича была «раскулачена». Отобрали всё: дом, конюшню, одежду, посуду, зерно и муку. Раскулаченных сначала отвезли в Краснослободск (30 км от Ельников), где несколько дней держали в холодном подвале. На улице стояла минусовая температура, в подвале было ненамного теплее, и трое маленьких детей Власа и Елены умерли от переохлаждения. Вряд ли за это кто-то из властей ответил. Это была не единственная потеря детей, некоторые погибли на поселении. Потом семью отправили на спецпоселение в Кемеровскую область, где она находилась до 1935 года.

В 1936–1939 гг. Повереновы жили в поселке Рычковка Б. Реценского района Омской области. Здесь и родился сын Петр — Петр Власович, с которым мы установили хорошие отношения.

В 1939–1946 гг. жили в с. Дегтяревка Гурьевского района Кемеровской области.

В годы Великой Отечественной войны Влас Васильевич, как мобилизованный на трудовой фронт, работал на Кемеровской ГРЭС кочегаром.

Так в его личном деле появилась запись — рабочий. Это слово позднее во многом поможет его детям избежать последствий их происхождения.

До 1950 г. Повериновы (в результате ошибки так стала теперь писаться фамилия) жили в городе Кемерово и считались ограниченными в правах и свободах. Здоровье Власа Васильевича к этому времени было подорвано, начались проблемы с легкими. Врачи сказали близким, что жить ему осталось всего несколько месяцев. Семье дали разрешение на выезд, и Повериновы уехали в город Сталинабад (в настоящее время г. Душанбе) к родственникам, надеясь, что его здоровье поправится. Почему он выбрал именно этот город? Ответ прост — там уже жили его сестры Анастасия и Мария, а также брат Александр.

Как они оказались в Таджикистане, неизвестно, но там образовалась целая колония Поверенновых, которые поддерживали родственные связи, вместе отмечали праздники, собирались на проводы в последний путь своих родичей. Вот только в Новые Пичингуши почти не ездили: кто опасался новой немилости власти, кто не мог из-за возраста.

Надежды на сухой жаркий климат оправдались. Влас Васильевич прожил еще 21 год и ушел из жизни в январе 1971 года. Елена Семеновна пережила мужа на 8 лет. В настоящее время вся семья Власа Васильевича реабилитирована. 13 августа 1954 года вышло постановление Совета министров СССР № 1738/789сс «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц». Этим постановлением снимались ограничения по спецпереселению.

Теперь настало время поподробнее познакомить читателя с Петром Власовичем. При встрече он рассказал, что тот факт из жизни отца, что он был репрессирован, скрывался от детей. Когда Петю принимали в пионеры, отец просто предупредил, что не нужно много говорить, хотя мальчик и не очень понимал почему. При вступлении в комсомол Петр испытывал определенную тревогу, потому что уже кое-что знал, а вот когда решил вступить в коммунистическую партию, он уже серьезно опасался, что «докопаются». К этому времени он знал почти всю печальную историю отца. Но спасло то, что отец уже значился рабочим.

Петр рос юношей целеустремленным и всегда стремился к учебе. О себе он пишет так:

«В 1956 году я поступил учиться в Сталинабадский политехнический институт на строительный факультет. В 1961 году окончил институт по специальности инженер-строитель...

С ноября 1966 года по август 1968 года учился в аспирантуре Академии Наук Республики Таджикистан... В июне 1962 года окончил двухгодичные курсы вечернего Университета марксизма-ленинизма при Душанбинском горкоме Компартии Таджикистана — экономический факультет. В июле 1964 года окончил 6-месячные курсы по педагогике и психологии при научно-методическом кабинете Министерства народного образования Таджикской ССР. В 1981 году окончил отделение хозяйственных руководителей Университета марксизма-ленинизма».

Полученное образование и определило жизненный путь Петра Власовича. Сначала он работал преподавателем в Таджикском политехническом институте и в Душанбинском филиале Института инженеров железнодорожного транспорта. А потом много лет занимал руководящие посты. Перечислю только некоторые из них: заведующий вечернего отделения Душанбинского строительного техникума, руководитель группы архитектурно-строительной мастерской № 1 в проектно-институте «Таджиксельхозстрой», начальник Таджикского строительного управления «Курортстрой».

Петр Власович успел поработать даже в ЦК Компартии Таджикистана с 1987 по 1990 год. В 1990–1992 годах он работал в объединении «Таджиквнешторг» при Совмине Таджикской ССР.

В это время Петр Власович начал собирать материалы по истории своей семьи: фотографии, воспоминания, адреса родственников, разбросанных по стране от Калининграда до Дальнего Востока. Именно к нему, единственному из большого рода Повериновых, тянутся нити родственных связей.

После распада СССР принял решение вернуться на родину, в Мордовию. Интересно, что руководство Таджикистана обеспечило его сопроводительным письмом, в котором обращалось к руководству Республики Мордовия с просьбой оказать ему содействие при трудоустройстве.

В 1994 году Повериновы получили статус вынужденных переселенцев. Два года они прожили в г. Первомайске Нижегородской области, а в 1996 году поселились в Саранске, столице Мордовии.

У Петра Власовича и его жены Лины Васильевны родились две дочери — Ирина и Наталья (1972), которые вместе с родителями переехали из Душанбе в Мордовию. Ирина стала

журналисткой и несколько лет работала в газете «Вечерний Саранск».

После ухода на пенсию Петр Власович решил поселиться в сельской местности. Лина Васильевна осталась жить в Саранске. В настоящее время Петр Власович живет в деревне Булаево Темниковского района Республики Мордовия. Он по-прежнему ведет активный образ жизни и держит большое хозяйство: 10 пчелиных семей, 4 поросенка и 50 кур.

РОД САВЕЛИЯ ИВАНОВИЧА ПОВЕРЕННОВА

Савелий, младший брат, родился в 1872 году. Паровую мельницу, «паровик системы “Локомобиль” об одном поставе», он и его братья Андрей и Василий держали на паях. Совладельцами являлись они и их старшие сыновья, всего 9 человек. Повереновы работали на мельнице сами, а также нанимали сезонных рабочих и плотников для ремонтных работ. Машинистом на локомотиве и был Савелий.

У Савелия и его жены Прасковьи Федоровны на свет появились сын Михаил, дочери Домна и Василиса.

Сын Михаил родился предположительно в 1892–1893 году и окончил Краснослободскую мужскую гимназию (возможно, Пензенскую).

В период НЭПа Повереновы держали мельницу, но в начале коллективизации именно из-за нее начались их беды. Осенью 1929 года Савелий и его жена были лишены избирательного права, что он считал несправедливым и пытался вернуть себе право голоса. В Ельниковском муниципальном архиве я нашла его заявление:

*В Н. Пичингушанский Изберком
Гр-на д. Н.-Пичингуши Ельниковского района
Поверенова Савелия Ивановича*

Заявление

Я слышал, что меня лишили права избирательного голоса как эксплуататора на паровой мельнице, это в корне неправильно. На машиниста лично работаю я сам, а за засыпщика у камня стоит еще кто-либо из других членов, т. е. пайщиков мельницы. Что касается находящегося там временно, а не регулярно по плотницкой части и ему мы, пай-

щики, платили за эти дни, когда нужно что-либо упряднить по деревянной части.

Я одинокий, находящийся в разделе от брата Андрея с 1928 года в сентябре месяце.

На основании вышеизложенного считаю, что сельский совет внес в список ошибочно, а потому прошу избирком разобрать мое дело, и я как отец погибшего сына за революцию в Гражданскую войну против белой банды, последняя надежда, кормилец, слишком обидно, а потому прошу восстановить в правах Гражданства в чем и подписуюсь: Савелий Повереннов

Этот документ многое рассказал о Савелии Ивановиче. Написан он практически без грамматических ошибок, с соблюдением знаков препинания. Значит, он был не просто грамотным, а возможно, закончил Краснослободскую мужскую гимназию. Что касается несогласованности некоторых предложений, это можно оправдать волнением, с которым он писал.

Савелий Иванович, видимо, разбирался в механизмах, если он работал на «локобиле» машинистом. Он не отрицает применение наемной рабочей силы, но пишет, что это необходимо для поддержания порядка на мельнице.

Самое ценное в этом документе — информация о сыне Михаиле, которого он называет «последняя надежда, кормилец», который воевал против «белых» в Гражданскую войну и погиб в бою.

Но ни сельская, ни районная, ни областная комиссия избирательного права Савелию Ивановичу и членам его семьи не вернули. Более того, он и его жена были высланы в Казахстан, неподалеку от Караганды. Их высадили в степи, заставив копать землянки. Савелий Иванович простудился и умер. Прасковья Федоровна выжила и после окончания ссылки кое-как добралась до Новых Пичингуш. Их дом стал собственностью колхоза, поэтому она стала жить у дочери Василисы. После войны переехала в лесную деревню Лепченка к дочери Домне, где и умерла, дожив до глубокой старости. Работала в колхозе, жила тихо и незаметно, ничем не привлекая внимания людей. О ее судьбе мне рассказала ее внучка Зинаида Дмитриевна, дочь Василисы, во время нашей встречи в Новых Пичингушах.

Теперь расскажу о Домне, дочери Савелия Ивановича. На семейной фотографии красавица Домна стоит рядом с братом.

На голове — традиционный платок мордвы-мокши. Выходной наряд дополняют бусы в несколько низзюк.

Судьба Домны — это сюжет для большого романа, в котором сплелись в тугой клубок любовь, вдовство, тяжелый труд военных лет. Савелий Иванович нашел дочери богатого жениха и выдал за него. Не смея идти против воли отца, Домна вышла замуж без любви, и от этого брака не родились дети. На своем жизненном пути она встретила бедного крестьянского парня Филиппа Ефимкина из деревни Лепченка и полюбила его. Имея сильную волю и не менее сильный характер, Домна нарушила волю отца и освященный церковью брак. Она убежала к любимому. В 1923 г. у Домны и Филиппа родилась дочь Александра. Савелий Иванович не простил дочь и не дал ей благословения на новый брак. Когда Домна пришла к отцу просить прощения, он не стал с ней разговаривать и тяжело проронил лишь одну фразу: «Как листья на осине дрожат от ветра, так и тебе дрожать всю жизнь!» Пророчество отца сбудется сполна. Домна в годы Великой Отечественной войны станет вдовой.

Филипп Николаевич был Домне хорошим мужем. За семейными заботами находил время учиться. Он родился в 1897 году, в 1928-м окончил годичные курсы учителей для национальных меньшинств Пензенского педагогического техникума, в 1937 году — заочное отделение Краснослободского педагогического училища. Работал учителем Лепченской начальной школы, а незадолго до войны был назначен директором Старо-Синдровской средней школы. Отсюда он и ушел на войну.

Домна Савельевна прожила 85 лет. До последних своих дней помогала дочери Александре, во многом повторившей судьбу матери. Замуж Александра вышла за Кузьму Павловича Ефимкина — фронтовика, орудийного номера 231-го стрелкового полка Степного фронта, вернувшегося с войны в 1943 году без одной руки (ампутирована после тяжелого ранения под Харьковом).

Александра Филипповна рано овдовела и осталась одна с четырьмя детьми, младшему из которых еще не исполнилось и года. Домна Савельевна растила внуков, а потом и правнуков, которые вспоминают ее с большой любовью, теплотой и благодарностью.

Сейчас в нашем селе живет внучка Александры Филипповны Надежда Андреевна Гришенкова, учитель музыкальной школы

(фортепиано). От Повериновых она унаследовала музыкальный слух и сильный голос — удивительно красивое сопрано. Такого голоса в округе больше нет. Надежда Андреевна исполняет романсы, русские народные и современные лирические песни, ежегодно представляет наш район на республиканском конкурсе народных талантов «Шумбрат, Мордовия!». Надежда Андреевна руководит хором детской музыкальной школы. Для нее история семьи тоже была мало известна, большое спасибо ей за помощь в поиске материалов и фотографий.

* * *

В самом центре села Новые Пичингуши растет ветла. Никто не может назвать ее возраста. Семидесятилетние старожилы помнят ее с детства, такой же могучей и раскидистой. Ее кора испещрена уродливыми шрамами и трещинами. Такие же глубокие шрамы и на роду Повериновых.

Ветла была свидетельницей всех событий, происходящих в селе в XX веке. Жаль, не может о них рассказать. Так же долго ничего не рассказывали об истории своего рода Повериновы. Шелестят листья на могучих ветвях дерева. Их не сосчитать. Так и род Ивана Фомича Повереннова. Он словно ствол ветлы, а его потомки — множество листьев на ветках.

Я подсчитала потомков его сыновей. У Андрея Ивановича во втором и третьем коленах более 60 человек, у Василия Ивановича — более 82, у Савелия Ивановича — более 24. А ведь есть еще четвертое и пятое колена!

Из родословной, составленной Петром Власовичем, я выписала названия следующих населенных пунктов, где живут потомки Андрея, Василия и Савелия Повериновых: в Мордовии — город Саранск, села Новые Пичингуши, Стародевичье, Большие Мордовские Пошаты, деревни Булаево и Лепченка; в Пермском крае — село Путино; в городах Владивосток, Гурьевск, Ленинск-Кузнецкий, Миас, Москва, Новокузнецк, Новокуйбышевск, Новосибирск, Новотроицк Оренбургской области, Санкт-Петербург, Тамбов, Челябинск; в регионах России — Алтай, Сибирь, Чукотка; за границей — Германия, Белоруссия, Таджикистан — Душанбе, Казахстан — Алматы. Потому и не знают многие Повериновы о существовании друг друга, что разбросало их по стране.

Могучая крона у дерева Ивана Фомича Повереннова, о котором большинство потомков и не знают уже ничего. Это незнание я попыталась превратить в знание. Хороший союз получился у нас с Петром Власовичем Повериновым: я смогла документально подтвердить многие факты из его устных рассказов.

Я очень благодарна тем его родственникам, которые откликнулись на мои письма. Я написала 9 писем, ответов получила 3. Это были ответы-исповеди, ответы-размышления, ответы-сожаления, что нельзя уже никого расспросить о прошлом своего рода.

Шестеро не захотели или не смогли ответить мне, думаю, по разным причинам. Возможно, они просто не захотели быть откровенными с незнакомым человеком. А возможно, привыкшие с детства молчать о семье, они сохранили эту установку навсегда. Тут, видимо, уже действует «бессознательное» — определенное внутреннее состояние, сформированное старшим поколением, определило поведение потомков. История семьи у кого-то не вызывает интереса...

А Петр Власович Поверинов достоин восхищения и глубокого уважения. Именно благодаря ему род Ивана Повереннова, родившегося 200 лет назад, не ушел навсегда в неизвестность.

Если бы «могучее дерево» Ивана Фомича осталось на родной земле, то деревня Новые Пичингуши сейчас, наверное, не относились бы к тем деревням, которым грозит окончательное запустение.

«Под большим трепетом»

Екатерина Загоруйко, Александра Карасева,
Александр Лысенко, Давид Юневич
школа № 6, г. Новочеркасск, Ростовская область
научный руководитель Елена Георгиевна Губанова

Наша учительница истории предложила нам расшифровать дневник Дмитрия Максимовича Гальченко за 1930 год. Это был крестьянин-единоличник, проживавший в селе Крученая Балка Сальского района Ростовской области. Самой большой проблемой было прочесть записи. Первая сложность заключалась в том, что мы работали не с оригиналом, а с копией и, как хотим заметить, не самого лучшего качества. Непросто было разобрать почерк. Страницы дневника были затерты, растекались чернила, часто встречались кляксы, грамматические ошибки. Поначалу нам казалось, что понять хоть что-то будет просто невозможно, но день за днем наши глаза привыкали к почерку автора, и дочитать текст до конца уже не составляло труда.

Дмитрий Максимович писал кратко и по делу, но часто, даже сам того не желая, показывал свое отношение к происходящему. Записи в дневнике он делал ежедневно, «под впечатлением» свежих событий.

После того как мы написали работу по первой части этого дневника за 1930 год, летом следующего года наша учительница предложила поехать с ней в село Крученая Балка, где раньше жил Дмитрий Гальченко, чтобы увидеть своими глазами это место и его дневники.

Мы приехали в школу, где хранились остальные дневники Д. М. Гальченко, и познакомились с Татьяной Ивановной Арефьевой, учителем истории из школы села Крученая Балка. Она нам в подробностях рассказала, откуда эти дневники, как они попали именно в эту школу. Оказывается, один школьник просто захотел получить пятерку по истории и сказал, что принесет дневник своего прадедушки, который он нашел у себя на чердаке. Его семья понятия не имела, что это ценный источник, тетради были вынесены на чердак, большая часть из них испорчена мышами.

Дневников Дмитрия Гальченко оказалось немало, как минимум 20 тетрадей. Причем на тетради за 1930 год стоит номер — 7, то есть они были начаты как минимум в 1923 году,

тетрадь 1938–1939 годов — двенадцатая, на обложке дневника за 1951 год стоит номер 20. За 28 лет — 20 тетрадей. Три из них (за 1938–1939 и за 1951) хранятся в музее, одна (за 1930 год) — в семье, судьба дневника 1937 года нам неизвестна, но о нем упоминается в записях за 1938 год.

В дневниках за 1938–1939 годы Гальченко описывает свою жизнь очень скупо. Несмотря на то, что в этом дневнике записи за два года, информации намного меньше, чем в дневнике за 30-й год. Возможно, в 1938 году он уже боится писать откровенно. В этом дневнике Дмитрий Максимович мало пишет о политике, о событиях в селе, в тексте реже встречаются оценки, размышления о жизни. Записи в дневнике 1930 года были наполнены острым чувством несправедливости, возмущением тем, что сделала власть, борьбой за выживание, упрямым желанием не поддаваться. Прошло время. Этот дневник иной. Кажется, что Дмитрий Максимович смирился с существующей ситуацией. Он уходит в свою частную жизнь. Но и тут есть записи, в которых он сравнивает настоящее время с прошлым, рассуждает о жизни, сравнивает единоличников и колхозников. Дмитрий Максимович не хотел идти ни на какое сотрудничество с властью, ограничиваясь необходимым для существования. За 9 лет с начала коллективизации он так и не вступил в колхоз.

«КОРОВА КАТЬКА. ТЕЛКА МАНЬКА. ОВЦА РЯБОМЫЗАЯ. КОШКА СЕРАЯ — ОДНА»

Дмитрий Гальченко ведет свой дневник с 1 января 1930 года. День за днем он описывает события, происходящие в его жизни. Записи лаконичны, но ведутся ежедневно, что позволяет достаточно подробно представить, что происходило в его крестьянском хозяйстве.

В 1930 г. он подробно описывает это хозяйство, более того, он записывает каждую вещь, которая есть у него и его семьи, то есть проводит подробную инвентаризацию. Крестьянин-единоличник Дмитрий Гальченко имел несколько построек. В 1909 году был выстроен амбар из дерева, а в 1912-м — каменный дом, крытый «цинком» (металлической крышей), и в 1913–1914 годах — саманные конюшня и катух (хлев для мелкой скотины) с двумя отделами. Примерно тогда же был построен «бассень цементов. для воды», что для нашей местности

очень важно. Такие емкости есть во многих хозяйствах и сейчас, если не проведен водопровод. Затем следует большой перерыв в обустройстве двора — это период Первой мировой и Гражданской войн. Двор начинает обустраиваться только с 1921 года, и для построек используется преимущественно более дешевый и доступный материал — саман. Мы заинтересовались: откуда вообще у крестьянина появился дом, в котором проживала его семья? Мы знаем, что Дмитрий Гальченко родился в 1890 году, на момент написания дневника за 1930 год ему было 40 лет. А так как дом был выстроен в 1912 году, то мы предполагаем, что он достался ему от родителей или он сам приобрел его.

Вообще Гальченко считался крестьянином-средняком. Но у него были две лошади (правда, одна нерабочая), сеялка, веялка, сепаратор, маслобойка; также он занимался мелкой торговлей. Исходя из этого, мы предполагаем, что при желании его можно отнести и к кулакам.

«ТАКОЙ ЖИЗНИ НИКТО НЕ ПИРИЖИВАЛ ЕЩЕ»

У Гальченко было несколько источников дохода. Основным источником для получения наличных денег был подсобный промысел: рыбалка и продажа домашней продукции. Мы считаем его основным потому, что он ежедневно ходил за рыбой и, если был хороший улов, продавал ее. Помимо дохода, получаемого от подсобного промысла, он брался за любую работу, которая только попадалась, ради дополнительного дохода.

Одной из наиболее важных составляющих в хозяйстве Гальченко был скот, который он содержал. Это позволяло ему кормить семью, продавать на рынке продукты или обменивать их на другие необходимые товары.

По сути, жизнь Дмитрия Максимовича была разделена на две половины: хозяйственные заботы и свободное от них время, но это разделение весьма условно.

Если говорить о его свободном времени, то в дневнике встречаются записи о том, что он читал газеты, ходил в клуб, в кино, но достаточно регулярно встречается запись о том, что он сам или с друзьями употребляет спиртные напитки. Это могли быть водка, вино, пиво. Независимо от того, праздничный это день или рабочие будни, он всегда находил повод и время для того, чтобы выпить.

Читая дневник Гальченко, нам стало интересно, почему же он так много пил? Было ли это привычное времяпровождение при встрече с друзьями или отдых после тяжелой работы, или же это пристрастие связано с чувством безысходности, которое звучит на всем протяжении дневника: *«вели реч долго о жизни»; «сели ужинать выпили 2 бут. водки и вели реч долго о жизни и в 12 час лег спат».*

Нам стало интересно, только он позволяет себе такое количество алкоголя или для 1930-х годов это было явление массовым? Вот результаты наших поисков. Оказывается, к 1930-м годам проблема пьянства не только не была разрешена, но с переходом к коллективизации еще более усугубилась.

«В 1930 году среди крестьянства отмечалось “небывалое” групповое пьянство, длившееся целыми неделями. Деградация и пьянство являлись своеобразной формой протеста крестьян против новых устоев жизни, принесенных в деревню коммунистами. В это время объемы самогонварения в деревне стали весьма значительными, пьянство же крестьян приобрело форму социального бедствия» (his.1september.ru/2005/20/24.htm).

Но всё же Гальченко находил время и для того, чтобы сходить в кино или в клуб со своей женой. Клуб являлся культурным центром села, где собиралось большое количество людей, от молодежи до людей преклонного возраста. Тут проходили собрания, лекции, обсуждались проблемы сельской жизни и т. п. Гальченко читал газеты, но если писали о коллективизации, то он порой просто откладывал газету в сторону.

10 января

«Я получил газеты и читать их нет охоты они все на сплошной коллективизации и я лег спат»

В клуб он ходит и для того, чтобы быть в курсе происходящего, хотя очень многого он не может принять. И главное — это борьбу с религией:

12 января

«В клубе и нонче без божники проводили собрания старшие чтобы закрыт церковь»

30 ноября

«Читал Евангелие»

Чтение Евангелия было ему необходимо. Чаще всего эти записи встречаются после каких-то серьезных событий, связанных с коллективизацией или противостоянием внутри села.

Он часто делает вывод, что выпавшие на их долю испытания — следствие того, что люди отступили от Бога, что это всё — Божья кара.

«Я ПОКА ЯВЛЯЮС ПРОТИВНИК КОЛХОЗА»

Записи Дмитрий Гальченко ведет ежедневно, и это позволяет нам проследить те проблемы, которые возникали у крестьянина-единоличника в эпоху «Великого перелома», а точнее великого крестьянского слома. Читая эти записи, мы видим, как обкладывают его со всех сторон, какое давление оказывают, как сдаются под этим давлением его односельчане.

Практически не было ни дня без дурных вестей. Неслучайно 5 февраля он сделал запись: *«Стало жит так как день пережил то и слава богу»*.

Дмитрий Гальченко был одним из немногих грамотных крестьян, и, хотя почерку него, как мы в этом убедились, был совсем не каллиграфический, его постоянно привлекали к ведению документов колхоза, проведению ревизий, работе в разных комиссиях. У нас есть возможность проследить взаимосвязь решений власти с записями в его дневнике. Например, 3 января Политбюро ЦК ВКП(б) был представлен проект постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству, который предусматривал сокращение сроков коллективизации, а в отношении зажиточной части крестьянства говорилось, что партия перешла «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». 5 января 1930 года проект постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» был утверждён на заседании Политбюро и 6 января опубликован в «Правде».

Через несколько дней после этого мы читаем о последствиях этого постановления. Уже **1 января** Гальченко вызвали в сельсовет осуществлять ревизию. С **1 по 12 января** Дмитрий Максимович ежедневно участвовал в проверках.

Вечером он делает ключевую запись: *«я пока являюс противник колхоза»*. Что привело к появлению этой записи неясно; возможно, события, связанные с ревизией, разговоры в сельсовете, а возможно, эти слова — результат его размышлений по-

следних дней. Но именно они определяют для Гальченко не только весь 1930-й год, но и всю его дальнейшую жизнь.

С этого дня начнутся его постоянные конфликты в сельсовете.

14 января *«жену звали в комиссию почему она не учится не записана в школу и если не будет учиться то предадим суду»*. Согласно декрету Совнаркома «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 года, всё население в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке (по желанию). Сам Дмитрий Максимович был противником принудительной ликвидации безграмотности, когда *«даже сам себе не человек заставляют учиться хоть ты и не хотишь все пошло на оборот нет ни стыда ни греха»*.

«ТУТ ПЛАЧУТ И СКАЧУТ»

С **24 января** местные сдались, *«начали писать в колхоз записался первый Иван Сизько»*.

В конце месяца местного священника посадили в тюрьму за невыплату задатков под тракторы, а церковь обложили налогом в 1300 р., иначе ей грозило закрытие, чего, собственно, и добивались власти. Верующие попытались собрать необходимую сумму, но, как пишет Гальченко в дневнике, *«на этом грабежи только начинались»*. **27 января** у нескольких жителей села забрали всё имущество, как пишет Гальченко, *«пошло обратно что и было раньше берут что попало всё подгребло я там побыл посмотрел оно страшно»*.

28 января его в очередной раз вызвали в комиссию и спрашивали о том, почему он не записался в колхоз. В этот день забрали имущество еще у нескольких людей, *«имущество забрали в колхоз что организовывался новый всего села записалос уже много»*.

На следующий день Гальченко в комиссии задавали те же самые вопросы, к которым он начал уже привыкать, у людей так же продолжали вывозить имущество.

Уставший от накопившихся проблем, он *«сильно разстроенный и со слезами вышел»*.

30 января он пошел в полеводсоюз получить деньги за сданную рожь. Зерно сдавали по минимальным ценам, но и эти день-

ги ему не вернули, а переписали их в счет задатка под тракторы, *«хотя я и не хотел-бы все равно плати что наложено 75 руб.»*. И снова в комиссии повторилось всё то же, что было два дня назад. Теперь Гальченко пригрозили таким образом: *«если не будешь писаться в колхоз то все равно обобществим твое имущество и запишем что ты в колхозе по постановлению общего собрания»*. Но и угрозы не могли заставить Дмитрия Максимовича записаться в колхоз, он стоит на своем: *«я сказал что не пойду в колхоз»*.

Среди противников коллективизации был не он один, все население разделилось: *«народ некоторые ходят как убитые курные и скучные а некоторые этому рады и смеются»*. Бедняки, получавшие массу преимуществ, вступив в колхоз, *«говорят что у нас теперь всего много и мы хозяева»*. В дальнейшем раскол между колхозниками и единоличниками будет углубляться: колхозники получили право диктовать своим односельчанам. Они особенно активно будут пользоваться этим правом при дележе земель, обложении налогами и в процессе раскулачивания.

В клубе проводят очередное собрание. Рассматривают два вопроса: о коллективизации и ликвидации безграмотности, *«поставили что все должны быть в колхозе имущество обобществить. который и не хочет все равно его имущество поступает в колхоз»*.

Здесь же Гальченко отмечает еще одну особенность нового времени. При выборе комиссий, *«кого вычитают тот и остается никаких голосований нет»*.

Гальченко попал в ту комиссию, которая ежедневно досаждала его жене: *«попал и я в комиссию по ликвидации неграмотности прозбы не принимают»*.

Как видим, за один месяц на Дмитрия Максимовича свалилось огромное количество проблем и они накапливались, как снежный ком. Остается только удивляться, с каким упорством, несмотря на многочисленные угрозы, он стремится к тому, чтобы остаться единоличником, не вступать в колхоз, хотя оставаться вне колхоза становится опасно. Он живет под угрозой раскулачивания, власть всячески демонстрирует преимущества в положении тех, кто сдался. Очевидно, что село расколото, зарождается противостояние между колхозниками и единоличниками.

«ТО И СМОТРИ ПРИЙДУТ КАЛЕЧИТ»

1 февраля 1930 года ЦИК СССР принял постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Оно отменяло аренду земли и применение наемного труда, а краевым исполкомам давалось право применять все меры против кулачества, вплоть до конфискации имущества и выселения из района и края. С **1 февраля** Гальченко должен был ходить с комиссией по ликвидации безграмотности *«по дворам и кто неграмотный и не ходит в школу то сейчас же явится в красную школу на расправу»*. Когда он выходил из дома, его в очередной раз *«завернули в комиссию по коллективизации и принуждали записаться»*. Дмитрий Максимович отказался.

2 февраля Гальченко стал свидетелем еще одного нового для него события — чистки партийных рядов. Собрание проходило в клубе. Он не описывает подробно, что там происходило, только свое впечатление: *«это просто я низнаю как и записать один ужас»*.

В своем дневнике Гальченко стал все чаще размышлять о переменах в жизни: *«Жилос очень плохо под большим трепетом то и смотриши не идуть ли забират имущество как воробей боится кобца так и наша жизнь»*.

Продолжалась *«грабировка или ликвидация хозяйств»*. Тем временем было избрано правление колхоза.

Дмитрий Максимович пошел на мельницу забрать муку, которую смололи из его зерна, но муку ему не дали. Сказали, что *«только тем кто выполнил все задания по хлебозаготовке по обмену семян задатки под трактора потом целевые взносы и записался в коллектив тогда тому и мелють»*. Гальченко решил пожертвовать мукой, но в колхоз не вступать, а вечером он в дневнике записывает: *«Стало жит так как день пережил то и слава богу как день настал и души нет то и смотри придут калечит»*. Эта фраза записана в начале года, но такие ощущения остаются с ним до конца 1930 года.

После собрания по ликвидации безграмотности Гальченко всё же согласился отправить свою жену в школу.

8 февраля из села опять «угнали» несколько человек и забрали все их имущество. Гальченко комиссия пригрозила бойкотом, если он не запишется. На следующий день он идти в ко-

миссию и высовываться на улицу побоялся. Через день всё-таки пошел в комиссию, а там, как всегда, *«говорили одно и тоже пишис в колхоз вези семена плати задаток за трактор»*. В итоге он согласился только оплатить 50% задатка под тракторы и обменять 15 пудов семян.

Несмотря на плохие отношения с сельсоветом, он продолжал состоять в ревкомиссии и присутствовать при передачах кассы. На некоторое время всё успокаивается, но вскоре пошли слухи о том, что *«по селам идут бунты за то что обирают дворы или хозяйства даже в селе Екатериновке были убитые и раненые»*. К счастью, бунт не дошел до Крученой Балки, возмущения крестьян приостановили ретивость местных сторонников колхоза, *«по селу притихли не стали обират стало что-то легче»*. Но это не означает, что село не осталось без внимания вышестоящих инстанций. В сельсовет приехали *«сторонники в пальтах с чимоданами и что-то не так некоторым ворочают что брали даже гальченковых мих. иван. и семеновича Андрея пустили домой»*. Кем были эти «сторонники», непонятно, возможно, это были уполномоченные по коллективизации. Ясно только, что они горожане, по фразе *«в пальтах с чимоданами»*. Гальченко описывает ситуацию как «что-то не так», потому что не может понять, с чем связано некоторое смягчение ситуации, потому что ничего хорошего он от этой власти уже не ждет.

Тем временем активно строился поселок при огромном зерновом совхозе «Гигант», целью которого было *«обратить первобытную степь в безбрежное море хлебов»*: *«Выстроился городок гиганта где были степи теперь город»*. Несмотря на это ездить туда за покупками крестьянину-единоличнику было невозможно: *«Купит там без книжки ничего недают»*. Ему снова дали понять преимущества в положении колхозников.

Светлая полоса в жизни села длилась недолго: 10 февраля крайисполком принял свое постановление *«О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края»*. Согласно этому постановлению, кулаки выселялись и расселялись в соответствии с их благосостоянием и отношением к советской власти. Уже **27 февраля** из Крученой Балки *«выпровожали 8 семей... куда неизвестно и с прочих сел везли много бедные люди жены дети холод и они плачут»*.

Продолжились набеги на хозяйства: *«ветряную мельницу болгова разбирали колхоз. и строил ясли для лошадей»*. Естественно,

но, это были ясли для лошадей тех людей, что состояли в колхозе. Гальченко опасается: *«завтра тоже последую этому»*.

В первый день весны вышло утверждение примерного устава сельскохозяйственной артели, согласно которому обобществлялись земли, скот и инвентарь. В личной собственности крестьянина оставались дом, усадьба, одна корова и определенное количество голов мелкого скота.

В это время в селе Крученая Балка избиралась ленинская ударная бригада, *«избирали только охотников добровольцев»*. О том, как проходили выборы, Гальченко делает лаконичную запись: *«сами себя один другого назначали»*. Он не был еще готов к тому, что все выборы впоследствии будут проходить по заранее заготовленному сценарию, пока что его это удивляет.

«КАК ЖИТ И КАК БЫТЬ»

2 марта, последний день Масленицы, для Дмитрия Максимовича был важным, как для верующего человека. Дома у него был *«прощальный вечер»* — *«с церкви пришли брат василий с женой долго сидели говорили как жит и как быть»*. Гальченко сокрушается: *«теперь этому всему люди не верить. мало осталось верующих а то много безбожников»*. В начале Великого поста *«зашел в лавку взял сахару по 100 грамм на душу давали»*.

Публикация в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возлагает вину за катастрофические последствия коллективизации на местные власти, давала надежду на некоторое сдерживание местной власти.

Когда в очередной раз Гальченко пригласили в комиссию и начали давать указания, он сказал: *«позвольте мне самому знать что делат пока я еще не вколхозе»*.

Но надежды были напрасны. Уже через день к привычным вопросам на собрании добавляется обсуждение вопроса о *«разселении кулака как класса»*. Гальченко, как ни странно, был избран секретарем собрания. Шло долгое и бурное обсуждение всех вопросов. В итоге Дмитрий Максимович записал: *«не согласится с постановлениям Райисполкома»*.

8 марта его вызывали вывезти 4 пуда ячменя, но он просто *«отказал везти»*. В этот день он делает запись, свидетельствующую, что в деревне идет обесценивание денег, некоторые товары идут только на обмен: *«Пришел в лавку хотел купить»*

табаку но его давали только за яйца и железо а за деньги нет недают».

«ШУМ И СЛЕЗЫ»

В первый день лета проходило собрание, но Дмитрий Максимович не пошел: *«что-то и охоты нет уже только говорить хвалятся а на деле ничего нет».* Эту оценку власти, колхоза и всех происходящих событий разделяли многие крестьяне, но они не могли огласить ее публично.

3 июня он ходил в опросную комиссию, там *«регистрировали посевы по налогу».* Несмотря на то, что урожая еще не было, налоги уже были рассчитаны.

В своем дневнике он точно передает настроение крестьян, чувство безысходности и давления власти на них: *«У меня что-то была досада тоска не мил и белый свет. что-то якобы чувствовалос надо-мной не хорошее».* Оснований для таких чувств было немало, но то, что происходило в эти дни у него на глазах, его поражает: *«тут при сел/совете за хлеб сколько было слез люди голодные пришли до кова давай хлеба а его нет и в кове спор. шум и слезы».* В КОВе — кассе общественной взаимопомощи, скорее всего, находился зерновой фонд. *«и тут-же в поле не очень радовало и сама жизнь никчему. очень и очень плохо жилос в особенности крестьянам».* Это фразой Гальченко еще раз подчеркивает положение и настроение обычных крестьян.

14 июня Дмитрий Максимович поехал вместе с «поверочной комиссией» посмотреть свой загон, который засеял осенью. *«Хлеба нет и корму нет тот-же голод или хуже чем в 1921 году. Как жили раньше и не знали чтобы хлеба нехватало и ничему не видели конца и краю. Тепер жизнь пропала нукуда».*

26 июня XVI съезд партии ВКП(б) утверждает лозунг «Пятилетку — в 4 года», настаивает на необходимости продолжать коллективизацию, уделяя при этом первостепенное внимание техническому прогрессу.

«КАК ВИДНО НАРОД ГОЛОДНЫЙ»

14 июля *«к нам в село прислали хлебозаготовителей. Давай хлеб. А купить нам не разрешается. В лавку пойдеш что купить то тоже не продають говорят что это только для колхоза».*

Как видим, у членов колхоза были большие привилегии по сравнению с крестьянами-единоличниками даже при покупке хлеба. Гальченко сравнивает времена: *«Теперь вздумаеш как жили раньше и теперь то Евангелие написано правильно. И это не жизнь а мучение народа хотя и народ стал хуже быт некуда»*. Он оценивает все страдания народа как божью кару за совершенные грехи.

20 июля из-за неурожая резко обострилась ситуация с зерном, была запрещена продажа хлеба частным лицам, так как первоначально нужно было выполнить хлебозаготовку. Гальченко пытается купить хлеб.

21 июля Дмитрий Максимович поехал за хлебом на хутор, там продавали дорого и мало. Но оказалось, что сама покупка хлеба была не единственной проблемой: *«но самая беда по вывозу хлеба нет не дают хоть и купиш то милиция отбирает и везде ездют верхами и не дают купить»*. С надеждой на лучшее он поехал на станцию Целина. Но там *«народа масса но все купит хлеба а его и напоказ нету»*. Фраза «даже напоказ нету» говорит о том, что товаров не было вообще. Та же ситуация была и с животными: *«На базаре скот тоже отбирали в государство а вольно не давали продат»*. Крестьяне не имели права ни продать, ни забить животное, даже если кормить его было нечем.

На базаре опять *«ничего нет тьма народа если где что продают то тоже спор шум»*. Чтобы купить что-либо, нужно было найти товар, протолкнуться среди остальных желающих, предлагать более высокую цену покупки и успеть его забрать так, чтобы не попасться в руки милиции. И тут появляется запись, характеризующая начало 30-х годов для советского народа: *«как видно народ голодный»*. Гальченко напрямую обвиняет власть в организации голода: *«ист нечего хлеб наш украли»*.

26 июля его позвали в сельсовет и *«зделали заседание ревкомиссии и передали кассу сельсовета»*. Работа в ревизионной комиссии помогала Гальченко остаться в селе и не быть высланным. Гальченко жалуется: *«хлеба нигде нельзя купит и скотские базары тоже разгоняют. ни купит ни продат как писано в Евангелии»*. В очередной раз он представляет все беды народа как наказание свыше. В этот день он пишет: *«местами урожай хороший хлеба а местами нет ничего и тут тоже мор и голод людям где не уродило»*. Те, у кого был хороший урожай, не могли продать хлеб голодным, пусть и по высокой цене. Вме-

сто этого всё скупал колхоз за гораздо более низкую цену. Такое вмешательство государства в торговлю повлекло за собой голод 30-х годов.

В связи с голодом в конце июля и в начале августа толпы людей ежедневно собирали колоски с убранных полей. Дмитрий Максимович не исключение: *«приехали в гигант на сенную балку там масса народа собирают колос и мы тоже стали собирать и собрали 2 мешочка»*. Милиция пыталась препятствовать этому: *«тут народа набилос еще более и нас обратно согнали не давали збират колос тогда немного разъехалис люди мы тоже»*. Подумав, что милиция уехала, Гальченко вновь отправился в поле, но *«тут нас прихватила милиция с винтовками и я в кучках под соломой пролежал часа 2»*. Можно только предполагать, какой страх он испытал, чего он только не передумал: его могли арестовать, семья могла остаться без кормильца. Поражаясь размерами зерносовхоза «Гигант», он пишет: *«хутора все гигант уничтожил и выгнал всех. И занял все гигант»*. Как видно из записи, успех «Гиганта» был достигнут жесткими и несправедливыми методами. Его «эффективность» была связана с бедами тысяч людей.

Ежедневно в течение двух недель Гальченко ездил собирать колоски, и, возвращаясь назад, *«боялис чтоб у нас не отобрали зерно»*.

«ВРЕМЯ ОБРАТНО НАСТАЛО МУЧИТЕЛЬНО И УТОМИТЕЛЬНО»

Голодные люди уже не боялись ничего, они были готовы на всё, лишь бы просто съесть кусок хлеба. Почувствовав невозможность согнать людей с полей, милиция действовала иначе: *«ехат было опасно стали много отбират зерно»*. У людей просто стали отбирать собранное по пути домой.

Праздник **19 августа** в дневнике Гальченко описан буквально так: *«Праздник Преображения Господне или освящение яблок но их нет особенно овощей никаких нет»*. В церкви народа было на редкость немного, *«мало светили яблоки потому что их нет»*. Общаясь за обедом со знакомым, *«признали что при советской власти плохо никаких твердых законов нет. и тоже жит нельзя. Время обратно настало мучительно и утомительно стали выселят людей и всем грозили что выселят кто не пойдет в колхоз»*.

От голода люди освирепели, видели во всех своих врагов: *«ходил на вальцовку узнат чтобы смолот но там тоже спор руганка в плот до драки».*

22 августа к нему приходила знакомая, *«у них все забрали хлеба нет».* Планы по хлебозаготовке выполняли беспощадно, людям просто не оставляли заработанный урожай даже на пропитание.

«НАВЕРНО СКОРО И НАМ КОНЕЦ»

4 сентября, придя на базар, Гальченко не обнаружил никаких строительных материалов: *«ни лесу никакого и ничиво нигде нет не то что раньше было при царизме сколько чего хочиш и покупай».* Когда он попытался продать корову, ему сказали: *«скот не дают продават на базаре а отбирают в коз».*

12 сентября Дмитрий Максимович явился в клуб, *«была уже составлена комиссия по терзанию и мучению людей».* Там ему сказали: *«плати налог штрафовку бери займы. Затем хлебозаготовка вези 5 пудов хлеба сеят к 25 сентября общественную 5 саж. на рабочую лошадь. Затем мне извещение что должен посеят озимой 4–5 га».*

Колхоз выдвигал почти невыполнимые требования; жизнь крестьянина Гальченко стала похожа на жизнь крестьянина при крепостном праве. Также его заставляли брать заём под названием *«пятилетка в 4 года».* Этот заём был одним из способов получить средства для проведения индустриализации за счет крестьянства. Давали новые книжки *«с добавлением пая мне 6 руб. добавит»* и пригрозили: *«Если не плотиш то вылетай домой. и пай твой погиб и не получиш из лавки ничего и на копейку».* Крестьяне были поставлены в ситуацию, когда они были вынуждены выполнять требования власти по дополнительному налогообложению, в противном случае они могли остаться и без земли, и без возможности купить продукты.

14 сентября, оплатив налог и страховку, Дмитрий Максимович отправился по другим селам, чтобы продать свой товар и купить такой, какого не было в его селе.

18 сентября при попытке купить картофель *«нас милиция и комса выгнали не дали ничего купит».* Причина прозвучала следующая: *«здесь заготовки картофеля».* Государственные заготовки продуктов кажутся абсурдом на фоне голодающего на-

селения. По его записям можно понять, что, скрываясь от милиции, он объезжал все села по заброшенным дорогам.

24 сентября по дороге домой он узнал, что *«в Богородицком селе ночью выселили куда неизвестно 30 дворов сразу подъехали подводы колхоза и наваливали и повезли куда ничего не знает»*. Возникла новая волна выселений кулачества, начавшихся еще в феврале.

На следующий же день его вызвали в клуб и там предлагали брать заём, заставляли везти хлеб на хлебозаготовку, *«обратно терзают мучают я пока отовсего отказался»*. Это был своего рода протест, в котором чувствовалось реальное бессилие. У крестьян не было возможности переломить ситуацию, они не могли действовать активно, не могли объединиться и оказать организованное сопротивление. Те бунты, которые происходили в течение года, были разрозненными и не принесли результата.

«КАК ПРИЖМУТ ТО НИЧЕМУ НЕ РАД»

В октябре начинается новый виток коллективизации и практически каждый день Гальченко делает записи о выселениях, арестах, шантаже и всё это время живет в ожидании катастрофы.

1 октября при дележе земель Дмитрию Максимовичу, как единоличнику, достаются наиболее неудобные земли.

3 октября придя на базар, он увидел, что кроме спичек и курительной бумаги *«больше ничего не купишь все продают за хлеб»*. Деньги обесценились из-за введения книжек и голода.

6 октября до Гальченко дошли слухи, что его и его семью будут выгонять из села, *«тут я и тем более разволновался низнал что и делать»*. Вероятно, этот слух распространила местная власть, чтобы он все-таки принял решение идти в колхоз. Перед ним встал очень трудный выбор: отказаться от своей позиции или рисковать. Выбор был серьезный, и угроза раскулачивания была вполне реальной. В этот же день он пошел в полеводсоюз и заплатил *«что прошлою осенью давали деньги под контракцию хлеба»*. С него взяли 6%, *«не смотря на то что эти деньги навязывали насильно»*. Деньги ему навязывались еще в прошлом году, чтобы взять с него проценты в этом. Затем он отправился в лавку общества потребителей, где выдавали товары на

школьников, но его сыну не дали: *«давали тем что ближе к сов. власти. бедным красным партизанам активу»*. Помимо взрослых от политики начали страдать и дети, им тоже с раннего возраста показывали преимущества колхозников перед остальными. Вечером *«хотел было получить вклад мне не дали»*.

На следующий день агроуполномоченный собирал деньги за формалин, по мнению Гальченко, *«чтобы брали травит озимую»*. Чтобы не возникло лишних проблем, Дмитрий Максимович *«деньги заплатил и формалин не брал не травил хлеб»*. В тот же день комиссия *«мне предложила заплатит полностью налог страховку самообложения»*. Побоявшись выселения, он оплатил всё до копейки. На мясозаготовку заставляли отдать овцу.

12 октября ему опять сказали вывезти овечку на мясозаготовку и взять заём, а при невыполнении этих условий угрожали выселить его из села с ликвидацией имущества. *«Я ничего не сказал только забилос сердце только просился что помилуйте но в конце согласился на завтра вывезт овцу»*. Перед реальной угрозой выселения ему пришлось унижаться перед комиссией.

Гальченко выписывал газеты, интересовался тем, что происходит в стране, но это чтение не могло его успокоить, он видел, что коллективизация идет повсеместно и с большей интенсивностью: *«видно из газет но нам будет плохо»*.

Давление на единоличников усиливалось. Запись **16 октября**: *«Там в лавке что шло недай бог народу толпа и дают и дают товар только тем кто прошел регистрацию в нов членов а мы отказалис нам отказали товар ничего не дают. спор крикнул недовольствия народа злоба вражда друг на друга. тут комиссия уже при огню вечером ходила описывала имущество граждан единоличников»*. Как видно, обстановка внутри села была накалена, власти удалось сгладить людей: они стали ненавидеть друг друга.

19 октября местного священника, брата Василия и еще нескольких человек сажают в тюрьму, *«и тут я ожидал тоже той чаши»*. На следующий день Дмитрий Максимович всё же отнес баранчика на мясозаготовку. *«вес вышел 39 килограм на сумму 8 руб. 78 коп.»*. Как видим, сумма минимальная. Для голодного года такая жертва была огромной, учитывая инфляцию и невозможность купить какие-либо продукты.

21 октября в селе Крученая Балка, в котором жил Гальченко, начали описывать имущество за задолженности или за не-

выплату того, «что нанего наложили». Продолжили проводить коллективизацию, на каждом из 6 участков села были комиссии по 12 человек.

Дмитрий Максимович был готов терпеть трудности и бороться с ними до конца, хоть и чувствовал свое бессилие. Позиция «серчат ненужно а нужно терпет» становится его жизненной линией.

26 октября агроуполномоченный в комиссии сказал Гальченко везти семена и хлеб на хлебозаготовку, брать заём и вступать в колхоз. «Сколько нужно терпенья все это пережит и где чего брать и чем отдават».

29 октября его вызвали в комиссию и не отпускали до вечера, но его не удалось сломить: «я пока еще не согласился вывозит хлеб потому что его на харчи себе нет полностью».

«ИДИ ИЗ СЕЛА НЕ МЕШАЙ»

1 ноября Дмитрию Максимовичу всё же пришлось согласиться вывезти мешок хлеба и взять заём 10 рублей, чтобы не произошло как у соседа: «его выселили и взяли ночью связали их и повезли на колхозы подводах. А тепер разбирают его Амбар. И у гальченко Михаила Ив. тоже разбирают Амбар».

5 ноября, поехав на хутор Трубецкой, Дмитрий Максимович увидел такую картину: «Амбары тоже у кого купит и кого выселили тоже разбирали. Одним словом село понемногу все уничтожали». Делая эту запись, Гальченко, имел в виду конкретное село, Крученую Балку, но мы можем сказать эти слова в целом о политике власти в отношении деревни. В этот день он в своем дневнике фиксирует изменения, происшедшие с крестьянами: «крестьян уже оголили никчему скота стало очен и очен мало стало где было 2 пары или 3–4 пары быков там уже и хозяев нет выгнали выселили хозяйство разобрали. а у кого было 8 и 2 лошади коров 2 или 3 штуки у того тепер если ест корова за лошад то хорошо а за овец свиней гусей говорит нечего это было у каждого тепер нет. а что пообносилис много уже ходят в рваном и нигде ничего не возьмеш».

По иронии судьбы день рождения Дмитрия Максимовича и день Октябрьской революции совпадают: «В этот ден я родился мое рождение мне исполнило 40 лет. Пошел 41 год. И нонче советский праздник Октябр. Революции».

13 ноября у Гальченко возникла новая проблема: *«Отец Поликар ходил в город сальск и узнал что мы отдавали валят валенцы уже их нет»*. Тогда он решил выехать рано утром в Сальск на следующий день. Там он пошел к мастеру, но его нет, *«где он убежал никто низнает»*. Тогда с ним начали происходить события, которые сейчас бы назвали прохождением «кругов ада». Сначала он поехал в Райторг, там его направили в милицию, милиция направила его в комиссию и всељсовет для получения справок о том, что он выполнил контрактацию и явљлся ли он бедным или зажиточным. Только тогда, по усмотрению Райторга, он мог получить валенки. Вечером он поехал домой, *«своего доброго и не получил»*.

17 ноября Дмитрий Максимович получил справку о том, что он сдал шерсть, отнес ее в комиссию, *«и тут тормоз возьми облигации тогда дадим справку»*. Ему просто пришлось уговаривать членов комиссии, и *«все таки написали и с этой справкой пошел в сельсовет чтобы ее заверили и тут вплоть до вечера мариновали но всетаки заверили приложили печат»*. Как видим, со временем Гальчнко научился добиваться своего длительными уговорами.

18 ноября он поехал в Райторг, там его направили в контору райторга при ДOME Советов, там ему отказали дать валенки, тогда он поехал к дому, где жил этот мастер. Туда приехали агент Райторга и милиционер, забрали остатки шерсти и 2 пары валенок, которые мастер не успел продать, *«сам он скрылся и отвезли это все в милицию сел/сов»*. После этого агент Райторга выдал Дмитрию Максимовичу и членам его семьи по паре валенок, *«мы ему дали росписку и документы и сел/сов. Вор-ник. заверил взял за это 60 коп. я уплатил»*.

21 ноября был *«наш престольный праздник Михаила Архангела»*. В церкви Гальченко *«брал свечу за 15 коп калеке 3 к на тарелочки бросил 4 коп.»*. Также в этот день был введен штраф за неявку в комиссию в размере 10 рублей. Если раньше Дмитрий Максимович иногда игнорировал повестки, то теперь он не мог этого сделать. Он отдал комиссии 11 рублей, но облигации брать не стал. *«Такой жизни никто не пириживал еще как мы сейчас живем как силу, но трудно нам переживают это время»*. Ему очень бы хотелось вернуться в старые времена. Досада и чувство безысходности начинают одолевать его.

30 ноября Дмитрий Максимович читал Евангелие.

«МЫ НАВЕРНО ЭТОМУ ДОСТОЙНЫ И ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ»

3 декабря в сельсовете было «собрание комсода совсего села». Постановили декабрьскую заготовку мяса, птицы, молока, масла и яиц. Также постановили произвести выплату налогов в течение 10 дней, при этом штрафовать и отдавать под суд тех крестьян, которые не выполнили хлебозаготовку и «не вспахали зябрь». Вот что думает Дмитрий Максимович по этому поводу: «одним словом я послушал так это адское распоряжение и люди постановляют без голов не понимая ничего как скот». Он еще не может понять, является ли тяжелая жизнь крестьян наказанием свыше или же это несправедливое отношение одних людей к другим: «все думал как-же это делается и для чего так мучит крестьян или мы наверно этому достойны и это должно быть».

21 декабря «хотел купить овчин но их не было на базаре даже их запрещали продавать. я купил смолы кусок за 80 коп. и 2 пачки табаку за 2 руб. и все это тоже с подполья продавалось». Как видим, вмешательство власти в торговлю заставляло людей торговать втайне, так как средства для существования были нужны каждому. Без книжек купить что-либо было почти невозможно: «хотели купить соли и то нам не дали без книжек».

25 декабря священник ходил с молитвой, Гальченко ему дал пирог, хлеба и 10 копеек.

Подпись в конце:

Гальченко Дмитрий Максимов. 1930 г.

1 января он начнет новую тетрадь за 1931 год и так каждый год. Нам бы хотелось надеяться, что записи в ней будут не такие горестные, как в этой. Но мы знаем, что легче жизнь крестьянина не будет. Впереди продолжение коллективизации, год 1933 г., новые репрессии, война.

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ. «ИДИ В КОЛХОЗ И БУДЕШЬ ЕЗДИТЬ НЕТО НА ЛОШАДЯХ»

И восемь лет спустя, в 1938 году, главным вопросом для него и его семьи остается их особый статус — «единоличники». Это выбор Дмитрия Максимовича, который он сделал вопреки многому: вопреки давлению власти, различным обстоятельствам и даже вопреки мнению семьи.

Несмотря на все запреты и преграды для единоличников, Дмитрий Максимович не хотел идти в колхоз ни при каких обстоятельствах. Казалось бы, все уже вступили в колхоз, можно с этим было бы смириться, но тем не менее:

«я нехотел и иванова жена мне давала упреки что я раньше не вступал в колхоз что мы страдали мучились все через меня» (31.01.1938).

Недовольство его близких можно понять. Оставаться единоличником было не так уж просто, приходилось сталкиваться с множеством разных ограничений и запретов. О том, что они единоличники, им напоминали всегда. *«Нам не давали продавать потому что мы единоличники и мы дешевле продавали» (14.06.1938); «сел/сов Единоличникам не разрешал косить камыш» (01.11.1938); «тут некоторые колхозники нас и хотели выгнать из очереди как единоличников» (19.02.1939).* Для Гальченко любой человек, хоть как-то представляющий государство, будь то простой продавец в лавке или же председатель сельсовета, уже являлся властью. И это неудивительно, ведь он единоличник — сам за себя. Власть от него требует налоги, отработки, проявления лояльности.

В каких случаях Гальченко соприкасается с властью? По его собственной инициативе это происходит крайне редко. Но только власть никак не оставляет его в покое. Это, во-первых, огромные налоги, которые он уплачивает с трудом; во-вторых, уменьшение размеров земельного надела, до такой степени, что Гальченко по сути его лишается; в-третьих, привлечение к отработкам по указанию колхоза (*«Меня заставили чистить сад кругом клуба где была церковь» (05.07.1938)*), косовица камыша за меньшую цену, требование участия и в общегосударственных мероприятиях.

Вмешательство власти в его жизнь было постоянным.

Об отношении к Дмитрию Максимовичу как к единоличнику можно судить по его записям о случаях на базаре. Он записывает имя своего обидчика: *«А у нас в лавке давали керосин я ходил мне не дали что я не член кооперации и не кохозник торговец был Барабаш Терентий Констант. Очень серьезный человек и еще дан мне выговор при людях как будто я не человек и я с поникшей головой пришел домой» (29.01.1938).*

«Как будто не человек» — именно такое отношение к единоличникам сформировалось у части населения за несколько лет.

Считалось, что они, единоличники, не приносят никакой пользы обществу, следовательно, не должны от государства ничего получать, в том числе и товары.

Через несколько дней Д. М. Гальченко описывает еще одну встречу с вышеуказанным продавцом: *«На разсвете ходил в лавку хотел купить спичек но лавочник Барабаш Т. К. не дал мне спичек что я не член кооперации и сказал чтобы я в лавку не ходил ничего тебе никогда не дам»* (08.02.1938).

Отказы Дмитрий Максимович получал и в магазине зерносовхоза «Гигант»: *«стоял в очередь в магазин давали чугуны и тапочки но стоял а мне не досталось. а мануфактуру давали по книжкам и у меня ее нет»* (26.05.1939).

При любом удобном случае ему всегда напоминали, что он — единоличник, например, при продаже товара на рынке. Он пишет о запрете для единоличников торговать из-за конкуренции: *«Нам не давали продавать потому что мы единоличники и мы дешевле продавали»* (14.06.1938).

Негативное отношение к Дмитрию Максимовичу и его семье было не только у продавцов, но и в очередях, у его односельчан: *«тут некоторые колхозники нас и хотели выгнать из очереди как единоличников»* (19.02.1938).

Для Гальченко был важен уже привычный для него момент выключения из общей массы (не член кооперации, «не сталинец и не ленинец», то есть не член колхозов с этими названиями).

И всё же Дмитрий Максимович сознательно идет «против течения», не вступает в колхоз, понимая и принимая все тяготы единоличной крестьянской жизни. Отчасти по этой причине он воспринимает себя как страдальца, а отчасти из-за влияния церкви, это как вериги носить: *«я еле еле донес душа выходит вон»; «кому мы нужны и кто нам поможет горе горе нам бедным».*

Записи в дневнике отражают готовность к принятию насмешек, трудностей: *«а кто видит как мы носим и смеётся а в колхоз не хочешь. иди в колхоз и будешь ездить нето на лошадях даже на машине, но я все это терпел и переносил».* Он не приводит доводы в пользу своего выбора, «прочитать» некоторые его представления о преимуществе в положении единоличника можно лишь в записях о церковных праздниках, когда он осуждает работу в эти дни. Трудно сказать, в какой степени этот выбор был обусловлен протестом против советской власти

в целом, в какой он связан с неприятием конкретных лиц, олицетворяющих эту власть в его глазах, но выбор связан не со случайным стечением обстоятельств. В личных записях он каждый раз подтверждает его: *«я все это терпел и переносил что будет а буду жит как и жил».*

«У НАС ОТРЕЗАЛИ ОГОРОД»

Хочется заметить, что в 1930 году Д. М. Гальченко более подробно описывает свое хозяйство, проводит инвентаризацию. Записи за 30-й год ведутся ежедневно, и это позволяет нам достаточно подробно представить, что, когда, и как происходило в крестьянском хозяйстве, увидеть, как были организованы работы, как формировался семейный бюджет, как соотносились подсобные и основные земледельческие работы. Что касается дневника за 1938–1939 года, то теперь о своем хозяйстве он упоминает довольно редко, только если покупает скот или лечит его. И поэтому у нас нет возможности детально сравнить изменения в его хозяйстве за прошедшие 8 лет. Раньше у него было большое хозяйство с животными, птицами и рабочими инструментами. В конце дневника за 30-й год находились таблицы, в которых были записи о его скоте и птицах. На то время из животных у него было две кобылы, 4 овцы, жеребенок и корова. Также он держал птиц: 8 куриц, 2 петуха, 5 уток, 2 селезня и 11 голубей.

К сожалению, в дневнике за 1938–1939 годы таких таблиц нет. Пришлось специально искать какие-либо упоминания о животных, что отняло у нас немало времени. Нашлось лишь несколько записей.

Теперь его скотный двор не просто уменьшился, от него почти ничего не осталось. Это связано, скорее всего, с налогом на животных, уплачивать который семье Гальченко не по карману.

Размер надела к 1938 году сократился в 12 раз, осталось вместе с двором 70 сотых гектара. Тем не менее, эту малую часть земли он засаживал «белым хлебом» (видимо, пшеницей), кукурузой, кабачками, арбузами, свеклой, дынями, помидорами и табаком.

Между тем, земля, которую он обрабатывал когда-то, приходит в запустение. С тяжелым чувством он описывает поездку на место, где когда-то имел свой участок: *«Встал на разсвете*

и пошел с Иваном на реку и он меня перевез и пошел через О.Р.С. на Липшовскую греблю и по огородам шел и там стало все нето что было даже не могу узнат своего огорода что жили на Липшовке все изменилос сады пропали повьмокли где мы садили капусту и картофель там растеть теперь камыш» (06.02.1938).

А в 1939 году у него еще урезают землю: *«Комиссия ходила на-меряла огороды а унас отрезали огород оставили двора 20 сот. гектара» (27.09.1939).*

На что теперь хватало этого участка? Мы не знаем. Дневник за следующий год не сохранился.

Что касается зерна, то теперь, конечно, нет той площади для посева, как в 1930 году, следовательно, и зерновых культур он выращивает в разы меньше. Теперь он тратит деньги на покупку зерна.

«НЕ РАЗРЕШАЛ КОСИТ КАМЫШ»

Одним из основных источников дохода Гальченко осенью 1938 и 1939 гг. была косовица камыша. Косили его и сам Дмитрий, и его сыновья. В эту осень особенно много требовалось камыша, так как был плохой урожай хлеба, а соответственно, мало соломы, нечем топить. Колхозники покупали солому у крестьян-единоличников, чтобы топить печь, так как осень выдалась холодной, соломы требовалось много.

Даже сделав свою работу — покосив камыш, Гальченко вынужден буквально выпрашивать деньги у работодателей: *«мы хлопотали вес ден чтобы получит деньги за косовицу камыша» (05.09.1938); «пошли в кантору насчет денег что косили камыш. узнали что денег нет» (29.09.1938); «пошли в гигант и Липшовское не как не получил денег за камыш» (29.08.1938).*

Этот вид дохода чрезвычайно волновал различных инспекторов. Гальченко не раз вызывали в сельсовет с тем, чтобы выяснить его размер для обложения налогом. *«В сел/сов меня вызывали по поводу камыша что я косил еще летом насчитали на меня 280 снопов и по 40 коп чтобы я им платил за камыш».*

В истории с камышом проявляется и одна из форм скрытого налогообложения — сельсовет установил для единоличников обязательную норму продажи ему камыша за меньшую цену в сравнении с той, что можно было получить от других покупателей. Гальченко это было настолько невыгодно, что он даже вы-

плачивает деньги, не осмеливаясь оспорить требование сельсовета: *«потом заставляли еще накосит или камыша 100 снопов. Я пока от этого всего отказался а сладил косит камыш на маслозавод по 50 коп за сноп»* (07.10.1938). Отдавая «долг» сельсовету деньгами, он при этом получал всё же по 10 копеек прибыли за сноп камыша.

Ситуация в селе накаляется, односельчане Гальченко из зависти портят его покос, сжигают 65 снопов, которые он оставил возле своего дома: *«Мой камыш что в куче против сковородневых кто-то зажог и сгорела куча 65 снопов»* (24.10.1939). Если рассматривать стоимость камыша по 50 коп. за сноп, то он потерял ок. 300 руб, что было весьма ощутимо для его бюджета.

«ГРЯЗЬ НОГ НЕ ВЫТАЩИШЬ»

Так же доходом в семье Дмитрия Максимовича была любая мелкая работа. Теперь за нее брался не только он, но и его жена и дети, которые уже выросли и стали зарабатывать деньги и помогать отцу. *«Колька продал лук», «Колька пошел и перевез его», «Гришка пришел с работь», «жена и Гришка пошли в кут ловить раки», «Ходили собирали на бахче арбузы по буряну искали и привезли на лодке их потом Гришка пошел в О.Р.С. в ларек Федька собират арбузы».*

Подработку найти сложно, о чем он неоднократно упоминает в дневнике: *«ходили но нигде не нашли работы и в хлебе беда нигде не купиш»* (17.12.1939); *«пошли в кантору и узнали что там нет пока никаких работ»* (19.12.1939).

Дмитрий Максимович берется за любую работу, ищет её зачастую далеко от дома.

В 1938 году сыновья Дмитрия Максимовича работали на предприятиях, он против этого не возражал, даже поддерживал: *«пришел Иван с Гиганта якобы место нашел на яливаторе но до 10 числа нужно ожидать»* (05.02.1938). *«Ходил до Дуракова они пришли с фирмы Целинского з/совхоза и еще им нужно рабочих и я с ними договорился чтобы они взяли и Гришку нашего туда на работу»* (05.05.1938).

Если сравнивать дневники 1930 года с дневниками 1938–1939, можно заметить, что Д. М. Гальченко гораздо реже отправляется в дальние поездки, за два года из них можно отметить только поездку в Ростов-на-Дону.

В отличие от 1930 года, теперь у него не было своих лошадей, он иногда брал их у соседей.

«АЖ МАГАЗИНЫ ТОРОХТЯТ»

В 1938–1939 годах мы также наблюдаем крайне тяжелую ситуацию на рынке, да и в целом с продуктами. Товаров или нет вообще, или завозят настолько мало, что их раскупают в считанные минуты. Люди выстраиваются в огромнейшие очереди, ругаются, чтобы купить соль, спички — и другие товары первой необходимости. Максим Дмитриевич с женой, как и все остальные, пытаются купить хоть что-нибудь, но всякий раз им говорят, что раз они не состоят в колхозе, то могут очередь даже не занимать, нельзя. Гальченко сталкивается и с другой проблемой: у него нет книжки пайщика, поэтому он не может приобрести некоторые товары.

Не хватало товаров не только в магазинах, но и на базаре: *«Пошли на базар купить мяса или скот, но скота не было и мы долго ходили и купить нечего»* (04.06.1938), поэтому приходилось покупать их «с рук», зачастую при этом цена завышалась.

Чаще всего возникают серьезные проблемы с покупкой одежды и обуви. *«Ничего не купили обуться одетая нет ничего»* (03.07.1938). При этом, семья постоянно нуждается в обуви. В дневнике часто встречаются упоминания об этом: *«жена пришла с гиганта совсем босая сапоги совсем розпались»* (30.03.1938), *«Колька пошел и перевез его он пришел почти босый сапоги его изорвали»* (01.04.1938).

Но и те обноски, которые приходилось носить, нужно было чем-то стирать. Как видно, мыла для одежды тоже не хватало: *«В лавке купил мыла для белья на него был кризис»* (15.11.1938)

Когда в село всё же привозили одежду или обувь, создавались большие очереди, достать одежду было тяжело: *«Пошел на базар хотел купить соль но в лавке очередь большая люди дуются кричат ругаются вроде будут дават обув детскую ботинки»* (23.10.1938). Так как одежду было трудно купить, люди старались ее произвести самостоятельно, но для этого требовалась ткань: *«ходил на базар там в лавке полно людей крик шум руганья в магазине было мануфактуры 2 куса приблизительно метров на 30. а народу чут ли 100 каждому охота купить»* (22.01.1938).

Мыло, ткань и одежда отмечены в его записях как один из самых труднодоступных товаров. Другой группой дефицитных товаров были керосин и спички. Количество товара на одного покупателя было строго ограничено: *«я купил в ларьку спичек 2 коробки больше не дают только по 2 коробки»* (22.01.1939).

По записям Дмитрия Максимовича мы можем судить о численности очередей. Он приводит цифры от 600 до 100 человек: *«пришли на базар жена осталас на толкушке и я пошел за ленинскую за керосин пришел и мне уже очередь занял и я по порядку я 121. и после меня занимали до 500 чел. в 11 час. дня начали дават керосин по 10 литр. на челов. и в 1 час. дня я взял»*(15.02.1939).

Порой Дмитрий Максимович и его жена сменяют друг друга в очереди: *«и пошел опят на базар слдить за очередью там уже составили список и мы были в 4 ряду или очереди 91 записанъ... пришел домой а жена пошла на очередь»*.

Не каждому хватало терпения так долго ждать товаров, начинались погромы: *«Опять пошел на базар купить керосину но его еще не привезли из Сальска и очередь уже очен большая а потом привезли и тут стали то сюда то туда стекла выбили в магазине душут друг друга кричат ругаются а дела нет никак приказчик не может выдат керосин и так в ноч толпилис. Меня всего изомяли в очереди»* (19.11.1938); *«спичек не мог купит что было в очереди трудно описат...»* (12.02.1939).

Во втором полугодии 1939-го проблема дефицита спичек была решена, но появилась куда более важная — нехватка хлеба и других продуктов питания. Дмитрий Максимович пишет о повышении цен на хлеб и «пропаже» урожая: *«хлеб стал сильно дорого сразу до 50 руб пуд муки и скаждьым днем все выше и выше цена на хлеб. И по ларькам стали очередь за хлебом все кинулис за хлебом а его нет. Урожай вроде и ничего а хлеба нет куда делся никто низнает»* (14.09.1939).

Общая экономическая ситуация в стране хорошо охарактеризована им в одной из записей: *«Жена из Сальска пришла и кой чего купила все барахло дорого и берут на захваты и тряпья только продають на толкушке а нового нельзя продавать сейчас же заберуть в милицию по магазинам ничего нет но магазины все прибавляють больше и раскрасют и детских игрушек повнесяют и все товары спичек соли керосин сахар ну словом ничего нет хлеб тоже дорого и трудно купит деньги стали дешевлят а заработат их трудно»* (29.10.1939).

НАЛОГИ

Проанализируем суммы налогов, которые выплачивал Дмитрий Гальченко за 1938–1939 годы. По сравнению с суммами налогов 1930 года, они увеличились почти в 5 раз. Если за 1930 год он заплатил около 119 рублей, то за 1938 год уже больше 561 рубля.

Типология налогов не изменилась с 1930 года. Один из самых тяжелых для него налогов — мясopоставка. Штрафовали его нещадно. 560 рублей нужно было уплатить за 10 дней, иначе грозились судебными разбирательствами. *«Меня оштрафовали на 260 руб. за мясо нужно 300 руб, за штраф 260 и все это в 10 дневный срок, а не уплачу то будет еще судить уголовный суд областной»* (31.05.1938). После некоторых колебаний, он решил проблему просто — скооперировался с несколькими такими же должниками и они купили теленка для сдачи налога, заплатив за кг мяса по 6 руб. Потому он обрадовался, когда узнал, что в счет поставок можно сдавать птицу: *«Потом узнал можно здат курей в мясо поставку и пришел домой пообедал и наловили курей и я отнес здал в мясо поставку»* (15.08.1938).

Помимо закрепленных налогов у крестьян, были еще и скрытые, например, отработки по указанию сельсовета: *«выгнали в сел/сов. работат»* (19.04.1938). С вечера присылали повестку с предупреждением об обязательной явке в сельсовет: *«Принесли из сел/сов повестку явится в сел/сов на завтра к 6 ч утра»* (04.07.1938). А позже давали указания, что именно нужно делать или что выплачивать: *«Меня заставили чистит сад кругом клуба где была церков»* (05.07.1938), *«гришку выгнали в сел/сов. работат»*.

Подводя итог, можно сказать, что, с одной стороны, Гальченко находит новые дополнительные заработки, но с другой — к этому добавляются налоги, которые всё съедают. Проблема поиска работы и её случайный характер делают его финансовое положение очень неустойчивым. И получается, что между работой и налогами образуется взаимосвязь, от которой никуда не деться.

«ДУША БОЛЕЛА КАК БЫТ И КАК ЖИТ»

Дмитрий Максимович Гальченко часто вспоминал в своем дневнике далекое прошлое, когда всё было по-другому. Все из-

менения, которые он описывает, носят негативный характер. Единственной отрадой для него становятся воспоминания о давних временах, они не выходят у него из головы. Если в дневнике 1930 года он рассказывал о политических событиях, происходящих в Крученой Балке и соседних населенных пунктах, то сейчас остаются только описания праздников и событий, лично касающихся его.

Дмитрий Максимович не желал общаться с властью, которая его постоянно искала и почти всегда находила. У него было несколько знакомых-единоличников с таким же отношением к власти. Они не хотели участвовать в процессах советской жизни, считали, что это будет поддержка действующему режиму.

В Крученой Балке, где жил Д. М. Гальченко, часто проводились разнообразные переписи населения, измерения земли, описи имущества. Во всём этом Дмитрий Максимович участвовал неохотно. Он указывает на то, что всесоюзная перепись 1939 года широко обсуждалась в селе: *«ходили с двора на двор переписчики на 17/1 число всесоюзная перепись. за которую много писали в газете и в людях больше ходило разных разговоров. я поужинав и лег спать и тоже думал о переписи»* (16.01.1939). Эта перепись проводилась вместо переписи 1937 года, результаты которой были названы дефектными.

Дмитрий Максимович, как и его знакомый Иван Симонович Авдеев, вовсе не хотел «переписываться», среди единоличников было много противников переписи: *«потом пришел до Авдеева Ивана симоновича у него сидел говорили о жизни тут как ест ходил переписчикъ заходить в дом и красный флаг. вешает на дворе или перед хатой в сугроб или на воротах а нето в крышу здания и Авдеев сразу отказался от переписи идите вы с богом я писатся не желаю»* (22.01.1939). Переписчик с чувством собственной важности, повесив флаг, хотел показать, что он «захватил крепость», это был знак того, что советская власть «победила», смогла взять в свои руки все слои населения. Это хорошо понимали и Дмитрий Максимович, и Иван Симонович.

«Пришел домой а дома унас тоже ходил переписчик и жена ему все розказала и он записал и меня записали я за это дело болел душой и не ужинал лег спать» (22.01.1939). Дмитрий Максимович переживал не из-за негативных последствий для него

и его семьи, а из-за того что его семья поучаствовала в мероприятии советской власти, таким образом «признав» ее. Он настолько болезненно воспринимает свое участие в переписи, что решает не ужинать в этот день. Он не хотел, чтобы его жизнь одиночника превратилась в жизнь советского человека.

После основной переписи происходили и переписи хозяйства: *«Пришли 7 чел от сел/сов. ...они обмеряли огороды и хаты все постройки двора. И я сними пробыл до вечера... ужинать было нечего один хлеб»* (01.02.1939); *«Ходили вымеряли огороды Курсов А. Я. и Волков Мих. Все вымеряли что посеяно и измеряли в общем намерили со двором 70 сотых гектара»* (29.05.1938); *«перемеряли опять двора хаты и потом расписуйся за свой план я от росписи избежал»* (03.07.1939).

Плохое предчувствие оправдалось — участок Гальченко значительно сократили: *«Комиссия ходила намеряла огороды а унас отрезали огород оставили двора 20 сот. гектара»* (27.09.1939).

Сравнивая записи от 29.05.1938 и от 27.09.1939, следует обратить особое внимание на размеры земли семьи Гальченко. Если весной 1938 года они составляли 0,70 га, то осенью 1939 — уже 0,20 га.

Выборы Дмитрий Максимович воспринимает так же болезненно, как и переписи, он их не признавал и всячески избегает участия в них: *«Спал на лодке домой нельзя иначе сразу же заберут и повезут в клуб или бывшею церков голосоват а я этого боялся. От сел сов ездили безперерыва все искали меня на голосование жену в огороде нашли и взяли на голосование но я не вызжал из реки в камышах спасался и до вечера»* (26.06.1938).

В то время, когда часть населения воспринимает выборы как праздник, среди всеобщей агитации и радостных статей в газетах Гальченко оценивает их как мучение — *«это был день выборов. А мне ден мученья»*. Интересно, сколько было таких как он, прячущихся от власти?

Если в 1930-ом году он был готов ходить в сельсовет и отстаивать свои права, то сейчас он болезненно воспринимал любое общение с сельсоветом, он боялся его: *«Принесли из сел/сов повестку явится в сел/сов на завтра к 6 ч утра. Я боялся душой что и начто зачто но сердце волновалось тоска досада»* (04.07.1938). Это состояние боязни, ожидания неприятностей сопровождает все его отношения с властью. Он не может

ей противостоять, власть воспринимается как гнетущая сила и вызывает желание спрятаться, уйти подальше.

Чего мы не встречаем в дневниках этих лет, так это упоминания о событиях, происходящих за пределами его села. 1938-й — год больших арестов, массовых репрессий, но о них нет ни строчки. Дмитрий Максимович был подписан на некоторые газеты и регулярно их читал, о чем он иногда напоминает нам в своем дневнике: *«получил газету читал до 10 час.»* (25.03.1938). *«Пошел на почту подписался на газету на 3 месяца на сальский большевик платил 6 руб»* (19.12.1938). *«Гришка выписал газету сальский большевик один экземпляр на пол года = 12 руб с 1 января 1940г и по 1 июля 1940 г»* (11.12.1939). Он был в курсе тех событий, что происходили в стране, так как местные газеты обязательно публиковали материалы о событиях в стране, перепечатывали статьи из центральных газет.

В дневнике за 1930 год он рассказывал об аресте священника, высылке «кулаков», приводил слухи о восстаниях, упоминал о прочитанных статьях, оценивал решения партии. В богатых на такие события 1938–1939 годах он ни разу не обмолвился о «политике», лишь один раз упомянул — *«пришли домой я читал газеты за Троцкистов»* (12.03.1938). Между тем, совсем рядом находилась коммуна «Сеятель», которая была организована иностранцами, приехавшими из Америки, Германии. В 1937–1938 большая часть «коммунаров» была арестована, аресты происходили и в его селе. Но Дмитрий Максимович ни разу об этом не обмолвился.

«ДОЖИЛИ ДО СОЦИАЛИЗМА И ТЕПЕРЬ ИДЕМ ДО КОММУНИЗМА»

Дмитрий Максимович тосковал по старым временам, он стал чаще болеть, а состояние угнетенности не покидало его. При этом он уделяет большое внимание праздникам. Соблюдать традиции православных праздников значило сохранить прежнего себя, не прогнуться под новую власть. Если раньше он почти еженедельно сравнивал прежнюю жизнь и настоящую, то теперь он это делал только по праздникам. Гальченко рассказывает о том, как отмечались православные праздники до установления советской власти и чем люди теперь занимаются во время этих праздников.

«Пасха Христос Воскрес. Воистину Воскрес.

в этот ден раньше все веселило и все праздн. праздник всем праздникам праздник а тепер моркви нет и колхозы работают. и как не праздник.

на той стороне на траве спал и так вес ден прошел» (24.05.1938).

«В этот день раньше было поминовения родитель а теперь церкви нет и дела нет» (02.05.1938).

Гальченко в своих записях описывает состояние местной церкви и окружающих ее памятников: *«Что наделали кругом церкви все памятники изломаны все разрыто ограда сломана Церковь изуродовали» (05.07.1938).*

Новое время для него воплощается в отсутствии церковного звона: *«Не поймешь люди работают стало что нет праздника и звона к церкви» (19.06.1938, воскресенье).* Вместо этого — общий сбор на работу колхозников: *«только слышишь что по колхозам звенять выход на работу».* Очевидно, что эта система его коробит.

Дмитрий Максимович уже понимает, что старую жизнь не вернуть, что крестьяне не смогут жить как раньше, именно это вызывает у него наибольшее огорчение. Похоже, что в эти моменты он теряет осторожность и пишет в дневнике очень критично.

«Приходил Дураков Л. П. и разговорились как раньше этот день праздновали а тепер все работают только одни воспоминания а много уже не знает что нонче за праздник... праздник Михаила Архистратига у нашем селе был престольный праздник а тепер церкви нет. И праздника нет работай как бык» (21.11.1939).

Тем не менее, небольшая группа, как он выразился, *«частичка только»*, всё же продолжает отмечать православные праздники, хоть и не по всем канонам.

Отдельное внимание Дмитрий Максимович уделяет советским праздникам, рассказывает, как они отмечаются. Он пишет о том, что люди не очень активно отмечают не только старые, но и новый праздник — годовщину Октябрьской революции: *«Советский праздник XXII годовщина октябрьской революции тепер его уже празднуют люди как раньше пасху... что-то гулянья мало где и никого нигде не видать. Что-то не весело вечером слышно было что кой где люди гуляют» (07.11.1939).*

Вместо соблюдения поста, женщины отмечают новый праздник — 8 марта: *«Это был советский женский праздник вальцовка не работала лавка закрыта женщины все идут в клуб. там собрание и обед. за пост забыли и гуляют»* (08.03.1938).

Гальченко признает, что 1 мая в селе отмечают с размахом: *«Было много людей был митинг а потом на выгоне скачки и на велосипедах тоже кто быстрей»* (01.05.1938).

Люди приспособиваются к новым условиям, обряды упрощаются. Дмитрию Максимовичу не нравилось нарушение традиций, но по-старому отметить уже возможностей не имелось, крестины превращаются в гуляния: *«потом нас в 1 час дня позвали до Пивоварова Тимофей Яковлев. на крестины... тепер дитя не крестили а собрали родню и соседей и погуляли и все а в сущности не крестины а гулянья»* (29.01.1939).

Общее состояние религиозной жизни Дмитрий Максимович описывалтакими словами: *«Пойтить некуда церквинет службы нет и живем как скот ничего не знаем»*. Он относился с иронией к лозунгам коммунистов, считает, что люди стали жить хуже, но потом будут жить еще хуже: *«и верно что дожили до социализма и теперь идем до коммунизма»* (05.03.1939).

«А ТУТ ОПЯТ СЛУЧИЛИС ГОСТИ»

Несмотря на некоторую изоляцию, Гальченко продолжает контактировать с колхозниками, общаться с ними, поддерживает приятельские отношения со многими соседями: *«...а потом домой ехал с колхозниками сталинец Иван Д. Середа взял меня. пришел домой тут пришли тоже ребята Дураковы Лука и Санько Кузнецов Алеша и сними с поливянского колхоза парень Кондоваров, с гармошкой и унас гуляли»*.

Оценивая его записи, можно говорить, что случаи конфликтов возникали скорее в отношениях власти и единоличника, в то время как с односельчанами отношения нормальные: *«дошел уже почти до столбов и ехали колхозницы... я попросился они меня взяли и я доехал в гигант до места»* (07.03.1939). Конфликты с односельчанами носят скорее ситуационный характер — конкуренция на рынке или за дефицитный товар, в эти моменты в очередях быстро вспоминают о его «непринадлежности» к колхозу.

В дневнике 1938 года реже встречаются записи о совместных празднованиях, времяпровождении с односельчанами, но

иногда у него появляются довольно неожиданные гости, с которыми он мог вспомнить прошлое, сравнить с тем, что происходило в настоящем.

Одной из самых ярких была запись о приезде двоюродного брата Дмитрия Максимовича, Петра Прокофьевича, бежавшего в Закавказье в 1928 году. Он сравнивает состояние села с тем, что было 10 лет назад: *«потом зашел гость. Моего дяди Гальченко Прокофия Тихонов. Сын Петр Прокоф. Он избежал еще в 28 году за Кавказ и там все время проживал а теперь приехал посмотреть на родину и зашел кнам пообедать. И он удивляется как стало наше село говорить это село похоже нато как гурт скота ночевал насрал и ушел так и наше село нато похоже. Все против тех времен как раньше жили все разломано и не осталос ни зашит ни заборов ни ворот кругом ижай и дома редко осталис и те все не похожи на дома. И много много кой очем еще говорили и где кто живет из наших... и кого уже нет на свете»* (04.02.1938).

Для Дмитрия Максимовича были крайне важны такие разговоры, он чувствовал, что у него есть сторонники, что не он один недоволен окружающей действительностью, за этими разговорами он отводил душу. Он живет этим прошлым, что делает его жизнь еще более грустной.

«ЖИЛОС КАК ТО СКУЧНО И ДОСАДНО»

Психологическое состояние Дмитрия Максимовича можно оценить, как подавленное, в дневнике ни разу не встретилось описание хорошего настроения, он постоянно испытывает грусть, тоску, досаду.

«Садил табак и до вечера грусть тоска сердце болело хот ложись в могилу» (01.06.1938).

«Не ужинав лег спать тоска грусть» (02.06.1938).

«Жилос как то скучно и досадно и все думаеш что ничего нет как жить как быть колхозники много работают а мы все празднуем печал горе и горе» (16.07.1939).

«Был дома и что-то груст тоска досада» (26.11.1939).

Порой досада доводила до мыслей о самоубийстве: *«потом в 1 час дня я собрался и вышел на двор только досадно и незнаю что делать пошел на овку (?) и пошел через О.Р.С и на греблю там стоял на мосту смотрел как бегить вода мысль была хот смосту да воду»* (22.01.1939).

Конечно, религиозные убеждения и наличие большой семьи, которую нужно было кормить, не позволяли ему наложить на себя руки.

Такое сочетание психологического дискомфорта, потери смысла в жизни, растущей депрессии не могло не сказаться на отношениях в семье. Он всё чаще чувствует отчуждение, всё чаще возникают разговоры о том, что все трудности семьи связаны с его нежеланием «идти в колхоз».

Он обижается и поэтому пьет. *«Штаталис везде. прогулял до 12 ночи»*. Жена несколько раз выгоняет его из дома, он ноцует на улице: *«Меня жена сильно ругала называла нехорошими словами. И она меня выгнала из хаты иди куда хочиш а у нас не живи и я молча пошел на огород. Сильно прозяб»* (11.09.1938).

В ситуации, когда он не находит понимания в семье, когда мир вокруг меняется необратимо, дневник становится важнейшей частью жизни Д. М. Гальченко. На него уходило много времени: *«Встал в 7 час. и был дома с хаты куда боялся выходит чтобы меня мало кто видел и вес ден писал свой дневник...»* (27.12.1939).

Дмитрий Максимович боялся выходить из дома, потому что его могли поймать и наказать за неучастие в выборах, да и не хотелось ему ни с кем общаться.

«И Я ПИСАЛ ДНЕВНИК И ЗАГОТОВЛЯЛ НОВЫЙ ДНЕВНИК 13ю КНИГУ»

Исследуя дневник крестьянина-единоличника Дмитрия Гальченко разных лет, мы можем проследить за изменениями жизни на селе. Именно рядовым крестьянам, которые тогда «тянули» нашу страну, досталась, пожалуй, самая тяжелая жизнь. Нам кажется, что эти записи упрямого единоличника крестьянина Гальченко, не только содержат очень ценную информацию для изучения деревенской жизни 30-х годов прошлого века, но и включают таких людей, как Гальченко, оказавшегося на обочине магистральных путей советской жизни, в трудную и трагическую историю России первой половины XX века.

Хлебный Туркестан

Даниил Мочалов

школа, п. Вишневка, Воронежская область

научный руководитель Алла Николаевна Мочалова

Два года назад я писал работу «В Малиновке жизнь — совсем не малина». Это история о событиях 90-х годов XX века, связанных с переселением моей семьи из Узбекистана в Россию. В той работе я описал, как мои мама, папа, брат Артем (ему был 1 год), бабушка, дедушка и дядя Вова в 1992 году вынуждены были оставить жилье, работу, друзей и переехать в Россию. Здесь в России им пришлось с трудом привыкать к новым условиям жизни.

В этом году я решил продолжить нашу семейную историю. Только написать о том, как моя семья оказалась в Узбекистане. «Как, когда и почему мои предки, этнические славяне, вдруг оказались за 3 тыс. км от России, среди людей другой культуры и религии? Как сложилась их судьба в Голодной степи?» Ответить на этот вопрос стало главной целью моего исследования.

Вещественные свидетельства есть у нас дома, это красивый бухарский ковер, узбекская посуда (пиалы, косы, чайник), одежда (тюбетейка и чапан), курпача (тоненький матрас) и фотографии. Но им не больше 30–40 лет, старинных узбекских вещей у нас нет.

Долго бы мне пришлось ждать, когда я подрасту и мне представится возможность поехать на родину моих предков в Узбекистан, чтобы отыскать в архиве нужные документы, если бы не мама однокурсница — Нелли Юрьевна Потапова, которая живет в Ташкенте. Она кандидат исторических наук, преподает в Ташкентском университете и ей тоже была интересна эта тема. Именно она в Центральном государственном архиве Узбекистана отыскала книгу — статистические отчеты известного русского статистика В. Ф. Караваева «Голодная степь в ее прошлом и настоящем» за 1914 год, отсканировала самые важные страницы и прислала. Также необходимую литературу я нашел в библиотеке и в интернете.

В основном мое исследование построено на личных наблюдениях, опыте и впечатлениях моих родственников, а их у меня много и все они в разное время и по разным причинам оказались в Узбекистане.

Первые русские села на территории Туркестана, на землях современного Узбекистана, были основаны в 80-х годах XIX в. Несмотря на трудности первых лет жизни на новых местах, за 20 лет большинство сел, основанных переселенцами, стали растущими и процветающими. Конфликтов с местным населением не было. Никто из моих родственников ничего об этом не помнит. Наоборот, рассказывают про друзей. Узбеки — добрый народ. Конфликты были только в 90-х годах XX века (из-за которых русские уехали). Но сохранились дружеские связи. Вот папа мой вчера, например, разговаривал целый час со своим другом из Ташкента Суратом Кадыровым по скайпу.

У моей мамы, бабушки и других родственников в паспорте в графе место рождения, написано: *«Узбекистан. Сырдарьинская область, Гулистанский район, пос. Крестьянское»*. Сейчас такого населенного пункта нет, этот поселок называется Дехканобат (от слова «дехканин», с узбекского — «крестьянин»), узбеки переименовали его после распада Советского Союза. А до Октябрьской революции поселок «Крестьянский» назывался «Романовский». Поселок основали русские переселенцы в Голодной степи в 1887 году, при помощи Великого князя Николая Константиновича.

Моя бабушка, Нина Алексеевна Пучкова, помнит в поселке Крестьянском несколько старинных построек: дом из красного кирпича с большими окнами (в советский период там размещался военкомат); старинное здание школы № 1, в которой она училась; здание православной церкви, в которой позже находился клуб, в него она ходила в молодости (там устраивали танцы, хотя все знали, что танцуют в церкви), потом там был кинотеатр, а затем разместился сбербанк. Эти постройки относятся к дореволюционным.

СЕМЕЙНЫЕ ЛЕГЕНДЫ. ПРАЩУР ФИЛИМОН

В нашей семье рассказываются различные истории о моих предках. Вот одна из них, ее мне рассказал бабушкин двоюродный брат: «Моего прадеда звали Филимон, он был среднего роста, но физически очень крепкий. Он работал копателем, рыл канал. Князь Николай иногда устраивал по большим праздникам кулачные бои, “кураш” по-узбекски. Все взрослые мужчины собирались и устраивали поединки. Был там один очень сильный

узбек, его называли “Ботир”, по-русски “Богатырь”. Он побеждал всех, не было ему равных. Князь Николай заявил: “Кто победит этого богатыря, сниму со своих плеч узбекский халат и подарю!” Вызвался наш прадед Филимон. Никто не ожидал, а он победил этого сильного узбека. Князь сдержал слово и подарил ему свой халат. Этот халат потом долго хранился в семье».

Выяснилось, что Филимон Юмашев мой прапрапрадед. Он работал землекопом у Великого князя Николая Константиновича. Именно Филимона Юмашева мама подруга Нелли Юрьевна нашла в списках переселенцев в статистическом отчете В. Ф. Караваева, который был сделан для императора Николая II в 1914 г. и хранится в архиве в Ташкенте. Она нам сообщила, что эти статистические отчеты представляют собой целую книгу и выпускались небольшим тиражом.

Когда мои мама и папа узнали о существовании книги, где есть данные о наших предках с папиной и маминой стороны, они разыскали ее через интернет в антикварном магазине и купили за большие деньги. Оказалось, это очень ценный источник. В книге описывается Голодная степь: что она собой представляла до присоединения Узбекистана к России; о 12 русских поселках, которые основали переселенцы из России при помощи Великого князя Николая Константиновича; про оросительную систему многочисленных каналов, над которой работало целое географическое общество в Санкт-Петербурге; там есть списки первых переселенцев; много карт, схем и фотографий переселенческих поселков начала XX века. Но самое главное, в этой книге мы нашли письменное подтверждение того, что Филимон Юмашев есть в списке переселенцев одного из этих поселков, а также там были данные о папиных предках. Но о них позже.

Мы с бабушкой Ниной Алексеевной (маминой мамой) стали размышлять вот над чем: в Узбекистане остались могилы наших предков. На кладбище в Крестьянском лежат Савелий Филимонович, его жена Анастасия Алексеевна. А вот Филимона на том кладбище нет! Бабушка стала думать, где же похоронен их прадед Филимон? Спрашивала у своих братьев. Они вспомнили про соседнее село им. Крупской, до Октябрьской революции оно называлось Надежинское (Надежинка). Там они иногда гостили у родственников, в нем жила сестра деда Савелия, дочь деда Филимона. В книге В. Ф. Караваева Юмашев Филимон был

в списке крестьян села Надежинского, и поэтому сомнений никаких не осталось, он приехал из России именно в поселок Надежинский, один из 12 поселков, основанных Великим князем. Когда приехал, точно не знаем, но в 1914 году он там уже жил. Родственники говорят, что он был простым крестьянином из Астраханской губернии.

СЕМЬЯ ЮМАШЕВЫХ

Бабушка вспоминает то, что ей рассказывала тетка Нюра Юмашева, и то, что она знает сама: «У деда Филимона было четверо детей. Савелий, Митрофан и две дочери. Именно князь пригласил русских крестьян переселиться. Под их переселение давали деньги». Хлопок узбеки не сеяли, вели кочевой образ жизни, овец пасли.

Когда моя бабушка родилась, они жили на Сырдарье, на острове. Это такое место, где река Сырдарья раздваивалась на две части, а потом соединялась вновь. «Отец Алексей Савельевич и дед Савелий Филимонович занимались рыбной ловлей. Во время войны был спецзаказ на рыбу, ее сдавали государству». Истории про огромных сомов, которые водятся в Сырдарье, я слышал и от бабушкиных братьев и от папы.

Бабушкин брат Алексей Алексеевич вспоминает: «Переплывали к острову на лодке. Лодкой умели хорошо управлять. Переплывали стоя, пользуясь одним веслом. Однажды моя мать Александра Марковна, когда только вышла замуж, решила тоже, как и все, стоя на лодке, переплыть реку. Но лодка перевернулась и накрыла ее. На берегу кричали: “Молодушка тонет!” Потом ей помогли доплыть до берега, а этот эпизод она запомнила на всю жизнь». В 1950 году семья переселилась в поселок Крестьянский.

А еще моя бабушка вспоминает: «У деда Савелия была ишачка (ослица) и арба. Ишаком трудно управлять, а вот ишачка была послушная. Для коровы заготавливали камыш и осоку. Печь топили гуза-паей (стебли хлопчатника).

Во дворе стояла большая печь, в ней пекли хлеб и готовили еду летом. Зимой пользовались другой печью в доме. Еще разводили тутового шелкопряда».

Женой Савелия Филимоновича была Анастасия Алексеевна Боканова, из Ташкента. Работала горничной, была образован-

ной и чистоплотной, хорошо одевалась. У нее была хорошая посуда. У нас дома сохранился ее складень (одна его створка в виде иконы). Родила 5 детей. Сын Михаил во время войны пропал без вести.

Самым младшим в семье был Алексей Савельевич, 1927 года рождения. Это отец моей бабушки.

Михаил Алексеевич Юмашев рассказал: «Наш отец работал токарем в колхозе. Его работа находилась далеко, и он всегда ездил на велосипеде. Хорошо знал узбекский язык, дружил с узбеками». Алексей Савельевич со своей женой Александрой Марковной в 1994 году тоже переселился из Узбекистана в Россию, но прожил здесь не долго. Тосковал по родным местам, похоронен у нас в Вишневке.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ СЕЛА

Ольга Ильинична Брусина пишет в книге «Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века» (М., 2001): «Именно строительство каналов повлекло за собой образование переселенческих сел, которые первоначально были переселениями завербованных российских землекопов». Привлекая на ирригационные работы этих людей и отмечая в публичных выступлениях особую роль русских в орошении Голодной степи, администрация края, скорее всего, имела в виду, что «по шариату, земли, оживленные орошением, становятся собственностью того, кто провел воду».

А какие же люди туда ехали? По словам моей бабушки, ехали бедные — те, у кого было мало земли. Как правило, переселялись на новые места группами родственников. В Красную Зарю (Конногвардейское) переселились религиозные общины баптистов и молокан. Также переселялись лица, преследуемые царской властью. Трудились в тяжелых условиях. Копали землю вручную лопатами и кетменями (лопаты-мотыги). Посевы земледельцев страдали от саранчи, которая могли уничтожить весь урожай. Жители страдали от малярии. Первым переселенцам в начале XX века предоставлялись льготы, освобождающие их на несколько лет от уплаты государственных податей и от воинской повинности. Кроме того, для обзаведения хозяйством предусматривалась материальная помощь — в виде денежных ссуд, бесплатного инвентаря, рабочего скота и прочего.

Семья Юмашевых.
Слева направо:
Савелий Филимонович, Дарья,
Николай Савельевич, соседки.
Дети: Георгий, Антонина,
соседский мальчик. 1944

Семья Юмашевых:
Алексей Савельевич,
Александра Марковна,
Алексей Алексеич,
Нина Алексеевна
(моя бабушка). 1989

Общий вид
головного сооружения
оросительного
Романовского канала
в Голодной степи

В книге В. Ф. Караваева я нашел, какая у них была зарплата: «Оплата стоимости рабочего дня землекопа первоначально была 60 коп, потом постепенно возрастая, дошла до 1 р. 20 коп.». Много это или мало, судить трудно. Наверно нормально, потому что людей это привлекало, и они оставались там жить. А какой был труд, тяжелый? «Число рабочих колебалось от 600 до 900 человек, — пишет автор статистического отчета. — Выкопанная земля отвозилась в дамбы или отвалы на ручных тачках русского и туземского типа (плетенных из прутьев), или на конных тачках, также приходилось отвозить землю на большое расстояние, для этого применялась возка по переносной железной дороге. Механические приспособления (экскаваторы) использовали мало. Дамбы канала насыпались с поливкой и тщательной укаткой». Труд, конечно, не из легких, в основном ручной. Но меня удивил тот факт, что экскаваторы уже были и передвигались по переносной железной дороге в 1914 году.

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Голодная степь — обширная территория, лежащая между густонаселенными оазисами — Ташкентом, Ферганой и Самаркандом. На западе Голодная степь граничит с пустыней Кызыл-Кум, северную и восточную границу омывает Сырдарья.

Ученый-географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своей книге «Туркестанский край» (1913) описывает ее так: «В летнее время Голодная степь представляет сожженную солнцем желто-серую равнину, которая при палящем зное и полном отсутствии жизни вполне оправдывает свое название... Уже в мае трава желтеет, краски блекнут, улетают птицы, черепахи прячутся по норам, и степь снова обращается в безжизненное, опаленное солнцем пространство, на горизонте которого вырисовываются едва заметные в раскаленном воздухе далекие снежные пики. Здесь и там разбросанные кости верблюдов и разметанные ветром куски стеблей зонтичных, похожие на кости, еще больше усиливают гнетущее впечатление, производимое в это время Голодной степью».

Чтобы сделать иссохшие соленые земли Голодной степи пригодными для земледелия, требовались масштабные мелиоративные работы. В книге В. Ф. Караваева написано: «На средства

Великого князя Николая Константиновича и при его участии были сооружены: — Бухар-арык, Искандер-канал, Урумбай-канал и в 1913 году магистральный канал Николай I (Романовский), оросивший в 1917 году 34,5 тыс. десятин земли, который нес воды реки Сырдарьи в безводную пустыню».

В 1898 г. проложена Средне-Азиатская железная дорога Самарканд–Андижан. Станция называлась «Голодная степь» — «Мирзачуль» по-узбекски.

В. Ф. Караваев сообщает: «В 1913 г. канал под названием “Николай I” администрация края выкупила за 340.000 рублей у великого князя. Сюда направляются различные инженеры: Курсиш, Валуев, Рудинский и др., которые создают проекты целой сети каналов (мелких и крупных). Вкладываются огромные ассигнования из казны Российской империи». На опытных участках стали разводить новые для тех мест овощные культуры и хлопок. В Голодную степь вкладывались огромные средства, чтобы превратить эту территорию в пригодную для земледелия.

А мой папа вспоминает, что там много поселков, некоторые даже стали городами (Бахт, Сырдарья, Янгиер, Гулистан). Когда едешь из Гулистана в Ташкент, можно встретить такие надписи на дорогах: «Голодная степь приветствует дисциплинированных водителей!», «Превратим пустыню в цветущий край». Вокруг многочисленные хлопковые поля, сады, возле каждого дома огороды. Вдоль дороги посажены деревья». Так папа помнит Голодную степь в 90-х годах XX века перед отъездом в Россию.

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Про первых русских переселенцев в Голодной степи я выяснил, теперь нужно понять, как складывалась их судьба после Октябрьской революции.

В 1920 году басмачество докатилось до Голодной степи, некоторые села несколько раз подвергались опасности и готовились к самозащите. Наш родственник — отец Артемий прислал нам из города Чехова копию фотографии, которая хранилась у его отца Александра Владимировича Подмосковного, на ней написано: «Отряд самообороны п. Крестьянский (Романовка) 20-е годы». Он написал, что его прадед участвовал в этом отряде. Он есть на фотографии. Но где именно на фотографии — не знает.

Позже бабушкин двоюродный брат Юрий Николаевич Юмашев вспомнил семейную легенду: «Мой прадед Филимон был в Красной Армии — против бухарского эмира во время гражданской войны. Он рассказывал, как этот бухарский эмир отступал к границе. На верблюдах, лошадях, ишаках перевозили много богатства. Народу была тьма-тьмуца. Главным богатством был гарем из 40 жен. Их охраняли хорошо. Филимон вместе с другими красноармейцами обстреливал мирно шедший караван из пулемета “Максим”. Пулемет нагревался, его постоянно охлаждали водой. Если бы эмирские воины захотели, легко могли бы всех красноармейцев перестрелять, потому что их было мало. Но бухарцы сопротивление не оказали, молча шли к границе. Многие были убиты под тем обстрелом».

После установления советской власти русские переселенцы потеряли царское покровительство. Большевики считали, что переселенческое движение — это элемент «царско-помещичьей колонизации». Были проведены реформы 1921–1922 годов. Задачи компартии в Туркестане были изложены В. И. Лениным. В июне 1920 года В. И. Ленин писал о необходимости «уравнять землевладение русских с местными... разбить и подчинить себе богатых русских энергичнейшим образом».

Папина тетя — Галина Николаевна знала про своего прадеда Василия Подчиненных (отец Анны Васильевны), имя которого, кстати, тоже упоминается среди переселенцев в книге В. Ф. Караваяева в списках крестьян пос. Надежинского на 1914 год. «Василия сослали в Магадан, там он умер. Отправили в Магадан за то, что стал сеять на своей земле зерно. Дело в том, что земли у всех было много, но после создания колхоза “Красный Восток”, куда стали приглашать бедных туземцев-кочевников, землю у каждого русского переселенца стали урезать. От их участка половину забрали. Земля простояла 3 года не обработанная. На четвертый год Василий взял и засеял. За это его по этапу отправили в Магадан». В каком году это было, она точно не знает.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДРУГИХ ПРЕДКОВ

Вторая волна эмиграции в Среднюю Азию начинается в 30-х годах XX века. Желających уехать в «хлебный» Туркестан было много. Некоторые села в этот период выросли в несколько раз по сравнению с дореволюционным временем. Приток на-

селения из России шел в основном за счет бежавших от раскулачивания; их называли «самораскулачивающиеся». Я думаю, что бегство на новые места, в Среднюю Азию, было вызвано стремлением затеряться среди незнакомых людей, скрыть свое социальное происхождение и начать новую жизнь теперь уже в качестве бедняка — категории населения, наиболее уважаемой советской властью.

Начну с маминой родни.

Моя мама рассказала мне про свою бабушку по матери — Александру Марковну (бабушку Шуру), 1928 года рождения. Ее родители были самораскулаченными, приехали в Крестьянское в 1930 году. Ей было всего 2 года, она была самой младшей. Ее отец Марко Иванович Литвиненко и мать Полина Ивановна были украинцами, разговаривали на украинском языке до конца жизни. Приехали из Украины в Кокчетавский район Казахстана, а потом в Среднюю Азию. Полина Ивановна родила 9 детей. Из них выжили только Терентий и Александра. Дети умирали от голода и малярии. Я помню бабушку Шуру, она умерла недавно, в 2008 году.

Мамина бабушка по отцу, Анна Григорьевна Панюхова (бабушка Нюра), 1922 года рождения. О ней мама говорит: «Их семья в составе 8 детей и родителей — Григория Андреевича и Варвары Степановны самораскулачилась и переселилась из Омской области в Казахстан, а потом в Среднюю Азию в 1930 году. Никто из детей не умер. Бабушка Нюра рассказывала своим детям, что в хозяйстве у отца в Сибири было целое стадо овец и свиней, бесчисленное количество кур и гусей. Были работники. В Узбекистане, в поселке Крестьянском они жили тоже лучше других, потому что были трудолюбивы и хозяйственны».

Маминдедушка по отцу — Пучков Петр Дмитриевич, 1922 года рождения, приехал в Узбекистан во время Великой Отечественной войны. О нем мама рассказала, что он родился в Сталинградской области, воевал под Майкопом, был тяжело ранен. Осколок застрял рядом с сердцем. Он долго лечился в госпитале. Долечиваться его отправили в Ташкент. Там он познакомился с Анна Григорьевной, женился и остался в Узбекистане.

Петра Дмитриевича, маминого деда, я хорошо помню. Мы ездили к нему с мамой в г. Фролово Волгоградской области. Он переселился на родину из поселка Крестьянского в 1991 году. Умер в 2012-м.

А теперь расскажу про папину родню.

Папина бабушка по матери — Любовь Мустакимовна. Ее отец, Мустаким Арипович, приехал в Среднюю Азию из Казани перед войной. Он был сирота. Участвовал в Великой Отечественной войне. Был в плену. Вот архивные данные о нем: «Ибрагимов Мустаким Арипович. Красноармеец. [Место и год рождения] г. Казань. 1901 г. Место призыва — Мирзачульский р-он плем. совхоз № 10. Жена Ефросинья Николаевна. Убит 16.02.43 г. Краснодарский край. Рядовой. Захоронен — Братская могила в сквере памяти п. Калинино». Но на самом деле эти данные ошибочны — после плена и лагеря он вернулся домой и дожил до 1991 года.

Папиных родственников по отцу я не знаю. Да и он почти ничего не знает о них. Знает, что Мочаловы — мордовцы. Папины родители развелись, когда ему было 3 года. Папу воспитывала бабушка Любовь Мустакимовна. Жаль, о них я хотел узнать больше всего, ведь я ношу их фамилию.

ЖИЗНЬ В УЗБЕКИСТАНЕ В 80–90-Х ГОДАХ

В 80-х годах поселок Крестьянский стал районным центром. Там было 3 школы: школа-интернат, средняя школа № 1 и средняя школа № 14. В школе № 1 в одном классе учились мои родители. Бабушка Нина Алексеевна была учителем биологии. В их русской школе было много узбеков и представителей других национальностей. Мама вспоминает: «Когда начинался учебный год, детей с 5-го по 11-й классы снимали с уроков и отправляли на сбор хлопка. Это продолжалось всю осень, почти до нового года. Хлопок собирали в большие фартуки, в конце дня их взвешивали. У каждого школьника была своя норма. Бывало, что собирала по 60 кг хлопка. Все результаты записывали в ведомость учетчики». Одно время мама работала поваром, готовила и развозила в больших термосах суп и кашу для своих одноклассников — хлопкоробов в поле. В конце месяца получали деньги. На эти деньги купили искусственную новогоднюю елку, ее до сих пор бабушка наряжает у себя дома на Новый год, и швейную электрическую машинку «Чайка», она сейчас тоже в рабочем состоянии. Весной тоже работали в поле на прополке (ягане) хлопка. Были случаи, когда детей увозили далеко от дома с ночевкой».

Когда же они учились? Когда выполняли школьную программу? Не знаю.

Мой папа рассказал мне про дом и хозяйство, которое было у них в 80-х годах XX века. Дом был из чима, обмазанный глиной и побелен белой известью. Рядом с домом виноградник, вишневый сад, огород. Землю поливала бабушка по очереди с соседями. На «задах» за огородом протекал арык, в нем стояли железные перегородки. Когда наступала очередь поливать, перегородку убирали и весь огород поливался по канавкам и арычкам за ночь. На участке росло всё то же, что и сейчас в России, только собирали два урожая. Например, картошку сажали первый раз в марте, летом собирали урожай, в июле сажали второй раз, осенью собирали урожай. Только земля была соленая, в нее нужно было вносить много навоза и других удобрений. Землю копали кетменем. Много было винограда, персиков, гранатов, хурмы. Дыни и арбузы покупали на базаре. В тугаях (зарослях) водились фазаны. У узбеков большие семьи. Они очень закаленные и неприхотливые люди. Могли зимой ходить без носков, на босу ногу обували резиновые галоши. Зима была короткой — 3 месяца и всё. Снег выпадал редко. Бывало ночью выпадет снег, утром идешь в школу радуешься, мечтаешь в снежки поиграть, но за полдня, пока ты в школе, снег тает. Когда возвращаешься домой, было обидно, что снега уже нет, только слякоть и грязь.

Мама и папа вместе поступали в Сырдарьинский пединститут, только папа не прошел по конкурсу, а мама поступила и закончила его. После школы, в 1987 году, мама с родителями переехала в город Гулистан, там дедушке Николаю Петровичу дали квартиру. Их дом находился на берегу канала им. Кирова. Мама говорит: «Там мы любили купаться. Купальный сезон начинали 1 мая и длился до 1 сентября. Канал очень глубокий и не каждый смельчак мог его переплыть». Управляющим каналом в 80–90-х годах был Роман Григорьевич Панюхов, брат моей бабушки Анны Григорьевны, его очень уважали, потому что он создал преуспевающее хозяйство. После его смерти одну из улиц, построенную на берегу канала, назвали им. Панюхова. Канал им. Кирова сейчас переименован узбеками в Дустлик. А до революции он назывался канал «Николай I», или «Романовский».

Железнодорожная станция Голодная степь (Мирзачюль) превратилась в большой поселок, а затем в город. С 1961 года

этот город переименован в Гулистан («цветущий край»). Он стал областным центром Сырдарьинской области.

Мама с папой поженились в 1990 году. В 1991-м родился мой старший брат Артем. В 1992 году мама закончила пединститут, и они переехали в Россию.

* * *

Ну, вот и всё. Цель моя достигнута. Теперь я знаю, как ответить на все поставленные мною вопросы.

Когда переехали мои предки в Узбекистан? Первые переселенцы приехали в конце XIX — начале XX века. Следующая волна переселения была в 30-х годах XX века, связанная с коллективизацией и раскулачиванием. Потом была волна эвакуированных переселенцев в Туркестан в годы Великой Отечественной войны.

Почему мои предки ехали в такую даль? Жизнь была тяжелая в России. Не хватало земли. Туркестан называли «хлебным», о нем ходили легенды, что там райская жизнь.

Как переселялись и как сложилась их судьба на новом месте? Переехали по железной дороге, и все обустроились. Нашли новую родину и полюбили ее. При этом сумели сохранить свою культуру, традиции и религию своего народа.

Мама мне рассказывала, что когда они жили в Узбекистане, никто не знал о том, что целая сеть каналов и арыков, протекающих там везде, создана при царской власти. Все были уверены, что они были построены при советской власти. Говорили о задачах В. И. Ленина по орошению Голодной степи. У нас даже фотография есть, где мама стоит на фоне ленинского лозунга: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст наш край, возродит его, похоронит прошлое и укрепит переход к социализму». Да и самый большой канал назывался канал им. Кирова, а не «Николай I» или «Романовский». Все думали, что Киров принимал участие в его создании. На берегу канала, возле парка возвышался гигантский бюст Кирова, вернее, его голова. Про того, кто реально построил канал на свои средства, то есть Великого князя Николая Константиновича Романова постарались забыть, поселок Романовку и канал переименовали. Убрали двуглавых орлов на шлюзе головного канала.

А в 90-х годах XX века некоторые «умные» историки из Узбекистана вообще стали принижать роль русских в освоении Го-

лодной степи. Мол, русские — колонизаторы. Им только прибить с хлопка нужна была.

Я думал над этим вопросом, и вот что понял: Россия присоединила эти земли, и вкладывала в них огромные деньги не потому, что это была чья-то прихоть или блажь. Безусловно, царское правительство рассчитывало: 1. Благоустроить эту землю для русских крестьян, страдающих от малоземелья. 2. Иметь там рынки сбыта для российской промышленности и источники сырья в виде хлопка, риса, шелка, вина, фруктов и овощей. Разве это не колониальная политика? Конечно колониальная.

Россия не стремилась поработить туземцев и уничтожить традиции среднеазиатского общества. Русские хорошо относились к коренному населению и даже привнесли туда элементы просвещения, культуры и науки.

Почти все русские в 90-х годах XX века уехали в Россию. Всё — каналы, арыки, заводы, фабрики, дороги, трубопроводы, то есть огромная инфраструктура, — осталось независимому Узбекистану.

Родители до сих пор в своей разговорной речи используют узбекские слова, а если по телевизору показывают какие-нибудь новости из Узбекистана — всегда внимательно смотрят. В супермаркете любят покупать гранаты, персики, сладкий виноград, хурму и дыни. Часто дома готовят плов, шурпу и манты. Очень волнуются за людей из Средней Азии, вынужденных сейчас приезжать и работать здесь в России.

Теперь Узбекистан уже не назовешь «хлебным». Но очень хочется, чтобы люди там жили хорошо, могли работать и зарабатывать и в своей стране.

От рассвета до заката: история умирающей деревни

Мария Стрелюхина
лицей № 3 им. Столыпина, г. Ртищево,
Саратовская область
научные руководители Александр Владимирович
Морозов, Наталья Владимировна Левина

ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН СЕЛА УРУСОВО ДО 1917 ГОДА

В селе Урусово я была не один раз. И всегда меня поражала разруха: развалившийся ток, остовы ферм, пустыри в центре села, заросшие травой. А что же было до этого? Почему так произошло?

Во второй половине XVIII века стали появляться поселения между реками Хопер и Медведица. В это время в живописном уголке природы на берегу реки Песчанки, притока Хопра, возникло одно из старейших сёл Саратовского края — Урусово.

Из «Сборника статистических сведений по Саратовской губернии Сердобского уезда от 1892 г.»: «...село Урусово (Песчанка). Говорят, селение существует более 100 лет; преданий о возникновении его не осталось, но по тем названиям, которые носят улицы: “Шатчина”, “Самара”, “Тростянка”, “Николаевка”, нужно полагать, что заселение данной местности имеет прямую связь с Шацким уездом Тамбовской губернии, с Самарской губернией».

Село в те далекие времена было довольно большое. Ровная в два ряда улица тянулась вдоль глубокой и широкой речки Песчанки (сейчас сильно обмелевшей). В Урусово имелись волостное правление, школа, приходская церковь. После отмены крепостного права, наряду с земледелием, в селе быстро развивалось ремесло. Разными промыслами занимались 249 жителей села, из них 80 человек были портными, 24 поденщика, 11 бабтраков и др. В 1912 году в селе проживал уже 3591 человек.

СЕЛО УРУСОВО С 1917 ДО 1929 ГОДА

В 1917 году жизнь села меняется. Помещица Гагарина уезжает из села в начале октября. После ее отъезда жители разграбили принадлежащую ей усадьбу.

Из воспоминаний Александры Михайловны Давыдовой, 1914 г. р. (по материалам школьного музея): «Помню, как из дома Гагариной все тащили, мой отец принес керосиновую лампу “Молния” (она очень светло горела), часы с боем».

В начале ноября 1917 года в селе устанавливается советская власть. А в 1920 году в селе произошел сильный пожар, улица от церкви до речки выгорела вся (пожары случались часто, так как крыши домов были соломенными и дома располагались близко друг к другу).

Гражданская война не обошла село стороной. В мае 1919 года армия Деникина находилась недалеко от Урусова на железнодорожной линии «Балашов — Поворино».

Из воспоминаний Н. С. Гришина, 1901 г. р. (по материалам школьного музея): «В 1919 году я приехал из Саратова в Урусово. Здесь от Деникина делали оборонную линию, проходящую возле кладбищ, находящихся на горе. Все трудоспособное население рыло окопы, тянули проволочные заграждения. Зимой заготавливали для паровозов в лесу дрова и возили их на станцию г. Ртищева, женщины их грузили на платформы».

В феврале 1921 года через село проходил полк восставших крестьян во главе с А. С. Антоновым. После завершения гражданской войны в село вернулась обычная жизнь.

Очень многое о жизни села мне удалось узнать из беседы со старейшей жительницей с. Урусово Ниной Дмитриевной Чернецовой. Нина Дмитриевна в молодости была пионервожатой. Очень общительная, здраво рассуждающая старушка. С большим удовольствием делилась воспоминаниями о «делах минувших дней».

«Священниками были Лебедев, Финансов, — рассказывает она. — Жили рядом с церковью. Дом был белый, кирпичный, рядом с нынешней конторой. В конторе в сторону клуба было крылечко. У церкви ограда была красивая, кирпичная. Церковь была состоятельная, хорошая. На все праздники убиралась красиво. На Троицу березки в церкви стояли, как в лесу. Наверху были крыльца, там пел хор. Службы были красивые. Батюшка на Пасху выходил из алтаря, легонько, тихонько пел. Когда был крестный ход на Пасху, в клубе рядом шли танцы.

Из ближайших деревень стекался народ на Пасхальную службу. На каждый праздник свои песни, свой ритуал. На Вербное воскресенье вербочку заранее сделают. Батюшка выходит,

а по обе стороны тюки вербы. Он дает целовать крест и выдает вербочку. «Верба хлѣст, бей до слез. Вставай рано, режь барана, к обеденке одевайся!»»

Как видно из воспоминаний Н. Д. Чернецовой, село в 20-е годы было процветающим. Нина Дмитриевна неслучайно большое внимание уделяет церкви. Ее слова подтверждают и сохранившиеся фотографии церкви села Урусово начала XX века. На них церковь представляет собой грандиозное архитектурное сооружение.

Во времена НЭПа в Урусово процветала индивидуально-трудовая деятельность. В селе было много кустарей: сапожников, портных, шорников, мастеров по выделке кож, валяльщиков валенок и т. д.

Перед образованием колхозов появились общественные мастерские. Из воспоминаний Василия Андреевича Симбирцева, 1915 г. р., мне удалось узнать, что в Урусово была сапожная мастерская на правом берегу реки Песчанки. А рядом с современным зданием почты, на месте которого стояла паровая мельница, находилась столярная мастерская.

До 1929 года большинство семей имело в собственности земельный надел и инвентарь. Была развита торговля. Из воспоминаний Владимира Дмитриевича Савина, 1921 г. р. (по материалам школьного музея): «Я помню, как при единоличном хозяйстве каждый хозяин работал в поле, помню старого деда Молоканова — как обрабатывать землю, он знал лучше агронома. У него каждый год, несмотря на плохие погодные условия, был хороший урожай; за ним мужики следили, но не всегда им удавалось: он мог сеять даже ночью. Мы с семьей работали в поле с отцом, он косил крючьями, а мы, ребяташки и мать, вязали в снопы и возили на гумно. В поле сеяли рожь, сечку, горох, чечевицу, просо, подсолнух. Осенью возили чечевицу в Беково на ярмарку, ее закупали немцы, она стоила дорого. Перед ярмаркой дети нанимались молотить семечки, чтобы заработать денег. Молотили их палками прямо в поле. Однажды я заработал 11 коп. Это были большие деньги, если на одну копейку можно было купить 3–4 чибрика. На ярмарку съезжались со всей округи семьями, все было заставлено телегами».

В середине 20-х в селе появилась первая техника — трактор. В 1923 году была организована артель «Красный пахарь». В 1924 году она купила американский трактор «Фордзон». Ар-

тель ежегодно росла: в 1925 году было 18 домов, а к 1928 году стало 40.

В селе Урусово существовала и другая артель — «Коммунар». Из воспоминаний В. Д. Савина: «В 1927 г. мы с братьями ходили в детский садик от артели “Коммунар”, который был расположен в желтом доме. Нам выдавали форму. Когда приходили в детский садик, свою одежду снимали, одевали их. Кормили нас хорошо, давали молочные продукты, каши, печеные яблоки. После обеда нас водили гулять в барский сад. В саду был порядок: красивые аллеи, огромные сосны».

По воспоминаниям старожилов можно сказать, что народ не бедствовал: НЭП быстро наладил жизнь села после гражданской войны.

СЕЛО УРУСОВО В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1929–1933)

1929 г. стал переломным в жизни села. Вместе с коллективизацией активно проводилось раскулачивание крестьянских хозяйств. Условием для раскулачивания было наличие мельницы, кузницы, корпорушки, маслобойки, столярки и т. д. Из воспоминаний Василия Андреевича Симбирцева, 1915 г. р. в то время жившего в поселке Новосветском (по материалам школьного музея): «Накануне коллективизации в 1927–1928 гг. накладывали на крестьян большие налоги, не выплатил — отбирали хлеб, весь выметали под метелку. Но всё же пока жили единолично. У каждой семьи была земля и свой инвентарь: соха, дробач с сошником, лошади».

Первые колхозы были образованы в 1929 г. В селе Урусово образовался колхоз имени Володарского.

«В 1929 году начали собирать всех жителей в колхоз, заставляли вступать насильно, в нашем поселке Николай Мелин уполномоченный приказывал женщинам записываться в колхоз, грозил наганом, говоря: “Вы что? Против советской власти?” Вручал карандаш — записываться добровольно. Я сам добровольно отвел лошадь, мне было 14 лет, отвез дробач с сошником, соху, борону. А в марте 1930 вышла статья Сталина “Головокружение от успехов” в газете “Путь Ленина” (так называлась местная газета), жители бросились забирать свое имущество из колхоза, и я забрал свою лошадь. Но потом опять сгоняли в колхоз» (Из воспоминаний В. А. Симбирцева).

«Сначала с плачем вели лошадей на общественный двор, сдавали инвентарь: бороны, сохи, затем обобществляли коров. Вскоре лошади и коровы начали дохнуть от бескормицы» (Из воспоминаний Н. Д. Чернецовой).

Всё это свидетельствует о том, что создание колхозов обернулось бедой для жителей села. Присланные люди из городов, которые должны были организовывать колхозы, мало разбирались в сельском хозяйстве. Действия власти вызвали ответную реакцию крестьян. Люди стали разбегаться из села.

«Из села убежали Малюгин и Малакановы в Брянские леса. Всех не помню... В сельсовете командовал уполномоченный — коммунист из райкома Мелин и Новоженов (по-уличному Комарь). Часто проводили собрания, на которых подводили итоги коллективизации, искали кулаков. К 1930 году практически половина жителей села Урусово была раскулачена и угнана в Сибирь и Казахстан» (Из воспоминаний В. А. Симбирцева).

Одной из пострадавшей в годы коллективизации оказалась Валентина Тимофеевна Акинтиева (Марахонина). Валентина Тимофеевна родилась 20 марта 1917 года в семье крестьян Тимофея Максимовича Марахонина и Василисы Петровны Марахониной. Семья была большая: отец, мать, два брата с женами и детьми. Вот что рассказывает Валентина Тимофеевна: «В 1928 году семью раскулачили, отобрали скотину, хлеб, мельницы (паровую, водяную), отца и братьев посадили. В доме остались одни женщины с маленькой девочкой на руках. Однажды ночью в дверь постучали. Мать открыла. Вошли представители местной власти и милиция, сказали: “Одевайтесь и берите с собой, что хотите”. Мы взяли сухари и мешок пшена. Нас привезли в Ртищево, в деревянную церковь возле базара. Церковь была полна народу, охраняли милиционеры. Помещение не отапливалось, было очень холодно и сыро. В церкви нас держали несколько дней. Затем подогнали вагон для перевозки скота и всех погрузили. Я запомнила, как один из жителей Ртищево в тот день хотел передать маме горшок молока и хлеб, ей удалось всё взять и спрятать. Долго везли, наконец, привезли в Вологодскую область, на станцию Копыши и высадили. Посадили на сани, повезли в лес. Мы сделали шалаши из еловых веток. В них и жили. Много людей умирало с голоду и холоду. Занимались лесозаготовкой. Не мылись, вши заедали, голодали. Хоронили людей каждый день. Прошло время, детей стали

отпускать, а потом те, кто остался в живых, тоже стали расхотиться по близлежащим деревьям, просить милостыню. Затем из тюрьмы выпустили старшего брата Василия. Он и нашел нас, потом перебрались к отцу в Кирсанов, жили там три года. Затем спустя этот срок переехали в поселок Бакунинский, недалеко от Урусова. Вернуться домой не было возможности, так как дома не было, все было разграблено. От всего нашего поселка Николаевский ничего не осталось».

Таких искалеченных судеб было множество. Многие раскулаченные тайно бежали из мест ссылки в родное село.

Раскулачена была и семья Колотилиных. О судьбе своих родителей мне рассказала Татьяна Андреевна Савина, 1926 г. р. Всю жизнь она проработала в родном селе, но мало кто знает о трагедии, которая постигла ее родных в 30-е. Отца семейства, Андрея Ивановича Колотилина, арестовали в 1932 году за то, что на собрании выступил против колхоза. Умер он в тюрьме в 1933 г. В этом же году была «раскулачена» его семья. Взяли корову, лошадь, картошку, все личные вещи, а дом растащили. Анастасия Яковлевна Колотилина с маленькими детьми вынуждена была жить у тетки в сарае. Но на этом бедствия для семьи не закончились. «В 1937 году забрали и маму. Я осталась с теткой. Мне было 11 лет. Ее арестовали за вероисповедание... На допросе заставляли читать молитвы, псалмы. Предъявили обвинения еще в том, что не ходила на работу (но ведь совсем недавно премию за хорошую работу получила!) и якобы избивала колхозницу. Вначале отправили в тюрьму в Ртищево, затем — в ссылку в город Кемь у Белого моря. Когда началась война, была отправлена в Горьковскую область на станцию Сухо-Безводная, там ее и парализовало. После срока привезли маму на вокзал совсем больную, и она даже не узнала своих родных. Мы приехали на лошади в медпункт за ней. Мы, я и сестры, очень плакали, глядя на нее. Она сильно похудела, постарела. Положили ее на фуру и привезли домой. Вот такая плачевная жизнь сложилась у нас. Много горя пришлось нам испытать и вынести».

Население села Урусово тогда сильно сократилось. Полностью исчезли два поселка — Новосветский и Николаевский. Больше половины высланных кулаков в качестве «спецпереселенцев» были направлены в лесную и горнорудную промышленность, а также на стройки первой пятилетки.

ГОЛОД 1932–1933 гг.

В 1933 году Поволжье охватил голод. Урожай был ниже обычного, а сверху спускались нереальные планы по продрозверстке. У крестьян отбиралось всё. Голод стучался в каждый дом. Скучные запасы картофеля, овощей не могли прокормить крестьянские семьи. Запас корма для скота был сделан минимальным. Приходилось есть всё подряд: хомяков, сусликов, мышей, собак, падаль. Питались мякиной, лебедой, желудями, различными травами. За зиму пожгли часть надворных построек, чтобы не замерзнуть.

Уровень смертности в 1933 году в Правобережье увеличился по сравнению со средним уровнем в 1928–1932 годах в 4,5 раза, в Левобережье — в 2,6 раза. Люди питались суррогатами, распространялись инфекционные заболевания (тиф, дизентерия, малярия и др.). В ряде мест наблюдались факты людоедства. Но власти замалчивали действительные масштабы продовольственной катастрофы. Введение в 1932 году паспортной системы фактически лишило крестьян возможности покинуть свои села.

А в газетах и кино в то время рассказывалось о счастливой колхозной жизни, о том, что колхозы избавили крестьян от вечной нужды. Так, в местной газете «Путь Ленина» за 1933 год я прочитала статью, которая меня поразила. В ней писалось, что в городе Ртищево плохое обслуживание в столовой работников железной дороги: якобы мало скатертей и салфеток. Сокрушались по поводу нехватки скатертей и салфеток! А голодные горожане отдавали детям последние крохи и умирали раньше своих детей. А те, оставшись одни, разбредались по дорогам, чтобы тоже, в конце концов, умереть где-нибудь в пыльной траве.

О страшных событиях голодного 1933 года сохранились воспоминания жителя села Салтыковка (в 5 км от Урусова) Александра Георгиевича Морозова, которые он записал в своем дневнике. Семья А. Г. Морозова была многодетной: отец, мать, тетка, три сестры.

«Через пять–шесть домов от нас жил дядя Силашка. У него было пятеро детей, один другого меньше. Когда дома не осталось ни крошки, дядя Силашка взял ружье и пошел в дом председателя сельсовета Сергея Яковлевича Аверина. Жена его, тетя Варя, как раз вынимала из печи хлеб, который он и отобрал. Ночью дядю Силашку увезли, и больше его никто не видел. Я хо-

дил к ним, дружил с Ванькой, моим ровесником. Тетя Маша, его мать, слегла, она совершенно обессилела, опухла и не могла ходить. До сих пор у меня перед глазами ее лицо, налитое водянкой, с узкими щелками заплывших глаз. Моя мама выделяла из нашего скудного обеда кусочек хлеба и несла тете Маше, совала ей в руки и говорила: “Возьми, съешь сама!” А та отводила руку с хлебом и просила: “Отдай им...” Детям, то есть.

Тетя Маша вскоре умерла. А ребятишки всё лето вылавливали в речке ракушки, варили их, жарили, ловили сусликов, ежей и собаками не брезговали. Вскоре их увезли, вроде в детдом.

В селе была высокая детская смертность. Учительница сельской школы Пелагея Самсоновна постоянно не досчитывалась учеников в классах. После недельного отсутствия, делая обход домов, из которых не приходили дети, с ужасом обнаруживала трупы всех членов семей. Люди умирали в домах поодиночке и семьями, умирали в борозде, по дороге за водой к кринице. В октябре 1933 года была создана комиссия из председателя сельского совета и учителей для расследования причин смертности детей — и когда председатель сельсовета доложил результаты рейдов, его тут же посадили. Это говорит о том, что нельзя было обнародовать истинную причину смерти. В графе “причина смерти” были записи: “от кровавого поноса”, “от геморройного кровотечения вследствие употребления суррогата”, “от отравления затирухой”, “от отравления суррогатным хлебом”. Значительно увеличилась смертность и в связи с “воспалением кишечника”, “желудочной болью”, “болезнью живота” и т. п.».

А амбары в это время были полны зерна. В дневнике А. Г. Морозова упоминается случай, когда сторож амбаров пришел к соседке, которая жила напротив амбаров, и сказал ей: «Что же делают наши мужики? Ведь у нас дети мрут! Свяжите меня, возьмите и накормите их!» Однако у простых сельчан была чрезвычайно силен страх, который уже успела посеять власть. В Урусово от голода умерло очень много людей.

Жители села после уборки зерна ходили на поле собирать колоски. Эти колоски всё равно пропали бы. Но если с колосками попадались взрослые, их судили. Тогда родилась горькая ча-
стушка:

Колоски вы, колоски!
А за эти колоски
Угоняют в Соловки!

Вдоль этой дороги была улица
(до пожара в 1920). 2013

Церковь до закрытия в 1942

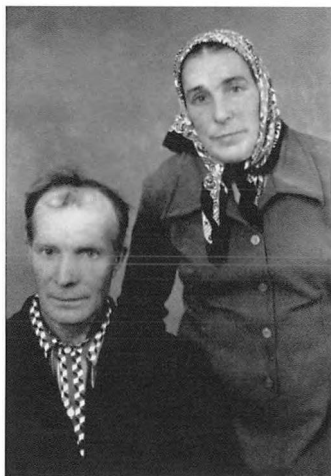

Село Урусово, школа и церковь.
2014

Е. Е. Тренина в лагере

Н. Д. Чернецова с мужем

В. М. Селивёрстов
в годы службы
в военно-морском флоте

В. М. Селивёрстов

Поэтому в основном собирали колоски маленькие дети. Садились в овраге и оттуда высматривали: нет ли поблизости объездчика? Насобирав пригоршни две–три колосков, бежали домой, обмолачивали. С этим очень жестко боролась местная власть.

Из воспоминаний А. Г. Морозова: «Пришли и к нам. С тяжелыми молотками в руках. Этими молотками они разбили все деревянные части жерновов, а камни выкатили во двор и там раздробили на куски. Самым главным в жерновах были камни. Их трудно было найти. Осколки отец скрепил обручами, снова восстановил жернова и поставил их в погреб. Люди снова стали приходиться к нам с ведрами и мешочками, спускались в погреб, а я садился возле угла сарайчика караулить. Если появлялся кто-нибудь подозрительный, я тотчас же подавал знак».

«Сколько себя помню, всегда не хватало хлеба, — пишет в дневнике А. Г. Морозов. — И не только в том печально знаменитом 1933, но и в последующие годы. Мама пекла картофельные пышки и свекольные сладянки, от которых у меня кружилась голова. В ход шли лебеда, просяная шелуха, семена щиряцы, или цыганки, как у нас ее называли. От такого питания меня качало ветром. Чтобы мы не умерли с голоду, отец с матерью насыпали мешок картошки, брали связанные в долгие зимние вечера пуховые платки и ехали в Саратов. Оттуда привозили мешок печеного хлеба, знаменитые саратовские калачи. Но надолго ли хватало этого семи голодным ртам? Самое большее на неделю, и от хлеба не оставалось ни крошки. Однажды отец ночью привез с тока два мешка ржи. Чем это грозило ему, я тогда не очень-то сознавал. По вечерам напеременку мололи на самодельной ручной мельнице муку. Мама пекла пышки, хлеб. Прошел слух, что ходят по домам, ищут зерно. У нас оставалось больше мешка. Ночью на салазках отец увез мешок куда-то в поле и спрятал в снегу. Хлеб искали в каждом доме. С собой носили длинные металлические прутки-щупы. На концах прутков были сделаны специальные выемки. Щупами тыкали в кучи соломы, в сугробы снега. Если щуп попадал в мешок с зерном, то в выемке оказывалось несколько зернышек. Когда поиски хлеба прекратились, отец поздно вечером отправился с салазками за припрятанным мешком, но после метели не нашел его. Обнаружил мешок лишь весной, когда уже почти совсем растаял снег, а рожь стала прорастать. Снова по вечерам крутили мельницу,

размалывали проросшие зерна. Хлеб получался красным на вид и сладковатым на вкус».

РЕПРЕССИИ ЗА ВЕРУ

В 1937 году была разгромлена церковная община села Урусово. Арестовали 40 человек — всех, кто поставил подписи под прошением против закрытия церкви.

Из воспоминаний Н. И. Белохвостиковой, дочери Елизаветы Ефремовны Трениной, о матери, которую забрали в ноябре 1937 года: «Пришли арестовывать ее ночью, а утром мы, дети, с отцом пошли в сельсовет узнавать, за что ее взяли. Но нас не допустили. Нас осталось трое детей, мне было 15 лет, сестре — 13, брату — 10. За что взяли от нас маму? Она была совершенно безграмотной. Осудили ее на восемь лет... Отбывала она срок на крайнем Севере: Котлас, Печора, Воркута. Работала на самых трудных работах. Безлюдная холодная тундра. Маме в то время было 40 лет. Письма нам писали за нее другие люди. Когда нам сообщили, что из Саратова эшелон с заключенными должен проходить через Ртищево на Север, то мы с отцом в ночь пошли в надежде увидаться с мамой. Но пока мы искали этот эшелон, он двинулся. Мы бежали за ним, за вагонами и плакали. Вагоны были товарные, никого не было видно, но из одного вагона стала нам махать рукой в окошко женщина и кричать, чтобы мы не плакали. Это была наша мама. Эшелон ушел, мы не повидались. Вот такая была печальная встреча с мамой. Потом редко, но стали получать от нее письма. Пришла мама, отбыв срок полностью, в апреле 1946 года. А ведь в 1937 году она была в колхозе ударницей, ей дали премию (шаль-пуховку). В сентябре 1946 года ее парализовало, и вот такой больной она 26 лет прожила с сыном А. И. Трениным. Сколько хватили мы, дети, горя...»

В конце 1935 или начале 1936 года с храма были сняты колокола. Верующие села собрали подписи и направили жалобу в Ртищевский райисполком, но там «жалобу оставили без удовлетворения».

Н. Д. Чернецова в беседе со мной рассказала, как шло разорение церкви: «В 1936 году с церкви стали снимать колокола. Пришли с перемены смотреть, как снимали колокола. Сделали проем и решили раскатать и сбросить. Колокол был огромный,

когда он звонил, слышно было в Ртищево. Все смотрели, а уполномоченный пошел смотреть в клетки. Клетки не выдержали, обломились, и колокол полетел, и с ним уполномоченный. Колокол задавил его. Папёрть была выложена литым асфальтом или чем-то наподобие него. Верующие крестились и шептали: Бог наказал!»

Официально церковь закрыли в 1941 году. С 1953 до 1989 года ее использовали под склад. Так ее и не открыли до сих пор.

Голод 1933 года, раскулачивание, репрессии сократили численность села Урусово почти в 4 раза по сравнению с 1917 годом.

год	количество жителей
1886	1576
1895	3470
1906	3217
1912	3591
1917	3588
1938	822
1969	560
1977	442
2001	409
2012	322

ОБРАЗОВАНИЕ НА СЛУЖБЕ У ВЛАСТИ

Школа в селе Урусово находилась рядом с церковью. Первоначально это было небольшое деревянное здание, но с 1934 года школу разместили в доме Гагариных. Учились в две смены, так как учеников в классе было до 35 человек. Ходили в школу из разных деревень — из Жадово, Дивовки, Нижнего Голицына, Раевки, Дубасова. Во вторую смену занимались с керосиновыми лампами. Во время каникул ученики работали в колхозе, в поле возили на быках зерно от комбайнов на ток.

О том, как детям со школьной скамьи прививали подозрительность ко всему, что их окружает, о том, что вокруг враги, можно прочитать в дневнике А. Г. Морозова: «В нашем классе висел портрет Гамарника. Однажды мы пришли в класс на пионерский сбор, а портрета нет. Учительница сказала, что Гамарник — враг народа. Чтобы уйти от кары, он застрелился. В новеньких учебниках по истории СССР тщательно, чернила-

ми, вымарывали портреты и фамилии Блюхера, Тухачевского, Егорова... В 1937 году широко отмечалось столетие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. На обложках школьных тетрадей появились стихи поэта, иллюстрации, связанные с его жизнью и творчеством. На одной — портрет Пушкина работы Кипренского, на другой — памятник поэту в Москве, на третьей — Пушкин прощается с морем. А вот прощание Олега с конем... В самом начале урока учительница вдруг сказала нам, чтобы мы вынули все свои тетради и положили на парты, а дежурный их собрал. Когда все тетради были собраны, учительница сказала, что в рисунках на обложках враги народа замаскировали контрреволюционные надписи. Но одна девочка разглядела их. Такой замаскированной врагами народа была фраза, которую, внимательно приглядевшись, можно было прочесть на ножнах меча Олега, стремянах коня и сапогах князя. Получалось: “Долой ВКП(б)”. На обложках с памятником Пушкину якобы было написано: “Да здравствует Троцкий!” Мы торопились разглядеть рисунки, найти на них крамольные слова. При желании и богатом воображении там можно было что угодно отыскать... Однажды к нам зашел сосед дядя Тиша Бирюков и, показав на висевший на стене отрывной календарь, попросил, чтобы я нашел листок, где Буденный и Калинин нарисованы. Я отыскал: на рисунке были изображены Буденный и Калинин, сидящие в тележке. Дядя Тиша сказал, чтобы я вырвал этот листок. Я удивился: зачем? Дядя Тиша шепотом объяснил: в складках согнутого в локте рукава шинели Буденного было нечто напоминающее голову зайца с длинными ушами. На груди Калинина просматривалась телячья голова. — Вот до чего враги народа додумались! — с осуждением произнес дядя Тиша. — Один, мол, трус, другой — подлиза...»

В то время, наверное, каждый невольно смотрел на рисунок в газете или журнале, отыскивая клевету на советскую власть.

ИТОГИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Насильственная коллективизация поломала много судеб. Численность жителей села Урусово резко уменьшилась. Немногие крестьяне, сосланные в Сибирь, вернулись назад живыми. Точное количество раскулаченных до настоящего времени неизвестно. Крестьяне, оставшиеся в селе, создали колхоз имени

Володарского. Жизнь в колхозе была далеко не радостная. Работали не за деньги, а за трудодни.

Из воспоминаний Владимира Дмитриевича Савина: «В 1933 г. наша семья жила на станции Курдюм Саратовской области, отец работал на железной дороге (в те годы многие бежали из села, так как годы были тяжелые, голодные). Но начались сокращения на железной дороге, отца уволили, поэтому наша семья переехала в город Кинешма Московской области. Но отец заболел туберкулезом и умер, мать решила с четырьмя детьми вернуться домой в Урусово. Домишко наш уже был продан, поэтому мы поселились у родственников, жили они в маленьком домишке, но они нас приютили. Жить надо было как-то, кормиться, поэтому я, мальчишка, в 1936 г. летом пошел пасти коров еще с двумя стариками. В этот год не было ни одного дождя. Напал ящур на скотину, всё стадо поставили на карантин. Урожай списали на всех полях. Год был очень тяжелым, голодным. А 1937 г. был урожайным, но в уборочную пошли дожди. Машин не было, убирали вручную, косили крючьями, складывали рожь в крестцы в поле».

Из воспоминаний Василия Степановича Кошкина, 1918 г. р. (по материалам школьного музея): «После коллективизации поехал на работу в Москву на химзавод. После смерти отца Степана Ивановича пришлось вернуться в Урусово: меня назначили бригадиром-полеводом. В основном сеяли овес, рожь, очень мало пшеницу. Сроки посевной сообщали “сверху”, заставляли сеять на проталинах, что ни к чему хорошему не приводило. В Урусово тракторов не было, они были в МТС, в Ртищево, оттуда вызывали бригады, отряды. Основной силой в поле были лошади. Жилось в колхозе очень трудно, за работу денег не платили, работали за трудодни. В конце года подсчитывали трудодни и выдавали плату — чулок зерна или мешок».

Восстановить довоенную и военную историю села Урусово мне помогли воспоминания моего дедушки Владимира Максимовича Селиверстова, 1938 г. р. Его отец, Максим Петрович Селиверстов, 1908 г. р., работал шофером в колхозе. Мать, Марина Федоровна Селиверстова, 1906 г. р., работала в колхозной бригаде.

«В довоенное время мама с утра до вечера проводила в поле, а иногда и ночевала там. Дома дети оставались с восьмидесятилетним дедом, старшие по возрасту помогали родителям: ухаживали

вали за скотиной, следили за огородом. Ведь тогда колхозы сами по себе были бедными, зарплаты в колхозе не платили, писали трудовни. Потом в конце уборки урожая, в июле–августе, давали зерно на заработанные трудовни. 300–400 г зерна за один трудовдень, вот и вся плата, больше ничего не давали. А надо было самим есть, курочек покормить и коровку накормить, чтобы молочка дала побольше, ведь тогда в деревне без коровы невозможно было прожить. Каждый дом должен был платить государству налог: 40 кг мяса, 10 кг масла коровьего, 100 яиц и 4 кг шерсти и денег энную сумму. А где было их взять?! Вот и продавали последнюю овечку или телка и платили, а себе ничего не оставалось. Спасибо, картошка выручала да молоко. Картофель сажали лопатой и копали лопатой. Трудились все: и взрослые и дети, чтобы выжить. А кто просто не выдерживал от голода, шли в поле собирать зерно, чтобы дома на крутилке смолоть и испечь детям хоть какую лепешку. Если кто попадался, судили за воровство. За этот несчастный карман зерна давали 10 лет тюрьмы. При этом не глядели на то, что в семье дети и старики. Поэтому тогда и жили все бедно, боялись насыпать этот карман зерна, чтобы не угодить в тюрьму, даже были случаи, люди умирали от голода, но не воровали».

ЖИЗНЬ СЕЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 1941 году приходит новая беда — война. Погибло на фронте 150 жителей села.

Еще до войны в селе провели радио, поэтому жители села узнали о том, что началась война, услышав знаменитый голос Левитана.

Из воспоминаний Нины Дмитриевны Чернецовой: «Помню, в первые дни войны, 23 и 24 июня, все жители села Урусово и окрестных сел Дивовки, Раевки собрались около сельского совета. Поставили стол, за которым сидели представители власти: председатель колхоза, председатель сельского совета, представители из райкома партии и райвоенсовета. Провожали призывников — мужчин разных возрастов — на машинах полуторках. Стоял шум, плач. Мать Миронова очень сильно плакала, обнимая сына, как бы предчувствуя, что его убьют. И он погиб».

В селе оставались женщины, старики, дети. Они заменили мужчин на фермах, в поле, на их плечи легла самая тяжелая работа. Подростки трудились наравне с взрослыми плугочистами, возили на быках зерно во время посевной и уборочной. Мужчин-трактористов заменили женщины. Осталось в селе всего несколько мужчин, которые получили «бронь».

На годы войны приходится строительство газопровода «Саратов — Москва». В 1944 году в Саратов прибыло 5 тысяч 16-летних мальчишек с западной Украины — 2 эшелона. Именно они начинали строить первый в стране газопровод. Условия стройки были беспощадные. Более 150 ребят не выдержали российских холодов. Их похоронили в братских могилах. Около 500, уже неизлечимо больных, отправили назад — умирать на родине. Кормили плохо, а норму надо было вырабатывать.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранились данные о численности и составе лиц, работавших на сооружении этого объекта. Всего здесь было занято вольнонаемных НКВД 14,2 тыс. человек, заключенных — 8,8 тыс., спецконтингента — 3,8 тыс., рабочих стройколонн — 47,7 тыс., привлеченного местного населения — 1,4 тыс. человек.

Из воспоминаний колхозника села Урусово Михаила Антипова (по материалам школьного музея): «Из района пришло указание, что надо копать под этот газопровод траншею. Разрядка распространялась на мужчин от 16 до 60 лет и женщин от 20 до 50 лет. Все взрослое население деревень, которое оказалось в этой 14-километровой зоне на всем протяжении будущего газопровода, было мобилизовано на земляные работы. Уклониться от этой работы исключено. Оплата за труд была сразу объявлена на собрании — за трудодни».

Две недели жители села работали на строительстве газопровода. Каждому давали норму — 15 погонных метров глубиной 1,15 м и шириной 1,5–2 м. Копали землю тупыми лопатами, поэтому на руках оставались мозоли. Рабочие жили на улице, спали под открытым небом.

Война принесла с собой в село голод. Жители села ели гнилую мерзлую картошку, воровали колоски на колхозных полях, дробили зерно жерновами ночью в подполье, чтобы никто не видел. Из мерзлой картошки, которую собирали в поле весной или зимой под снегом, пекли пышки. Налоги были большие, сдавали государству шерсть, мясо, яйца и масло.

Из воспоминаний Антонины Федоровны Писаревой, 1934 г. р. (по материалам школьного музея): «Когда началась война, мне было неполных 7 лет. В лесу дрова брать не разрешали, дров не было, поэтому топили киззяками (сушеным навозом). В доме было холодно, ночью в ведре замерзала вода, да и дом был ветхий. Одежда была плохая: кофтенки, чулки, платки были вязаны из шерсти. Голодали. Ели коневник, лепешки из лебеды. Весной в поле собирали мороженую картошку, по луговинам собирали щавель, дикий чеснок и капусту. В поисках пищи ходили по полям, собирали колоски, объездчики не разрешали, били нас кнутами, но мы все равно ходили по гороховым стогам, добывали по горсти гороха или чечевицы. Дома колоски ржи, пшеницы обмолачивали и дробили, из этой дробленки варили кашу, пекли хлеб».

Из воспоминаний Евгении Григорьевны Усик, 1928 г. р. (по материалам школьного музея): «В годы войны в лесу и по лугам копали торфяную канаву. Рабочим давали норму 1,5 м глубины, стояли в воде по колено, обуты были в брезентовые бахилы. Хотели около Урусова начать торфоразработки, но так и не открыли. Нас перебросили в Александровку, село было недалеко от Урусова. Труд был тяжелый, сначала снимали землю лопатами, затем резали торф, клали его на тачанки и возили по доскам. Но мне пришлось не только на торфоразработках побывать, но и работать в поле, веять ручную хлеб».

Не только семья дедушки, но и многие другие жители покидают село после войны. В 1964 году создается совхоз «Юбилейный». Но уже ничего не напоминало о процветающем селе.

В 70–80-е годы усиливается отток населения, особенно молодежи. В 90-е совхоз развалился. Его собственность осталась бесхозной, и ее постепенно растащили.

Практически исчезло близлежащее село Раевка. За 10 лет с 1990 по 2000 год численность учеников школы сократилась в два раза. Советская власть за десятилетия убила у жителей сел стремление к труду. Большая часть мужского населения спилась. Мне удалось насчитать шесть дворов, которые отличаются от других ухоженностью, наличием сельскохозяйственных построек. Но в целом картина села удручающая, оно умирает. А у истоков этой смерти находятся те процессы, которые начались в 20-е годы XX века.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА, НЕ СЛОМЛЕННОГО ТРАГЕДИЕЙ

О том, как сложились судьбы людей села Урусово после войны, я хочу рассказать на примере жизни моего дедушки.

Когда дедушка демобилизовался из армии, друг уговорил его поехать с ним в Первоуральск. Там он работал на каком-то секретном объекте радистом. Всё у него складывалось хорошо, но вдруг мать прислала письмо: приезжай домой, я осталась одна. И дед приехал: ему стало жалко мать. Через некоторое время он переехал в Саратов, устроился на работу и поступил в техникум им. Яблочкова на вечернее отделение. Жил в общежитии, днем работал, а вечерами учился. В 1966 г. закончил техникум с отличием, и его распределили в «Прихоперские электросети» старшим мастером (Екатериновский участок в 50 км от Ртищева).

Деда награждают дипломом «Лучший мастер распределительных электросетей (высоковольтных линий) Саратовэнерго» с занесением в книгу почета Саратовской энергосистемы, также выдают грамоту за подготовку бригады монтеров, занявшей первое место в соревнованиях за звание «Лучший электромонтер Саратовэнерго». В 1982 году дед получает диплом «Лучший мастер Саратовэнерго» и две почетные грамоты. В 1986-м ему приходится сменить место работы, чтобы не ездить зимой по линии, и он переезжает в г. Ртищево. Работает на пухо-перовой фабрике начальником электроцеха. В этой должности он проработал более 20 лет. За время работы у него было много рационализаторских предложений, за которые он получал денежные премии.

В 1987 году дедушка встретил мою бабушку, и они поженились. Что касается моей бабушки, то на тот момент она была вдовой с тремя детьми. Когда дедушка с бабушкой поженились, двое старших сыновей были уже женаты, а моему будущему папе было 12 лет. Мой дедушка вырастил папу, которому сейчас 38 лет. Бабушка с дедушкой живут вместе уже 27 лет, у них 8 внуков и 5 правнуков. Все трое сыновей дедушку зовут «папой». На пенсию дед ушел в 1998-м, но работу свою не покидал еще 10 лет.

В моей жизни дедушка сыграл большую роль: он делал со мной уроки, учил читать, помогал во всем, давал самые нужные советы, дарил свою любовь. Когда я только родилась, он написал мне первое стихотворение и в течение 12 лет продолжал эту

традицию. Кроме стихов, посвященных мне, у него есть целая тетрадь с его поэтическими мыслями обо всем, что волновало ум и сердце (писать он начал в 50 лет). Благодаря помощи и поддержке моего дедушки мне удалось написать несколько исследовательских работ на Всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия — XX век». И свою последнюю работу я посвящаю моему дедушке Владимиру Максимовичу Селиверстову.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Когда в первый раз я была на конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век», участникам для написания эссе была предложена тема о памятниках. Спустя три года я бы написала, что для меня памятником истории является небольшое, практически исчезнувшее село Урусово. Оно прошло все страшные испытания, которые для него уготовила история. И не враги уничтожили село, а собственное государство. Простой народ, который жил, работал, созидал, воспитывал детей, превратился в объект для страшных экспериментов власти. Сколько слез впитал этот маленький кусочек земли, сколько горя он смог увидеть... И наш долг заключается в том, чтобы спасти от забвения имена людей, пострадавших от власти в эпоху сталинизма, чтобы не допустить повторения ошибок, совершенных в XX веке.

ЭХО ГЛАВНОЙ ВОЙНЫ

По страницам семейной истории

Мария Скачкова

школа № 2, с. Волчиха, Алтайский край

научный руководитель Виталий Александрович Бебко

Всё меньше становится людей, которые помнят, как жили во времена Великой Отечественной войны, как работали, как любили и ждали домой своих отцов и мужей. Только представьте на минуту, каково это работать с утра до ночи, жить в большой семье, которую прокормить очень трудно, каково это когда приходит письмо с извещением, что кто-то из твоих самых родных и горячо любимых людей погиб. Я часто слушала рассказы бабушки об этом времени и задалась вопросом, как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях войны, голода, послевоенной разрухи? Мне захотелось подробно изучить условия жизни, в которых совершались трудовые подвиги. Я считаю, что данный вопрос следует изучать для понимания всей значимости происходящих событий в годы войны. Объектом изучения стала история быта. Предметом исследования стала жизнь и деятельность людей в период военного лихолетья.

Я считаю, что семья, коллективы колхозов и машинно-тракторной станции села Волчиха были частью советского общества, а значит, здесь жили и думали о том, о чем думали все советские люди того времени.

Моя бабушка, Любовь Тимофеевна Шевцова, родилась в 1940 году в поселке Подберёзки Ключевского района. Ее мама, Екатерина Емильяновна Репета, была из бедной крестьянской семьи — одна лошадь и земли мало, так как в семье были девочки. Поэтому когда стали создавать колхоз, то семья сразу вступила в него. Мой прадедущка, Тимофей Иванович Санько, был из семьи зажиточных крестьян — середняков: несколько лошадей, коров, сельскохозяйственный инструмент, в достатке земли. В их семье было много мужиков (отец и 4 сына). Желания вступать в колхоз не было, а это неизбежно повлекло «раскулачивание». Со двора забрали всё, оставив только корову. Из семьи никого не тронули, вот только глава семьи Иван Санько не выдержал потрясения и скоропостижно скончался. Екатери-

на Емельяновна закончила 4 класса и как грамотный человек была определена на работу учетчика в колхозе. В 1938 году Екатерина и Тимофей вступили в брак. В 1939 году Тимофей Иванович отучился на комбайнера в Гальштатдтской краевой школе и в 1940 году был отправлен в военное училище.

Любовь Тимофеевна родилась в апреле, когда отец уже уехал на учебу, и знает она его только по фотографии, так как из военного училища Тимофея забрали на фронт в 1941 году. 28 апреля 1945 года гвардии лейтенант Тимофей Иванович Санько погиб, подорвавшись на mine (его 3-й гвардейский отдельный моторизованный инженерно-саперный батальон занимался разминированием в г. Любау в Германии). Подробности этого события изложены боевым товарищем в письме к Екатерине Емельяновне от 11 июля 1945 года. Когда получили похоронку, то Екатерина Емельяновна и Василиса Иосифовна (мама Тимофея и моя прапрабабушка) долго плакали и не могли поверить в гибель мужа и сына, так как получили посылку от 15 апреля 1945 года, и в письме сообщалось, что враг разбит, и он скоро будет дома. И ведь через три недели война закончилась Победой, и так не хотелось верить в то, что спустя четыре года боев он мог погибнуть. Ходили в сельский совет и военный комиссариат, но пришлось смириться со страшной правдой жизни — семье еще прислали справку о награждении гвардии лейтенанта Т. И. Санько орденом Отечественной войны 2 степени от 30 апреля 1945 года и удостоверение к медали «За боевые заслуги» от 9 марта 1943 года. Моя бабушка так ни разу и не видела своего папу.

ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Бытовые условия

Как и большинство советских семей, семья Санько осталась без мужчин. В деревянном пятистеннике (кухня и горница) все годы войны жило три семьи. Получается, что в маленьком доме жили и вели совместное хозяйство 10 человек.

Убранство дома было скромным (можно сказать, типичным для того времени). На кухне центральное место занимала русская печь, под которой зимовали куры. Рядом с печью на стене были полаты, на которых лежали матрацы, набитые соломой. Печка была лучшим местом в доме — самым теплым, поэтому на ней спали маленькие дети, Люба и Валя.

Важным предметом мебели был сундук, в нем хранилось самое ценное — продукты питания (мука, сахар и др.). Ключ от сундука был у моей прабабушки, Василисы Иосифовны, — он был на веревочке привязан к пояску. Всё, что получали за работу члены семьи, отдавалось ей, и затем она распределяла семейные ресурсы. Также был красный угол, как и полагается, с иконой.

В горнице стояло 4 кровати (самодельные деревянные), на двух спали женщины и еще на двух парни. На кровати Екатерины Емельяновны лежала пуховая перина с подушками, набитыми куриным пухом (ее приданное). В центре стоял ткацкий станок, на котором прабабушка ткала и дерюги (шерстяные одеяла), и рубахи, и даже «марлю», чтобы сделать соску для маленьких Любы и Вали (нажевать хлеб с сахаром и завернуть). Были еще холодные сени, в которых стояла деревянная ступа (мололи просо); кстати, во всем поселке их было только две. Еще здесь хранилась ручная крупорушка, на которой мололи пшеницу. Из сеней вела дверь сразу в пригон. Все постройки, жилые и хозяйственные, были соединены крышей, так как снегом заметало дом, и тяжело было постоянно его отгрести, тем более что на это просто не было времени и сил.

Во всём поселке было 3–4 бани. У Саньковых была своя баня, которую топили каждую субботу с утра. Первыми мылись и стиралось большое семейство Саньковых, а затем шли соседи. Каждый приносил свою норму кизяка (в зависимости от количества моющихся) и холодную воду, а также свой щёлок для мытья. Воду грели железом — его раскаляли и клали в воду. Когда стояли сильные морозы и шел буран и метель, так что невозможно было откидать от снега баню, тогда мылись в русской печи. Печь протапливали, выгребали угли, смачивали, стелили солому и залезали внутрь, а затем обмывались в корыте. Топили печь кизяком и полынью.

В колхозе была овчарня и ее территорию делили на участки для каждой семьи. Утоптанную овцами массу резали на куски, которые просушивали и складывали под крышу. За огородами росла большая полынь, которую специально не трогали, а осенью срубали топором (такой толстой вырастала). И маленькой Любе приходилось участвовать в заготовке полыни, хоть по две штуки, но таскала вместе со всеми мальчишками (именно они занимались этим делом).

Отношения в семье

Все женщины с утра и до вечера работали: Василиса Иосифовна — дояркой на ферме; Домна Ивановна — поваром в бригаде; Екатерина Емельяновна — учетчиком. Маленькими девочками (Валей и Любой) в основном занимались мальчишки и зимой иногда бабушка, так как зимой на ферме работы было меньше. Мальчишки (Александр и Дмитрий) ходили в школу, но ходили по-очереди, так как не хватало одежды и обуви. Например, валенки были одни на всех детей. Бывало, что двух годовалых девочек приходилось оставлять одних в доме, тогда бабушка их привязывала: в противоположные стены были вбито по гвоздю, к которым привязывались бечевки, а к бечевкам привязывали девочек. Они не могли поцарапать друг друга, залезть в опасное место. Фактически родителей Вале и Любе заменили старшие братья и бабушка. Братья делали всю работу по дому: уборка дома и двора, уход за скотиной (коровой, телятами, курами), уход за огородом. Также они должны были мять коноплю, готовя ее для дальнейшей обработки.

Бабушка Василиса Иосифовна, по словам Любви Тимофеевны, была «капитаном корабля», то есть главой их семьи. Можно предположить, что и в других семьях происходило то же самое — при отсутствии мужчин бабушка становилась опорой семьи.

На матке (это несущее бревно крыши) в доме висел толстый прут, которым Василиса Иосифовна пользовалась для наведения дисциплины и порядка в доме. Как вспоминает Любовь Тимофеевна, «бабушка не разбиралась, кто прав, а кто виноват, — она сразу проходила прутом по спинам детей — два раза у мальчишек и раз у девчонок». А однажды досталось и женщинам (Домне и Екатерине). Любовь Тимофеевна не помнит, почему они поругались, но запомнила действия бабушки: она, ударив их прутом, сказала: «Как вам не стыдно, ваши мужья вместе сражаются на фронте, а вы здесь ругаетесь!» А затем все сели, обнялись и заплакали.

Любимым развлечением детей было катание с горки. Василиса Иосифовна привязывала на ноги «онучи» — старые рукава от фуфайки. А катались с гор на коровьих лепешках! Их раскачивали в блин, вставляли веревку и оставляли на морозе и катались так, что свист стоял от ветра в ушах.

Прабабушка
Екатерина Емельяновна
Санько с дочкой Любовью.
1941

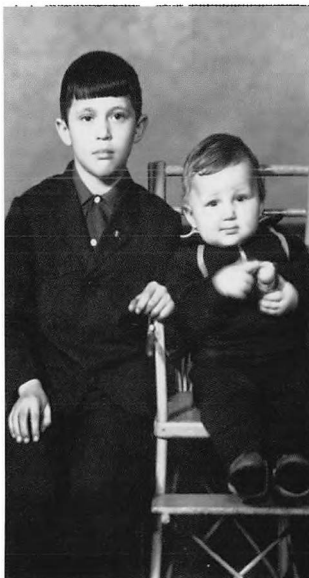

Прадедушка
Тимофей Иванович Санько

Домна с матерью Василисой Иосифовной

Люба
с двоюродным братом

Семья Санько

Еще делали кукол — набивали матерью шерстью и соломой. Волосы делали из конопли, которую Василиса Иосифовна выделывала для работы на ткацком станке.

Популярными играми были игра в мяч «Бить-бежать» или лапта. Как только под весенним солнцем появлялись проталины в поле, так сразу на них закипала игра. Дети как могли приносили развлечения в однообразие своей жизни: «Мы уходили искать по селу разные стекляшки от разбитой посуды. Это были наши игрушки. Из коровьей шерсти катали мяч».

Труд

Жизнь была тяжелой, впроголодь. Работали много, а получали за труд мало. Всё, что можно, отправлялось на фронт, в действующую армию: «В 1943 году пришла вот такая телеграмма от верховного главнокомандующего Сталина: “Передайте колхозникам и колхозницам Волчихинского района, собравшим 2.650.000 рублей на строительство танковой колонны “Алтайский колхозник” и авиасоединения “Алтайский истребитель” и пославшим бойцам Красной армии теплые вещи, — мой братский привет в благодарность Красной армии». Да, в войну происходило и такое — якобы колхозник на свои деньги (то есть которые передал государству) мог построить танк, пушку или самолет.

Давайте разберемся, как это могло произойти. Вот некоторые рыночные цены на продукты в тот период (к январю 1943 г.):

Масло 1 кг	793 руб.
Ржаная мука 1 кг.....	158 руб.
Капуста 1 кг.....	43 руб.
Молоко 1 литр.....	87 руб.
Картофель 1 кг	45 руб.
Яйца 10 шт.....	198 руб.
Говядина 1 кг.....	314 руб.
Булка пшеничного хлеба 0,7 кг.	400 руб.
Пушка 45мм ПТ.....	6765 руб.
Танк Т-34	140 тыс. руб.

Посмотрим заработки работников: по данным приказов по личному составу Волчихинской МТС, заведующий МТС получал 500 рублей, шофер — 250 рублей, истопник — 85 рублей. Из соотношения данных цифр и получается, что, во-первых,

зарплата была чисто формальным явлением: на нее на рынке почти ничего нельзя было купить, а тем более построить авиасоединение, а значит, колхозники должны были рассчитывать только на свое хозяйство; во-вторых, за счет продажи продуктов только и могли уплатить налоги, что-то приобрести для семьи — и еще пожертвовать государству на нужды фронта, но это было уже в ущерб семье.

Работая с книгой приказов Горьковской МТС, я встретила несколько похожих записей, в которых говорилось о предоставлении неоплачиваемого отпуска «ввиду материальной обстановки». Можно предположить, что этот отпуск использовался для поездки в город, чтобы продать продукты или выменять на них необходимые вещи. Когда войска РККА стали освобождать оккупированную немецко-фашистскими войсками территорию СССР, колхозники Волчихинского района начали собирать вещи для населения этих территорий.

«В январе 1942 года колхозники колхоза “Красная заря” внесли для помощи освобожденным братьям десять овчин, три пары носков, четыре полотенца, две рубашки, две подушки, три пилы, три топора и три железные лопаты». Цифры, конечно, скромные, но, во-первых, это происходило по всем колхозам, а не только в одном. Во-вторых, для нас сейчас это пустяковые вещи, а ведь в годы войны невозможно было что-то подобное купить и люди отдавали, получается, ценные для собственного хозяйства вещи. И это несмотря на то, что необходимо было платить налоги: сельскохозяйственный, подоходный, военный, налог на бездетных и холостяков, пять видов местных налогов и сборов: налог со строений, земельную ренту, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота и разовый сбор на колхозных рынках. Система налоговых платежей в годы войны обеспечила необходимое пополнение бюджетных ресурсов для ведения войны. Но всё это ложилось дополнительным бременем на людей.

Вот что вспоминает Надежда Николаевна Моисеева: «Почти всё выращенное сдавали государству, а те продукты, которые нужно было сдавать, но их в семье не было, приходилось покупать, что очень затрагивало бюджет семьи».

К тому же, на производстве был жесткий контроль за трудом. В приказе № 11 от 27.01.1942 г. по Горьковской МТС говорится: «за холостой переезд на тракторе рабочему Ф. А. вычесть из зарплаты стоимость 30 литров горючего».

Мужчин в деревнях осталось мало, их заменили женщины, старики и дети. Павел Маркович Шевцов вспоминает, что после возвращения с фронта ему запомнилось отсутствие мужчин и техники в колхозах и МТС. По приказам Горьковской МТС села Волчиха мы видим, как убывало мужское население. Так в приказе № 27 от 2 марта 1943 г. говорится: «...считать уволенными в связи с призывом в РККА

1. Фурсов Семен
2. Фурсов Дмитрий
3. Мещеряков Семен
4. Барадулин А.
5. Артемов Валентин
6. Широков Петр».

Сразу было призвано шесть трактористов, их следовало заменить другими работниками из числа женщин. Для этих целей была объявлена мобилизация трудовых резервов — молодых девушек 17–20 лет, которые обязались обучиться на трактористов и работать в МТС. Многих приходилось заставлять под угрозой суда и уголовной ответственности: «...мобилизованная т. А. Екатерина для обучения на тракториста... сейчас не учится, чем нарушила указ от 12 апреля 1942 г. ...направить дело в суд...»

В апреле 1943 г. в Горьковской МТС села Волчиха числилось 64 трактора, на которых работало 85 трактористов, из которых было 65 женщин. Проблему нехватки техники пытались решить всеми возможными способами, например, в декабре 1941 года вышло постановление районного партийного актива: «Принять конкретные меры по увеличению тяговой силы в колхозах за счет дополнительного обучения коров. Обучить по району не менее двух тысяч голов к 1 февраля 1942 года».

Те, кто остался в тылу, понимали, что необходимо трудиться не только за себя, но и за того кто ушел на фронт. Работали до седьмого пота, до кровавых мозолей. В МТС в мае 1943 года рабочий день составлял 12 часов с 7.00 утра и до 20.00 вечера с одним часом на обед. А в с. Солоновка приказом от 5 ноября 1943 г. устанавливался рабочий день с 8.00 до 23.00 часов за вычетом времени на обед — 13 часов рабочего времени. Нормой была отмена выходного дня — и в воскресенье трудились на работе.

Сутки работы, да еще хозяйство, дети без присмотра выматывали людей. Стало больше приказов о наказании прогульщи-

ков. С 7 октября 1942 по 2 ноября 1943 года в приказах по личному составу МТС насчитывается 22 случая передачи дела на рассмотрение суда, в милицию или прокуратуру. Например, «... бухгалтер тракторного парка т. Б. Анна Тимофеевна опоздала на 20 минут тогда же опоздала в обеденный перерыв на 15 минут...» (а бухгалтеру всего 21 год, у которой могут быть и маленькие дети); «...трактористка т. М. Евдокия пошла в больницу, чтобы получить освобождение, но больница освобождение не дала, потому что М. не больная... совершила прогул шесть часов...»

Таким образом, все они нарушили Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»: «за прогул без уважительной причины ... предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%... самовольно ушедшие... предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев». Всего в СССР по данному указу было осуждено более 3 миллионов человек.

Также происходили случаи, последствия которых были более значительными. Например, в приказе № 63 от 3 июня 1942 г. говорится: «тракторист М. Григорий вывел из строя трактор, умышленно поломал прицеп к плугам и производил пахоту не в том месте — дело передать начальнику милиции на расследование». Чем заканчивалось такое дело, можем увидеть, заглянув в книгу посвященную жертвам репрессий в Волчихинском районе: Ульянова Мария была осуждена за поломку граблей, Филатова Татьяна — за наличие в карманах зерна, и т. п.

Некоторые женщины отказывались выходить в ночную работу, хотя знали о последствиях. Государство хотело видеть в человеке только работника, производящего всё для победы и фронта, но люди продолжали оставаться матерями, отцами, сыновьями, дочерьми, женихами или невестами. Надо было успеть сделать всё по домашнему хозяйству: истопить печь, приготовить, накормить детей и немощных стариков, проследить за скотом и птицей, прополоть и полить огород, и сколько другой работы было по дому! А ведь именно собственное хозяйство и кормило колхозников. Рабочие в городах по карточкам

получали продукты. Колхозникам такие карточки не полагались. Хорошо, если в семье были дети-подростки, которые выполняли всю домашнюю работу, или бабушка, ухаживающая за детьми и ведущая хозяйство.

В войну всё время испытывали голод. Вначале в селе у людей еще были кое-какие запасы продуктов, а потом стало трудно. Каждая семья «выкручивалась», как могла, чтобы прокормиться. Во-первых, помогала корова — детей поили молоком, во-вторых, куры хоть мало, но несли яйца. Также огород — зимой ели соленые огурцы, помидоры с картошкой в мундире. Пили чай из чабреца, малины и черемухи. Одним из блюд был «салат» — заваренная кипятком мука с маслом.

Екатерина Емельяновна, работая учетчиком, шла на преступление. Для бумаг был у нее чемоданчик. Вот она вытаскивала часть бумаг, прятала их под одежду, а на освободившееся место насыпала муки или пшеницы. Ее не досматривали — доверяли. Так и Домна Ивановна старалась накормить детей. Мальчишки брали литровый алюминиевый бидончик и шли в бригаду. Домна собирала всё, что оставалось после обеда рабочих, и наполняла бидон. Надежда Николаевна Моисеева вспоминает, что ее бабушка, работая свинаркой, готовила из пшеницы и соломы «хлеб», которым кормили свиней, а дети воровали его и ели. Им всем повезло, что никто не был пойман с поличным.

Таким образом, жизнь людей в тылу была подчинена одному лозунгу: «Всё для фронта, всё для победы!» Понимая это, люди терпели и не просто выполняли свой долг, а даже совершали значительно большее. Голод, хозяйственная разруха и многое другое влияло на психику людей.

ЖИЗНЬ СЕМЬИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 1946 году большая семья Санько переехала в Волчиху, так как мальчишки подросли, а в поселке была только начальная школа. Вначале жили в бывшем доме лесника на сегодняшней улице Кирова (снимали половину дома). Затем все разъехались: Екатерина Емельяновна с дочкой Любой и мамой переселились в дом, где сейчас улица 1-мая. Здесь Люба познакомилась с немцами, которые были депортированы из Поволжья. Вспоминает о них с теплом и добротой: «порядочные люди, трудолюбивые». В новом доме уже не было иконы и на пасху не красили яиц.

Екатерина Емельяновна была коммунисткой и теперь стала хозяйкой в доме (да к тому же и в школе говорили, чтобы не отменяли пасху). Свекровь, Василиса Иосифовна, приносила крашенные яйца и куличи, а иногда Люба бегала к немцам, чтобы покрасить яйца.

Хотя в Волчихе было много леса, но его заготовка на дрова не осуществлялась. Поэтому дети собирали шишки и месили коровий кизяк. В 1948 году Люба пошла в первый класс. В доме она была опорой маме. Носила молоко на сдачу (натуральный налог), поливала огород (из колодца), доила корову, гоняла телят на выпас. И при этом успевала делать уроки и поиграть. Помнит, как раз была наказана — плохо полила огород, а мама, придя с работы, увидела это и заставила всё переделывать.

В 1948 году Екатерина Емельяновна вышла замуж за Александра Андреевича Климова, фронтовика. Бабушка помнит чемодан, с которым он пришел после войны с Японией (подарил маме платья, кофточки). Потом с этим чемоданом Люба поедет на учебу в Горно-Алтайск в 1958 году. В первое время часто бегала ночевать к бабушке — никак не могла привыкнуть к отчиму. Только спустя несколько месяцев он привез в подарок очень красивую книгу, и Люба так была ей заворожена, что невольно назвала его папой, с тех пор семья жила в мире и согласии. Мама ей рассказала потом, что отчим всю ночь не мог заснуть, переживая это момент. В 1963 году Люба вернулась в Волчиху, где стала работать в школе учителем биологии и географии. Вышла замуж за Сергея Михайловича Щевцова, и в 1964 году родился сын Михаил, а 9 лет спустя дочь Татьяна. Фактическим воспитанием детей занималась свекровь — Ольга Михайловна (у которой муж Михаил Владимирович Шевцов погиб на фронте в 1942 году).

***

Занимаясь сбором материала, я смогла увидеть, из чего складывалась ежедневная жизнь людей. С началом войны стали меняться семейные отношения. Как мне думается, война внесла последний вклад в разрушение традиционных крестьянских отношений в семье, когда мужчина, работник и кормилец, был главой семьи и устанавливал семейный уклад жизни. Женщины, волей обстоятельств, должны были заменить мужчин на

производстве и в семье. В период, когда родителям приходилось весь день работать, большую роль в семье играла бабушка. Особенно ее роль ощущалась в годы войны. Опыт и житейская мудрость позволяли наладить семейный быт в новых условиях, укоренившаяся традиция труда позволяла найти выход в тяжелых ситуациях.

Изучая быт людей в военные годы, я начала понимать многие вещи, которые, может, и были известны раньше, но я не придавала им большого значения.

Во-первых, я начала понимать, что нужно дорожить своей семьей. Ведь в годы войны все люди опасались потерять своих близких, а многие их действительно потеряли. Это очень страшно.

Во-вторых, я начала понимать, что нужно больше трудиться. В годы войны дети моего возраста работали с утра до ночи и очень сильно уставали, порой были даже не в силах идти домой. А сейчас дети и в школу-то идти ленятся, не то что сидеть на занятиях.

В-третьих, я начала понимать, что не нужно жаловаться, что ты плохо живешь. В годы войны люди жили в разрушенных домах, землянках, питались раз в день, ходили в заплатанной одежде, отдыхали мало и всё равно не жаловались.

Изучая жизнь моих близких в годы войны, я училась у них правилам жизни. Ведь они в те годы оказались выносливыми, терпеливыми, добрыми и хозяйственными. Я тоже хочу быть такой.

Он защищал Сталинград

Дария Гизатулина

лицей № 13, г. Троицк, Челябинская область

научный руководитель Рауф Назипович Гизатуллин

Меня зовут Дария Гизатуллина, я живу в небольшом южно-уральском городке, учусь в естественнонаучном лицее. Когда мы получили задание написать работы, посвященные годовщине Сталинградской битвы, мне предложили вместо реферата, скачанного из интернета, подготовить историческое исследование, посвященное судьбе моего двоюродного деда, погибшего под Сталинградом. Особенно настаивал папа. Ему хочется, чтобы сохранилась история семьи, память о предыдущих поколениях.

Имена и судьбы многих героев Сталинграда мы уже никогда не узнаем. В числе защитников цитадели на Волге был и уроженец Троицка, школьный учитель и мой двоюродный дед — Бари Сайтович Гизатуллин. Он не успел заслужить наград и званий, провоял где-то месяц–полтора, и даже где его могила (если она была) неизвестно. О его жизни и судьбе мой рассказ. Я опиралась на документы из личного дела Б. С. Гизатуллина, переписку его родственников с государственными архивами и воспоминания, сохранившиеся в нашей семье.

БИОГРАФИЯ

Родился Барив в 1905 году, в многодетной семье ремесленника-шапочника, в конце XIX века в поисках лучшей доли перебравшегося из Вятской губернии в Троицк, тогда уездный город Оренбургской губернии. В 1913 году мальчик поступил и в 1919 с отличием закончил медресе. Мечты о дальнейшей учебе пришлось отложить, вначале из-за Гражданской войны (в июле-августе на Южном Урале шли бои между Красной Армией и отступающими колчаковцами) и разрухи, а затем из-за преждевременной смерти отца от тифа голодной весной 1922 года. Чтобы помочь семье, 15-летний юноша поступает на работу в шапочно-фуражечный цех Промыслового трудового кооперативного товарищества. В годы НЭПа, с 1924 по 1927 год, Бари работает самостоятельно как «кустарь-одиночка», точнее, вместе со всей

семьей шьет и продает головные уборы. Позже Бари принимает решение продолжить образование. При этом он много читает, выписывает книги и журналы, увлекается фотографированием и радиodelом.

Из-за того что у него дореволюционное образование, полученное в магометанском духовном училище, он год занимается на «курсах по подготовке нацмен молодежи в педтехникум». Наконец, в 1930 году 25-летний Бари поступает на 1-й курс школьного отделения Троицкого областного татарского педагогического техникума им. товарища Луначарского. Несмотря на большой перерыв в учебе, он успешно осваивает учебную программу, успевая заниматься общественной деятельностью — его выбирают заведующим производственным сектором профсоюзного комитета техникума.

В 1920–1930-е годы в СССР существовала территориально-милиционная система подготовки войск. В соответствии с ней в 1930 году Бари прошел летние военные сборы в пулеметном эскадроне 47-го кавалерийского полка, поэтому в 1932 году он был назначен командиром роты педтехникума в составе Троицкого полка ОСОАВИАХИМа.

Летом 1933 года Бари получил свидетельство об окончании техникума и направление на работу учителем в северную татарскую деревню. В стране идет ликвидация массовой неграмотности, он становится учителем татарского языка и литературы, завучем школы, председателем кустового педобъединения, заведующим консультационным пунктом.

В феврале 1941 года Бари Саитовичу исполнилось 36 лет. К этому времени младшие его сестры, которым он отправлял почти всю свою учительскую зарплату, уже сами выучились на учителей. В письмах домой Бари намекает на возможные изменения своего семейного положения — уже много лет он дружил с учительницей той же школы. Но сначала ему нужен отпуск, чтобы съездить домой в Троицк и по обычаю спросить разрешения у матери.

ВОЙНА

До отпуска оставалось чуть больше недели, когда радио принесло страшную весть. Уже на другой день началась мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения, но Бари был при-

зван только через 2 месяца — 28 августа. 30 августа 1941 года он отправил из Тюмени в Троицк почтовую открытку, где сообщал, что прибыл сюда на пароходе из Ярково, дальше их повезут на поезде до ст. Называевск, что возле Омска, а куда потом — неизвестно.

По дороге из Сибири, узнав, что эшелон проследует через Троицк, Бари дал телеграмму родным. На вокзал, буквально за 5 минут до отправки поезда, успели прибежать мать и одна из сестер. Обе, вспоминая эти мгновения прощания, всегда плакали; говорят, мать тогда почувствовала, что видит сына в последний раз...

После этого от Бари пришло 6 писем. Они до сих пор хранятся в семье. Самое раннее из них написано 23 ноября 1941 года, то есть почти через 3 месяца после свидания. Бари сообщил, что долго не писал из-за комиссии, которая должна была решить судьбу новобранцев, что он ее прошел, и теперь его будут готовить в парашютисты-десантники, что размещены они под Саратовом. Следующее письмо датировано 13 февраля 1942 года и отправлено в обычном конверте уже из поселка Чкаловск Московской области. Третье письмо, написанное 22 марта, — уже классический треугольник из тетрадного листочка в клетку с треугольным же штампом «Бесплатно. Красноармейское письмо». На Троицкий почтамт оно прибыло только 8 июня. В нем Бари пишет, что вчера, то есть 21-го, они первый раз совершили полет на самолете и в ближайшее время начнутся прыжки. Имеются в виду его молодые однополчане, сам-то он еще до войны прыгал с парашютом, это видно по значку на его гимнастерке. А вот его письмо, отправленное 5 апреля, в Троицк пришло быстрее — 22 мая. В этом апрельском письме Бари сообщил и свой точный адрес — полевая почта 1909, 17-я бригада, 3-й батальон, 2-я рота, а из справки, высланной командиром части, понятно, что речь идет о 8-ом воздушно-десантном корпусе.

Так вот, возвращаясь к работе военной почты, — не удивительно, что в следующем письме, от 19 апреля, Бари жалуется, что домашние ему не пишут, в то время как его сослуживцы получают весточки из дома. Кстати, письмо это пришло в Троицк лишь 11 июня. О работе полевой почты можно судить по тому, что в своем последнем и самом большом письме Бари сообщает о получении из дома последних писем и телеграммы, отправленной родными, в свою очередь обеспокоенными его «молча-

нием». Судя по его фразе: «в последнем письме вы написали, что засадили огород, как успехи, поспела ли молодая картошка?», письма из Троицка были отправлены в начале мая, так как обычно в это время в наших краях заканчивается сезон первых посадок. Бари же ответил 2 августа, то есть через три месяца...

Но главное другое — в конце письма он добавил: «следует сказать вам — мы сейчас, в ближайшие дни отправимся в путь. За меня не беспокойтесь, что уготовано — то и будет, и мне и всей стране. Постараюсь, если будет возможно, после этого написать вам. Ответьте мне сразу по получению этого письма. С приветом...»

Я думаю, что пока ответное письмо из Троицка ходило туда-сюда, наступил уже 1943 год, а писем всё не было. А когда обоеспокоенные родственники обратились в Наркомат обороны, им, в декабре 1943 года пришел ответ, что военнослужащий Б. С. Гизатуллин по спискам убитых, умерших от ран и пропавших без вести не значится. Эта неопределенность и мучила и успокаивала — раз нет похоронки, то может он заброшен в тыл врага или находится в немецком плену, может, попал в окружение или в госпитале без памяти... Ждать возвращения сына и брата перестали только в 1960-е.

ПОИСКИ

Поиски следов Бари Саитовича Гизатуллина родственники возобновили только в 90-е годы. Думали, что он мог попасть в плен и погибнуть в Германии, поэтому послали письма в Службу поиска Германского Красного Креста в Мюнхене. Международная служба розыска Международного Красного Креста, через 2 года работы с архивными документами ответила отрицательно.

Одним из первых запросов было письмо в Подольск — в ЦАМО (Центральный Ордена Красной Звезды архив Министерства обороны РФ), на который пришел ответ, что Б. С. Гизатуллин пропал без вести в ноябре 1942 года, а также, что документов управления 17-й Воздушно-десантной бригады 8-го Воздушно-десантного корпуса за 1942 год на хранении нет. Было также добавлено, что 8 ВДК в августе 1942 года был преобразован в 35 гвардейскую стрелковую дивизию, а 17 ВДБ, в свою очередь, 3 августа 1942 года переименована

в 100-й гвардейский полк этой дивизии. По документам учета безвозвратных потерь личного состава 100-го гв. стрелкового полка за июль–сентябрь 1942 года Б. С. Гизатуллин не значился, и вообще документов 100 гвардейского стрелкового полка 35 гвардейской стрелковой дивизии на хранении нет! Было непонятно — с одной стороны, документов части нет, а с другой, есть конкретные списки потерь за 3 месяца? Станным казалось и то, что ни разу не воевавшая дивизия сразу получила звание гвардейской.

В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» говорится, что заново сформированная 35 гвардейская стрелковая дивизия была сразу же переброшена под Сталинград и воевала там. Многие разъяснило письмо из государственного музея-панорамы «Сталинградская битва» — не зря командование авансом присвоило десанникам звание гвардейцев. В августе 1942 года 35-я дивизия участвовала в тяжелых боях по обороне Сталинграда, при этом самые большие потери понес именно 100-й полк. Работники музея сообщили, что «к 20 сентября 1942 года остатки дивизии (25–30 чел.) вышли в район реки Царицы (центр Сталинграда)».

Надежды на то, что Бари Саидович выжил в этой бойне, уже не было. Оставалось одно — попытаться найти его однополчан, может кто-то знал его, видел, как он погиб, где захоронен. Надежду на это давало то, что в письме были указаны адреса нескольких ветеранов 100-го полка. Однако все посланные папой письма вернулись назад. Я, конечно, тогда не умела читать (мне было лет шесть), но, я помню, как он переживал, получая обратно свои конверты с пометками «адресат выбыл», «не проживает» или «адресат умер».

Откликнулся только один ветеран 100-го полка — Василий Степанович Полиенко, бывший командир саперного взвода 1-го батальона из Краснодарского края. Он писал: «За 2 месяца боев под Сталинградом и в самом Сталинграде наша дивизия потеряла 80% личного состава. В октябре 42 года из 11 тыс. бойцов и командиров в 35 гв. с[трелковой] д[ивизии] осталось 245 человек... Братские могилы нашей дивизии по 2–3 тыс. человек находятся в районе Малой Россошки, Котлубани, Воропоново и в самом Сталинграде. Списков похороненных нет ни у кого...» Сам он уцелел, потому что был тяжело ранен и его смогли пере-

править на левый берег Волги, а из саперного взвода не выжил никто. Василий Степанович посоветовал обратиться в Волгоградскую сельхозакадемию, где есть музей 35-й дивизии, а также к двум своим однополчанам, написавшим книги о героической истории этой части — москвичу Н. И. Афанасьеву («От Волги до Шпрее: Боевой путь 35-й гвардейской стрелковой Лозовской Краснознаменной дивизии». М., 1982) и новосибирцу И. Я. Гончарову («Россошинский рубеж. Сталинград. Август 1942». Новосибирск, 2002).

Еще Полиенко добавил, что из 400 с лишним ветеранов дивизии (на начало 90-х годов) лишь 105 участвовали в Сталинградской битве. «С ними, — с горечью писал Василий Степанович в декабре 1999-го, — я вел переписку до 1991 года. Сейчас я ни от кого вестей не получаю». Всё-таки он прислал список 10 однополчан, с которыми переписывался в свое время. Скажу сразу, что хотя папа тут же им всем написал письма — никто не откликнулся.

Зато пришли ответы от Н. И. Афанасьева и И. Я. Гончарова. Хотя они тоже не смогли помочь в поисках, так как воевали в других полках дивизии, но их письма и особенно книга Ивана Яковлевича Гончарова, которую он прислал по почте, помогли представить, что же случилось с красноармейцем Б. С. Гизатулиным и тысячами его сослуживцев в Сталинграде.

СТАЛИНГРАД

Летом 1942 г. началось наступление на Сталинград 6-й армии вермахта. Перед немцами лежала ровная летняя степь, без серьезных природных преград. В этих условиях советское командование вынуждено было бросить на защиту Сталинграда последний стратегический резерв, который не трогали даже в тяжелейшие дни битвы под Москвой. Вот почему в начале августа 1942 г. воздушно-десантные корпуса были переформированы в стрелковые дивизии, в том числе 30 июля 1942 года 8 ВДК — в 35 гв. стрелковую дивизию; ее командиром стал генерал-майор В. А. Глазков. 17 ВДБ, как мы писали выше, была преобразована в 100 полк той же дивизии. В начале августа дивизия выехала на Сталинградский фронт и в составе 57-й армии вела бои на дальних подступах к Сталинграду, а затем в составе 62-й армии в самом городе. 27 сентября 1942 года ее остатки были выведе-

ны с фронта и отправлены на переукомплектование в Саратовскую область.

В поисках времени и места возможной гибели Бари Гизатулина мы решили изучить, где проходили наиболее интенсивные бои, в которых участвовала и несла большие потери 35-я дивизия и, в частности, 100-ый стрелковый полк. Эшелоны дивизии прибыли под Сталинград 10 и 11 августа. Солдаты были вооружены только легким стрелковым оружием и пулеметами, артиллерии и автотранспорта почти не было. 12 августа, к исходу дня, дивизия, совершив пеший марш-бросок, заняла оборону по реке Червлённой, где вела фортификационные работы. 17 августа, сдав другим частям свои позиции, дивизия, пройдя 40 км, сосредоточилась в районе поселков Большая Рассошка и Дубинин. До конца августа дивизия вела кровопролитные бои на участке Самофаловка — устье реки Рассошка — так называемые Рассошинские высоты. Здесь нашими воинами неоднократно предпринимались усилия захватить стратегическую высоту 137,2. Положение осложнялось тем, что от дивизии оторвались тыловые подразделения, не хватало боеприпасов и питания. В частности, 3-й батальон 100 полка, при поддержке танковой роты (это 7 машин) 169 танковой бригады, 25–27 августа неоднократно ходил в атаку на эту высоту, каждый раз отступая под ураганным огнем противника и неся большие потери. Особенно сильно батальон страдал от минометных обстрелов.

По воспоминаниям, особенно катастрофическое положение в районе Большой Рассошки сложилось с ранеными. На сборном пункте без санитарной обработки лежали двое суток, ожидая эвакуации, до 700 человек. Всё это происходило при 30-градусной жаре, под постоянными бомбежками. Бывший командир санвзвода Любовь Петровна Проворова вспоминала: «Кто мог хоть как-то двигаться после оказания первой помощи, уходили в тыл, пользуясь темнотой. Остальных размещали в овощехранилище, расположенном на бугорке, там еще была небольшая плотинка и росли огромные вербы. По возможности старались побыстрее эвакуировать раненых в тыл. Но был случай, когда две ночи не десятки, а сотни раненых лежали рядами, стонали, умирали. Просили о помощи, а то и просто: “Дострели, сестренка”. В тот день район расположения раненых бомбили 25–30 бомбардировщиков. От овощехранилища и раненых осталось месиво. Ночью всё, что осталось от ране-

Бари Гизатуллин на занятии
с активом татпедтехникума

Б. С. Гизатуллин
(в первом
ряду слева)
с коллегами —
учителями
Карбанской
НСШ

Бари Гизатуллин в годы войны

Грамота за участие в социалистическом соревновании. 1933

ных, жители села и солдаты лопатами сгребли в воронки и заровняли. Стояла страшная жара, миллионы мух — это грозило эпидемией. Я ни разу не видела никаких похоронных команд. Документы погибших тоже не всегда удавалось собрать».

Ветеран дивизии И. Я. Гончаров пишет в своей книге: «Анализируя безвозвратные потери 35 стрелковой дивизии, следует, прежде всего, отметить, что учет потерь в дивизии не был налажен. Не велся поименный учет рядового состава, похоронные извещения на погибших не направлялись. Как видно из акта проверки учета безвозвратных потерь, проведенной представителем Центрального бюро потерь РККА политруком Пучковым, по состоянию на ноябрь 1942 г. ни одного похоронного извещения на воинов, погибших и пропавших без вести в августовских и сентябрьских боях под Сталинградом, направлено не было. Поименный список на погибших и пропавших без вести составлен всего на 669 чел., в основном офицерского состава. А ведь по сводкам о потерях дивизия в тех боях потеряла около 90% своего наличного состава». И далее: «Обращает на себя внимание наличие большого количества пропавших без вести. В 35 гв. стр. дивизии по итоговому донесению значится 2282 пропавших без вести (каждый четвертый от списочного состава дивизии)».

При этом автор замечает, что за 10 дней боев дивизия ни разу не отступала, были временные отходы на несколько десятков, сотен метров, которые противником не занимались, так что пленение наших солдат или переход на сторону врага практически исключается. Это были сильные, молодые ребята, 67% личного состава 35 дивизии составляли комсомольцы и коммунисты. Таких как 37-летний Бари Гизатуллин, имевший довоенный опыт прыжков с парашютом и хорошо владеющий пулеметом, было мало; он, скорее всего, и попал в это соединение из-за своего опыта службы в армии и долгой работы в ОСОАВИАХИМе.

В ночь на 2 сентября поступил приказ отвести 62 армию на внутренние рубежи обороны. Остатки дивизии заняли новые рубежи на подступах к Сталинграду в районе опытной станции. Немцам всё же удалось прорваться к Волге на стыке 62-й и 64-й армий. Именно здесь самоотверженно оборонялись остатки 33-й и 35-й дивизий, имевшие в своем составе 864 и 454 бойца. Часть из них была отправлена на оборону элеватора — самого высокого здания в городе.

Маршал Василий Иванович Чуйков, с сентября командовавший 62 армией, вспоминал: «На южной окраине города стоит до сих пор громадное здание элеватора. С 17 по 20 сентября там круглые сутки шли бои. Не только элеватор в целом, но и отдельные его этажи и хранилища по нескольку раз переходили из рук в руки. Командир 35-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Дубянский докладывал мне по телефону: «Обстановка изменилась. Раньше мы находились наверху элеватора, а немцы внизу. Сейчас мы выбили немцев снизу, но зато они проникли наверх, и там, в верхней части элеватора, идет бой».

Батальон 35-й дивизии был усилен морскими пехотинцами 92-й стрелковой бригады. Вот свидетельство немецкого офицера В. Хоффмана о событиях тех дней: «В ротках осталось по 30–40 человек. В элеваторе сражаются не люди, а дьяволы, их не берет ни пуля, ни огонь... в элеваторе нашли лишь 40 убитых русских и только одного тяжелораненого, не способного говорить»» (*Чуйков В. И.* Сражение века. М., 1975).

БОЙ ЗА ЭЛЕВАТОР

Сталинградская битва, длившаяся с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года, явилась крупнейшей сухопутной битвой Второй мировой войны. По приблизительным подсчетам, потери обеих сторон в этом сражении превышают 2 млн человек.

Бои были такой силы, что на Мамаевом кургане потом несколько лет не могла вырасти трава, столько на него обрушилось огня и металла. По воспоминаниям ветеранов, летом 1942 года они наблюдали страшное, почти мистическое явление — исход десятков, сотен тысяч сусликов, сурков, полевых мышей и прочей степной мелочи с мест боев. Говорят, что продукты питания можно было сохранить только в металлической таре, всё остальное — вещмешки, коробки, деревянные ящики прогрызались, а всё съестное уничтожалось. Видимо, гул моторов, дрожание земли от тысяч ежедневных разрывов, а может быть какое-то шестое чувство заставило животных бежать живой лавиной на восток, к Волге, через которую они, конечно, не могли переправиться.

Наверное, на этом можно было завершить рассказ о судьбе моего родственника, но я хочу привести еще один отрывок из пришедшего в Троицк письма Валентины Ивановны Нефёдовой,

долгие годы руководившей в Волгоградском сельхозинституте музеем 35-й стрелковой дивизии: «Вспоминаю рассказ ветерана дивизии Павленко Александра Андреевича о случае во время обороны сталинградского элеватора. Фамилию героя Павленко не знал. А рассказал нам это в 1972 году, когда мы были около элеватора. Он сказал, что боец-десантник тот был татарин, что он был учителем и тоже работал в школе. Потом попал в 8-й ВДК и стал десантником, так как корпус был воздушно-десантным. И три его бригады стали полками: 100, 101, 102, а корпус стал называться дивизией. А. А. Павленко говорил, что боец тот был добрым, детей любил, а его бойцы уважали. Это не мои, а его слова. В середине сентября (примерно 17–18.09) 1942 года немцы окружили элеватор и из 16 танков стали в упор расстреливать его. Через определенное время они стали забрасывать гранатами гарнизон элеватора, чтобы пойти в атаку. Боец (Исмаилов или другая фамилия), как и все его товарищи, стал перехватывать летевшие в них фашистские гранаты (они так делали на учениях) и бросать их назад, в их хозяев. Одна из гранат разорвалась в руках Исмаилова и изрешетила его мгновенно! Он сразу умер. Александр Андреевич Павленко говорил, что тот боец был постарше их, он был образованный и пользовался авторитетом. Но откуда он был родом, он не знал... А так как фамилия Гизатуллин несколько созвучна с Исмаиловым, я просто-напросто предполагаю, что, может, это был Ваш дядя?»

Действительно, многое из описаний этого бойца в письме Валентины Ивановны совпадает — возраст, образование (техникум тогда был редкостью), профессия и национальность, а фамилия за 30 лет могла стереться из памяти ветерана. Хочется верить, что это был наш дед. По крайней мере, из Подольского архива на наш запрос сообщили, что по документам 17 ВДБ за июль 1942 г., то есть накануне отправки на фронт, боец по фамилии Исмаилов не значится. Итак, архивы оказались неспособны нам помочь, ветеранов 100 полка, тем более 2-й роты его 3-го батальона уже нет в живых, остается ждать и надеяться, что, может быть, волгоградские поисковики когда-нибудь найдут солдатский медальон Б. С. Гизатуллина. Тогда мы узнаем — где точно покоится его прах.

У нас в семье хранятся документы, письма и награды трех участников войны, только один из них, кадровый офицер, до-

жил до Победы. А вот другой, брат моей бабушки, отслужил срочную и должен был ехать домой, но началась война, и он погиб в июле 1941-го. По дороге на фронт их эшелон попал под бомбежку. Но когда я собирала материал для исследования, папа попросил меня обратить особое внимание на некоторые моменты, о которых я, честно говоря, поначалу не думала. Что бы было понятно, приведу цитаты.

Вот что пишет в своем письме ветеран дивизии, полковник юстиции в отставке Николай Иванович Афанасьев: «Работая (изучая документы 35-й ГСД) в архиве бывшего МО СССР, а также документы 62-й армии, Сталинградского фронта, — я имел возможность убедиться, как небрежно, безответственно и непрофессионально составлялись все виды документов, которые, кстати, находятся в ЦАМО в безобразном состоянии, а самое главное — не систематизированы по тематическому или хронологическому порядку. В этих условиях производить целевой поиск практически невозможно».

А вот впечатления Ивана Яковлевича Гончарова: «Впервые я посетил места боев на Рассошинских высотах в 1987 году. Хуторы Большая и Малая Рассошка, Власовка не возродились после войны. Видно, слишком много крови и железа приняла в себя за те десять дней росошинская земля. Только из 35 ГСД более двух тысяч воинов остались лежать в ней навечно. Но негостеприимным оказалось место их последнего упокоения. Не была увековечена здесь их память. В 1987 году я увидел кругом разрытые могилы, захороненные останки. Земля по-прежнему была изрыта воронками, не смогла за полвека затянуть свои раны. Больно и грустно... Места захоронений по-прежнему не установлены и в порядок не приведены».

Все эти описания относятся к мирным, спокойным 70–80-м годам, когда регулярно и пышно праздновались очередные юбилеи Победы, проводились в связи с этим различные воспитательные мероприятия. Я думаю, что причина этого в пренебрежении к человеческой жизни, в том, что «цель оправдывала средства», а средствами были огромные массы людей, бездумно приносившиеся в жертву. Нельзя сказать, что ветераны-фронтовики этого не понимали. В своих воспоминаниях они с горечью говорят о том, что командование часто пыталось одержать победу не умением, а большой кровью, не военным искусством, а количеством солдат, брошенных в неподготовленную атаку.

И. Я. Гончаров пишет: «Наши войска терпели неудачи и потому, что в тот период господствовала ошибочная доктрина ведения преимущественно наступательного боя с превосходящими по вооружению силами противника, что вело к неоправданным потерям». Когда командир 35 ГСД полковник В. П. Дубянский доложил в штаб 62 армии, что части дивизии имеют потери более 70%, командный и политический состав выбыл на 90%, командарм В. И. Чуйков ответил: «Резервов у меня нет. Пополнения не будет. Когда получу — подброшу. А сейчас — стоять насмерть!» Но откуда же взяться резерву, спрашивает И. Я. Гончаров, если пять дивизий бездумно оставили в окружении под Калачом в начале августа, три дивизии — под Трёхостровкой в середине августа? А чего стоит нескоординированное наступление 4 и 16 танковых корпусов, и сколько было в августе таких бездарных наступательных операций!

Одной из причин неудач в августовских боях под Сталинградом стал известный приказ Верховного Главнокомандующего № 227 от 28.07.1942 г. под названием «Ни шагу назад!». По мнению Ивана Яковлевича, этот приказ сковал творческую инициативу военачальников, снял с них ответственность за неудачи, за бесцельную гибель частей и целых дивизий. Но ведь так было не только в августе 42-го и не только под Сталинградом. Это горький урок для нашей страны.

По страницам дневника Лены Левиной

Дарья Медведева

гимназия № 3, г. Чистополь, Республика Татарстан
научный руководитель Вера Александровна Чикрина

В литературно-краеведческом музее нашей гимназии я обратила внимание на выставленный в витрине старый школьный дневник. Каково же было мое удивление, когда на корочке я разобрала уже выцветшую запись, сделанную чернилами: 1941–1942 учебный год. Оказалось, что этому дневнику более семидесяти лет! Я сразу захотела узнать, кому он принадлежал, почему и как оказался в нашем музее, что у него внутри. Вера Александровна Чикрина, руководитель музея и моя учительница, разрешила мне поближе познакомиться с экспонатом и, видя мой интерес, предложила заняться его исследованием.

Школьный дневник совмещает разные функции. Это не просто личный документ ученика, отражающий ход его учебной деятельности, успехи и достижения, это документ, по которому можно проследить различные моменты истории страны. Дневник Лены Левиной 1941–1942 учебного года стал моим проводником по первому году Великой Отечественной войны, помог больше узнать о жизни детей военного времени, моего родного города.

Елена Борисовна Левина родилась в 1929 году в Москве. Отец — Борис Михайлович Левин, писатель, погиб в 1940 г. во время финской войны. Мать — Ева Павловна Левина-Розенгольц, художница. В начале июля 1941 года Елена в составе группы детей членов Союза советских писателей была эвакуирована из Москвы сначала в Берсут, а затем в Чистополь. С августа 1941 по конец 1942 она находилась в Чистопольском интернате Литфонда Союза писателей. В 1941–1942 учебном году обучалась сначала в школе № 3, затем в школе № 1, о чем свидетельствует исправленная запись на обложке дневника.

Дневник был передан Еленой Борисовной нашему школьному музею в мае 2012 года. Он имеет размеры 20x17 см. Корочки из серого картона, страницы желтоватого цвета, пронумерованы, всего в дневнике 76 страниц. На передней корочке форма

для заполнения учеником своих данных: класс, школа, город/ село, край/область/АССР, фамилия и имя, учебный год. На задней корочке указана цена — 1 р. 50 к. В правом верхнем углу можно видеть серьезное предостережение: «Продажа по цене выше обозначенной карается по закону». В то время спекуляция считалась очень серьезным преступлением, за которое ждало суровое наказание.

На переднем форзаце дневника содержится таблица для заполнения учеником данных об учителях: предметы и фамилии, имена и отчества преподавателей, которые должны были быть заверены подписью классного руководителя. Эта страница дневника Е. Левиной не заполнена, указан только классный руководитель — Раиса Степановна Белова.

На заднем форзаце напечатаны «Указания к ведению дневника»:

1. Ученик заполняет лицевую и оборотную сторону обложки и стр. 1 (расписание уроков на первое полугодие).
2. На страницах 2–74 ученик ежедневно записывает заданные уроки. Уроки записываются в графах тех дней недели, на которые уроки заданы.
3. Оценки (отметки) успеваемости вписываются учителем в дневник одновременно с оценкой (отметкой) в классном журнале и заверяются его подписью.
4. Учет сдачи норм ГТО (БГТО) на стр. 75 проставляется на основе положения о комплексе «Будь готов к труду и обороне СССР». (Следует отметить, что страница 75 в дневнике Левиной не заполнена).
5. Классный руководитель следит за правильностью записей в дневнике и в конце каждой недели отмечает пропуски уроков.
6. В конце каждой недели родители подписывают дневник.
7. Записи в дневнике должны вестись грамотно, четко и опрятно.

Ниже на этой же странице указаны выходные данные дневника: «Полиграф, г. Горький. Зак. № 5479. Тир. 125000». Город Горький — ныне город Нижний Новгород. Тираж, как мы видим, достаточно большой, поэтому можно предположить, что не все типографии имели право печатать школьные дневники, заказ на их издание, вероятно, распределялся между определенными типографиями и тиражи зависели от потребностей населения.

Первая страница дневника содержит формы для заполнения расписания на 1 и 2 полугодия. Полностью у Лены Левиной заполнено расписание уроков только на первое полугодие. Учебная неделя состояла из шести дней. Самый загруженный день — вторник (6 уроков), самый свободный — четверг (4 урока), в остальные дни по 5 уроков. Всего 30 учебных часов.

На основе расписания мы составили список предметов, изучавшихся в 6 классе в 1941–1942 учебном году, и подсчитали количество часов, отводившихся на их изучение.

Русский язык — 7 часов
Литературное чтение — 2 часа
Алгебра — 4 часа
Геометрия — 2 часа
История — 2 часа
Ботаника/зоология — 2 часа
География — 3 часа
Физика — 2 часа
Иностранный язык — 4 часа
Рисование/черчение — 1 час
Физкультура — 1 час

Изучая страницы дневника, я заметила, что встречается несколько недель, где в расписании указаны урок пения и ПВХО, и тогда количество уроков увеличивалось до 31–33. Аббревиатуру ПВХО я сама не смогла расшифровать и за помощью обратилась к члену совета школьного музея, Н. С. Харитоновой, которая училась в школе № 1 в годы войны. Нина Степановна объяснила, что ПВХО — это противовоздушная и химическая оборона. На этих занятиях учеников учили пользоваться противогазом, распознавать различные виды химических отравляющих веществ, сигналы тревоги, применять затемнение. Военное время потребовало серьезного отношения к этим знаниям и навыкам, так как школьники понимали, что они могут пригодиться в реальной жизненной ситуации. Осенью 1941 года бои шли уже под Москвой, был период, когда в городах Татарской АССР, в том числе и в Чистополе, было введено затемнение, усилены меры безопасности.

Мне показалось интересным сравнить данные, полученные из дневника Лены Левиной, с современным учебным планом

для 7 класса, который по моей просьбе предоставила администрация гимназии:

Русский язык — 3 часа
Литература — 2 часа
Татарский язык — 3 часа
Татарская литература — 1 час
Иностранный язык — 3 часа
Математика — 5 часов
История — 2 часа
Обществознание — 1 час
География — 2 часа
Физика — 2 часа
Биология — 2 часа
Музыка — 1 час
ИЗО — 1 час
Технология — 2 часа
Физкультура — 3 часа

Из школьного компонента добавлено на изучение русского языка 2 часа.

Всего 35 часов.

Сопоставив данные, я отметила следующее. Общая учебная нагрузка в 6 классе была меньше, чем в наше время. Современный предмет «Литература» назывался «Литературное чтение». Предмет «Математика» был разделен на «Алгебру» и «Геометрию», часов на их изучение отводилось больше, чем сейчас (5/6). Также большее количество часов отводилось русскому языку (5/7), иностранному языку (3/4), географии (2/3). Не предполагалось изучение в 6 классе обществознания («Обществоведение» изучалось в старших классах), в учебный план не включено изучение татарского языка и татарской литературы. Большее количество часов в современной школе отведено только на занятия физкультурой (3/1). Первоначально меня удивило отсутствие в расписании технологии (или труда, как назывался этот предмет раньше), но впоследствии я нашла этому объяснение, о чем расскажу в дальнейшем.

Сравнив расписание, я пришла к выводу, что в 1941–1942 учебном году большее внимание, чем сейчас, уделялось основным предметам: русскому языку и математи-

ке, иностранному языку (причем в то время в школах преподавался в основном немецкий язык, и, несмотря на войну со страной-носителем языка, на его изучение отводилось больше времени, чем в наши дни на изучение английского). Важным для школьников считалось изучение географии. Развернутые записи некоторых домашних заданий («Германия», «Реки и озера Азии», «Растительный и животный мир Центральной и Западной Азии», «Климат Австралии») говорят о том, что изучался курс физической географии мира.

По записям домашних заданий можно частично судить о содержании курса «Литературное чтение». Среди изучаемых в то время художественных произведений многие хорошо знакомы нам по современной программе: «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Осел и соловей» И. А. Крылова, «Бежин луг» И. С. Тургенева, «Кавказ» А. С. Пушкина, «Железная дорога» Н. А. Некрасова. Сейчас в школах преподавание литературы ведется по учебно-методическим комплексам разных авторов, и эти произведения можно встретить в программах 6–7 классов.

На уроках истории изучался курс «История средних веков», который сейчас включен в программу 6 класса, что соответствует 5 классу 1941 года. Курс биологии был разделен на отдельные предметы, в первом полугодии заканчивалось изучение ботаники, начатое в 5 классе, со второго полугодия преподавалась зоология. Отдельным предметом значится черчение, которого мы не нашли в учебном плане нашей гимназии ни в какой параллели.

Страницы дневника со 2 по 74 предназначены для ежедневного заполнения и содержат традиционные графы: месяц, день недели, предметы, что задано, оценка успеваемости, подпись учителя, внизу левой страницы — пропуски уроков, количество опозданий на уроки, внизу правой — подписи классного руководителя и родителей. Мне показалось необычным, что в соответствующей графе оценки выставлены не цифрами, как в моем дневнике, а словами «отл» (отлично), «хор» (хорошо), «поср» (посредственно), «плохо».

Еще более удивительным показался тот факт, что записи в дневнике начинаются с 1 октября. С чем это связано? Чтобы ответить на этот вопрос я обратилась к воспоминаниям Е. Б. Левиной, написанным специально для нашего музея. Вот что мне

удалось узнать. До конца августа эвакуированные дети писателей жили в доме отдыха на Берсуте. Но приближалось начало учебного года, поэтому их перевезли в Чистополь. Интернат Литфонда расположился в Доме крестьянина по адресу ул. Володарского (ныне Ленина), д. 57. В Чистополе пробыли всего несколько дней, а потом всех учеников школ, начиная с 5 класса, отправили на работу в колхозы. Интернатовцы оказались в деревне Малый Толкиш, где ребят поселили в школе, в учебных кабинетах. В комнате девочек 5–6 классов парты были сдвинуты в угол, кроватей не было, устроились на сене под окнами. Работа оказалась тяжелой: чаще приходилось «тянуть» из земли вику, реже собирать горох или мак. На обед давали суп и черный хлеб без масла. Вместо сахара получали по 5–6 конфет-«подушечек», начиненных повидлом, как казалось тогда, очень вкусных, особенно с черным хлебом. Спасало то, что детям не запрещали «кормиться» в поле, где на разных участках росли турнепс, горох, мак. «Нам, маленьким, было тяжело, голодно и, когда затянули первые дожди, вдобавок мокро», — вспоминает Елена Борисовна. В Чистополь дети вернулись во второй половине сентября.

Осенью 1941 года помощь детей и подростков оказалась необходима в колхозах и совхозах, потому что многие мужчины уже были призваны в армию, в деревнях оставались в основном женщины, дети и старики. Год был урожайный, и требовалось приложить максимум усилий для уборки, так как страна, потерявшая южные развитые сельскохозяйственные районы, нуждалась в продовольствии. Поэтому и начало занятий в школах было перенесено с 1 сентября на 1 октября. Можно предположить, что подобное происходило тогда не только в Чистополе. Этим, на мой взгляд, и объясняется отсутствие в расписании занятий по труду: учебный год сократился на месяц, который ушел на трудовую практику, и для выполнения учебной программы по другим предметам трудовое обучение убрали из расписания.

Для Лены Левиной регулярная учеба началась еще позже: она не посещала школу с начала октября по 23 октября. Об этом свидетельствуют записи «не была», сделанные ею в дневнике в этих числах. На вопрос о причине этого, она ответила так: «Мои хождения в школу скоро закончились: заболела. Высокая температура, сыпь. Положили в изолятор, оказалась ветряная

оспа. Я лежала совсем одна, в проходной комнате, где врач и сестра принимали ребят с жалобами. Когда я вышла из изолятора, была глубокая осень, и уже падал снег».

Как видно из дневника, Лена и в дальнейшем довольно часто пропускала занятия в школе, особенно в первом полугодии. Это подтверждают и ее собственные пометки: «Не была», и записи классного руководителя: «Много пропускает уроков. Классный руководитель Е. Токарева», «Уроки посещает неаккуратно» (декабрь). Не удивительно, что дети часто болели. Неполноценное питание (хотя считалось, что по тем условиям воспитанники интерната устроены хорошо), ранняя и холодная зима — уже 18 сентября Н. Г. Виноградов-Мамонт записывает в своем дневнике: «Холод завернул такой, что хоть печку топи. Чистопольцы уже вытащили теплые вещи. Словом, зима не за горами», холод в помещениях интерната и школы, отсутствие добротной теплой одежды — всё это приводило к частым и тяжким болезням. Из воспоминаний Е. Б. Левиной: «... злобствовала малярия. Изолятор в интернате был забит. Мальчики и девочки находились в нем в одной палате. Я тоже несколько дней провалялась с температурой». И еще: «Зима была холодная, с Камы постоянно дули пронзительные ветры. Руки всегда замерзшие. В школе едва топили, сидели, накрывшись пальто».

В 1941-м из западных областей СССР на Восток перебазировали около 600 школ. Тысячи детей были эвакуированы в Алтайский край, Кузбасс, Омскую, Новосибирскую и другие области нашей страны, в том числе и в Татарскую АССР. С детьми приезжали учителя, воспитатели, дошкольные работники. Взрослых трудоустроивали, а детей зачисляли в школы, открывали для них детдома и интернаты.

В начале войны Наркомат просвещения дал органам народного образования конкретные указания по учету всех детей школьного возраста на их территории, в том числе и прибывших в порядке эвакуации. Разрешалось открывать дополнительные классы и школы, специальные общеобразовательные школы и интернаты, где дети находились на полном государственном обеспечении. Таким и стал интернат Литфонда, организованный в Чистополе для детей писателей.

Первоначально Лена была определена в школу № 3. «Школа находилась далеко, за сквером, в сторону пристани. Почему-то в той школе учились из интернатских одни шестиклассники.

И здесь преподавали только немецкий язык, а я учила в пятом английском», — вспоминает Елена Борисовна. Из «своих интернатских» она называет Юрия Колычева, Лену Леонову, помнит Никиту Санникова, Шуру Хазана, а с Алексеем Баталовым даже сидела за одной партой до его отъезда из Чистополя.

Учились во вторую смену. Возвращались в интернат всегда гурьбой, потому что было уже темно и «местные мальчишки нас задевали, дразнили». Письменные уроки учили за общим столом в комнате интерната, где проживало семь девочек, устные — на кроватях. Комната, по воспоминаниям Е. Б. Левиной, была «большая, светлая, с круглой железной печью. При входе стояла моя кровать. У каждого своя тумбочка. В центре — небольшой прямоугольный стол. Над ним висел абажур. Часто не было света, пользовались коптилками».

О распорядке жизни интерната и ее атмосфере лучше всего расскажет взрослый свидетель. В нашем распоряжении текст письма из Чистополя Анны Зиновьевны Стоновой, заведующей интернатом, жены писателя-фронтовика Дмитрия Стонова, адресованное маме одной из девочек, Лизы Григорьевой, соседки Лены Левиной по комнате. «...Хочу несколько слов написать о Лизе, чтобы уменьшить Ваше беспокойство о ней. У нас постоянный врач, который ежедневно делает обход и, зная Лизино горло, при малейшей розовости не пускает ее в школу, может быть, благодаря этому предотвращаются серьезные болезни. Комната, в которой она живет, высокая, солнечная, с девочками она дружна. Ежедневно мы ходим в баню, и прикрепленный воспитатель моет ей голову...

У нас в интернате тепло, средняя t 16-17°, а есть более тёплые комнаты, немного тесновато, так как ребята в своих спальнях делают уроки, читают. Есть красный уголок, где проводятся различные культурные мероприятия — встречи с писателями-фронтовиками, лекции, концерты для ребят. Каждое воскресенье у нас кино-передвижка.

Подъем ребят в 7 часов, к 8 они в школе, завтрак в 7³⁰, по нынешним временам кормим неплохо, маловато жиров. На завтрак каша с маслом или картофель с маслом и чай. В 12³⁰ обед мясной из 2х блюд, в 4³⁰ полдник: чай-шиповник с хлебом или стакан кофе или молока. В 7¹⁵ ужин из двух блюд: суп и запеканка или блинчики и др. Ввели мы трудовые навыки, чтобы приучить ребят к самообслуживанию. Дети сами себе зашива-

ют, штопают, убирают по очереди в своей комнате, моют пол. Но еще обслуживают весь интернат бригадами. Лиза сейчас в бригаде подавальщиц, работает добросовестно, спокойно, очень хорошо. Постепенно пройдет весь круг работ, будет в починочной бригаде, гладильной, на чистке картофеля, так чтобы в жизни ничего не было страшно. Конечно, ребяташки скучают, тоскуют, дома они были единственные и получали много внимания, но мы стараемся дать им тепло и ласку, чтобы уменьшить их тоску, относимся не по-казенному».

Действительно, в интернате сложилась удивительно теплая, дружеская атмосфера. Елена Борисовна до сих пор благодарно вспоминает свою чистопольскую жизнь, воспитателей, товарищей, со многими из которых дружба продолжается всю жизнь. «Вместе со мной, — пишет она, — в комнате было семеро: Ира Ржешевская, Люда Рихтер, Лиза Григорьева, Тамара Хесина, Эра Росина, Мира Зивельчинская. Мы везде держались всей палатой: вместе сидели в столовой, вместе ходили в кино, были шумные».

В начале второго полугодия Лену перевели в школу № 1, именно там училось большинство интернатовцев, и школа располагалась значительно ближе, «на нашей улице, налево от интерната, за пожарной каланчой, одноэтажное добротное строение». Хотя номер школы был известен, нам пришлось приложить усилия, чтобы установить, о каком здании идет речь. Дело в том, что здание первой школы (в котором школа находится до сих пор) осенью 1941 года было занято эвакуированным в Чистополь вторым Московским часовым заводом. Учащимся школы были предоставлены другие помещения. За разъяснениями мы вновь обратились к Н. С. Харитоновой, которая сообщила, что с 1941 по 1952 год школа № 1 занимала здание по улице Володарского (Ленина), д. 67. Мы побывали по этому адресу, сделали фотографии, сейчас здесь располагается детский сад.

Из воспоминаний Е. Б. Левиной: «В школе класс был переполнен. За партой сидели втроем с Таней Зариной и Таней Никитиной. Из интернатских еще с нами учился Алеша Сурков. Он жил дома, но много времени проводил в интернате. Кроме нас были еще эвакуированные дети. Я дружила как с ними, так и с местными. Но вообще мы держались своей кучкой, нас не хватало на других. Запомнился урок по алгебре, когда объясняли, что $a + b = c$. В моей голове это никак не укладывалась. С тех пор и пошли затруднения с математикой».

«Сведения об успехах в занятиях и поведении ученика за 1941-1942 учебный год», находящиеся на 76 странице дневника Левиной, подтверждают это: единственная оценка «посредственно» за 3, 4 четверть и за год по алгебре, все остальные оценки «отлично» и «хорошо». Среди текущих оценок, зафиксированных в дневнике, также преобладают отметки «отлично» и «хорошо», исключения — «плохо» по истории, «посредственно» по географии. Наибольшее количество оценок получено Леной по географии, вероятно, это был в то время ее любимый предмет. Судя по всему, в дневнике проставлены далеко не все текущие оценки, встречаются и графы с незаписанными домашними заданиями и даже целиком незаполненные дни. На это неоднократно обращал внимание и классный руководитель, делая соответствующие записи: «Неаккуратно заполняется дневник», «Не заполняется дневник», «Заполняй дневник ежедневно». Видимо, Лена, как и многие мои ровесники, не очень любила заполнять дневник. Тем более что контроля со стороны семьи фактически не было, хотя с осени 1941-го в Чистополе жили мама и бабушка Елены Борисовны.

«Мама жила на улице Галактионова, в маленькой комнатке, но приходила я к ней редко: всё какие-то дела. Жилось ей трудно, я не представляла, на что она жила, но когда я приходила, она всегда меня подкармливала. Обычно это бывали хлеб с маслом и луком. Мама работала в художественной артели товаров ширпотреба объединения инвалидов. В чем заключалась работа — не знаю. Знаю только, что ей удалось создать цех “для обеспечения работой эвакуированных жен писателей-фронтовиков”, в котором “изготавливалась продукция для детей дошкольного возраста”. Так указано в сохранившейся справке. Это был заработок для членов семей писателей, а главное — рабочая карточка, спасение для многих», — пишет Елена Борисовна.

На многих страницах дневника в графе «Подпись родителей» вместо подписи родителей стоит подпись Р. И. Чичеровой. Из воспоминаний Левиной я знала, что Раиса Яковлевна Чичерова — это воспитатель интерната, закрепленная за комнатой, где жили девочки. Значит, в обязанности воспитателя входил и контроль за учебой воспитанников. Отношения девочек с Раисой Яковлевной складывались непросто, но ей удалось добиться их доверия, установить дружеские отно-

шения. «Раиса Яковлевна стала нам близким человеком, — признается Елена Борисовна. — Со временем она стала нам нравиться больше других воспитателей». Раиса Яковлевна не была профессиональным педагогом. Жена литературоведа Ивана Ивановича Чичерова, она вместе с сыном была эвакуирована в Чистополь, устроилась на работу в интернат, чтобы быть ближе к своему ребенку и иметь хоть какую-то работу. Наверное, и ей было не просто осваиваться с новыми для нее обязанностями. Время было суровое, и воспитатели, прежде всего, учили своих воспитанников быть самостоятельными, уметь обслужить себя. Труднее всего давалось, по словам Е. Б. Левиной, мытье пола в больших комнатах. «Учили нас хозяйственным навыкам, мы что-то вязали, что-то шили. Сами стирали и гладили. Мальчики заготавливали дрова» (из переписки с Е. Б. Левиной).

Вспоминая о разных событиях интернатской жизни, Елена Борисовна пишет: «Всё происходило на фоне вечного желания есть». Как правило, горячий завтрак в большинстве городских школ состоял из 50 граммов хлеба или булочки с чаем без сахара.

«Еда у нас была, какая-никакая, но была, и вовремя. Завтрак, обед, ужин. Я помню, что часто давали гороховый суп, вместо мяса какую-то требуху, называемую сбоем. Пшенная каша, чечевица. Картофельные котлеты с бледно-розовым киселем. Настоящий сахар заменили постным». Рассказ Елены Борисовны дополняют воспоминания ее соседки по комнате Эры Росиной: «Ближе к весне нам выделили свое поле. Сажали картошку, капусту, морковь. Потом день за днем ходили пропалывать, ухаживать за своими посадками. Поднимали нас затемно, в четыре часа утра, и мы шли, полусонные, четыре с лишним километра к своему полю. Поработав, возвращались, завтракали, шли в школу, делали уроки, и опять в поле».

На вопрос «Кого из учителей она помнит?» Елена Борисовна ответила: «Учителей я совсем не помню. Смутно только классную руководительницу — Раису Степановну». Нам всё-таки очень хотелось узнать хоть что-то об учителях, обучавших Елену. На помощь пришли дневник и Нина Степановна Харитоновна, которая окончила школу № 1 в 1945 году, а в 1950 году начала в ней работать учителем русского языка и литературы. Она помнит многих учителей по своей учебе, с некоторыми из

них ей пришлось потом и вместе работать. Вместе с ней мы разбирались с подписями учителей в дневнике, и нам удалось выяснить фамилии отдельных преподавателей.

Подсказала Нина Степановна фамилию, имя, отчество первого классного руководителя Лены в школе № 3 — Евгения Петровна Токарева и «расшифровала» одну из подписей учителей — учителя истории Юрия Александровича Осноса. Интересно то, что Юрий Александрович был тоже эвакуирован в Чистополь и в довоенной жизни в школе не преподавал, а был литературным и театральным критиком. Во втором полугодии у Лены появилась возможность заниматься английским языком: дополнительные занятия для желающих проводила Цицилия Александровна Абарбаргук, молодая девушка из эвакуированных, будущая актриса. Этих занятий в основном расписании уроков не было, у Лены в дневнике записаны занятия по четвергам в 7.00 или в 6.30.

Война привела к значительному сокращению педагогических кадров. Поэтому отдельные предметы в ряде школ не преподавались. Нехватку учителей в школах восполняли за счет эвакуированных специалистов, которые в свою очередь остро нуждались в трудоустройстве. Так в школах нашего города появились учитель химии Валериан Александрович Галин, физики — академик Марк Миронович Китайгородский, военрук и физрук из раненых офицеров, находившихся на лечении в чистопольском госпитале, Василий Ананьевич Данилов и Сергей Сергеевич Мишук.

Условия военного времени создавали много трудностей. Елена Борисовна рассказала, что ученикам часто не хватало учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей. Из-за недостатка бумаги использовали поля старых книг и газет, обои, ненужные документы. Ученические ручки заменялись самодельными палочками с приделанными к ним стальными перьями. Карандаши, если они были, резали на части, чтобы хватило всем ученикам.

Несмотря на все трудности, ученики старались учиться добросовестно, ответственно готовились к итоговым «испытаниям». В конце учебного года Лена сдала переводные экзамены по русскому языку и алгебре и была переведена в 7 класс.

Дневника за 7 класс у Елены Борисовны, к сожалению, не сохранилось.

* * *

Школьный дневник — живая история, хранящая память о людях, эпохе. В этом мы убедились, обратившись к дневнику Лены Левиной. И хотя жизнь детей была трудной: многие оказались разлучены с родителями, недоедали, часто болели, работали в колхозах, они ходили в школу, изучали предметы, предусмотренные школьной программой.

По признанию Е. Б. Левиной, Чистополь укрыл их от ужасов войны. «Мое пребывание там сыграло важную роль в моей жизни. Это и коллектив, и преодоление трудностей, и, главное, непосредственная связь с природой. Она повлияла на выбор профессии, там начался мой путь в геологию и географию». В 1947 году Елена Борисовна поступила на географический факультет МГУ, позднее занималась аэрогеологией — составлением специальных карт каждого района нашей страны по космическим снимкам.

А был мой прадед ростом не велик...

Ксения Харланова

Волгоградская санаторная школа-интернат «Созвездие»,
г. Волгоград

В нашей семье хранится старая фотография. Пожелтевшая от времени, стершаяся на сгибах. На ней трое юношей, почти мальчиков, в ватниках и ушанках, на которых прикреплены красные звездочки. Это единственная уцелевшая военная фотография моего прадеда. Он с товарищами зимой 1942 года. Я не знала его, его не стало в 1989 году, когда моей маме было 12 лет. Знаю, что он воевал, а после войны работал учителем. Остались два его письма, несколько записей. Но живы его дети — моя бабушка, ее брат и сестра, моя прабабушка — его жена. Большие возможности предоставляет сегодня интернет. Попробую составить рассказ о его жизни.

Хара-Усун. Небольшой хутор в калмыцкой степи. Уже давно он прекратил свое существование. Хотя по административному делению хутор относился к Ростовской области, но до Ростова было почти 500 км, до Волгограда — 300, а до Элисты — около 70. Здесь жила большая семья Сергея Павловича Скрынникова и Акулины Лазаревны, в ней родилось 6 мальчиков и одна девочка. Младшим был Миша, он родился в 1922 году.

Велось почти натуральное хозяйство, покупались только сахар, спички, керосин, ткани. Остальное выращивалось или изготавливалось дома. Был огромный сад.

А с северной стороны хутора — цепь курганов. Их было около семи. Позже, когда Миша вырос, он побывал на экскурсии в Астраханском краеведческом музее, где увидел вазу, на сопроводительной табличке к которой было написано, что она найдена при раскопках скифского кургана на хуторе Хара-Усуне, близ села Федосеевка.

По вечерам в доме зажигали керосиновую лампу, садились за длинный, грубо сколоченный стол, ели вареных раков или вареники, пили молоко, разговаривали. В огромной русской печи по утрам пекли хлеб, потом в золе запекали груши.

На хуторе была начальная школа, в которую пошел мой прадед, потом он закончил Кегультинскую семилетку (где жили три сестры его отца), после нее — Заветинскую среднюю школу.

Родители мечтали, чтобы хоть один сын выучился и стал грамотным человеком. Миша учился легко, в школу ходил с большим желанием (в Кегульгу за 40 км — на каникулы и с каникул, всё пешком. И до Заветного — 50 км). Иногда кто-нибудь подвезет на телеге. (По воспоминаниям моей бабушки, Светланы Михайловны Простоквашиной, которая в детстве жила в Хараусуне и помнит многое из рассказов своей бабушки Акулины).

Не знаю, кем мечтал он стать. Тогда все хотели стать летчиками или моряками. 20 июня 1941 года мой прадедушка окончил 10 классов, а 22 июня началась война.

О войне он почти не рассказывал. Из боевых наград моя бабушка (дети играли в детстве орденами и медалями) помнит только орден Красной Звезды. На праздничный костюм прадед прикрепил орденские планки. Уцелевшие награды после его смерти в 1989 году хранились у прабабушки, она их отдала своему сыну, брату бабушки. Об участии мужа в войне она ничего не помнит — скорее всего, он и ей рассказывал мало. Изредка от него можно было услышать какую-то фразу о войне, что-то отложилось в памяти детей, что-то ушло.

С чего начинать? Возможно, на его родине кто-то из его товарищей, учеников, односельчан еще жив и помнит прадеда. Напишу письмо в Заветинскую районную газету, может быть, они откликнутся.

На сайте rodvignaroda.ru пробую найти сведения о его наградах. Вот наградной лист от 25.10.1944. В нем такие сведения о бойце Скрынникове Михаиле Сергеевиче:

Звание сержант

Должность командир топо-вычислительного отделения 6-й батальона 2 дивизиона 150 Армейской пушечной артиллерийской Севастопольской бригады.

Представляется к ордену «Красная Звезда»

Год рождения 1922.

Национальность русский

Член ВЛКСМ с 1939 г.

Участник Отечественной войны с декабря 1942 г.

В Красной Армии — с августа 1941 г.

Имеет награды: медаль «За отвагу» Приказ по АПАП 1095 от 2. 11. 43; медаль «За оборону Сталинграда». Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Ищу в интернете сведения о 150 Армейской пушечно-артиллерийской Севастопольской бригаде. Узнаю, что она до мая 1944 года называлась 1095-м армейским пушечным артиллерийским полком, формировался полк в Башкирии. Боевой путь начался в 1942 году, когда полк был поставлен на прикрытие Москвы от вероятного наступления немцев. В декабре 1942 года полк переброшен под Сталинград, где в составе 2-й гвардейской армии участвовал в сражении с прорывавшейся к Сталинграду группой армий «Дон» фельдмаршала Манштейна. Летом 1943 года последовали тяжелые бои в неудачной наступательной операции на Миус-фронте, штурм Саур-Могилы и освобождение Донбасса. В 1944 году — участие в освобождении Крыма и Севастополя, Белорусская наступательная операция, Прибалтика, Кенингсберг.

То, что вспоминать ему было тяжело, подтверждает рассказ моей бабушки:

«Он говорил, что полк формировался в городе Чишмы, в Башкирии. Мы даже туда с ним ездили в 1972 году, он хотел найти однополчан. Взяли билеты до станции Чишмы (поезд Кисловодск — Новокузнецк), доехали до места, по дороге он рассказывал, какие душевные люди башкиры и как он хочет найти своего друга. Решили обратиться в военкомат. Сошли с поезда, спросили, куда идти. Нам объяснили, и мы пошли. Шли долго по деревянному тротуару. Шли-шли и вдруг: пошли обратно! Я уговаривала, но он твердо стоял на своем: поехали обратно или я сам уеду! Вернулись. Обратный поезд был через полтора часа, мы взяли билеты и уехали в Волгоград, откуда отправились в свою деревню. В общем, ездили 5 дней, всё напрасно».

2-я гвардейская армия, согласно приказу Ставки ВГК, 15 декабря 1942 года передана в состав Сталинградского фронта.

В наградном листе Скрынникова М. С. в графе «участие в Отечественной войне» стоит дата: с декабря 1942 года. У однополчан, с которыми он вместе начинал службу в Башкирии, та же дата; у некоторых конкретно: с 15 декабря. «Нас посадили в товарные вагоны и повезли, — рассказывал прадед своей внучке (моей маме). — В щели был виден лес. Потом он становился все реже, началась степь. Ребята, нас везут в Сталинград! Это же рядом с моим домом! А как хотелось в родной хутор!»

Он не знал и до конца жизни не узнал место выгрузки полка с поезда. Своим детям говорил позже, что это была степь, и шли

по ней очень долго. Где? Иногда он говорил, что это около Манойлина (в Клетском районе), иногда — что за Волгой. И только недавно я нашла ответ в книге А. М. Самсонова «Сталинградская битва»: «Погрузка частей армии в эшелоны для следования на фронт началась в первых числах декабря. В сутки грузилось 18 и больше эшелонов, а всего для перевозки использовалось 165 железнодорожных составов. Разгрузка производилась северо-западнее Сталинграда, на станциях Иловля, Арчеда, Калинин, Липки, Качалино, разъездах Тишкин, 536-й км...»

Было очень холодно, бушевала метель. Бойцы проходили в сутки по 40–50 км, передвигаясь в основном в ночное время. Отдохнуть было негде: на пути попадались деревни, но в них все дома были разбиты, а в очень редких уцелевших располагались раненые или находились военные учреждения. Тяжелый форсированный марш (около 280 км) из мест выгрузки до районов сосредоточия армейские соединения прошли в срок, 18 декабря 1942 года они вступили в бой на р. Мышкова с немецкими войсками, пытавшимися деблокировать 6-ю армию, окруженную в районе Сталинграда. Утром 24 декабря 2-я гвардейская и 51-я армии перешли в наступление с целью разгрома армейской группы «Гот».

Из сводки Совинформбюро от 31 декабря 1942 г. ясно, как недалеко был Михаил от родного дома: «В течение 30 декабря наши войска южнее Сталинграда продолжали успешно развивать наступление и заняли районные центры Ремонтное и Троицкое, населенные пункты Трудников, Фомин, Чернышев, Валювка...»

Своему внуку мой прадед написал об одном из боев: «Это было небольшое, по числу боевой техники, сражение, но очень стремительное и упорное. Наш полк поддерживал танкистов и технику огнем своих мощных пушек. Танки сторон сблизались и дрались „врукопашную“, стреляли из своих пушек на короткой дистанции, таранили друг друга, порой сходились лбами и палили в упор. Горели танки, горела земля, горели люди в своих броневых гробах и вне их. Место заволкло густым зловонным черным дымом. Трудно было различить свои танки от вражеских, они были покрыты черной копотью, как и весь снег в этом месте. Фашисты были разбиты наголову, и жалкие остатки их бежали... Мы бродили по полю сражения, помогали санитарам подбирать своих раненых бойцов и фашистских. Собира-

ли убитых, грузили их на машины и куда-то отвозили хоронить в братских могилах. Нужно было смотреть на это поле. Кругом стояли, лежали на боку и опрокинутые черные изувеченные и обгоревшие танки. В танках и около них лежали обугленные и полусгоревшие трупы людей. Впереди и чуть позади места атаки там и тут лежали трупы фашистов и наших бойцов».

На всю жизнь он возненавидел танки. По воспоминаниям моей бабушки, он их называл «железными гробами»... После этого письма, с которым я получила возможность познакомиться совсем недавно (оно было у других родственников и долгое время считалось утерянным), я поняла, почему он дал им такую характеристику.

Исследую далее наградной лист:

«При прорыве обороны противника на р. Дубисса 6.10.44 тов. Скрынников вызвался выйти вперед для установления точного местонахождения НП противника. Несмотря на сильный огонь пулеметов, он через полчаса вернулся с точными координатами цели. Быстро подготовил данные, и цель была уничтожена. По данным точно подготовленным тов. Скрынниковым, были разбиты следующие цели:

6.10.44. штаб противника восточнее Кельмы.

7.10.44. две батареи противника в районе северо-западнее Кельмы.

9.10.44. под Таураге до взвода пехоты.

11.10.44. подавлена 150 мм батарея противника западнее Таураге.

Командир 2/150 АПАБр Майор Леденев»

По карте нахожу Кельме и Таураге. Это недалеко от Шауляя, в Литве. Родные его не знали, что он воевал здесь. Но бабушка помнит огромный немецко-русский словарь, на котором была надпись: «Другу Мише на память о военной дружбе. Витебск, 1944 г.». Неразборчивая подпись. Значит, прадед был в Витебске. Войну он закончил в Кенигсберге, это наша семья помнила. Литва — между, она указана и в наградном листе. Сравнивая эти данные с данными о боевом пути 150-й АПАБр, выясняю, что прадед всю войну прослужил в одном полку.

На фронте мой прадед был топовычислителем: получив данные разведки, он должен был «привязать» их к местности,

рассчитать и передать координаты вражеских укреплений в дивизион. А на их основании велся огонь из тяжелых пушек и минометов. Иногда вычислителям приходилось, не дожидаясь данных разведки, самим идти в разведку, часто под ожесточенным артиллерийским, пулеметным и минометным огнем, бомбежкой с воздуха. От друзей часто зависела жизнь солдата. Его полк формировался в Башкирии, в нем было много ребят из Башкирии и Татарстана. Я нашла его боевых товарищей по 2-му дивизиону 150 АПАБр: азербайджанец Мехтиев Казим Агаевич, татары Хабибуллин Гарифулла, Муссалимов Мингаян Мингаянович, Голядов Ясави Ахшердинович, башкиры Байгазатов Мурза Сафарович, Ахмедзянов Загид Нугуманович, украинец Редько Григорий Денисович, узбек Умаров Мамадали... Он всегда говорил своим детям, что нет плохих национальностей, бывают плохие люди.

Потом они со своим полком пойдут на запад. Тяжелые, кровопролитные бои на Миус-фронте, невозможность во многих боях даже похоронить однополчан, постоянные налеты авиации, минометный огонь... Советской армии после тяжелых, кровопролитных боев удалось сломить мощные оборонительные линии противника. После Миус-фронта, в декабре 1943 г. полк уже в составе 4-го Украинского фронта воевал в районе Херсона, на левом берегу Днепра.

Об этом — рассказ моего прадеда, записанный им самим. Перед записями заголовок: «К 40-летию великой Победы», он позволяет отнести записи к 1985 году.

«Летом 1943 г. началось наступление армий Южного фронта, в результате которого пал Миус-фронт. Гитлеровцы начали откатываться на запад к Днепру, где были заранее подготовлены оборонительные рубежи. Зимой этого же года наши войска достигли реки Днепр в районе города Херсон и вынуждены были остановиться...

Вражеская батарея была очень хорошо замаскирована. Она располагалась где-то севернее города. Ее скрывал высокий береговой бугор... Отделению Касымова было приказано засечь эту батарею. В течение недели разведчики пытались это сделать. Они наблюдали с высоты холмов, взбирались на деревья, часами на них просиживали и днем и ночью. Все попытки выполнить приказ были безуспешными. Сержант Касымов решил перебраться на другую сторону реки. Была зима, но в южной

М. С. Скрынников. 1942

М. С. Скрынников. 1946

М. С. Скрынников. 1950-е

М. С. Скрынников.
1950-е

части своей река покрывалась тонким слоем льда, а в отдельных местах его совсем не было. Предварительно изучив хорошенько прибрежную линию обороны немцев, ребята пошли на риск. Нашли подходящее место, но над рекой висели „фонари”, которые освещали берега и русло реки, и переправляться было опасно.

На седьмой день пошел густой пушистый снег. В полночь Касымов и трое разведчиков, прихватив с собою страховочную веревку, благополучно переползли по льду и укрылись в одном из оврагов. Чуть ниже гребня тянулась извилистая траншея, которая соединяла пулеметные гнезда фашистов. Больших фортификационных сооружений не было. Очевидно, немцы надеялись на естественный барьер или не собирались здесь долго задерживаться. Вдоль берега тянулась широкая лесополоса, а еще чуть дальше находилась роща. Разведчики спрятались в этой роще и стали дожидаться утра.

Вскоре началась очередная перестрелка. Над головами свистели снаряды, визжали мины. Из-за рощи стреляла какая-то тяжелая батарея. Это, наверное, было то, что нужно разведчикам. Осторожно достигли опушки рощи и вскоре обнаружили гаубичную батарею. Она была расположена в лимане. Пушки были закопаны в землю, торчали только одни стволы. Касымов откорректировался на местности и довольно-таки точно определил координаты батареи.

Задание было выполнено, можно возвращаться назад. Пришлось ожидать наступления ночи. Небо было безоблачным, ярко светила луна. Дождались предрассветной темноты и начали возвращаться тем же путем к реке. Чуть ниже гребня бугра заметили фигуру человека. Это был немецкий связной. Он сидел на корточках и соединял телефонные провода. Два разведчика решили взять его живым. Они осторожно подползли к нему, накинули веревочную петлю на туловище фрица, потом связали руки, засунули рукавицы в рот. Переползли через бугор, благополучно спустились ко льду. Похолодало, и лед стал значительно крепче. Гуськом поползли по льду, фашиста тянули на веревке. Берег был уже близко. Но тут ярко вспыхнула ракета.

Немцы заметили группу и начали бить из миномета. Мины взрывались рядом, крушили лед. Пришлось вплавь добираться до берега. Сержант Касымов был замыкающим. Его осколком ранило в руку. Один из разведчиков помог ему добраться до бе-

рега. Ребята ожидали на берегу. Раненому оказали помощь, и вся группа возвратилась в расположение своего подразделения. Пленника доставили в штаб. Добытые сведения подтвердились показаниями немецкого солдата. По этим данным наши батареи, состоящие из 152-миллиметровых пушек-гаубиц, заставили замолчать немецкие орудия» (в этом рассказе под фамилией Касымова мой прадед скромно скрыл свою).

Он не раз ходил в разведку, поскольку хорошо знал немецкий язык. А один случай из его военной биографии вспомнил в письме его ученик начала 50-х годов Виктор Федорович Осичкин: «Мы ночевали в каком-то здании на окраине села, и рано утром сюда нагрянули немцы (скорее всего, это была немецкая разведка). От шагов и шороха я проснулся и слышу немецкий разговор: “Sie schlafen”. “Они спят”, — успел понять я. Мы приготовились к встрече, расправились с ними и остались живы. Вот так знание немецкого языка спасло нам жизнь», — рассказывал прадед.

Демобилизовавшись в 1946 году, прадедушка решил стать учителем. Учителей, особенно мужчин, сильно не хватало, и дедушка, как и многие уцелевшие фронтовики, пришел работать в школу. Со средним образованием охотно брали на работу. С предметами определился сразу: история, немецкий язык, который дедушка знал довольно хорошо, и рисование — для души. Поступил на физико-математический факультет Ставропольского педагогического института, вел в семилетке геометрию и немецкий язык, после перевелся на историческое отделение. Закончил Ставропольский пединститут, получил диплом учителя истории, и его перевели в Фоминовскую семилетнюю школу (она только открылась) директором. Преподавал историю и очень любил ее. Может быть, потому, что сама его жизнь стала частью истории. Бабушка была его ученицей, вспоминала, с каким воодушевлением рассказывал он о Троянской войне и походах Суворова, о строительстве египетских пирамид и о Сталинградской битве. Он внимательно и кропотливо изучал историческую литературу, запоминал мельчайшие подробности, а потом так рассказывал об этом своим ученикам, что они чувствовали себя в самой гуще исторических событий. Один из его бывших учеников в 1984 году сказал моей бабушке: «Лучшего учителя в моей жизни не было...»

Постепенно он собрал огромную библиотеку, в которой каждая книга была не случайной гостьей... Часть этой уникальной

А был мой прадед ростом не велик...

библиотеки живет в нашем доме сегодня. Это книги-реликвии, бережно передающиеся старшим поколением младшему: различные словари и справочники, среди которых удивительный «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова (издание 1907 г.), книги по истории древних и средних веков, «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо (Детгиз, 1955, серия «Библиотека приключений»), которую прочитал каждый член нашей семьи, когда ему исполнилось 10 лет. Эта семейная традиция заложена моим прадедом.

Его дети стали тоже учителями: сын Вячеслав преподавал в военном училище, дочь Светлана (моя бабушка), учила детей физике. Моя мама, внучка Михаила Сергеевича, — тоже учительница — русского языка и литературы.

Быт был нелегким. Выручал огород, сад. Школы финансировались плохо, а еще труднее было купить на отпущенные деньги стройматериал, оборудование, товары для ремонта. Однажды одноклассник прадеда, тоже директор школы рассказывал моей бабушке: «Денег на ремонт не было, а школу нужно летом ремонтировать кровль из носу. Что мы делаем? Берем выпивку, кой-какую закуску — и к председателю колхоза, потом директору совхоза. А еще лучше — председателю сельпо. Понимание находили сразу — живем в одном селе. Поэтому и не было тогда почти среди директоров женщин. А мужчины директора начинали выпивать...» И мой прадед, прошедший всю войну и не бравший капли в рот до 1955 г., потихоньку стал «употреблять».

В 1954 г. вступил в Коммунистическую партию, верил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

А в жизни всё было иначе. Его родной Хара-Усун умирал. Колхоз «Пограничный», образованный в хуторе в 1929 году, при укрупнении колхозов был объединен с федосеевским колхозом им. В. И. Ленина. Потом опять укрупнение (1950 г.): объединили три колхоза в один и назвали «Заветы Ильича». 1 апреля 1957 года в результате реорганизации колхоз стал фермой №4 совхоза «Степновский». 4 хутора и село стали одной фермой. Следствие этого — брошенные людьми дома (все переселяются туда, где есть работа, школа, почта, медики)...

Семья Скрынниковых, когда-то большая и дружная, сильно поредела. Погиб самый старший брат прадеда — Александр, еще

до войны. Сын Александра, Николай, 1924 г. р., был призван на войну, очень тяжело ранен в первом бою, но выжил, позже работал в г. Элисте. Брат Василий, призванный в 1941 году, погиб в 1942. Брат Гаврила, кавалерист, попал в немецкий плен и вернулся только в 1946-м. Воевали и братья Иван и Степан, оба получили ранения на фронте: Степан очень сильно хромотал, Иван стал инвалидом. В Хара-Усун они после войны не вернулись. Начальная школа в деревне была закрыта в 1957 году. Прадед часто ездил туда на мотоцикле. Здесь еще жила его мама (отец умер в 1952), старший брат Гаврила с семьей. И прапрабабушка при встрече первым делом перечисляла: осталось 20 (потом 19, 18...) дворов. Уехали те, те и те... Знаменитые на весь район курганы постепенно распахивались, они становились все незаметнее. Распахали и кладбище, на котором похоронены близкие, от него не найти уже и следа... Жизнь теплилась на хуторе до 1960-х.

В 1962 году рвануло в Новочеркасске. Доведенные до отчаяния голодом и несправедливостью, рабочие вышли на демонстрацию, которая закончилась расстрелом прямо на улице и последующими репрессиями. Об этом не писали газеты, не говорило официальное радио. Но люди говорили о большом количестве погибших, о приговоренных к расстрелу, получивших длительные сроки заключения. Новочеркасск был близок: почти в каждой семье там жили родственники или друзья. Эту тему обсуждали несколько лет полупшепотом: еще живы были в памяти репрессии сталинской эпохи. И верили слухам. А по официальному радио (телевизоры появились в деревне только в начале 70-х) говорили о приближающемся коммунизме, стройках пятилетки, энтузиазме молодежи, руководящей роли партии. По рассказам бабушки, ее отец стал молчаливее, всё больше замыкался в себе. Читал по-прежнему много, но от пропагандистской деятельности постепенно отошел. Он уже не был директором школы, чувствовалось, что и учительская работа ему не приносит удовлетворения. Как-то сказал: «Все учителя могут спокойно вести свой предмет. Кроме историка. Он должен постоянно менять свои взгляды и убеждения в зависимости от очередного пленума или съезда. Но ведь стыдно перед коллегами и особенно перед детьми».

Впервые он выразил какое-то недовольство политикой партии, когда его дочь приняли кандидатом в члены КПСС (1972 г.).

Она спросила — почему. Он ответил: «Это тупик». Но не настаивал ни на чем, сказал: «Ты взрослая, и сама должна решать».

В 1973 году проводился обмен партийных билетов. Из райкома был спущен график обмена, все дружно обменивали билеты, в первичных организациях сделали это торжественно. А Скрынников на обмен билета не явился. Статистика, конечно, была подпорчена. Несколько раз к нему приезжали районные партийные деятели, но он наотрез отказался, сказав, что партбилет потерял и не желает восстанавливать. Я представляю, чего ему, не жалевшему жизни и здоровья в страшной войне, как и все его друзья, большинство которых сгнуло на фронтах, стоил этот драматичный перелом — отказ от членства в партии.

Дети повзрослели, выучились, у них появлялись свои семьи. Уже могли себя обеспечивать сами, и прадед ушел с работы. Он еще несколько раз пытался начать работу в школе, в совхозе (у него были золотые руки, ему по плечу было многое из столлярного дела, сделать в доме печь, отремонтировать мотоцикл). Дома было тяжело одному, жена на работе весь день, хозяйство небольшое. Книги из сельской библиотеки все прочитаны, и не один раз. Дети приезжали редко, с собой старались привезти какую-то книжную новинку, знали, что он ее ждет всегда, его книжный голод утолить было невозможно, особенно в последние годы: он, прежде всего, читал военные мемуары. Каждая прочитанная книга обсуждалась с друзьями за стаканом чая, иногда — вина. Он активно стал расширять круг общения: стал ездить в гости к родственникам, на встречи однополчан, которые начали проводиться где-то в 80-е.

После одной встречи приехал подавленным. Он разговаривал с одним старым знакомым по молодым годам. Тот работал в психбольнице и в разговоре сказал: «А ты знаешь, сколько у нас находится нормальных людей, не психов? Больше половины». И рассказал ему о таких «больных». Под этим тяжелым впечатлением прадед ходил несколько месяцев. Бабушка считает, что после этого он стал совсем неразговорчивым, замкнутым.

Его дети — моя бабушка и ее брат — с годами всё чаще задумываются о его жизни. Он жил жизнью своей страны: голод, холод, война в стране были и его голодом, холодом, войной. И по мере сил он старался отдать ей свои силы, здоровье, умение. Так было до тех пор, пока не увидел и не почувствовал, что жизнь не соответствует словам с высокой трибуны, что человек — даже

не винтик, а какая-то букашка в огромном маховике, и его снесут, не задумываясь, крутящиеся шестеренки под лозунги «Всё во имя человека, всё для его блага!» Семья, хутор, поколение — все погибало под этими колесами...

В 1989 году его не стало.

* * *

Идут годы. Михаила Сергеевича давно нет в живых. Так получилось, что в деревне, где он похоронен, никто из наших родственников не живет. Но в прошлом году бабушкин брат, Вячеслав Михайлович Скрынников, побывал на его могиле. Она ухожена, в идеальном состоянии. Он спросил, кто ухаживает за могилой? Ему ответили, что ученики Михаила Сергеевича. Ученики его — уже очень пожилые люди, самому молодому почти 70 лет. Через районную газету я попросила написать мне несколько слов о моем прадеде. Люди помнят о нем, мне прислали письма его ученик, одноклассник, знакомый. Мне написали, что он был прекрасным учителем и душевным человеком и что я могу гордиться своим прадедом...

Пишет домой война

Анастасия Мелконян, Кристина Петрова

школа № 32, г. Астрахань

научный руководитель Людмила Вадимовна Тарасенко

От столов и до подоконников
Почта вечно полным-полна,
Из квадратов и треугольников
Заливает ее волна.
Под неслышный здесь грохот пушек,
Торопясь, с утра до темна
Сортируют трое девчушек
То, что пишет домой война.

.....
Штатом почты не предусмотрено
То, что целый народ в разлуке,
То, что как умирать ни больно,
Но, идя в атаку, чтоб жить,
Людям хочется в треугольник
Перед этим душой вложить.

К. Симонов «Иван да Марья»

Услышав о конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век», мы сразу начали искать тему для исследования и за помощью обратились к нашей учительнице Людмиле Вадимовне Тарасенко. По счастливому стечению обстоятельств у нее нашлась знакомая, которая рассказала об истории жизни своей учительницы, Софьи Семеновны Барсамовой (в девичестве Косаревой), которая хранила у себя фронтовые письма от любимого человека и никому их не показывала до 2009 года. Эта тема очень нас заинтересовала, ведь обычное письмо с войны — это уже история, а целый ряд писем — большая редкость. Именно поэтому мы попросили Людмилу Вадимовну помочь нам связаться с Софьей Семеновной. Выяснилось, что Софья Семеновна сейчас живет в нашем городе и, созвонившись, мы договорились о встрече.

Когда мы поняли, что нам предстоит интервью, нас охватило волнение, которое трудно описать: это было первое интервью для каждой из нас, мы, конечно, очень переживали. А потом взяли себя в руки и стали готовиться. Диктофон, камера, блокноты. Мы очень хотели произвести хорошее впечатление

на Софью Семеновну, но совсем не знали, какая она и как она отреагирует на наши вопросы. Для себя мы выстроили примерный ход нашей беседы, записали некоторые вопросы...

Софья Семеновна вышла нам навстречу, помахала рукой, и наше волнение сразу исчезло. Несмотря на свои 85 лет, она выглядела очень приветливой и жизнерадостной. Уже по дороге к дому Софья Семеновна стала рассказывать о том, как живет: ей помогают соседи, она с ними дружна. Когда мы уже приблизились к дому, послышался лай собак. «Это мои друзья, они меня охраняют», — сказала Софья Семеновна с улыбкой.

Дом Софьи Семеновны был большой и, очевидно, новый, но, несмотря на это, зайдя в гостиную, мы почувствовали, что оказались будто в старом фильме, какие смотрели в детстве: массивный дубовый стол, резные стулья, ажурная скатерть, красивая ваза с цветами в центре стола и большое количество фотографий на стенах. Хозяйка усадила нас пить чай.

Казалось, что мы сидим в гостях у своей бабушки, и это было замечательное чувство.

Когда пришло время приступить к интервью, мы всё же немного замешкались, думая, с чего начать. Но она сама начала рассказывать о том, что нас так интересовало, — о письмах.

«Никто никогда их не читал, но мама знала об их существовании... В числе ее приданого был ломберный стол. И в этом столе был ящик, которого никто вообще никогда не касался. Там в конверте лежали эти письма. Но прошло столько лет, я вышла замуж... и вот один раз, когда моей старшей дочери Жене было лет 18, я так понимаю, у нее были какие-то любовные неприятности. Как-то вечером я сидела и проверяла тетради, а она пришла домой очень расстроенная и говорит мне: “Мама, а говорят, у тебя письма какие-то есть”. Я говорю: “Есть”. — “А можно я прочитаю?” Я их достаю, отдаю ей и продолжаю проверять тетради. Я никогда не лезла в душу, у всех своя жизнь. На следующее утро мы завтракаем, а дочь и говорит: “Мама, ну почему убивают таких хороших людей?” Она плакала. А в письмах нет признаний в любви, нет “я тебя целую”, нет ничего...»

На этом наша беседа ненадолго прервалась — Софья Семеновна пригласила нас посмотреть дом. Мы поднялись на второй этаж и пошли напрямиком в ее комнату. Там, на стене, висела заветная фотография — единственная сохранившаяся фотография Вити, автора писем.

Нам было ясно, как Софья Семеновна относилась к памяти Виктора. Эта женщина была замужем два раза, она воспитала двоих дочерей, но фотография Вити так и висит в ее доме.

Когда мы спустились на первый этаж, чтобы вернуться к разговору, мы уже точно знали, что хотим знать: историю этой дружбы. И мы стали спрашивать:

— **Софья Семеновна, откуда вы родом?**

— Я родилась в селе Житное, Икрянинский район, Астраханская область, 24 сентября 1927 года. И там я прожила 18 лет, до 1945 года.

— **А Витя родился там же?**

— Нет, его семья жила в Кара-Богаз-Голе, и к нам они приехали летом 1942 года, потому что у его матери тут жила сестра. Приехали они втроем: мать и двое детей. Мы тогда с мамой и сестрой жили на Огневке, потому что отец уже был в армии. Там мы ловили рыбу, сдавали государству, тем самым имели возможность зарабатывать деньги. Но в 1943 году мне надо было вернуться в школу, потому что к тому моменту я пропустила уже год... И мы вернулись в Житное. В то время единственным нашим развлечением были танцы и кино.

Танцы? Кино? Откровенно говоря, военное время мы представляли себе несколько иначе, хоть мы и знаем, что немецкая армия не дошла до Астрахани, но бои проходили в непосредственной близости от города. Мы думали, что на протяжении всех этих трудных лет люди не знали радости и не видели жизни, что условия были очень суровые.

— **Так как же произошло знакомство с Витей?**

— В 1942 году, где-то в ноябре, я пришла на танцы. А Парфеновы приехали летом, и я с ними не была знакома. И ко мне подбежали тогда ребята и сказали: «А ты знаешь, приехал Парфенов Витька, он хорошо танцует, на баяне играет». И он дружил с моей подружкой Валея. «А моё какое дело?» — думала я, ну, дружит — и пусть дружит. Он вообще был общительным парнем, легко заводил друзей... и только где-то в июне 1943 года он мне встретился на улице и говорит: «Слушай, а у вас, говорят, баян есть?». Ну, баян-то был, но никто никогда на этом баяне не играл. Я-то играла на гитаре. Я говорю: «Есть». А он говорит: «А можно, я придду поиграть?»

В то время почти все играли на музыкальных инструментах, это было нормально для молодежи. Подумать только, теперь

человек, владеющий музыкальным инструментом, — редкость, музыкальные школы пустуют.

— *И он пришел?*

— Конечно, без разрешения мамы я позвать его к нам не могла, но мама дала свое согласие, и он пришел, поиграл, поблагодарил маму — и спросил, когда можно будет прийти еще. С тех пор он у нас был два или три раза — нечасто. Но я ему, видимо, приглянулась, потому что как-то раз я вышла погулять, и мне сказали, что мне звонили из Трудфронта. А телефон у нас был только в сельсовете. И я прихожу в сельсовет, спрашиваю: «Мне звонили из Трудфронта?» И мне говорят: «А мы откуда знаем?» И я осталась ждать звонка, потом пришел Витя и сказал, что звонили не мне, а моей маме.

В августе 1943 года мальчишек 1926 года рождения повезли на приписку в военкомат в село Икрязное на пароходе «Степан Здоровцев». Пароход из города прибывал в Житное 13 августа в 10 часов вечера, и все его встречали. Я к тому времени уже работала секретарем в моторно-рыболовной станции и в ту ночь должна была идти на дежурство, и по пути встретила его. Он ничего не стал спрашивать, просто пошел со мной. Проводил меня. С тех пор начались наши встречи.

Нас очень удивило тогда, как отчетливо она помнит все: даты, места, имена... насколько же ценными должны быть воспоминания, что даже спустя 70 (!) лет она вспоминает всё так точно.

— Помню, незадолго до первого призыва в армию он принес мне тетради. Их тогда вообще не было, и в школах мы писали на чем попало: на газетах, старых книгах... а он достал тетради — одну общую и три по двенадцать листов.

Четыре тетради, подумать только! Софья Семеновна говорила об этом и глаза у нее блестели, а нам было попросту удивительно видеть и слышать это: мы идем в магазин и покупаем тетради пачками, а тратим их с такой скоростью, что это теперь даже кажется если не варварством, то чрезмерной расточительностью уж точно! Но как много эти четыре тетради значили тогда.

— *А когда его забрали на фронт?*

— Первый призыв у них был в ноябре 1943 года. Он тогда пришел ко мне и принес альбом, где написал разные песни...

И она достала тонкий бежевый альбом. На истрепавшейся от времени обложке — маленький рисунок: раскрытая книга на

фоне восходящего солнца и фамилии — Сталин, Ленин, Маркс. Вот уж поистине вещь своего времени!..

— *Когда он уехал, сюда стали записывать свои песни, стихи и пожелания мои подружки. А когда его не стало... там оставалось несколько чистых страниц, а сам альбом был подписан им так: «Если этот альбом не закончится мной, то закончи своей рукой».*

Когда она сказала это, мы переглянулись. Мог ли он предвидеть? Могли ли они тогда загадывать, что через полтора года Соня, и правда, сама будет писать в этот альбом свое последнее послание к нему?..

— *А потом их отпустили. Мы, конечно, радовались безмерно, мы вместе встречали Новый год — с группой художественной самодеятельности, у нас была целая компания! А потом Витю призвали в начале 1944 года. Было 8 марта. 8 марта — всегда праздник, мама тогда сшила мне белую кофточку и бархатный пиджак. И мы с ней стояли на крыльце нашего дома. С мамой я всегда могла поделиться самым сокровенным. Я тогда сказала: «Только бы он вернулся». И вдруг открылись ворота, и в них с криками вбежали ребята: «Соня, Витька вернулся»... И вот мы, как обычно, пошли в клуб. Когда я вошла, мне сказали, что он пошел переодеваться. А потом я увидела его — и произошло то, чего раньше никогда не происходило: через весь зал он пошел ко мне. Больше мы не расставались.*

18 марта 1944 года Виктора Парфенова окончательно забирают на фронт, и тогда в их с Соней отношениях начинается новая глава — их переписка.

«НАСТОЯЩАЯ ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА»

Письма больше, чем воспоминания.
На них запеклась кровь событий,
Это — само прошедшее, как оно было,
Задержанное и нетленное.

А. И. Герцен

Когда интервью было окончено, трудно было просто встать и уйти. Казалось, что еще очень многое надо спросить. Мы решили навестить Софью Семеновну еще хотя бы один раз — а тогда просто поблагодарили ее за всё, попрощались и ушли.

И вот у нас на руках оказались письма, написанные около 70 лет назад. Рассматривая их у Софьи Семеновны дома, мы держали их с трепетом, мы боялись случайно шевельнуть рукой и порвать ветхую, пожелтевшую бумагу. Конечно, все письма мы сфотографировали, чтобы потом работать с ними. Всего писем было 35.

Многие правила пунктуации и грамматики соблюдены самим Виктором не были, мы же решили не исправлять ошибки, потому что они играют очень важную роль при анализе написанного.

Вот первое письмо Вити Парфенова. В нем еще нет ни определенных мыслей, связанных непосредственно с войной, ни картины быта — ничего, что могло бы оказаться ценным исторически, кроме текстов фронтовых песен и стихотворений, которые он часто присылал Соне. Однако уже с первого письма можно начать строить свой образ «незримого собеседника». Это действительно живой, веселый парень, о котором рассказывала нам Софья Семеновна. Он, возможно, еще не успел почувствовать всю драму происходящего: в его «голосе» нет еще той горечи, которая появляется потом.

Письмо интересно тем, что в нем содержатся целых два текста песен. Важно помнить, что именно подобные стихи и песни в течение всей войны придавали сил солдатам, именно в них ключ к нашей победе: между строк сквозит надежда, ею пропитано каждое слово. На фотографии письма видно, что одну фразу из стихотворения автор письма (или получатель?) хотел выделить и переписал: «...и целую строки я / Твоего письма».

Так, Витя пишет, что ему «часто придется вспоминать баян». Сначала нам почему-то показалось, что речь идет именно о песне, текст которой он прислал. Но потом мы заметили, что нет ничего, что на это указывало бы. Да, он пишет вовсе не о песне! Вспомните, ведь баян, можно сказать, связал Соню с Витей, послужил началом их дружбе — Витя приходил к Соне домой играть на баяне.

И вот он пишет ей: «...два раза мне приходилось вертаться, но в третий раз, наверное, не вернусь». Он понимает, что на этот раз его забрали не просто на учения — ведь писал он еще с учений. Его забрали на фронт, и о баяне, о Софье, об их встречах ему теперь придется только вспоминать.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО, АПРЕЛЬ 1944 г.

Добрый день дорогой и никогда забываемый друг Соня! Спешу сообщить что я жив и здоров того, и вам желаю. Передаю всем привет, а особенно тебе. Соня я сейчас нахожусь в городе Моздоке не в самом городе а в 6 километрах от него. В лесу наш лагерь. Близ лагеря метров 60 протекает река. Терек километров 10 от нас

... годы их видать еще не ценили... Вообще природа хорошая. Все мои охотки сбились и мы все попали ... минометную рану. Нас еще не проводили. Ждут обмундирования. Я один остался в ... взводе. Может шамовки пока ничего. Ну пока досвидание

*5/Апреля, Твой друг Парфенов В
Володе с Шурой и т. д привет*

Обратите внимание на выражения, которые Витя использует в этом письме — и во всех остальных. Они, нам кажется, заслуживают особенного внимания. Вот, например, «дорогой и никогда не забываемый друг» — кто сейчас так напишет? И как много любви и заботы в этих словах — они совсем не пустые, здесь каждое слово на своем месте и значит что-то особенное. Эти письма необычайно ценны не только из-за того, откуда и когда они были написаны — в них не только война. В них любовь тех лет, в них — люди.

«Все мои охотки сбились и мы все попали...» — куда? Окончание предложения зачеркнуто не Витей, это очевидно. Что же, это и есть военная цензура? Но во время написания этого письма Витя был еще только на учебе, не на фронте. Что же такого было там написано?

И вот еще — почти в конце письма тоже цензура, но там все куда понятней. Очевидно, зачеркнут номер взвода.

ПЯТОЕ ПИСЬМО, 1 МАЯ 1944 г.

*Добрый день дорогой и никогда забываемый
Друг Соня!*

Пишу письмо 1 мая 1944. сегодня международный Великий для меня и для всех праздник Соня! Поздравляю тебя с днем 1 мая. Хотя письмо мое придет к тебе 15 мая или

позже. Но это ничего. С сегодняшнего дня у меня действительно началась военная жизнь. Нас обмундировали и сегодня мы приняли присягу. Наши ушли на парад а я остался работать. Если справлюсь с новым для меня кино-аппаратом. То буду крутить картину.

Все о доме я забываю. Но не могу забыть про наши дни. Хотя может быть ты имеешь при себе что мы проводили вообще время плохо...

Но ничего. Соня пиши о новостях которые ты знаешь. У меня новостей нет всё по старому. Сегодня у нас кино «Песнь о Любви».

Передай через Володю! матери что живу ничего, одели и приняли присягу. Письма еще не получал.

С приветом твой друг Парфенов В.

От всех предыдущих писем это как-то отличается. В нем Витя, наверное, впервые настолько откровенен с Соней, хотя что-то всё же не решается написать и зачеркивает — целых две строчки. Но, кажется, это было что-то личное, а он пишет не только об этом. В его жизни произошло что-то по-настоящему важное: он принял присягу! Теперь он настоящий солдат.

И какой интересный момент — Витя был киномехаником! Оказывается, он отличался еще даже во время учебы, не только на фронте.

ШЕСТОЕ ПИСЬМО, 5 МАЯ 1944 г.

Пишу письмо 5 мая 1944 года.

Соня! Сегодня я получил твое и Володино. Письма от 17/IV 44 г. а Владимира от 22/IV/44. Но пришли они вместе.

Сегодня кажется нашей разлуке 2 месяца. Скоро будем считать года. А потом видно будет. Соня! Ты пишешь что у Вас зеленая трава и т. д. Но у нас тоже. Не только зелень но и красные цветы. А цветы самые хорошие. Мак. И еще красивые и как войдешь в лес сразу разносится запах свежих цветов. Соня. Желаю с наилучшими успехами сдать испытания и окончить 8ой класс. Соня ты пишешь чтобы я написал что такое «запах свежести». Когда мы были с тобой последний вечер я не мог услышать что ты положила мне

Единственная
сохранившаяся
фотография Виктора

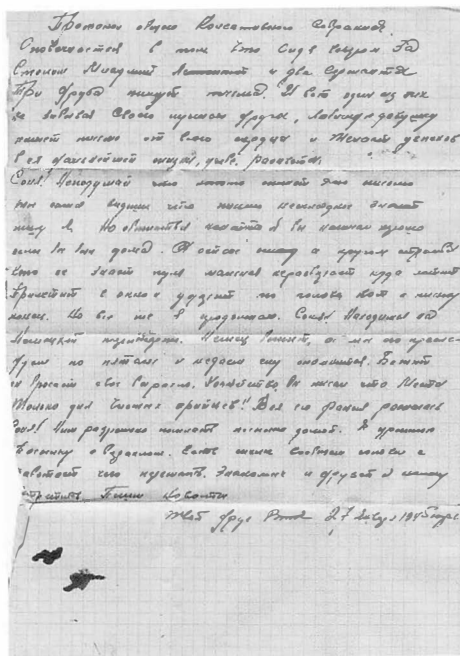
Письма Виктора к Софье

Софья в 1944 году

Письмо от 11 ноября 1944

Последнее письмо Виктора с фронта

в карман, в пиджак. Платочек, когда я пришел домой и мать утром куда то пошла и вытащила его когда пришла и говорит где ты это взял. Наверное у девочки вытащил.

И вот тот платок нес запах хороших духов. Вроде какой-то свежести. Соня! Прошу тебя чтобы ты прописала как насчет мая у незавидно (?)

Это письмо я пишу после отбоя. Сейчас 11:30 ночи. Все спят один сижу. За столом ни звука только и слышать что дышат через ноздри. Ты пишешь что подходят жаркие дни но у нас уже начались так что днем спасения нет на поле еще пилотки но выдали... Дали нам 2х метровые сапоги которые начнешь наматывать а они вырвутся из рук и укататься. Вот и лазиешь по полу щупаешь где они. Передай привет Володи привет и спасибо за то что он написал мне ответ.

И так давай будем иметь настоящую дружескую переписку.

С приветом Парфенов Виктор

С какой нежностью Витя говорит об этом «запахе свежести», как он внимательно описывает детали своей жизни, памятные моменты. И этот человек — парень восемнадцати лет, подумать только! Где теперь встретишь парня такого же возраста, который стал бы описывать красоту природы, который помнил бы такие мелочи, как запах платка, подаренного любимой девушкой? И, что главное, он пишет: «Сегодня... нашей разлуке два месяца» — он считает месяцы, он считает дни без нее! Как же неотрывно его тянет домой, к родным людям, к близким и любимым — как же отовсюду тянет человека домой!

Он пишет матери каждую неделю — только подумайте! Несмотря на все лишения, трудности — он находит время и пишет письма домой. Причем в этих письмах нет ни жалоб на жизнь, ни мыслей о возвращении — только отвага и вера в победу. Их дружбе с Соней вот уже год, он просит ее ждать — и она ждет.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ПИСЬМО, 27 ОКТЯБРЯ 1944 г.

Начну Письмо с этих слов...

Сегодня 27 октября всё совсем иначе, так как у нас Солнце не греет ветер пронизывает все, и с неба крупный дождик слезы льет. По дороге застревая в грязи русский родной Солдат, преодолевает препятствие...

Кругом веселая Музыка и с разных концов Бом, Тыз-Тыз — мелодично свистят... Карандаши. Но русскому солдату это не придает никакой растерянности. И вот он с друзьями с отделением, шутит, смеется, поддерживает бодрость друзей, И вот Конец! Он с отделением врывается в населенный пункт. И с криками Ура! Бросает гранату в окно, где сидел Фриц с ... Но сейчас того... Не стало и вот ... вспомнил Свою Любимую девушку. И с этими мыслями Он засыпает. Но он не подумал что за Совершенный поступок Родина-Мать Выносит свою благодарность и вешая на грудь заслуженную награду за отвагу! Воин весь горит огнем, вспоминает девушку от которой он уехал 7 месяцев тому назад, он хочет увидеть ее пред собой и провести весело время!

Соня! Как, видишь по письму кто это писал, это писал твой Лучший друг который сражается за Родину, и вспоминает Любимую девушку; он прикладывал листком бумаги до стенки, так больше в доме ничего не осталось и пишет письмо! Соня! Я знаю что я не писал так письмо никогда а это письмо что-то особенное, да это не письмо а Правда! Я жив. Пока болезней никаких нет, правда есть кашель как был у... Но это чепуха. Я отбит ото всех друзей, один у меня в отделении есть один Старый волк из Подольска. Соня! Знаешь как пришлось пережить два хороших дня. Что если придется встретиться в сию минуту рядом будешь стоять и ты меня не узнаешь. Но ничего все поправится, и я опять стану... (стерта бумага)

Крошка, к тебе будет просьба описать что происходит в селе. Где Володя. Привет Мамаше своей передай.

Я передаю все привет, и всему Селу

Конечно Соня Я понимаю ты не почтальон разносить мои приветы по Селу а Владимиру... Прошу писать: мой адрес 44158-«М» и передай его маме моей

Остаюсь жив твой друг Витя

С самого начала настроение этого письма заметно отличается от настроения предыдущих писем: «Сегодня... всё совсем иначе...» И пусть дальше идет описание погоды, но почему-то нам показалось, что не так всё просто. Сменилась не только погода, но и состояние Вити: он одинок, он скучает по Соне, по

друзьям и, конечно, по дому. Видимо, время, проведенное на войне, его истрепало — он говорит, что Соня при встрече не узнает его. Но он не теряет надежды — он «остается жив».

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ПИСЬМО, 4 НОЯБРЯ 1944 г.

Привет с Фронта

Добрый день, вечер или утро. Соня! Сегодня 4 ноября 1944 года.

Вот уже 8 месяцев как я немогу увидеть берег нашего села. Знакомый дом, Зеленый сад и... Наверное многое изменилось в селе, и вокруг. Много уехало, и много приехало. До армии сколько я ни ездил но не проехал столько, сколько проехал с армией. Посмотри на карту и увидишь Польшу и г. Краков, если итти сюда шагами то будешь итти ровно год. Но во Мне многое изменилось, вытянулся в длину и ширину, извини за выражение, немного поседел, руки стали как у льва. 7 Ноября на моем счету есть один Фриц, а впрочем может быть его зовут Ганс, незнаю... Остаюсь жив и здоров.

Привет Мамаше и Отцу, хотя он меня не знает, Получили...

Витя

Вчитайтесь в эти строки: «...если идти сюда шагами, то будешь идти ровно год». Из письма ясно не только то, что армия дошла до Польши, хоть и это тоже очень важно. Витя Парфенов считал шаги до Родины, и пусть все это неточно, пусть приблизительно и образно — но какой тоской и любовью к дому пронизаны эти слова.

Еще он пишет, что поседел. Что может быть страшнее седого юноши? А ведь ему было всего-навсего 18 лет... Сегодня молодежь в этом возрасте и не знает толком ничего о жизни, о трудностях, а он за несколько месяцев на фронте прожил, казалось бы, целую жизнь и получил такой опыт, каким может похвалиться не каждый пожилой человек.

Софья Семеновна рассказывала нам, что до войны Витя никогда не видел снов, ни плохих, ни хороших, но в одном из писем рассказал ей, что сны сниться стали.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ПИСЬМО, 11 НОЯБРЯ 1944 г.

Привет и Масса Наилучших пожеланий в дальнейшей Вашей учебе и Молодой цветущей жизни. Пишу эту небольшую писульку даже... можно желать протоколом. Здесь я хочу описать о своей службе ... в письмах которые я писал до этого я описывал все то что случилось и происходило со мной. Вчера т. е 9 ноября на 2 ой день... большого праздника я получил письма от Мамаши, в котором она мне многое написала, но понять я мог только часть этого письма. Письма были написаны красным чернилом а в дороге это письмо в середине промочено и так, что мне хотелось немного слезой капнуть или вернее размочить его но ничего надо крепиться я ведь боец, ...и тем больше...

Знаешь ведь скоро настанет час когда и я с оружием в руках и криками ура!! поведу свое отделение в бой а там не могу представить что случится со мной.

Соня! Много времени прошло с тех пор как мы не можем увидеть друг друга в глаза и я не чувствую твоей руки на моих глазах... Давай не будем друг друга забывать.

Соня передай привет твоей Мамаши и желаю всего наилучшего в дальнейшей ее жизни и ведении хозяйства. Так будьте здоровы живите богато, а я продолжаю врага добивать.

Ваш друг Парфенов Виктор

«Давай не будем друг друга забывать...» — в этих словах есть что-то предельно грустное, какая-то просьба о том, что было ему так важно. К сожалению, ему всё чаще и чаще приходилось переживать за судьбу их с Софьей дружбы — ведь он почти не получал писем от нее! Вероятно, именно поэтому такими тревожными были его последние письма.

ТРИДЦАТОЕ ПИСЬМО, 23 НОЯБРЯ 1944 г.

Героическому Тылу — Фронтвой Привет.

Жажда в получении весточки, от Самого Любимого и близкого друга. Но увы Мечты Мои не сбылись. и я решил написать вот это в письмо с места моего перехода на дру-

гое место. Много писем. Много вестей я писал с дороги, был в одном месте, писал письма, перешел в другое тоже самое. Но труды Мои не сочтены Неужели такие трудности, что ты не можешь найти свободной минуты написать для радости Письмо. Как я попал на фронт то в октябре числа 19 получил письмо от Мамаши, в ноябре числа 4 получил письмо от Исаея несмотря на то что у него две ноги и одна рука и то культяпая. Я не ожидал от него этого. Новостей никаких не описал, описал только адрес Николая Лучины. Теперь опишу о своей жизни. Живу по старому т. е сама слыхала какая фронтовая жизнь. Знаешь вывели нас с передовой, и пули не свистят и снаряды не летают. Прямо скука съедает а сейчас опять повеселело на сердце, свист шум. Но... в скором будущем... бой. Уходя в бой... ни с чем напишу письмо а может быть и последнее в моей жизни. Недавно т. е 4 дня тому назад я был приглашен начальством, на выполнение боевого задания. И днем подползли с командирами к... врага для того чтобы достать языка. Но... получилось так что рядом со мной на минах подорвался один капитан и враг заметил эту вещь и начал отстреливать нас. Под пулями выходя, мы все трое вернулись но с... Правда покарябало, руки лицо но этого ерунда.

Соня! сегодня у меня день траура.

Как выезжая с Моздока у меня был друг Федор Титоренко с г. Белой-Церкви. Он сегодня идя за обедом к кухне. Моего друга убило осколком снаряда. А сейчас я остался один среди людей которые находятся со мной. Хотя армия всех сделала друзьями. и вот сейчас время 2 часа ночи, часа два назад было небольшое развлечение. Играли в карты и этих... денег я выиграл около ста рублей

А теперь Пожелания! На Новый Год!

Это предпоследнее письмо Вити, которое у нас есть. Когда мы расшифровали его, мы долго не могли собраться с мыслями — это слишком тяжело. Витя поздравляет Соню с наступающим праздником (к сожалению, у нас нет окончания письма, где написаны его пожелания) и в этом же письме пишет о том, что погиб его друг. Пишет так, слово это его уже не удивляет, не трогает, хотя, конечно же, это совсем не так. Но это действительно наводит на мысли — что же ему приходилось пере-

живать там, что так спокойно мог относиться он уже к смерти единственного друга? «...хотя армия всех сделала друзьями».

Из письма также ясно, что к моменту его написания Витя уже перестал получать письма от Сони — а что может быть страшнее, чем страх, что тебя забыли твои родные, любимые, в то время как ты находишься на войне и переживаешь весь этот ужас только ради того, чтобы вернуться к ним?..

Анализируя письма Виктора Парфенова, мы вольно или невольно пришли к выводу, что написаны они были по большей части наспех, редко чернилами, чаще карандашом — поэтому так сложно иногда было разобрать, что же написано в том или ином письме. Также на всех письмах были печати «проверено цензурой», на некоторых бланках стояли отметки «ниже черты не писать», «выше черты не писать», что лишь доказывало то, в каких жестких условиях они писались.

Действительно, эти письма отражают то время, в котором были написаны. Об этом могут говорить и речевые обороты, которые от письма к письму повторялись («наилучшие пожелания», «во первых строках... письма» и т. п.), и само отношение пишущего к получателю. Нетрудно заметить, что письма подтвердили слова Софьи Семеновны: Витя относился к ней с огромной заботой. Он часто называл ее другом, дорогим и никогда не забываемым другом Соней, а их отношения — дружбой, именно дружбой. Как же он ее ценил! И пусть не было в письмах откровенных признаний, это ли не делает их Дружбу такой чистой, какой она предстает перед нами теперь?.. Его отношение к ней — это не просто слова, это что-то гораздо большее.

В письмах почти ничего не было напрямую сказано ни о быте, ни о ходе военных действий: то ли из-за цензуры, то ли из-за того, что вовсе и не об этом хотелось писать, но, несмотря даже на это, можно найти в них очень много мелочей и незаметных сразу деталей, которые играют очень важную роль при анализе писем.

Незамысловатые по содержанию, эти письма пусть не отличаются изысканностью стилистики или знанием правил русского языка, но всё же каждая их строчка бесценна, а сила их воздействия неизмеримо велика. Да, в них нет громких слов, но за простотой речи скрывается такая трудная судьба.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ ПИСЬМО, 27 ЯНВАРЯ 1945 г.

Протокол общего Коллективного Собрания

Оповещается в том что сидя втроем за столом Младший Лейтенант и два Сержанта Три друга пишут письма. И вот один из них не забывая своего лучшего друга, Любимую девушку пишет письма от всего сердца и желает успеха в ее дальнейшей жизни, учебе, расцвета.

Соня! Неподумай что кто то пишет это письмо ты сама видишь что письмо не складное значит пишу я. Но обижаться неначто я бы написал хорошо если бы был дома. Я сейчас пишу а кругом стрельба. Кто ее знает пуля шальная не разбирает куда она летит Прилетит в окно и ударит по голове т и письму конец. Но все же я продолжа. Соня! Находимся на немецкой территории. Немец бежит а мы его преследуем по пятам и не даем ему опомниться. Бежит он бросает свое барахло. Хозяйство. Он писал что места только для чистых арийцев!! Вся его ... распалась.

Соня! Нам разрешено посылать письма домой. Я пришлю посылку с ... Есть шелк вообще ... а ... что кушать. Знакомых и друзей не могу встретить. Пиши новости

Твой друг Витя 27 января 1945

Это письмо можно назвать «протоколом последней встречи с друзьями».

5 февраля 1945 года на немецкой земле Виктор Герасимович Парфенов, восемнадцатилетний командир отделения минометной роты, погиб.

Извещение о его гибели пришло в село Житное только в апреле 1945 года.

Софья Семеновна рассказывала нам, как она вместе с матерью Виктора, Пелагеей Павловной Парфеновой, встретила эту новость. Как они стояли и плакали обнявшись. Трудно прибавить что-то к тому, что пишет сам Витя, особенно учитывая то, что он был убит спустя 10 дней с момента написания этих строк.

Виктор Парфенов погиб незадолго до конца войны. Казалось бы, еще немного — и он вернулся бы домой.

Соня ждала его почти год, была верна ему, она хранила его письма, а потом, когда до окончания военных действий оста-

валось несколько месяцев, узнала, что он не вернется в родное село, о котором мечтал на протяжении всего пребывания на фронте.

Помните, рассказывая о Вите, Софья Семеновна упомянула о том, что он подарил ей альбом с песнями? Так вот выяснилось, что подобные альбомы не были редкостью в то время — девочки записывали в них свои стихи, песни, там им оставляли послания их друзья и подружки. Но этот альбом всё же был не таким, как остальные: это был альбом двоих: Вити и Сони, ведь он просил ее закончить его своей рукой — и она закончила.

Витя!

Разве я думала, что я буду писать о тебе о мертвом, о погибшем. Нет! Мне никогда даже в голову не приходила такая мысль. Вот даже и теперь я не верю, что тебя нет. Мне чудится твой голос и слова: «Вот я приеду из армии, а ты будешь уже мамой!» Ведь и я говорила в тон тебе, но зачем мы закрывали наши сердца маской. Да. Ведь мы не знали что мы больше никогда не увидимся. Но если бы наши сердца открыть, то каждый из нас лелеял и хранил такую мысль: «Я буду верен! Я буду верна!». Мы боялись об этом говорить и правильно делали, мы сохранили и пронесли в своих молодых сердцах Хорошую Дружбу. Мы понимаем друг друга по взгляду, по пожатию руки. Мы же слышали стук сердца друг у друга. Как много нам говорили наши короткие слова. Это было тогда, когда ты уезжал на приписку осенью, в октябре. Был хороший, теплый вечер и я тебя позвала: «Витя!». А ты молча прижал мою голову к груди и погладил, а сам мне ничего не ответил. А потом говорил о том, что ты пришлешь мне фото и мы zalюбовались вечером. В этот раз ты меня позвал: «Соניה!». Я сняла с твоей головы фуражку и взъерошила на твоей голове волосы, а они были черные, мягкие, шелковые. Мы посмотрели и оба улыбнулись. Но и я ведь тебе ничего не ответила. И как мы скрывали наши хорошие детские отношения от людей, от твоей матери, от девчат... Вот если бы мы с тобой встретились, то нам бы с тобой не хватило бы 2х недель, дней и ночей, чтобы мы могли пере-сказать с тобой все, что было с нами, когда мы были далеко друг от друга. Витя! Я не хочу верить, что тебя нет и не верю. Правда! И вот я пишу, может быть, ты и услышишь

меня? А? Почему я не могу забыть о тебе, и не хочу забывать. И зачем судьбе нужно было отнять тебя у меня? Ведь ты один в нашем селе убит такой молодой. О! Витька! Ты слышишь меня? Хоть бы ты видел с каким злорадством мне сказала о твоей смерти Валя. О? ты наверное не выдержал бы и ожил на зло ей и на радость мне, ты бы помог мне подняться на почту. Голубчик! Неужели бы ты выдержал, видя, с каким трудом я собрала всю свою силу воли и поднималась на почту, чтобы узнать: нет ли от тебя письма? ... Как хочешь меня суди, но я плакала о тебе долго, горько, страстно, мучительно. Я знала, что о тебе нельзя плакать, а все-таки я плакала, плакала над твоей детской увеличенной карточкой, плакала в том доме, где ты жил, за тем столом, где ты когда-то сидел, и на стуле, на котором ты когда-то сидел. В этот момент твоя мать была мне матерью. Витя! У тебя бы тоже лопнуло сердце глядя на то, как мы с тетей Полей плакали, утешали друг друга, как молча прятали друг от друга слезы, ты б не захотел огорчать нас так. Где же тебя теперь и когда можно увидеть? Неужели это останется тайной, как тебя убили, любимый, родной мой, тебя не тронули мои ласковые, любящие руки. Много лет жизни я бы отдала, чтобы собрать твои кусочки сложить их вместе, если тебя разорвало на кусочки, закрыть твои хорошие, черные, маленькие глазки, поглядеть на выражение твоего лица, может быть ты улыбался, погладить твои мягкие, седые волосы, прижать к себе твою умную, боевую голову. Но я гордая тем, что я честно тебя ждала, не изменяла тебе. Я горжусь и тем, что ты честно, храбро погиб, мой дорогой воин! Мне приятно говорить о тебе с твоей матерью, для нас с ней ты не погиб, ты жив, я помню тебя и всегда и везде, помнись, и с чувством большой нежности, привязанности, благодарности, и любви вспоминать о тебе. Это я тебе обещаю, Витя! Помни. Ты же мне верил и веришь Ты пожалуй, правильно сделал унес с собою мою любовь. Мне больше никто не нравится. Если у меня будет сын, то я назову его «Виктором», что означает победитель, когда я буду старой я скажу сказку своим внучатам о хорошем юноше Вите, который так беззаветно погиб.

Все самое лучшее самое дорогое будет сделано в память о тебе, мой любимый Витя!

*Выполнив твое желание, я сама закончила этот альбом так, как я никогда не мечтала...
31/XII-48 г, 12 ч. Косарева*

Долгое время она, как мы уже рассказали, не говорила никому о письмах, хранившихся в ломберном столе. До недавнего времени эта трагическая история любви была ее тайной, но теперь она решила во что бы то ни стало увековечить память о своем герое. Нет, Софья Семеновна не расстанется с письмами — она хочет, чтобы ее похоронили вместе с ними. И сегодня мы, описывая события давно минувших лет, имеем возможность дополнить их, связать с настоящим. У нас действительно есть такая возможность, потому что, как выяснилось, эта история еще не окончена.

Дело в том, что Тамара Тарасова, ученица Софьи Семеновны, увидела фотографию Вити. А когда пошла в воскресную школу при Иоанно-Предтеченском монастыре, встретила там с отцом Антонием, ее директором. В ходе разговора с ним она упомянула о письмах, которые ей показала Софья Семеновна. Отец Антоний заинтересовался письмами и решил походить.

И он действительно помог. На сайте ОБД «Мемориал» он нашел имя Виктора в «Именном списке безвозвратных потерь...». Да, Виктор числился в этом списке, но не были указаны ни дата его смерти (которая, впрочем, нам известна), ни место захоронения. Вообще место захоронения было указано лишь у одного человека из этого списка, и это село Мелинау, можно было бы предположить, что все они похоронены там же. Но отец Антоний решил не останавливаться на этом. По карте он проследил за передвижением советской армии, совершенным в то время, когда погиб Виктор, и сделал вывод, что он, скорее всего, погиб уже в Германии, в городе Олау, который сейчас является частью Польши и носит название Олава, и был похоронен там же, на братском кладбище. Но это, опять же, всего лишь предположение.

Когда Софья Семеновна узнала, что место захоронения Виктора обнаружено, или может быть обнаружено, она, конечно же, решила ехать туда. К сожалению, тогда ей это не удалось, но надежд она по-прежнему не оставляет. Как она и писала в своем альбоме, много лет жизни отдала бы она за то, чтобы «собрать

его кусочки, сложить их вместе... прижать к себе его умную боевую голову».

Услышав об этих поисках, мы, конечно, тоже решили принять в них участие. Нашей целью было хотя бы найти какие-то сведения об этом кладбище в Олаве, возможно, всё же существуют списки похороненных там. Мы нашли форум, на котором многие люди размещали просьбы найти их родственников, писали имена, даты рождения. Мы даже видели имя Виктора Парфенова, кто-то уже пробовал найти место его захоронения на этом форуме.

Всё, что мы смогли понять: скорее всего, действительно, все погибшие из списка безвозвратных потерь были похоронены в селе Мелинау, но позже происходило перезахоронение — и именно за счет этого могилы многих солдат утеряны.

Продолжив поиски, мы также побывали в областной детской библиотеке, где обнаружили книгу памяти «Назовем поименно», где имя Виктора числилось в списке не вернувшихся с фронта.

Несмотря на то, что наша работа завершена, мы все же хотим помочь Софье Семеновне. Поэтому ни мы, ни она не заканчиваем свои поиски. Возможно, однажды ей все-таки удастся преклонить голову перед могилой своего дорогого и никогда не забываемого друга.

За время исследования имени Сони Косаревой и Вити Парфенова стали нам знакомы, как имена наших друзей. Соня была нашей ровесницей, ей было, как нам сейчас, 17 лет. И именно это сейчас наводит на размышления.

Что изменилось в мире за 65, пусть 70 лет? Что случилось такого, что люди стали совершенно другими?

Сегодня мы привыкли писать сотни сообщений в день, у нас для этого есть и сотовая связь, и интернет — но мы стали забывать о ценности одного слова. Наши слова значат всё меньше и меньше просто потому, что мы разучились вкладывать в них свою душу. Сравните речь современного школьника с речью Вити Парфенова. Не окончивший даже школу, он писал, допуская огромное количество ошибок — но какие проникновенные вещи он писал! Какую ценность представляет каждое его письмо! Задумайтесь, мы ведь почти совсем уже не пишем друг другу писем. Да и умеем ли мы вообще писать письма?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда наша работа уже была завершена, 30 декабря 2012 года, в доме Софьи Семеновны раздался звонок. Звонил председатель совета ветеранов Житнинского сельского совета Владимир Викторович Иванов, который пригласил Софью Семеновну, единственного оставшегося в живых близкого Виктору Парфенову человека, 5 февраля 2013 года, в день шестьдесят восьмой годовщины его смерти, на церемонию вручения ему награды ордена Славы 3-й степени посмертно.

Он же сказал ей, что точное место захоронения было все же установлено: это село Мелинау, а не город Олава, как предполагалось ранее.

Софья Семеновна очень рада, что есть люди, которые помнят о героях войны и продолжают вести поиски людей, без вести пропавших.

Листая прошлого страницы...

Юлия Огородникова

Енисейский районный центр детского творчества,
с. Ярцево, Красноярский край
научные руководители Нина Ефремовна Гостева,
Татьяна Николаевна Тарханова

Листая семейный альбом, я всегда вглядывалась в старые, пожелтевшие от времени фотографии, расспрашивала родных, кто на снимке, чем занимался, какое отношение имеет к нашей семье. Я часто расспрашивала бабушку, как она жила, когда была маленькой, но разговор всё время переводился на другую тему. Со временем, когда я стала взрослей, бабушка становилась более разговорчивой. Но некоторые моменты своей жизни она смогла рассказать только сейчас.

Их, переживших тяжелые времена XX столетия, все время держали в страхе. Поэтому не удивительно, что бабушка ничего не рассказывала мне раньше — не хотела лишний раз ворошить прошлое. И даже сейчас, по прошествии более семидесяти лет, бабушка опасается и говорит: «А вдруг посадят». Страх, приобретенный в детстве, до сих пор сковывает ее.

Бабушка родилась на Украине, в Полтавской области, в 1922 году. Мою прабабушку, маму бабушки, звали Олена Дмитриевна Пащенко, отца — Григорий Павлович Пащенко. Олена Дмитриевна умерла, когда бабушке было всего 1,5 годика. Позже отец нашел себе новую жену. Они расписались, и в их браке появилось еще пятеро маленьких ребятишек.

В школу бабушка пошла в 1930 году. Вот как она вспоминает про учебу: «До третьего класса я училась в школе, которая была у нас в деревне. К третьему классу мы ходили в соседнее село Броварку. Осенью и весной ходили пешком за три километра от Князевки. Формы никакой не было, ходили кто в чем. Зимой нас возили на санях, на двух подводах. Нас много было. Учиться мне нравилось, на учебу ходила с большим интересом».

В 1932 году на Украине начался великий голод, в народе его называют «голодомором». Вот что об этом времени рассказывает бабушка: «Всю продукцию, выращенную на территории Украины и Поволжья, полностью забирало государство. Колхозы к тому времени разорились. У крестьян не было в доме муки,

чтобы прокормить семью. В 1933 году не то, что животные погибали от голода, люди гибли. С осени по всем дворам ходила специальная бригада: искали, нет ли где спрятанного хлеба. Если находили, забирали всё до крошки. Люди умирали на улице, съедая траву — вот так с травой во рту и умирали. Если дохла лошадь, то люди набрасывались, начинали рвать ее, отталкивая друг друга. Покойников уже перестали хоронить. Они неделями лежали на улицах и в пустых избах. Их сваливали в общую яму, едва присыпав сверху. По ночам звери разгребали могилы. Каждый день был для нас последним. Смерть стала привычной. Тихий протяжный стон стоял над селом, живые скелетики-дети ползали по полу, чуть слышно скулили. Женщины выискивали еду по крошкам, всё было съедено. Варили крапиву, липовый лист, валявшиеся за хатами копыта, кости, рога, невыделанные овчинные шкуры. Ловили мышей, крыс, воробьев, муравьев, земляных червей. Мололи кости на муку и делали то же с кожаными подошвами для обуви. А когда зазеленела трава, стали выкапывать корни, съедать листья и почки. Употребляли одуванчик, репейник, подснежники, иван-чай, крапиву. Сливы, которые еще только начинали появляться. Люди пили одну воду, поэтому ходили пухлыми».

«У моей соседки было 5 детей на руках, — продолжает бабушка, — старший Костя в армии служил. Почти все ребятишки у нее померли, один, самый младшой, остался — с 25-го году. Все у них во время голода умерли, все родственники. Остались только мать и бабушка».

В 1933 году бабушке было всего 11 лет. Их семья состояла из мачехи, отца и сестер: Веры, 1926 года рождения; Кати, 1929 года рождения; Гали, 1933 года рождения.

Мой прадедушка Григорий Павлович, отец бабушки, работал председателем колхоза. В 1934 году по доносу его посадили в тюрьму на 6 месяцев. Смысл доноса заключался в том, что он якобы халатно относится к своим обязанностям. В то время любого человека могли посадить ни за что. Когда его через полгода выпустили, приходилось работать там, где скажут. Позже прадедушку восстановили в должности, так как он был хорошим тружеником и добросовестным работником.

Мачеха у бабушки была злая. Про нее бабушка говорит так: «Когда батьку по доносу посадили в тюрьму, она есть мне не давала. Ела со своими детьми, а меня за руку из дому выводила.

Каждый день меня лупила, если что не так сделала или ей не понравилось». Бабушка чудом пережила голод. Выжила она благодаря своему дяде, брату отца. Он работал в колхозе, смотрел и ухаживал за лошадьми. В 12 лет бабушка наравне со взрослыми работала на конюшне: носила тяжелые ведра с водой, убирала навоз. За работу вместе с дядей ей тоже давали обед.

В 1937 году на Украине появился хлеб, собрали хороший урожай зерновых. Жизнь на селе немного улучшилась, дети пошли в школу. Бабушка любила ходить в школу. На русском языке преподавали литературу, грамматику и русский. На украинском языке — грамматику, литературу и сам язык. В пятом классе ввели немецкий язык. Седьмой класс не окончила, отец забрал работать в колхоз, не дав окончить школу из-за того, что была большая семья.

Бабушка рассказывает: «У меня шесть полных классов. В колхозе работала на лошадях. Пахали, сеяли хлеб, потом убирали. Работать в колхозе было очень тяжело. Таскали на себе плуги, бороны. Лошади, пережившие голод, были очень слабыми. Осенью вручную выдирали колосья, вязали пучки, складывали в снопы. Затем также вручную молотили зерно. С раннего утра до позднего вечера работали в поле. Спать некогда было. Также сеяли и убирали пшено. Когда я стала работать, в доме появилась дополнительная еда. Отцу одному тяжело было бы прокормить большую семью. Работала так до 1941 года».

К началу войны бабушкина семья пополнилась еще двумя родившимися детьми: Ваней, 1936 года рождения и последней, Машей, самой маленькой, родившейся 22 июня 1941 года.

Когда началась война, русские и немецкие самолеты сражались прямо над деревней. Бабушка вспоминает: «Помню жуткий рев, грохот, удары. С неба падали горящие самолеты. Ужас и страх оковал всех. Люди бегали по деревне, не зная, где укрыться от взрывов, летящих пуль и осколков от снарядов. Мы забились под кусты в канаву. Все испуганные, с помертвевшими лицами. Пустые патроны были везде: в саду, в огороде, на дороге. Свинцовый дождь сыпался с неба. Страшно было. В этот день сестренка родилась. Мачеха во время бомбежки оставила ее дома, на печке. Когда моя бабушка увидела, что мачеха не взяла только что родившуюся сестренку, она выпрыгнула из канавы и, прикрываясь пуховой подушкой, забежала в дом, взяла с печки сестренку и вместе с ней побежала обратно. Немцы

пришли в деревню перед обедом. Мачеха печку топила, хлеб готовила. Немецкие машины тогда весь наш сад заняли, а он большой был. Тут же нашу корову зарезали. По-хозяйски расположились в доме».

Часто бабушка прерывает рассказ и надолго замолкает. Я чувствую, что ей очень тяжело, и перевожу разговор на другую тему. Мы попьем чаю, расскажу ей о своих школьных делах, успокою. Иногда она сама зовет меня.

Прошу ее рассказать о своем отце. «Мой отец был председателем колхоза. В первый же день войны с пятью мужчинами из колхоза собрали стадо породистых коров и по приказу “сверху” погнали их в Казахстан, через Калмыкию. В колхозе было 138 элитных коров. В дорогу дали одну лошадь с телегой, в которую были погружены продукты. Стадо гнали пешком. По пути встречались ручьи, реки, их нужно было преодолевать. Мужчины, сопровождавшие коров, делали плоты. Делали много остановок. Выбившихся из сил коров, которые не могли идти дальше, забивали на месте. Мясо употребляли в пищу и, сколько можно было, брали с собой в дорогу. Было много бродячего скота по всем разоренным деревням, поэтому число коров не уменьшалось. Бродячий скот сам прибивался к стаду. Пока подошли к границе Казахстана, началась зима. Наступили лютые морозы с ветром. Коровы плакали от резкого режущего ветра, слезы замерзали в глазах. Тяжело и невыносимо было смотреть на мучившихся животных. Но приказ есть приказ. Мужчины были обязаны доставить 138 коров, и они их доставили. Поход длился год, с июня 1941 по июнь 1942.

Когда армия пошла на запад, отец присоединился к нашим войскам. Там его и взяли на фронт. Так как ему было 55 лет, он был мобилизован на железную дорогу, доставлял боеприпасы и военную технику на фронт. Конец войны он встретил в Вене. И только в августе 1945 года смог вернуться домой».

А сейчас я расскажу о своем дедушке. Моего дедушку звали Леонид Григорьевич Огородников. В армию он был призван в 1939 году. Служил в действующей армии в Молдавии. В мае 1941 года дедушка должен был вернуться со службы, но так как приближалась война и все об этом знали, его не демобилизовали.

3 октября 1941 года дедушка был ранен в плечо. Когда его часть вывозили на поезде в тыл, эшелон попал под бомбежку

Бабушка (в центре)
со своими сестрами

Прадедушка Г. П. Пашенко
(справа)

Юлия (автор) с бабушкой А. Г. Огородниковой

Дедушка Л. Г. Огородников (справа)

Дедушка Л. Г. Огородников

Бабушка
с дочерью Марией

Семья Огородниковых

немецких самолетов. Эшелон был разбит. Раненые солдаты попали в плен. Всех пленных согнали в Запорожье. Разместить военнопленных было негде. Немцы, которые их охраняли, решили семьям из города Запорожья забрать своих родственников из состава пленных. Одна из местных женщин пожалела моего дедушку и спасла его, взяв под именем своего пропавшего в первые дни войны сына и дав ему фамилию Ковалев. Так эта благородная женщина спасла совсем чужого для нее паренька. Она заботилась о нем, как о собственном сыне. В Запорожье начался голод, и она отправила моего дедушку к своей сестре, в хутор Князевка, где проживала бабушкина семья. Списки на отправку в Германию были огромные. Все отмечались в комендатуре каждый день. Там, на пересыльном пункте, и познакомились мои дедушка и бабушка. Стали сгонять молодежь из близлежащих хуторов в Запорожье. Город гудел как улей. Всех, кого вызвали, построили в колонны. Охрана с двух сторон с собаками. На повозки можно было положить вещи и еду, которые взяли из дома. Погнали до станции Глобино, что была в 50 км от хутора. Было очень тяжело на душе. Прощались навсегда с родственниками. В Глобино согнали, казалось, всю Украину. Уже знали, что увезут в Германию. Эшелоны уходили на Запад ежедневно.

Итак, 11 ноября 1942 года их погрузили в вагоны и повезли в Германию.

«Ехали до Германии мы долго, — вспоминает бабушка. — Дорога была очень тяжелая. Кушали только то, что успели взять из дома. Прицепов было много: в некоторых тоже сидели люди, другие везли боеприпасы, третьи — военных. Помню только, что в Польше долго стояли. Несколько раз в баню водили: сначала спускали холодную воду, а потом кипяток. Больно было, кожа огнем пылала. Потом нас отправили в город Франкфурт-на-Майне, в Германию. Там распределяли нас. Помню, что зал большой был, туда приехали хозяева разных заводов и фабрик — те, которым нужна была рабочая сила. Вот они ходили и разбирали людей, как товар оценивали. Вот так я оказалась в Фульде».

Гитлер готовился к войне много лет. На немецких территориях уже были построены военные заводы. На эти заводы требовались сильные, здоровые люди. Поэтому людей из деревень и городов собирали большими группами и отправляли работать

на немецкую армию. Вся Западная Европа начала работать на одно государство.

«Эмальверк», ул. Петерсбергерштрассе, 19, город Фульда, Германия. Я никогда не забуду этот адрес, — продолжает воспоминания бабушка. — Фабрика была большая. Фабрикой по производству эмалированной посуды она называлась для отвода глаз. Это был полностью специализированный военный завод. Всю территорию завода окружала каменная стена высотой около двух метров, обтянутая сверху колючей проволокой, и шириной около тридцати сантиметров. Сначала мы даже не знали, что делаем военную продукцию. Болванки, действительно, были похожи на кастрюли. Эта работа была тяжелая, хоть основную часть и делали мужчины и техника. Мы, женщины, таскали горячие неподъемные болванки, обжигались у конвейера и дышали тяжелым угарным воздухом. Носили болванки в сортировочный цех. Переводили из цеха в цех. Как-то я попала в цех по сбору самолетов. Там было легче. Мы собирали скелет самолета из маленьких и тоненьких пластинок, делали всё по деталькам. А может, это были и не самолеты, а бомбы. Мы не знали, что мы делаем. Все время, начиная с того, как нас на завод пригнали, шла бомбежка. Американцы бомбили не только город Фульду, но и всю территорию вокруг него. Территория на военном заводе была исковеркана от бомб, были разрушены здания, цеха. Нас отправляли в бомбоубежища, а на следующий день приходилось снова идти работать. После каждой бомбежки восстанавливали жилье. Мы, русские, жили в трехэтажном здании — это был бывший склад по хранению посуды. На первом этаже — столовая, душ, прачечная. На втором этаже жили семьи, на третьем жили одиночки. Сначала я жила на третьем этаже».

Но молодость берет свое. Познакомившись в Князевке, мои дедушка и бабушка поддерживали свои отношения в Германии, позже они создали семью. Им выделили отдельную небольшую комнатку. Вот что рассказывает бабушка: «Стояли две кровати, небольшой столик, две маленькие скамейки и шкафчик. Создавать семьи не запрещалось. Военнопленные французы жили в бараках. Точно не помню, может, в двух или в трех. Военнопленных было очень много. Там были и бельгийцы, и украинцы, и французы, и латвийцы, и чехи, были все. Очень много народу было, больше 6 тысяч человек работало. Там за нами велся

учет, кто поранился, кто заболел, кто умер. Имен у нас не было. Бирка с номером на платье, и всё. У меня был номер 68, а у мужа моего — 61. Нам их дали, как мы в списке перечислительном были в Украине, в Запорожье. Сначала мы ходили в одежде, в чем из дома вышли, позже нам выдали черные платья, нижнее белье для мужчин и для женщин. За нашей работой следили два начальника. Один был строгий, его боялись абсолютно все. А второй был маленький добряк, мы его звали Шунапсан. Бывало, немки сидят, ножкой стучат, а сами вяжут или вышивают. Первый шеф придет, прикрикнет и ударит железкой об железку, все сразу работать начинали. Нас особо не наказывали. Рабочий день начинался в 7 утра и заканчивался в 5 вечера. Работали небольшими группами. В моей команде было 5 человек: я, Миля Комар, Мария (фамилию не помню), мастер и немец. Этой командой мы постоянно работали. Немки на работу приезжали на велосипедах. Внутри территории у входа была велосипедная стоянка. Вход на территорию завода охранялся с четырех сторон. На каждом углу была вышка, там солдаты стояли с оружием. И у входных ворот тоже охрана. Через завод проходили две колеи железной дороги, чтобы продукцию вывозить, завозить груз и необходимый для работы материал. Ворота большие были; когда поезд с вагонами въезжал или выезжал, они открывались и тут же закрывались автоматически. Так как у нас был военный объект, везде была усиленная охрана. Немецкая свастика находилась в центре территории. За работу нам платили от 7 до 8 марок. Нам разрешалось выходить за пределы завода, в городе мы могли сходить в пекарню, в магазин, купить, что нам нужно. Ежедневно по радио шли новости, что русская армия отступает, что множество городов захвачены немцами: Смоленск, Киев, Чернигов, Львов. Слушали каждый день. Так они хотели сломить наш дух, чтоб мы были безвольными куклами. Больно было это слышать, мы все переживали за нашу Родину. А после 1943 года радио перестало работать. Из уст в уста передавали, что русская армия разгромила немцев под Смоленском, в Сталинграде, в Севастополе. Нам разрешали писать домой. Эти письма мы называли посткартками. На ней можно было написать не больше 25 строчек. Цензура проверяла всё, так что ничего, в общем-то, и нельзя было написать. Писали, что живы и здоровы. Потом на них же нам отвечали из дома. Я до сих пор сожалею, что всё это оставила на Украине».

Бабушка продолжает: «Условия труда были тяжелыми. Но когда я забеременела, меня на легкий труд перевели и увеличили паек. Кормили два раза — обед и вечер. Утром только ячменный кофе. Но мы могли прийти в столовую и приготовить себе что-нибудь. За 14 дней до родов меня отпустили, родила я в больнице и под наркозом. В 1943 году родилась первая дочь Мария. Мне дали отпуск — 6 недель. На Марию мне выдавали продукты: 1 л молока, 250 г сахара, 260 г пшена на неделю. Когда маленьким исполнялось по годику, давали сушеные сухарики. Утром мы уводили детей в комнатку, там было 6 маленьких ребятишек. И наша девушка за ними ухаживала. Вечером семьи забирали ребятишек. Каждое утро шеф приходил и смотрел в комнате температуру, и не дай Бог она была выше 27 градусов. Покричит на девушку, откроет окно и скажет: “Детям свежий воздух нужен”. Потом ко мне пришли немочки из нашей бригады во главе с Анной Шварц (Черная Анна). Они принесли мне столько всего! И одежды, и колясочку, и копченого мяса, и молока, в общем, хорошие были девушки. Они хотели посмотреть русского ребенка, так как у них была пропаганда... Я им показала Машеньку, а они ответили: “Совсем что немецкое дитё”. После отпуска я вышла на работу, а в бригаде — новые. Кого-то увезли. Кто-то умер. Постоянно привозили новую рабочую силу.

Город Фульда был застроен полностью военными заводами. Если только на нашем заводе работало 6 тысяч пленных, то сколько их было в городе? Когда выходили за территорию завода за покупками в город, то по улице видны были огромной высоты заборы с двух сторон улиц. Напротив нашего завода был еще один — “Гумильверк”. Там наказывали за любую провинность: на воду сажали, сильно избивали, лишали обеда, унижали, заставляли работать на каторжных работах».

Бабушка замолкает. Мерно тикают высокие часы, я не решаюсь нарушить эту тяжелую тишину. Позже бабушка скажет, что 1 апреля 1945 года завод заняли американцы, а пленных рабочих разместили по уцелевшим после бомбежки казармам. Их начали отправлять на родину. Дедушку и бабушку отправили в город Бреслау. Там они проходили советскую государственную проверку на компрометирующий материал. Согласно документам, бабушка выехала из Германии с дочерью Машей. Однако в свидетельстве о рождении почему-то написано, что родилась Мария в Кировской области.

После этой проверки дедушку отправили служить обратно в Германию, в войска Советской Армии, которые там находились. Бабушка с дочерью отправились к нему. Они жили в военном городке Штецене, на берегу реки Эльбы. Бабушка помогала убирать в казармах. Дед был демобилизован только в октябре 1945 года, и они вместе вернулись на Украину.

Ком подступил к горлу бабушки, когда она увидела деревушку, в которой провела детство. Всё было разрушено. Не было ни домов, ни скотины, многие люди жили в землянках. Всё выжжено, одна земля осталась. Пришлось заново восстанавливать деревню, которую война стерла с лица земли. Восстанавливали дома, огороды, поднимали заново колхоз. Так как дом был разрушен, семья бабушки жила в сарае, потому что построить дом зимой большая проблема. В 1945 году 28 ноября в семье родилась еще одна девочка — Оля. Из-за таких жизненных условий Ольга заболела и 23 февраля 1946 года умерла. Мария тоже заболела, но ее смогли выводить. После тяжелой зимы был заново отстроен дом. На Украине они прожили до осени 1946-го.

В 1946 году дедушка с бабушкой расписались, зарегистрировали брак в Советском Союзе. Дедушка был русским, и он настоял на том, чтобы из Украины семья переехала в Россию. В том же году семья переехала в деревню дедушки — в Немировщину Кировской области. Дедушка устроился на работу в колхоз. Там он проработал до 1948 года. Работы было много и очень тяжелой. Государство весь хлеб забирало себе. Как сказала бабушка: «Было холодно, голодно, ходили раздетыми (в плохой одежде). Одним словом — работали задаром».

В 1949 году деда отправили в леспромхоз, в поселок Пиляндыш Кировской области, на заготовку древесины. Остался там зарабатывать деньги. Так как их семья ушла из колхоза, их лишили земельного участка. Бабушка рассказывает: «Позже, в 1961 году, переехали в Томск, где муж стал работать на железной дороге. Я тоже стала работать на железнодорожных путях. В бригаде было много мужчин. Зарботки на железной дороге маленькие. Автовремя в Сибири открывались леспромхозы, появлялись новые поселки лесозаготовителей. Осенью 1963 года мы переехали в Новоазимово. Здесь было много ссыльных, кто за что. Решили, что уже никуда уезжать не будем. Мы думали, что здесь нам будет легче жить. Но даже здесь, казалось бы, в тихой и уютной деревне, нас приняли в штыки, по-

тому что мы во время войны работали на немецкой фабрике, потому что мы создавали для чужой армии оружие. Да как же так можно было подумать! Ведь мы не по своей воле! Нас туда силой угнали!»

Незатихающая бабушкина боль в очередной раз вылилась наружу. Обида на государство, которое не может защитить своих граждан. Обида на жизнь, прожитую в лишениях.

«В восьмидесятих годах прошлого века мы узнали, что Германия выплачивает деньги за принесенный моральный ущерб. Я хотела написать запрос, положена ли нам компенсация, но муж строго настрого запретил. Сказал: “Мало ли мы натерпелись?”

Позже, когда муж умер, я всё-таки решилась и написала. Ответ пришел положительный».

Может показаться, что в плену бабушке и дедушке жилось не так ужасно, но это только на первый взгляд. Просто человеческая память избирательна, она забывает самые страшные моменты в жизни. Остаются воспоминания о простых немецких людях, которые помогали нашим пленным. Но всё равно, по словам бабушки, она до сих пор не может слышать даже в кинофильмах немецкую речь — так ей это больно.

обыкновенная биография

«Жизнь была типична,
трагична и прекрасна»
(Из биографии
Ирины Андреевны Дубровиной)

Диана Вишнякова, Анастасия Попова,
Валентина Сватковская
школа № 17, г. Котлас, Архангельская область
научный руководитель Милитина Владимировна
Клапюк

ДОВОЕННОЕ ДЕТСТВО В СТАЛИНГРАДЕ

Ирина Андреевна Дубровина (Матвеева) родилась 3 ноября 1928 года в городе Сталинграде, в семье учителя Андрея Федоровича Матвеева. Выходец из крестьянского сословия, отец имел два образования. Первое образование он получил еще до революции, в 1911 году закончил Петрозаводскую учительскую семинарию. В 1935 году, будучи уже семейным человеком, он заочно окончил институт в Москве. Работал преподавателем экономики в Сталинградском торговом техникуме. Андрей Федорович был человеком широкого круга интересов: занимался спортом, любил литературу, интересовался политикой. В 20-е годы был лектором, считался специалистом в вопросах сельскохозяйственной кооперации, читал крестьянам лекции на тему «Как культурно вести сельское хозяйство». Участвовал в велосипедном пробеге от Сталинграда до Сочи в 1935 году. В пробеге участвовало 4 человека, их задача заключалась в том, чтобы преодолеть дистанцию от Сталинграда до Сочи и обратно. В селах по пути велопробега их встречали торжественно. Женится Андрей Федорович в 1919 году на Марии Александровне Трескиной, также имевшей педагогическое образование. У них родилось трое детей. Первая дочь родилась в 1921 году, но она умерла в младенчестве. Вторая дочь Лидия родилась в 1924 году, третьей дочерью была Ирина Андреевна. Отец любил в свободное время заниматься детьми. Ирина Андреевна вспоминает: «Посадит на колени и читает стихи Пушкина».

Что запомнила Ирина Андреевна из своего раннего детства? Голод 1932–1933 годов. Нашей рассказчице было тогда четыре года. Эти страшные события она помнит больше по рассказам матери. Мы удивились: «Разве в Сталинграде был голод? Ведь

для города это было время индустриализации, когда средства из деревни перекачивались в города. Вот в сельской местности был смертельный голод!» Ирина Андреевна объясняет: «В столичных городах, Москве и Ленинграде, голода не было — по сравнению с деревнями и другими городами. В Сталинграде было голодно. Папа в 1931 году поступил учиться на заочное отделение Московского института. Когда он уезжал в Москву на сессию, то посылал нам оттуда посылки: сухари, муку, крупы, за их счет семья могла как-то прокормиться». Набор продуктов, которые глава семьи отправляет в Сталинград, говорит о многом. Это не гостинцы для детей. Это продукты, необходимые для утоления голода. Мария Александровна рассказывала дочерям, что, чтобы сохранить здоровье детей, как-то их накормить, оба родителя голодали, буквально отдавали девочкам свой кусок хлеба.

Несмотря на жизненные трудности, от раннего детства у Ирины Андреевны остались теплые воспоминания. Отец много работал. Летом по воскресеньям, на речном трамвае всей семьей ездили за Волгу отдыхать. Андрей Федорович брал с собой велосипед и нагружал его всем необходимым для отдыха. Останавливались у неглубокого озера возле дубовой рощи. Там они проводили целый день, а к вечеру отправлялись в обратный путь.

Какой еще отдых летом могла позволить себе советская семья, проживающая в городе, в предвоенное десятилетие? Сейчас никого не удивишь поездкой в другие страны или отдыхом в южных курортных городах нашей страны. Из книг детского писателя Аркадия Гайдара «Голубая чашка», «Тимур и его команда» мы знаем о том времени, что на лето дети обычно из города перемещались на дачи. Но и дач у большинства простых советских граждан тогда не было.

В первый класс Ирина Андреевна пошла в 1936 году. Учиться ей было легко. Она к первому классу уже хорошо читала. С чи-стописанием помогал отец. Он всячески поддерживал перво-классницу, сидел с ней за письмом. Хвалил: «Молодец! А еще лучше сможешь?» И девочка старалась.

Ирина Андреевна с удовольствием вспоминает это время. Мы рассматриваем фотографию ее класса. Она рассказывает, что это были дети врачей, преподавателей, инженеров... Справа от учительницы девочка — это дочка директора Сталинград-

ского тракторного завода. Дети хорошо одеты, имеют ухоженный вид. Ирина Андреевна отмечает, что в классе училось только двое детей из простых рабочих семей.

В 1937 году на уроках зазвучали команды: «Достаньте учебники! Откройте такую-то страницу. Затумуйте портрет. Теперь откройте такую-то страницу. Затумуйте!» Дети брали ручки и затумувывали портреты по приказу учителя. Ирина Андреевна подчеркивает: «Мы ничего не понимали и тумувывали раз за разом».

В 1938 году пришли за отцом. Андрею Федоровичу дали восемь лет. Дочери ничего не понимали, стали спрашивать маму. Было ясно, за что арестовывали других людей, — они «враги народа». Но папа! Он такой честный, порядочный! Какой же он враг? Слова мамы поразили маленькую Ирину: «Наш папа очень хороший. Но говорить об этом никому нельзя. Если узнают, что я говорю, то и меня арестуют». Появился страх.

В 1991 году Ирина Андреевна ездила в Волгоград и познакомилась с делом отца. Он был осужден по 58 статье, часть II, пункт 10, как сам позже говорил, «за разговоры». Свидетели показывали, что Андрей Федорович Дубровин заявлял: «Товары в наших магазинах недостаточно хорошего качества», «Зиновьев и Каменев были соратниками Ленина» и «Повысили зарплаты преподавателям, но не повысили их техничкам». Эти фразы были расценены судом как критика советской власти. За эти три фразы Андрею Дубровину дали восемь лет лагерей.

С арестом отца для семьи начались трудные времена. Многие жены арестованных, если и сами не лишились свободы как члены семьи врага народа, то теряли работу.

Но и в тот страшный период находились добрые люди. Ирина Андреевна рассказывает, что мама до конца жизни с благодарностью вспоминала директора школы № 67 Анну Ивановну Шишкину. Она не стала увольнять маму с работы, а наоборот, старалась в меру своих сил ей помочь. Оставшаяся без мужа, который был основным кормильцем в семье, с двумя детьми на руках, мать вынуждена была часто работать в две смены. Но денег всё равно не хватало. Наша собеседница отмечает не только материальные трудности, она рассказывает: «Я уже в школе себя чувствовала не как прежде. Я уже не из хорошей семьи. Сестра была в девятом классе. От нее требовали, чтобы она отреклась от отца, так как он был арестован. Сестра не отреклась.

Несмотря на это, ее не исключили, потому что она всегда была гордостью школы, отличницей. Сестра закончила эту школу».

Мария Александровна много читала. Ирина Андреевна помнит, что во второй половине 30-х годов вышли детские книжки, в которых рассказывалось о жизни детей в фашистской Германии. Описывались погромы, обыски, аресты, а девочка всё это сравнивала с тем, что ей самой пришлось пережить. Любимой детской книжкой нашей рассказчицы в детстве была «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара. Ирину Матвееву объединяла с героем литературного произведения общая беда — арест отца. Девочка мечтала, что как в книге папу освободят, и он вернется к ним. Но такое могло быть только в книге. Отец отбыл весь положенный срок — восемь лет.

ДЕТСТВО В ВОЕННОМ СТАЛИНГРАДЕ

Начало войны героине нашего рассказа, в тот момент двенадцатилетней девочке, запомнилось еще большим ухудшением положения с продуктами питания. Очень плохо стало с хлебом. Сразу — карточки на хлеб, но его не всегда хватало. Очередь за хлебом занимали очень рано, в пять часов утра. Поскольку мать не могла опаздывать на работу, а сестра, закончив школу, училась в Медицинском институте и одновременно служила в госпитале, то добывать хлеб приходилось именно младшей дочери. Хлеб был основным продуктом питания. Каждый день она отправлялась в пять утра и стояла многочасовую очередь. Ведь если сегодня не отоварить этот талон, завтра он уже не действует. В 1941 году в Сталинграде была организована детская столовая. Детям выдавали специальные талоны для ее посещения, которые можно было использовать несколько дней.

В Сталинграде появилось много военных. Одну из двух комнат квартиры Матвеевых заняли два лейтенанта. К ним была приписана машина с шофером. Ирина Андреевна рассказывает: «Шофер хорошо к нам относился. Иногда привозил нам продукты: крупы, консервы. Однажды привез сахарный песок, но мама чуть не плакала. Использовать его было невозможно, он весь провонял бензином». Проблема с питанием стояла так остро, что детская память сохранила отдельные ситуации, помогавшие приобрести хоть что-то из съестного.

1942 год. Начало Сталинградской битвы. Каким помнит Сталинград Ирина Андреевна сегодня? «Наш город был наводнен войсками. На улицах очень много машин. Появились огромные американские лендроверы. Наши полуторки на их фоне смотрелись, как игрушечные». В литературе мы нашли информацию, что соглашение о поставках в СССР по Ленд-лизу было подписано 11 июня 1942 г., однако фактически поставки начались с ноября 1941 г. и на 31 декабря 1945 г. их стоимость составила свыше 11,1 млрд долларов. По Ленд-лизу из США поступали танки, самолеты, продовольствие и многое другое.

Все школы города были отданы под госпитали. «Мой пятый класс учился в третью смену. Заканчивали поздно, а я далеко жила. Идти темно, страшно», — делится воспоминаниями Ирина Андреевна. Нас, современных школьников, очень впечатляет такое отношение к учебе детей военного времени. Как высоко ценилось образование самими школьниками и их родителями. Учебные занятия продолжались, несмотря на трудности военного времени в прифронтовом городе.

Наша рассказчица очень хорошо помнит налеты на Сталинград немецкой авиации. Каждый день в одиннадцать часов вечера из громкоговорителя несколько раз повторялось: «Граждане, воздушная тревога!» Раздавался вой сирены. Все жители дома выходили во двор, где была вырыта щель. Стояли в ней, пригнув голову. Со временем прятаться перестали, потому что немцы бомбили окраины, где были военные объекты. Жильцы домов, расположенных в центре города, стояли во время налета в подъездах. Надеялись успеть выбежать на улицу, если что-то случится с домом. После часа ночи громкоговорители многократно объявляли отбой воздушной тревоги. Усталые люди возвращались в свои квартиры и спали до утра. Днем налетов не было. Ирина Андреевна помнит сбитый немецкий самолет. Его выставили на главной площади города и все ходили на него посмотреть. Дети лазили по нему.

Летом 1942 года Марию Александровну послали на рытье противотанковых окопов. Младшая дочь была вместе с ней. Девочка, которой не было еще и 14 лет, вместе со взрослыми рыла окопы выше человеческого роста. Никакой техники, только лопаты в руках. Ирина Андреевна до сих пор помнит, за этот труд полагался кусок хлеба и кусок селедки без картошки.

Немцы приближались к городу. Сестра постоянно уговаривала мать уехать из Сталинграда, но та наотрез отказывалась покидать город. Ирина Андреевна помнит, в августе 1942 года сестра, вернувшись из госпиталя, в очередной раз обратилась к матери: «Давай уедем! Раненые уже приходят в госпиталь на своих ногах. Немцы рядом!» Но мать твердо стояла на своем, выполняя наказ отца: «Папа сказал — никуда с этой квартиры. Квартира хорошая, в центре». Можно представить, что стало бы с семьей Матвеевых, если бы они остались в Сталинграде. Их спасло недоверие властей к ним. В августе 1942 года Марии Александровне вручили письмо из НКВД. В нем было написано, что им, как членам семьи врага народа в течение 72 часов надлежит покинуть город Сталинград. НКВД Мария Александровна боялась больше немцев, поэтому она срочно собрала семейный совет: куда ехать? Родных у семьи нигде кроме Москвы и Ленинграда не было. Но Ленинград был в блокаде, в Москву ехать нельзя. Определиться маме помогла любовь к чтению книг. Она вспомнила, что Аксаков описывал в своих произведениях красоты природы Башкирии, поэтому семья решила отправиться именно туда. Все поезда были переполнены, но в Уфу можно было попасть по реке. Туда шли пароходы. Встал вопрос: где достать деньги, их не было даже на билеты. Обратиться за помощью было не к кому. В семье не было не только денег, но и каких-либо ценных вещей. Но сестра нашла способ достать деньги. Она взяла велосипед отца, несколько дорогих красивых книг, отправилась на рынок и всё это продала.

19 августа, собрав вещи, семья заняла очередь к кассе за билетами на берегу Волги. Очередь была огромная, поэтому пришлось трое суток стоять в очереди и спать на узлах там же. Пароходы уходили, а семья Матвеевых ждала своей очереди. За это время сестра успела сходить посмотреть их бывшую квартиру. Вернувшись, сказала, что в их квартиру из своей однокомнатной въехали соседи, уже моют окна. Наконец-то на третьи сутки ожидания, 21 августа 1942 года, семья получила билеты на пароход. Ирина Андреевна хорошо помнит этот день. Семья, наконец-то, погрузилась на пароход. Он был забит пассажирами. Матвеевы разместились на палубе, точнее, на металлических плитах, прикрывающих машинное отделение.

Уже находясь в пути, Матвеевы узнали, что 23 августа начались массированные налеты на Сталинград немецкой авиации.

В ожесточенной бомбардировке с воздуха приняло участие до двух тысяч немецких самолетов. Город был превращен в руины.

В ЭВАКУАЦИИ

Ехали по Волге. Поднялись выше Саратова. Это был тыл. Ирина Андреевна запомнила, что уже не было затемнения, к которому она привыкла еще в Сталинграде. А мама, когда пароход делал остановки в городах, бегала в отдел образования, чтобы узнать: нельзя ли тут закрепиться и получить работу? Но ей везде отказывали, так как повсюду было много беженцев, и все места были заняты еще в 41 году. Поэтому семья плыла всё дальше и дальше. Так они добрались до устья Камы и пересели на другой пароход. Мама продолжала безуспешные попытки найти работу, но мест нигде не было. Из Камы перебрались в реку Белую уже на другом пароходе. Места достались снова на палубе. Было уже холодно. К октябрю добрались до Уфы. Мама сказала, что дальше ехать некуда, мы останемся здесь. Она пошла в отдел образования. В стране уже знали о Сталинградской битве, и, к счастью, их как беженцев из Сталинграда пожалел один чиновник. Он нашел Марии Александровне место в начальной школе в деревне Устиновка. Старшая сестра Лидия осталась в Уфе. Здесь был медицинский институт. Ей предоставили место в общежитии, и она продолжила учебу. Мария Александровна с младшей дочерью отправились в деревню Устиновку Архангельского района Башкирии.

Деревня оказалась русская. Поместили их в избу к крестьянам, где жили старик и старуха, их невестка и двое ее маленьких ребятишек. Сын стариков был на фронте. Изба была большая, но всего одна комната. Все в ней и жили. На печке спали бабушка и дедушка, под печкой стояла большая кровать, где спала невестка со своими двумя детьми. Из мебели в комнате были еще стол и две лавки. Ирина Андреевна с мамой спали на полатах, на старых полушубках. Ирина Андреевна воскликнула: «Вот где вшей-то было! Никакая борьба с ними не помогла. Вши были всех трех видов: в голове, под мышками, в швах одежды... Постельных принадлежностей не было, спали прямо на этих старых полушубках. Избавиться от вшей не могли, хотя мылись каждую неделю в бане». Баня была у хозяев, это и позволяло мыться регулярно. Мылись золой: выгребали ее из печки,

заливали кипятком в чугушке, и она сутки настаивалась, затем воду сливали. Такой мыльный раствор назывался щелок, им и мылись вместо мыла. Девочке пришлось расстаться с длинными волосами, ее постригли наголо.

Поскольку школа в Устиновке была только начальная, Ирине Матвеевой приходилось ходить в школу в соседнее село, которое было в 4 км от деревни. Причем необходимо было перебираться через мелкую речку вброд. Обуви никакой не было и ей выдали лапти. Лапти пропускали воду. Все уроки она сидела с мокрыми ногами, по холоду возвращалась домой. От этого она часто болела. По голове и всему телу пошли страшные чирьи, излечиться от которых было очень трудно: не было ни врачей, ни лекарств. Мама приняла решение: «Посиди дома год». И вместо уроков по программе четырнадцатилетняя Ирина читала «Войну и мир» Льва Толстого и другую классику. Помогала по хозяйству, печь топила, с детьми занималась.

Мария Александровна с младшей дочерью жили голодно, поэтому помочь студентке Лидии мать ничем не могла. Старшая дочь должна была полностью содержать себя сама. Сестра Ирины Андреевны, чтобы выжить, сразу устроилась работать в госпиталь, но ей надо было и учиться. Она нашла выход из положения: днем она училась, а ночью работала медсестрой. Она позже рассказывала родным, что постоянно голодала. Что ее спасло? Человеческая доброта, раненые, за которыми она ухаживала, подкармливали ее. Еще ей помогала соседка, с которой Лидия подружилась. Люди понимали, что девушке неоткуда было ждать помощи. Сами ограниченные в средствах, они в меру своих сил старались помочь голодающему человеку.

Вскоре Марию Александровну перевели в село Архангельское, где была средняя школа. Это было радостное событие. Теперь Ирина Матвеева могла без проблем продолжить учебу. Она снова пошла в 6 класс. Им выделили комнату в небольшом домике и участок земли. Поскольку мать должна была много работать, то забота об огороде полностью легла на плечи девочки. Ирина сама копала землю под овощи, выращивала рассаду, научилась сажать глазками картошку, помидоры.

Всю войну семья не получала вестей об отце. Перед войной он отбывал срок на строительстве БАМа, на лесоповале. С началом войны связь с ним была потеряна. Но девочка верила, что отец жив и готовилась к встрече.

Ирина Матвеева (3-я справа в третьем ряду, одета в матросский костюмчик) заканчивает первый класс. Сталинград, 1937.

Ирина Матвеева (1-й ряд, первая слева) заканчивает 10 класс. С. Архангельское, 1947

Ирина Матвеева заканчивает 5-й класс (справа от учителя). Сталинград, май 1942

Кладбище Кресты в Верхнее-Тоемском районе Архангельской области. Памятник полякам, погибшим в этих местах в 1940 г. Слева направо: Анастасия Попова, Ирина Андреевна Дубровина, Диана Вишнякова, Валентина Сватковская. 22 декабря 2013 года

1945 год принес семье Матвеевых двойную радость. Уже после Победы, они получили долгожданную весточку от отца. Как отмечает Ирина Андреевна: «Это было самое яркое и незабываемое событие, так как на протяжении всей войны никаких известий от отца не приходило». Отец нашел их через сестру Лиду. В городе Бугуруслане был пункт эвакуированных, в нем велся список людей, находящихся в эвакуации. Лида в него внесла сведения о своей семье. Отец по информации из этого списка узнал о том, где они находятся. Дал знать о себе. В годы войны его перебросили в Воркуту. Прошли 8 лет наказания за несуществующую вину. Решили, что жена с дочерью приедут к Андрею Федоровичу в Коми. Но, как не скучал Андрей Федорович по своим родным, он распорядился, чтобы они еще на год остались в Башкирии. Ирине предстоял последний год учебы в средней школе, впереди выпускной класс. Отец, очень серьезно относясь к учебе дочери, не хотел, чтобы переезд повлиял на результаты. Ирина Матвеева получила одну четверку и ей вручили серебряную медаль.

Для Ирины Матвеевой все школьные испытания остались позади. Мария Александровна с дочерью готовятся к отъезду. Мама решается расстаться с последним предметом, представляющим хоть какую-то ценность. Ирина отправилась на рынок и продала мамину швейную машинку «Зингер». Денег хватило на билеты и еще на хлеб. И Матвеевы отправились на встречу с отцом.

Что собой представляла одежда учительницы сельской школы и ее дочери? В 1944 году в школе между самыми бедными поделили подарки союзников. Марии Александровне досталась американская куртка, шерстяная, с молнией (тогда молнию Ирина Андреевна и ее мама увидели впервые). Ткань была зеленая, в елочку. Счастливая обладательница куртки очень дорожила этим подарком союзников, и это понятно, ведь другой нормальной верхней одежды у нее не осталось. Ирине тоже достался подарок — осеннее голубое пальто на бежевой теплой подкладке. Но к 1947 году девушка уже выросла из него. Мама перешла английское пальто на куртку и берет. Когда Ирина получила в подарок пальто, то в кармане она нашла карточку, где было напечатано по-русски: «Русским детям от английских рабочих». Этот пример нам показывает, что союзники оказывали помощь не только оружием, техникой, стратегическими

материалами, но простые граждане этих стран, понимая, какие лишения терпел народ СССР в этой войне, пытались оказать помощь в меру своих возможностей.

Поездка была очень длительная и утомительная. Путь начался в августе 1947 года от Среднего Урала: Стерлитамак — Уфа — через Киров — Котлас — на Воркуту. После войны прошло всего два года, вагонов хороших было мало, в основном места были только сидячие. С собой у них было только два узла: один с пожитками и другой — с хлебом. В 1947 году в стране действовала карточная система, поэтому в дороге купить хлеб Матвеевы не могли. Хлеб в узле предназначался на всю дорогу. Ехали примерно месяц с остановками и пересадками. Огурцы, помидоры и хлеб — это был весь рацион питания Матвеевых в течение этого месяца. Добрались до станции Кожва, в Коми АССР, долго стояли, здесь заканчивалась сданная железная дорога. Через реку было трудно перебраться, так как действовал только временный деревянный мост и переправляли по одному вагону. На другом берегу железнодорожный путь был временный, недостроенный. Поезд от Печоры до Воркуты назывался «рабочий» и ходил нерегулярно. В нем было очень тесно, люди сидели, прижавшись друг к другу, располагались в проходах. Некоторые спали прямо под лавками. Поезд шел очень медленно. Путь, который сегодня занимает шесть часов, в 1947 году Матвеевы преодолели за двое суток. Спали сидя. Во сне Ирина Андреевна почувствовала, что по ее ногам что-то ползает. Она подумала, что это крыса, испугалась и закричала. Но никого не было. Утром оказалось, что мешок разрезан и пропали остатки хлеба и мамина куртка. Повезло, что конец пути был близко. Поезд прибыл на станцию Хановей, где их встречал отец.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Встреча с отцом была волнительной и радостной, потому что они не виделись целых 9 лет. Андрей Федорович привел родных в квартиру, которая показалась им дворцом. Две однокомнатные квартиры были при школе: в одной жила уборщица с детьми, вторую занимала семья Матвеевых. Еще до приезда семьи папа уладил вопрос с трудоустройством жены. Мария Александровна была назначена директором начальной школы. Посмотрев аттестат Ирины Андреевны, ее взяли на работу учи-

тельницей начальных классов. В двух комнатах две учительницы вели сразу по два класса. Это были дети из семей, которые, как и Матвеевы, приехали к своим освободившимся отцам, и дети охранников.

Наша рассказчица отмечает: «Я почувствовала себя как в раю. Я впервые за многие годы наелась. Папины товарищи, которые проживали без семей, радовались за своего друга и помогали нам продуктами».

По совету отца Ирина Андреевна послала документы в Ленинградский университет еще из Башкирии. В письме в село Архангельское Андрей Федорович дает совет дочери-медалистке: не поступать на гуманитарный факультет. «Если станешь юристом или журналистом, то будешь “меченная” в анкете при устройстве на работу», советовал поступать на естественный. Ирина Андреевна подала документы на факультет химии. Но ответ из Ленинградского университета не приходил. Известие о зачислении было получено, когда она уже приступила к работе.

Она перевелась на заочное отделение. Из университета ей присылали контрольные работы, которые она решала и отсылала обратно на проверку. Ирине Андреевне трудно давалась высшая математика, поэтому папа привел своего знакомого, бывшего заключенного — профессора математики Харьковского университета. Профессор читал ей лекции по математике за первый курс.

Сам Андрей Федорович, отбыв 8 лет срока, был поражен в правах на 5 лет. Он не мог выехать на жительство в крупный город, его бы не прописали. Да Андрей Федорович и его друзья и не рвались уехать. Здесь они себя чувствовали в большей безопасности. В стране началась новая волна репрессий. Отец Ирины Андреевны и его друзья понимали, что на новом месте они первыми попадут под послевоенные репрессии. Жизнь показала их правоту. Появилось такое явление как «повторники»: многие бывшие заключенные, уехав из мест отбытия срока, снова попали в лагерь. Андрей Федорович в такой обстановке предпочитал довольствоваться тем, что имел. Будучи заключенным, он работал наблюдателем на метеостанции; когда освободился, стал на ней же заведующим. Жена была рядом с ним. И Андрей Федорович предпочитал судьбу не искушать.

Но дочь должна была получить хорошее образование в Ленинграде. Отец помогал девушке подготовить достойный гардероб для предстоящей жизни в крупном городе. В сравнении

с колхозниками, которые вообще не получали зарплату, на севере семья Матвеевых получала прилично, но купить хорошую одежду, обувь в магазинах было невозможно. Папа доставал хорошую материю через знакомых, через них же искали портниху и шили платье на заказ. А сапожки для дочери Андрей Федорович заказал заключенным на зону. Ирина Андреевна вспоминает: «Получились чудесные сапожки, я таких раньше и не видывала». Семья после перенесенных лишений считала, что теперь они живут хорошо. У молодой учительницы Ирины было одно хорошее шерстяное платье, в котором она работала и ездила на сессию в Ленинград, несколько ситцевых платьев, и девушка была счастлива. Мы осознаем, что понятие о счастье, достатке свое у каждой эпохи. Они, дети военной поры, испытывавшие постоянный голод, раздетые и разутые, по нашим меркам обходились крайним минимумом и были довольны жизнью. Наша рассказчица вспоминает те годы как «жизнь в раю».

1 августа 1949 года Ирина переводится на очное отделение факультета химии в Ленинградском университете. Отец решил, что дочь будет жить у дяди. Дядя после войны переехал в Ленинград, так как его дом в Тихвине сгорел. Ему выделили одну из четырех комнат в квартире. 22 кв. м жилплощади разделили перегородкой на две комнаты. Племянницу Ирину разместили на кушетке во второй комнате. Ирина Андреевна прожила у них 4 года. Андрей Федорович ежемесячно переводил деньги родственнику на содержание дочери.

Дядя имел экономическое образование и работал в конторе под названием «Ленлесдревхимпромсоюз», которая занималась промыслами из древесины. Но, как отмечает Ирина Андреевна, он никогда не касался политических тем. Поэтому юная девушка была удивлена, когда вдруг дядя, читающий газету «Ленинградская правда», произнес: «Знаешь, что я делаю? Я подсчитываю, сколько раз в одном номере упоминается Сталин, сталинское дело, — 200 раз!» Это было только один раз и всё, больше никогда никакой политики. Зная историю, можно догадаться, что думал этот человек. Но страх тогда был частью жизни общества. Держать свои мысли при себе, не делиться ими даже с членами семьи — это была норма жизни большинства. Поэтому дядюшка и говорил на любые темы, кроме политики. Ирина Андреевна отмечает: «Старшие оберегали нас от лишней информации. Так спокойней было жить».

В первый год учебы в Ленинграде в жизни нашей героини произошло событие, которое тогда удивило ее. Нам оно тоже показалось необычным. Ирину Матвееву приняли в комсомол. В школе, когда она, по предложению классного руководителя, как лучшая ученица вместе со всеми пыталась вступить в ВЛКСМ, ее не приняли. Ирина Андреевна рассказывает: «В райкоме задавали вопросы по уставу. Потом всех попросили подождать в коридоре. Вышла классный руководитель и сказала, что приняли всех, кроме меня. Вот я позора нахлебалась. Я редела, хотела быть со всеми. А в университете к ней подошел комсорг группы и задал вопрос, который для Ирины был полной неожиданностью: почему она не вступает в комсомол? Обескураженная девушка стала объяснять свою ситуацию, на что комсорг ей спокойно сказал: «У нас у половины родители сидели. Пиши заявление, примем». Ирину Матвееву не только приняли в комсомол, но энергичная девушка стала комсоргом группы.

Что интересовало студенческую молодежь в послевоенные годы? Как комсорг Ирина Матвеева организовывала диспуты, обсуждали книги, например, роман американского писателя Митчелла Уилсона «Брат мой — враг мой». Студенты любили посещать Кировский театр, дорогие билеты можно было купить на галерку рядом со сценой за 2 рубля — и их в стареньких платящих там никто не видел. Любили повеселиться, устраивали студенческие вечеринки, для них готовили развлекательную программу. Ирина Андреевна отмечает: алкоголь был, но чисто символично. Собирали деньги и покупали одну бутылку вина на 15 человек. Деньги предпочитали потратить на лакомства. «У нас тогда не было разговоров и об одежде. Кроме платья, сшитого еще на севере, я все годы ходила в одной шерстяной кофточке, которую купила, выстояв огромную очередь. Было много фронтовиков, они донашивали военную форму. Большинство студентов одевались очень скромно. Лучше одевались девочки из ленинградских семей, за счет того что перешивали старые довоенные наряды».

1953 ГОД

Умер Сталин. В Ленинградском университете переполох, вспоминает Ирина Андреевна, многие студенты кинулись на вокзал, хотят ехать в Москву попрощаться со Сталиным. Верну-

лись назад, билетов уже нет. В университете была организована акция: студенты и преподаватели собрались в большой аудитории, на столе — приемник. Передавали выступление Берии, Хрущева, Маленкова с похорон Сталина. Многие преподаватели и студенты плачут, платочками утираются. Ирина Матвеева заглянула в аудиторию, убедилась, что та битком набита, и тихонько ушла.

В этом же году закончился студенческий период в жизни Ирины Андреевны. Распределительная комиссия начала работать в феврале. Каждый выпускник обязан вернуть долг государству, отработать три года в том месте, куда его направит эта комиссия. Ирина Матвеева выбрала Азово-Черноморский научно-исследовательский институт. Выпускница написала туда письмо, дала информацию о своих успехах. Ответ пришел быстро: «Вы нам подходите». Но к окончательному распределению в комиссии лежал отказ. Ее не брали и в этот провинциальный институт. Свою роль сыграла анкета. В ней была графа — репрессированные родственники. Ирина спрашивает дядю: «Может, не писать, что отец сидел?» Но дядя категорически заявил, чтобы племянница писала правду. Он объясняет: «Будут проверять, тебя обвинят, что ты обманула партию и правительство, отправят в лагерь». Комиссия принимает решение направить Ирину в Чеченскую республику учителем средней школы. Ирина Матвеева попросила комиссию ответить на вопрос: кто еще распределен из сокурсников в школу? Прозвучал ряд фамилий. Это были еврейские фамилии.

1953 год — дело врачей. Репрессии были направлены против врачей-евреев, общее направление политики было пропитано антисемитизмом. Ирина Андреевна была очень возмущена несправедливостью, и ей не хотелось ехать. В Грозном в отделе образования ее направили в ногайское село Черные пески, в семилетнюю школу, преподавать химию и все естественные науки. Ирина Андреевна отказалась и пошла в районный профсоюзный комитет. Там ей разъяснили, что она имеет право на перераспределение, так как ей не могут предоставить работу по специальности. В отделе образования она получила открепительный и поехала в Москву на перераспределение в Министерство просвещения. В Москве предложили Котлас. Ирина обрадовалась этому предложению, Котлас находится на пути к Воркуте, где жили родители. Она дает телеграмму в Котлас:

есть ли полная нагрузка? Пришел быстро ответ: приезжайте, обеспечим. Так решилась судьба Ирины Матвеевой, и она оказалась в Котласе.

МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ

В Котласе на вокзале Ирину Андреевну встречала заведующая гороно (городским отделом народного образования). В городе не было учителя химии в двух крупнейших школах. А тут выпускница Ленинградского университета! Заведующая предложила выбрать работу в любой из них. Всё обдумав, Ирина Матвеева выбирает третью школу, потому что там ей предоставлялась комната для проживания.

Директор школы поселила Ирину Андреевну вместе с молодой учительницей физкультуры в бывшую пионерскую комнату. Ирина была рада: не надо было зависеть от хозяев. Работать пришлось в три смены. Первая и вторая смена — в средней школе № 3, третья смена — вечерняя школа. Сразу же дали классное руководство, заведование химической лабораторией, молодая учительница с энтузиазмом ведет кружок химии. Рабочий день порой длится с 8 ч. утра до 11 вечера. Несмотря на большую нагрузку, работа молодой учительнице нравилась. Да и зарплата казалась Ирине Андреевне хорошей. Но на работу уходило практически всё время. Поэтому питалась в столовой. Выросшей в бедности непритворливой девушке городская столовая нравилась: при ее зарплате это было недорого и сытно. Данный пример из жизни нашей героини показывает, насколько низкой была зарплата учителя. Чтобы нормально себя обеспечить, надо было работать в три смены. Ирина Андреевна тогда могла себе это позволить, у нее не было семьи, она была молода и здорова и могла выдержать такую нагрузку. В комнате условий для готовки не было. Отопление печное, дровами. Печь в комнату выходила щитком, было тепло, но плиты, чтобы готовить еду, не было. Купили электрическую плитку: вскипятить чай, разогреть еду. Воду носили из колодца. Умывались в комнате над тазиком. Мылись в общей бане.

Одинокая жизнь длилась недолго. В 1953 году Ирина Матвеева знакомится с моряком — красавцем, только что демобилизованным с Северного флота, отслужил пять лет на Баренцевом море. Ближе к весне пошли разговоры о замужестве. Но

у жениха было только среднее образования. Молодые вместе принялись строить планы, решили, что Вадим поступит в железнодорожный техникум. Факт, что за плечами девушки был университет, а он окончил десятилетку, парня не смутил. «Да я еще догоню и перегоню тебя», — сказал он тогда своей избраннице. Молодым людям предстояла долгая разлука. Вадим приезжал только на каникулы. Разлука укрепила молодых в решимости заключить брак, создать семью. Ирина счастлива, она ждет ребенка.

В апреле 1955 года случилось счастливое событие, родился сын Сережа. Муж Вадим был далеко, поэтому заботу о дочери взяла на себя мама. Еще до рождения внука она приехала в Котлас, провожала дочь в больницу. Автобусы в городе еще не ходили, такси не было. В роддом пробирались по улицам, сплошь затопленным грязью.

Молодой маме приходилось много работать. Муж учился, содержать семью приходилось ей. В 1955 году она на полставки начинает работать в заочном пункте Железнодорожного института. После техникума туда поступил учиться муж, Вадим Дубровин.

КОТЛАСКИЕ БУДНИ

В 1956 году семья Дубровиных из школьной пионерской комнаты переехала в новый каменный дом, где им в четырехкомнатной квартире на втором этаже выделили одну комнату. В квартире проживало три семьи. Одну комнату занимала семейная пара, в двух проживала семья с тремя детьми дошкольного возраста. Отопление было печное, вода — только холодная, канализация. На троих хозяек одна крохотная кухня. Готовили на плите, электрическими плитками пользоваться запрещалось, поэтому каждая семья имела на кухне по две керосинки, чтобы сразу готовить первое и второе. Зная кухню нашей героини, мы не представляем, где здесь можно было разместить шесть керосинок. Чтобы дети не дышали чадом от керосинок, их выгоняли на площадку, одна за детьми наблюдает, другая — за керосинками.

В 1959 году родилась дочка Маша. Муж Ирины Андреевны сначала работал в паровозном депо кочегаром, затем стал помощником машиниста. Приходил с работы очень грязным, приходилось много стирать. Воду для стирки грели на кухне, стира-

ли в корытах в ванной комнате. Несмотря на такое тесное соседство, ссор удавалось избегать, умели договариваться между собой. Так проживало большинство горожан в те годы. Отдельные квартиры получало начальство, партийные и советские руководители. Простые люди жили в коммунальных квартирах. Нам рассказывали, что многие жители Котласа не могли получить и комнату. Они вынуждены были снимать комнаты, углы в частном секторе, их называли «квартирантами». В 1962 году из квартиры выехала многодетная семья. Они получили квартиру на окраине города в деревянном доме, но отдельную. Вторая семья выехала через 10 лет, в 1972 году, когда сын Сережа уже закончил школу. Дубровины стали жить в отдельной квартире. Рассказывая о том периоде своей жизни, Ирина Андреевна сама удивляется: «Как всё успевала? Работала в двух местах, школа и заочный институт. Уход за детьми, за мужем, в очередях в магазинах простаивала по полтора–два часа».

«Муж действительно перегнал меня в карьере, — признается наш информант. — Закончил техникум, институт, стал подниматься по карьерной лестнице. Нашел себя в строительстве. Мужа возили на машине на обед, а я должна была ему вовремя приготовить и детей воспитывать». Она увольняется из школы, работает только на заочном факультете Железнодорожного института. В 1959 году начинает с должности ассистента кафедры химии. В 1964-м переведена на должность старшего преподавателя той же кафедры. В 1973-м ее назначают исполняющим обязанности заведующего Котласским учебно-консультационным пунктом Железнодорожного института. Занятия проходят не только в Котласе. Из Москвы привезли учебный вагон. Это была настоящая химическая лаборатория с лаборантом. Преподаватель Дубровина в этом вагоне ездила по консультационным пунктам по Северной железной дороге.

В 1980 году Ирина Андреевна закончила профессиональную деятельность. О времени между 1980-м и 1987-м она говорит: «Этот период был посвящен внукам и родителям».

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРИНЫ АНДРЕЕВНЫ ДУБРОВИНОЙ

Ирина Андреевна признается в интервью журналисту «Вечернего Котласа», что самая интересная, творческая часть ее

жизни началась, когда она вышла на пенсию. В 1989 году началась деятельность общества «Совесть». В Москве демократическая общественность создает общество «Мемориал». Его деятельность направлена на изучение истории репрессий тоталитарного режима и реабилитацию их жертв. Осенью 1989 г. подобное общество «Совесть» было создано в Архангельске.

Выбрали первое Правление. Оно состояло из семи человек, в их число входила и Ирина Андреевна. Общество сразу же активно заявило о себе. Составили текст листовки к гражданам Котласа и Котласского района с призывом, чтобы они приходили в их организацию, делились воспоминаниями. В 1991 году вышел Закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Общество «Совесть» стало оказывать гражданам консультации по этому закону. На Ирину Андреевну Дубровину Правление возложило эту обязанность — оказывать нуждающимся необходимую юридическую помощь.

На счету Ирины Андреевны более 200 человек, получивших бесплатную юридическую консультацию. Все годы, с момента возникновения «Совести», она собирала воспоминания людей. Она отмечает, что поначалу материалы накапливались очень медленно. Страх прежних лет всё еще оставался. Но обществу «Совесть» удалось собрать богатейший архив. Эти воспоминания Ирина Андреевна хочет сделать доступными для всей общественности. Поэтому она готовит их публикацию, организовала сбор средств на издание книги.

На территории Котласа в микрорайоне Макариха в начале 30-х годов XX века был организован крупнейший лагерь раскулаченных крестьян — спецпереселенцев. На кладбище, которое было расположено рядом с лагерем, покоятся жертвы насильственной колонизации северного края. Поэтому установить памятник жертвам репрессий было решено на Макарихе. Общество «Совесть» организовало сбор средств на создание памятника. В 1995 году, по просьбе Генерального консула Республики Польша в Петербурге З. Новицкого, «Совесть» приняла участие в организационной работе по созданию Польских памятных крестов жертвам политических репрессий на территории Виноградовского и Котласского районов. Торжественное открытие и освящение крестов в Котласе состоялось 17 ноября 1995 году. В Котлас приехал Петербургский консул Здислав Новицкий. От польского правительства он вручил трем участ-

никам «Совести» награду — «Золотую медаль опекуна мест народной памяти». В их числе была Ирина Андреевна.

По рекомендации жителей Котласа общество «Совесть» решило ставить свои памятники жертвам политических репрессий поблизости от Польского креста на кладбище Макариха, где находятся захоронения жертв Котласской пересылки. Кладбище оказалось в черте города и подлежало уничтожению. На его месте планировалось организовать «зеленую зону для культурного отдыха». По инициативе общества «Совесть» на 8-й сессии Котласского городского собрания депутатов первого созыва было принято решение о придании кладбищу Макариха статуса мемориального.

В 1998 году на Макарихе были торжественно открыты два памятника. Первым 31 мая был открыт памятник крестьянам, жертвам насильственной коллективизации села в 30-х годах XX века.

30 октября открыт памятник-триптих. Первая часть триптиха посвящена расстрелянным и замученным в 30-е годы XX века местным священникам. Вторая часть — детям ссыльных. Они первыми погибли на Макарихе. Последняя часть триптиха увековечивает память погибших от политических репрессий на нашей земле иностранных граждан. Оба памятника созданы на средства добровольных пожертвований российских и иностранных граждан и организаций, собранных «Совестью».

* * *

Закончена работа, исследование жизни человека XX века. Трагедия вошла в жизнь нашей героини еще в детстве: арест отца, нищая жизнь дочери репрессированного. Тяжелое военное детство и юность. Типичную жизнь русского интеллигента проживала Ирина Андреевна во времена Хрущева и Брежнева. Делом жизни в последние два десятилетия стало для нее руководство обществом «Совесть». Она считает: «У нас нет права не знать всю правду о репрессиях, о беззаконии. Из долгого небытия воскрешаются надежда, покаяние, милосердие». Много ею сделано для выявления и увековечивания мест захоронения политических жертв сталинского режима. Многим живым людям Ирина Андреевна Дубровина оказала помощь консультациями, помогла узнать о судьбе близких людей. При ее личном актив-

ном участии Макариха признана мемориальным кладбищем. Несмотря на свой солидный возраст, героиня нашего исследования продолжает активную общественную деятельность по сохранению исторической памяти.

«Категорически, и с полной
ответственностью утверждаю...»
(Письма Е. И. Соловьёвой
в органы НКВД)

Екатерина Самкова
гимназия № 44, г. Тверь
научный руководитель Светлана Петровна Сербская

ХОД ЖИЗНИ ВОССТАНАВЛИВАЯ ПО КРУПИЦАМ...

Свидетельство о рождении моей прабабушки Екатерины Ивановны не сохранилось. Зато в нашем домашнем архиве есть небольшой (21х11 см), желтоватого цвета документ — копия актовой записи по церкви села Кова за 1893 год. Согласно этой копии, 12 ноября 1893 года в семье крестьян деревни Мудрово Лихославльского уезда (сегодня Лихославльского района Тверской области) Ивана Павловича Миняева и его жены Ирины Алексеевны, родилась дочь. Так я узнала имена своих далеких предков — прапрабабушки и прапрадедушки.

О родителях Екатерины Ивановны я знаю немного, только из ее показаний на следствии. Они были из крестьян, а в справке на арест моей прабабушки есть добавление: крестьяне-средняки.

Девочку назвали Катюша. О ее рождении в метрической книге этой церкви была сделана запись за № 99. В документе также указывается, что 14 ноября 1893 года, то есть на третий день жизни, девочка была крещена.

В конце XIX века в деревне было начальное училище. Среди немногих документов, сохранившихся в нашей семье, есть один, говорящий о том, что «предъявительница сего, дочь крест. Новоторж. Уезда, Кузовинской вол., дер. Мудрова, Екатерина Иванова Миняева, род. 12 ноября 1893 года, православного вероисповедания, обучавшаяся всем предметам учебного курса начальных училищ, успешно окончила курс учения в Мудровском начальном училище, в чем выдано ей сие свидетельство 1906 года, мая 29 дня». Выделенные слова вписаны чернильной ручкой фиолетового цвета красивым, с завиточками почерком.

По воспоминаниям родственников, Екатерина Ивановна была очень способной, и в 4 классе учительница предложила

свои деньги, чтобы отправить девочку учиться дальше. Возможно, что это и была учительница В. Власова, чья подпись стоит на свидетельстве об окончании начального училища. Екатерина Ивановна окончила Тверскую учительскую школу П. П. Максимовича — это было одно из первых земских учебных заведений, готовящих сельских учительниц. В школе П. П. Максимовича обучались в течение 5 лет. Из показаний на следствии следует, что ее трудовая деятельность началась в 1913 году.

В 1917 году Екатерина вышла замуж за Ивана Михайловича Соловьёва. В 1918-м и 1919-м родились дочери — Валентина и Лидия.

Она учительствовала в разных сельских школах, в 1931–1933 годах работала в Кузовской школе комсомольской молодежи, а в 1933 году семья переехала в город Лихославль. Екатерина Ивановна устроилась в Лихославский педагогический техникум. Ее муж Иван Михайлович Соловьёв преподавал русский и карельский языки здесь же.

15 августа 1938 года дедушка был арестован. Следом, 21 августа, была арестована бабушка.

Дочери Валентина и Лидия в это время были студентками Калининского педагогического института: старшая — математического, младшая — филологического.

ТАМ, ГДЕ СТРАШНО БЫЛО....

Когда в Центре документации новейшей истории (ТЦДНИ, ф. 7849) мне принесли Следственное дело № 15373-с, у меня дрожали руки: а каково же было моей прабабушке в этом ужасе?

Моя бабушка, Лидия Ивановна Самкова, младшая дочь Екатерины Ивановны, в своих воспоминаниях пишет, что ее «маму арестовали в Калининне, когда она была на сессии заочников, потому что училась в Калининском педагогическом институте на отделении русского языка». Екатерину Ивановну вызвали с лекции двое молодых людей без формы и посадили в машину. «Мама была в одном полотняном платье, потому что было очень жаркое лето». Именно такой я ее и увидела на фотографии в Следственном деле: простое полотняное платье, открытый решительный взгляд.

Родные не сразу узнали об ее аресте. Лидия заходила к матери, но не застав ее, подумала, что она где-нибудь на экскурсии

или в театре. Окружающие по-разному отнеслись к аресту: некоторые удивлялись, некоторые жалели. А вот декан литературного факультета сразу восстановил стипендию Валентине, дочери Екатерины Ивановны, когда узнал, что родители арестованы. Студенческая среда принимала их так же, как и раньше: многие жалели, никакого отчуждения не было — все студенты знали и всё понимали. «Мои родители были не первые арестованные», — читаю я в бабушкиных воспоминаниях.

В Калининские девочки ходили в комендатуру, небольшое здание возле управления НКВД, во дворе нынешней медицинской академии, где получали сведения об арестованных. «Народу там — тьма, большие очереди, открывалось окошечко, и оттуда говорили: осужден, под следствием, выслан... Нам с сестрой говорили: “Под следствием”». Бабушка в воспоминаниях пишет, что не помнит точно, когда дочерям сообщили через окошечко в комендатуре, что можно посылать деньги. В тюрьме был лагерь, и в нем было разрешено кое-что покупать.

В декабре 1938 года Лидию Ивановну вызвали в деканат, и секретарь сказала, чтобы она с паспортом в комендатуре получила пропуск в то страшное здание. В комплексе этих зданий располагалось Управление НКВД и внутренняя тюрьма. В пропуске была указана комната на 4 этаже. У входа в здание стоял солдат с винтовкой. Когда Лидия Ивановна подошла, он проверил пропуск, и девушка вошла. Когда подошла к указанной комнате, потихоньку вошла, а оттуда вдруг очень быстро выскочил человек, говоря: «Нельзя, нельзя, подождите». Лидия Ивановна подождала, затем ее впустили. «За столом сидел маленький черненький человечек». Он усадил девушку и сказал, что ее маме разрешена передача и стал перечислять, что нужно привезти. Лидия и Валентина затем всё принесли, а как передавали и кому не помнят.

По письменным воспоминаниям Лидии Ивановны, у Екатерины Ивановны следователем был Хизвер, человек небольшого роста. Я, работая с материалами дела, видела подписи этого человека и читала, как он разговаривал с моей прабабушкой. Моя бабушка пишет, что «маму он не бил, иногда ставил к стенке — стоять, это такое наказание. Мама на него не обижалась». Объяснение такого отношения к ней я услышала от тети Али. Она утверждает, что этому бабушка была обязана жене того самого следователя, который вел допросы. «Прохо-

дя по коридору в сопровождении конвоя, Екатерина Ивановна столкнулась с женой следователя, шедшей по тому же самому коридору. Это была женщины необычайной красоты, и Екатерина Ивановна даже притормозила при встрече. Конвой не посмел даже толкнуть или поторопить задержанную. Некоторое время они смотрели друг на друга. Когда Екатерину Ивановну ввели в кабинет следователя, за ней сразу же зашла его жена и сказала ему тихо несколько слов. После этого он начал допрос, но производил его очень вежливо и не бил Екатерину Ивановну, как других, потому что, по ее рассказам, с допросов все приходило избитые до крови». А вот другой, чужой следователь иногда заходил и орал на нее, угрожал. Она его боялась.

Итак, прямо с лекции Екатерина Ивановна была увезена и арестована. Очень показателен список тех вещей, которые при личном обыске были изъяты у той, кого «вчера» заподозрили в антисоветской деятельности: паспорт, зачетная книжка 370092, сберегательная книжка на сумму 11736 рублей, тетрадей 6 штук с рецензиями по прочитанным книгам, портфель черный, деньги со знаками СССР в сумме 113 рублей 49 копеек.

Только 22 сентября, то есть через 2 месяца, бабушке было предъявлено обвинение. Очень показателен этот заготовленный документ. Он отпечатан на пишущей машинке. Рукой вписано число 1 августа 1938 года в графе «утверждено», а зачитано (объявлено) Екатерине Ивановне оно было 22 сентября, о чем свидетельствует ее собственноручная подпись. В предъявляемом обвинении указывается, что она «достаточно изобличена в принадлежности к карельской буржуазно-националистической шпионско-повстанческой контрреволюционной организации. Руководствуясь ст. 128 УПК постановил: Соловьёву Екатерину Ивановну привлечь в качестве обвиняемой и предъявить ей обвинение, предусмотренное ст. 58 п. 6. 10 и 11 УК РСФСР. Опер. Уполномоченный Хизвер».

В чем же обвинялась Екатерина Ивановна Соловьёва, школьная учительница, руководитель учебной части Лихославльского педагогического техникума?

Согласно Следственному делу, это:

1) Преступная деятельность и причастность к Карельской буржуазно-националистической шпионско-повстанческой организации.

Категорически, и с полной ответственностью утверждаю...

2) Внедрение в школах изучения Карельского языка на финно-латинизированной письменности.

3) Занятия антисоветской деятельностью.

Чтобы доказать антисоветскую деятельность моей прабабушки, по ее делу были привлечены и допрошены ее коллеги.

**Протокол допроса обвиняемого Соколова Сергея Семеновича
(Следственное дело № 15373-с, л. 58)**

Соколов Сергей Семенович 22 сентября 1938 года об ответственности за ложные показания я предупрежден ст. 95 УК мне известна.

Вопрос: Вы знаете Соловьёву Екатерину Ивановну?

Ответ: Да Соловьёву Екатерину Ивановну я знаю как учительницу педагогического училища в гор. Лихославле.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Соловьёвой Екатериной Ивановной?

Ответ: Соловьёву Екатерину Ивановну я знаю еще с детского возраста она проживала со мной в одной волости.

Вопрос: Что Вам известно об антисоветской деятельности Соловьёвой Екатерины Ивановны?

Ответ: Об антисоветской деятельности Соловьёвой Е. И. мне известно следующее: Соловьёва будучи антисоветски настроенной она состояла членом Карельской буржуазно-националистической шпионско-повстанческой организации и проводила антисоветскую-шпионскую и вредительскую деятельность по указаниям этой же организации?

Вопрос: Кто ее завербовал в Карельскую буржуазно-националистическую шпионско-повстанческую организацию?

Ответ: В Карельскую буржуазно-националистическую шпионско-повстанческую организацию Соловьёва Екатерина Ивановна была привлечена ее мужем Соловьёвым Иваном Михайловичем по моему заданию. Последнего я завербовал в 1935 году.

После этого у меня была встреча с Соловьёвой Е. И. где договорились, что она выполняет ряд поручений Карельской буржуазно-националистической шпионско-повстанческой организации. Соловьёва Е. И. дала свое согласие и с этого момента стала принимать активное участие в Карельской буржуазно-националистической шпионско-повстанческой организации.

Вопрос: Какие задания антисоветского характера Вы дали Соловьёвой Екатерине Ивановне?

Ответ: Соловьёвой Екатерине Ивановне я дал задание восхвалять финских буржуазных националистов для этого в Карельских школах внедрять финско-латинизированную письменность и воспитывать в буржуазно-националистическом духе Карельских школьников.

Вопрос: Какие задания антисоветского характера Соловьёва Е. И. выполнила по Вашему заданию?

Ответ: Будучи преподавательницей русского языка в Карельском педучилище Соловьёва Е. И. по моему заданию вела усиленную пропаганду антисоветского характера усиленно рекомендовала изучение финско-латинизированной письменности.

***Протокол допроса обвиняемого Соколова Сергея Семёновича
23 февраля 1939 года (там же, л. 61)***

Вопрос: на допросе 22 сентября 1938 года Вы показали о том, что Соловьёва Екатерина Ивановна является участником антисоветской карельской буржуазно-националистической организации и проводила антисоветскую, вредительскую деятельность. Дайте показания о ее практической антисоветской, вредительской деятельности?

Ответ: Ничего мне, об антисоветской вредительской деятельности Соловьёвой Е. И. не известно. Показания свои 22 сентября 1938 года о том, что она является участником антисоветской, буржуазно-националистической организации и проводила антисоветскую, вредительскую работу, я дал ложно, которые я отрицаю. В них я оговорил Соловьёву Е. И. (Соколов)

Вопрос: Вы ведете себя непоследовательно на следствии, даете ложные показания. Требую от Вас правдивых показаний об антисоветской, вредительской деятельности Соловьёвой Е. И.?

Ответ: Ничего об антисоветской, вредительской деятельности Соловьёвой Е. И. мне не известно. (Соколов)

Вопрос: Выговорите неправду, скрываете антисоветскую принадлежность Соловьёвой Е. И., ее принадлежность к буржуазно-националистической организации, а вместе с тем скрываете и ее антисоветскую, вредительскую деятельность. Следствие требует от Вас правдивых показаний по этому вопросу?

Категорически, и с полной ответственностью утверждаю...

Ответ: Ничего мне неизвестно об принадлежности Соловьёвой Е. И. к антисоветской буржуазно-националистической организации и об ее антисоветской деятельности. Показания записаны с моих слов правильно и мной лично прочитаны. (Сололов)

Протокол допроса обвиняемого Тихонова Александра Васильевича (там же, л. 74)

8 марта 1939 года

Допрос начат в 11 час. 25 м.

Вопрос: На допросе 14 сентября 1938 года Вы показали о том, что Соловьёва Екатерина Ивановна является участницей карельской, буржуазно-националистической организации о чем Вам стало известно от Елесеевой М. И. и от самой Соловьёвой Е. И. Расскажите следствию о всей ее антисоветской деятельности.

Ответ: О принадлежности Соловьёвой Е. И. к карельской буржуазно-националистической организации мне ничего не известно. В своих показаниях от 14 сентября 1938 года я оклеветал Соловьёву Е. И. назвав ее участницей выше названной организации.

Вопрос: Вы знаете Соловьёву Екатерину Ивановну?

Ответ: До своего ареста я работал инспектором Лихославльского Района. Соловьёву Е. И. я знаю как преподавателя Лихославльского педучилища с августа месяца 1935 года. Личной связи с ней не имел. По службе так же сталкиваться с ней не приходилось.

Допросы Е. И. Соловьёвой

Из приведенных протоколов видно, что участие Екатерины Ивановны в антисоветской организации всеми ее коллегами было опровергнуто.

Допросы самой бабушки тоже очень показательны. Она резко и честно отвечала на вопросы следователей. Ни давление, ни попытки запутать бабушку не могли ее сломить. Вот лишь один фрагмент из протокола допроса обвиняемой Соловьёвой Е. И. от 22 октября 1938 года (л. 19 того же Следственного дела).

«Вопрос: Вам предъявлено обвинение предусмотренной ст. 58 п. 6 УК. Следствие требует от Вас по существу правдивых показаний в чем Вы признаете себя виновной?»

Ответ: По существу предъявленному мне обвинения ст. 58 п. 6 я виновной себя не признаю.

Вопрос: В таком случае в чем Вы признаете себя виновной?

Ответ: Повторяю, я не в чем не признаю себя виновной, никакой антисоветской деятельностью я не занималась.

Вопрос: *Вы лжете*, следствие располагает данными о Вашей преступной деятельности и предлагает Вам сознаться (курсив мой — Е. С.).

Ответ: Еще раз заявляю, никакой преступной деятельностью я никогда не занималась и виновной себя не признаю»...

И такие слова в Следственном деле повторяются неоднократно.

221 день провела моя прабабушка в камере внутренней тюрьмы. Согласно копии справки № 20664, выданной Управлением НКВД по Калининской области от 29 марта 1939 года, Соловьёва Екатерина Ивановна «с 21/ VIII. 38 года содержалась под стражей и 29 марта 1939 года из под стражи освобождена в связи с прекращением дела» (Приложение № 14. Справка заверена нотариусом Куриловым В. П. и заверена гербовой печатью).

Екатерину Ивановну выпустили из тюрьмы в марте. Около недели она даже не могла ходить. Жила всё это время у дочери Лидии в комнате общежития. Приехав в Лихославль, зашла домой к квартирантам. Они не платили, поэтому бабушка категорически потребовала, чтобы они освободили помещение, и ушла в деревню Мудрово к родным. Когда квартиру убрали, она вернулась.

По прошествии времени родители мой бабушки — и Екатерина Ивановна, и Иван Михайлович — получили повестки о явке в милицию с паспортом. Испугались очень, опять арестовывают, оделись основательно, на себя натянули по несколько пар белья, потому что намучились после первого ареста. Однако, к счастью, оказалось совсем не то: спрашивали, как относились к ним следователи, гуманно или нет? Екатерина Ивановна ничего плохого не написала, Иван Михайлович написал о жестокости отношении. В записках я обнаружила, что на него «следователь орал: «Знаю, у тебя две дочери. Одна учится, где школа

Категорически, и с полной ответственностью утверждаю...

была Максимовича, а вторая — вот здесь, и указывал в окно». Орал: «Не признаешься, дочек арестуем и сошлем». Действительно, Валентина училась на литфаке, а историки и филологи учились в так называемом 3 здании, где, по воспоминаниям Л. И. Самковой, были допросы.

Екатерину Ивановну позже неоднократно вызывали на суд над тем самым следователем, которого судили за избивание подсудимых. Оказалось, что и слуга режима запросто может оказаться на месте тех, чья судьба находилась в его руках.

СЛОВО В ПОМОЩЬ ОТ РОДНОГО ЧЕЛОВЕКА...

До начала работы я не верила в то, что можно противостоять сталинской репрессивной машине, но после прочтения этого письма убедилась в обратном. Даже появилась гордость за то, как настойчиво бабушка обращается к очень серьезным и страшным людям.

В Следственном деле дедушки я обнаружила бабушкино письмо, в котором она обращается к начальнику управления НКВД. Вот его текст:

Начальнику управления НКВД
от Соловьёвой Е. И.
жены Соловьёва И. М.,
находящегося в тюрьме

Заявление

Прошу Вас рассмотреть дело моего мужа Соловьёва Ивана Михайловича, 33 года работавшего учителем, арестованного 15 августа 1938 года и находящегося до сих пор в Калининской тюрьме. Я тоже была арестована по тому же делу и за прекращением дела была выпущена 29 марта.

И. М. Соловьёва же до сих пор не выпускают, хотя он совершенно ни в чем не виноват. С теми людьми, к которым его причисляют он никогда не имел ничего общего и не сталкивался с ними постольку поскольку он карел, хорошо знает разговорный карельский язык, преподавал этот язык (частично) и был посылаем и командирем своим начальством (сначала завроно), потом директором педучилища в меткабинет (методический кабинет — Е. С.), где совершенно официально давались установки по преподаванию карельского языка. Как человек служащий он был обязан выполнять указания своего начальства. И ходил

он туда не один, а вместе с другими учителями и получал такие же установки, как и все преподаватели...

Категорически, и с полной ответственностью утверждаю, что мой муж, Соловьев Иван Михайлович никогда и никаких, кроме служебных связей не имел с работниками меткабинета и к их группе никакого отношения не имеет. Я прожила со своим мужем 23 года, работали мы на одном поприще и поэтому привыкли всё говорить друг другу, и никогда я никогда не слышала ни одного антисоветского слова. И вдруг человека арестовывают и предъявляют ему такое ужасное обвинение! Просто волосы встают дыбом! И откуда оно взялось? И кто его создал? Я твердо уверена, что те сведения, по которым мы с мужем были арестованы, ложны с начала и до конца. Мой муж — честнейший человек и добросовестный учитель является жертвой злостной клеветы...

Уже через месяц, не получив ответа, бабушка вновь обращается в Управление НКВД СССР. Это 4 тетрадных листочка в клеточку, написанные аккуратным каллиграфическим почерком в защиту мужа и семьи.

В Управление НКВД СССР
от гражданки
Соловьёвой Екатерины Ивановны,
гор. Лихославль,
Калининской области,
Первомайская улица,
Дом № 48

Заявление.

Убедительно прошу Вас внимательно отнестись и поскорее (курсив мой — Е. С.) рассмотреть дело моего мужа, Соловьёва Ивана Михайловича, которое от Областного прокурора гор. Калининна, в конце июня месяца, было направлено в Москву на Особое Совещание. Он привлекается по карельскому делу; с его делом я отчасти знакома, т. к. я сама привлекалась по этому же делу и находилась под следствием 6 месяцев.

Мой муж обвиняется в связи с руководителями Карельского методического кабинета. Конечно, как преподаватель карельского языка в Лихославльском карельском педучилище, он по обязанностям службы должен был время от времени посещать

Категорически, и с полной ответственностью утверждаю...

методический кабинет, где давались установки по преподаванию карельского языка. Личных связей у него ни с одним из работников методкабинета не было.

Следовательно, его главное обвинение заключалось в связи с руководителями методкабинета. Однако, один из главных руководителей методкабинета — его завуч или старший методист Соколов Сер. Сем. 2 августа 39 года был освобожден Калининским военным прокурором.

14/VIII. — 39 г.

Е. Соловьёва

Я удивилась такому храброму поступку прабабушки. Конечно, на такие решительные действия может толкнуть только любовь. Женщина, которая только что сама прошла застенки внутренней тюрьмы и находилась под следствием 6 месяцев, без страха обращается к своим пытателям, апеллирует к логике, требует справедливости. Она не впадает в истерику, она сдержана, достойна и тверда в своих требованиях.

Дедушка находился под стражей с 10 августа 1938 по 4 января 1940 года. Освобожден «в связи прекращением дела». Попытка органов НКВД сфабриковать «Карельское дело» провалилась (см. *Самкова Е.* Он, она и «Карельское дело» // По крупицам: Российские школьники об истории XX века. М.: Мемориал; Новое издательство, 2013).

МЫ О НИХ ВСПОМИНАЕМ...

После освобождения Екатерина Ивановна поступила на работу в торфотехникум, где и проработала несколько лет. В 60 лет вышла на пенсию, но продолжала работать снова в педагогическом техникуме заведующей педагогической практикой. Уже находясь на заслуженном отдыхе, Екатерина Ивановна многим людям пожилого возраста помогала добиваться законной пенсии. Нужны были документы, не все знали, как и где их можно получить. Нередко, защищая кого-нибудь, писала письма в разные властные инстанции. И тон ее писем был тверд и решителен. Многие были ей благодарны за это.

Долгую, трудную, но честную и достойную жизнь прожила моя прабабушка. В возрасте 95 лет в 1989 году она ушла из жизни.

Я не знала Екатерину Ивановну. Работая над исследованием, я собрала о ней воспоминания у родственников. Мой сводный брат Константин намного старше меня, и он рассказал мне о моей прабабушке. Он говорил о том, что наша прабабушка всегда была рада его видеть, очень любила его — конечно, взаимно.

Костя запомнил Екатерину Ивановну крепкой и бодрой. Прабабушка сама копала огород, следила за ним. Ко всем относилась радушно и открыто, даже когда за столом собиралось 15 человек, всегда умела поддержать разговор.

Про страшные месяцы своей жизни она никогда не вспоминала. Об этом много позже расскажет бабушка — Лидия Ивановна. «Екатерина Ивановна и Иван Михайлович были широко образованными людьми. Хотя кончали только средние учебные заведения — учительскую семинарию и школу Максимовича. Они всегда удивлялись общему низкому развитию учителей, окончивших педвузы».

Очень многие учителя начальных школ очень хорошо знали и уважали учителей Соловьёвых, да и они знали почти всех учителей Лихославльского и других районов, потому что многие очно и заочно закончили Лихославльское педучилище. По вопросам заочного образования Екатерина Ивановна ездила в разные районы области для проведения консультаций, но чаще всего в методкабинет Калининского областного института усовершенствования учителей. Супруги выписывали много газет, были в курсе всех политических событий. А Иван Михайлович, если к 2 часам не приходила почта, шел на вокзал и там покупал кучу газет — «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», «Учительскую газету», «Калининскую правду», «За коммунизм». Выписывали журналы — «Огонек», «Семью и школу», «Науку и жизнь», «Науку и религию», «Женский журнал».

Дружная, добропорядочная семья, разделившая со своей страной ее нелегкую судьбу.

Я стою у тверского памятника жертвам политических репрессий. Вот оно — слово, которым можно определить то, что случилось с моими родственниками, — они стали жертвами политических репрессий. Но судьба была к ним благосклонна, они были арестованы, но ни в чем не признались и были освобождены. Я благодарю судьбу за это и кладу цветы к ногам фигуры, стоящей на коленях.

«Муравьиная жизнь»: обыкновенная биография необыкновенного человека Сергея Фомича Гаврилова

Дарья Марьянина

школа № 3, п. Орловский, Ростовская область

научные руководители Лариса Кимовна Гаврилова,

Людмила Михайловна Марьянина

Благодаря учителю истории Орловской школы № 2 Ларисе Кимовне Гавриловой я познакомилась с историей семьи и судьбой Сергея Фомича Гаврилова.

Сергей Фомич был простым малограмотным человеком, но одаренным от природы. Он хотел передать потомкам свой богатый жизненный опыт, уберечь их от ошибок. Дневники и мемуары он начал вести в 1948 году, описывая происходящее и вспоминая прошлое. Получилось несколько общих тетрадей, которые он завещал своим близким. Одну из своих тетрадей Сергей Фомич назвал «Муравьиная жизнь». Что он имел в виду? То, что всю свою жизнь, как муравей, надрывался от работы, чтобы есть досыта? Или то, что был одним из миллионов простых, зависимых от власти людей, которых можно легко уничтожить? Или то, что мог бы принести пользы стране больше, если бы занимался любимым делом, тем, к чему душа лежала, а не суетился всю жизнь в поисках хлеба насущного?

Соглашусь с тем, что Сергей Фомич был великим тружеником всю свою жизнь. А вот с тем, что мог сравнить себя с муравьем — согласиться не могу. Познакомившись с воспоминаниями Сергея Фомича, проанализировав написанное им, я пришла к выводу, что передо мной пример не только человеческой стойкости, но и человеческого достоинства. Никогда ни перед кем он не пресмыкался, на всё, происходящее в стране, имел свою точку зрения.

ДЕТСТВО

Сергей Фомич был одним из семерых детей Фомы и Анны Гавриловых. Родился он во время переезда из казачьей станицы

Майоровской на Верхнем Дону в Сальские степи, где «царь продал земли по 10 копеек за десятину».

«Поселились мы в хуторе Романове, который находится между г. Пролетарском Ростовской области (до революции ст. Великокняжеская) и поселком Орловским. Отец взял 9 десятин. Усадьбой стали на второй улице».

Места эти уже были обжиты калмыками, украинцами, немцами. Было много и казаков. «Село наше с прудом посередине, утопающее в садах, было разделено на три части: центр — казаки, кутуй с хохлами, и немецкая слобода. И всегда враждовали они меж собой».

Яркое воспоминание оставила в памяти маленького Сережи поездка с матерью в станицу Черкасскую в военный лагерь, где каждый год проходил службу отец. «Батя был полковым трубачом. Мама говорила мне: “Слухай, как у бати труба выговаривает: “Бери ложку, бери бак, хлеба нету, кушай так!”»

Сергей Фомич вспоминает, как его с малых лет отец приучал к труду: «приходилось носить воду на коромысле на носочках, чтобы ведра до земли не доставали». Во время обмолота, он, четырехлетний, на коне. «Жара невероятная, я, наверное, задремал, конь встряхнулся и сбросил меня на солому. Я хоть и ушибся, а пытаюсь взобраться на коня. Подошел отец, помог мне и произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь: “Казак не должен падать с коня и плакать!” С тех пор я ни разу в жизни не упал и никогда не плакал. И только в конце жизни понял, что отец был не прав, — плакать нужно, чтобы снимать нервное напряжение, облегчать сердце. Но твердость характера помогла мне в жизни переносить невероятные трудности».

Сергей Фомич с любовью рассказывает о родителях: «Батя Фома Кузьмич — высокий, статный, кряжистый, с серьгой в ухе». Очень спокойный, уравновешенный, всегда улыбался. Мама Анна Александровна — остроносенькая, чернявая, глаза карие, веселые. Красивая, горячая на работу. Командовала отцом. «А еще не любила праздных разговоров и брехни. За четыре года справили неплохое хозяйство: построили саманную хату на два окна с земляными полами, сарай и конюшню для скота, амбар для хлеба тонн на пятнадцать, летнюю кухню, свинарник, курятник, погреб с выходом. Были у родителей пара быков, пара лошадей с рессорной бричкой, косилка, сеялка, велька, буккер».

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Сергей Фомич называет ее «германской», а потом, после Октября 1917 года, — «первой империалистической». На фронт ушли старший брат Иван, а потом и отец. После революции, приняв сторону большевиков, отец, Фома Кузьмич, ненадолго вернулся домой. «Любил я клацать затвором его винтовки, которая лежала в большой хате под кроватью». Вскоре отца арестовали и угнали. Сколько ни искали его — безуспешно. Спустя время узнали от его однополчанина, что отца с товарищами расстреляли белые. Сергей Фомич пишет: «Отец не был похож на воина — работяга». Вот брат Иван, оказавшись в Красной армии, проявил себя отважным воякой, «спасая раненого комиссара Бабкина Гришку, был ранен, лишился пальцев на правой руке, с тем и закончил свою военную карьеру».

Страшные испытания принесла на Дон Гражданская война. Она лишила семьи кормильцев, землю — хозяина, детей — детства: «...началась неразбериха (как было предсказано в писании): пошли сын на отца и брат на брата. Тем более в таком краю как Дон, где люди испокон веков питывали воинский дух с молоком матери». Сергей Фомич пишет: «Три года грабили крестьян, три года убивали. У нас всё разграбили, что можно было, потому что мы и к белым не примкнули, и к красным нас не причтешь, потому что мы всё же — казаки. И какая власть ни наступала, обязательно какую-нибудь погань нам сделает... всё, что можно было, у нас забирала то буденовцы, то дикая дивизия, последнюю корову забрали белые, последнюю худую свиноматку — красные». Власть менялась часто. «Пришли белые, принесли муку — пеки, мать, хлеб! Пока пекла, хутор заняли красные, а к вечеру вернулись за хлебом белые!»

И всё-таки гражданскую войну Сергей Фомич вспоминает как «прекрасное время». Конечно, детство в любое, даже самое тяжелое время интересно. «Беззаботное, отчаянное время. Как здорово было идти в степь после боя, искать раненых и загнанных лошадей, отхаживать их и водить на ночеву, искать винтовки, делать обрезы, стрелять, подрывать снаряды! Как хотелось пойти на передовую, но солдаты нас гнали. Мы, добежав до канавы на околице, любили наблюдать за ходом боя. То белые нажимают, то красные гонят».

Помнит он и последний бой в 1919 году: «Красные бьют без перерыва из броневика. На мосту скопление: войска, бежен-

цы, телеги, кони. Шум, рев, стон, мат. Сидит калмычка, плачет и поет: “Ю-ю-ю...” Очень печальная картина. Потом пошли белые на белых конях, оркестр с блестящими трубами. Целый день шли по четверо в ряд на конях. Вслед за ними влетели большевики». Сергей ожидал увидеть «больших людей, а пришли замузыганные оборванцы».

Детство Сергея было голодным. Читаю воспоминания о голодном 1921 годе: «Не было ни хлеба, ни скота, ни тягла. Пахать и сеять нечем. За всю весну и лето не выпало ни одного дождя. Всё сгорело: все посевы и травы. Потом пошли пожары. Горела степь до горизонта. Потом полетела тучей саранча, ее жгли соломой и ели. Жуткое время было».

Чтобы не умереть от голода, приходилось даже воровать. Много примеров этого приводит Сергей Фомич. Вот один: «Отправились мы с дружкой Федякой в странствие по свету. Долго шли, устали. Пора была сенокосная. На бывшей помещичьей земле косят. Видим, спит утомившийся человек в тельняшке. Под головой — мешок. Осторожно подняв его голову, достали мешок и были таковы. В мешке нашли четвертушку хлеба и кость от окорока. Что смогли — обгрызли, мешок прикопали на краю поля. Поймали нас, привели на расправу к матросу. Тот провел нас босиком по “кандалам” (травы с острыми шипами). А потом зажал наши ручонки и стал нас бить ремнем с бляхой. Все тело было в шишках и синяках. Желание странствовать у нас отбил». А воровать приходилось всё равно.

Сергей Фомич вспоминает, что в 1920-е годы продовольственную помощь голодающим оказывали американцы. В здании школы, построенной в 1912 году еще при царе, открыли столовую. Варили рисовую кашу и какао. «Все дети собрались туда. Пришли и мы. Зачитали списки и впустили в столовую детей коммунистов и украинцев. А нас — казачат, не пустили. Мы силком пробивались, лезли под ноги, но нас отбрасывали назад. Уже на пятый день мы с братом Федякой влезли через окно, съели по каше с маслом, хлебнули горячего какао. Нас, конечно, выпороли, но запомнил я этот вкус и запах на всю жизнь!»

«Казачи были вне закона до 1926 года. Бывало, идет демонстрация с флагами, а мы — сбок дороги. В колонну нельзя. Почему? Много раз я просил принять меня в комсомол — обещали, но не приняли. С другом Мишей Поликарповым поехали

учиться в ШКМ (школа комсомольской молодежи), но нас от туда вышибли». Причина — происхождение.

С горечью Сергей Фомич говорит, что за первые годы советской власти «крестьянский двор был отброшен назад лет на пятьдесят». Торговли не было, мать на нитки распускала льняную скатерть, из своих платьев и юбок шила детям рубахи, расплетала солдатские ремни, сама чинила обувь. Большую часть года ходили босые. «Ни гвоздя, ни спички, ни соли, стали жить по-первобытному». Огонь добывали кресалом, за солью ходили на берег Маныча (километров за 20).

К востоку от хутора была до революции усадьба помещика Ивана Булавкина. Были у него громадные дома, семь прудов с рыбой, сады, амбары, лабазы с множеством сложной техники, в полях стояли большие скирды сена, соломы. «Всё пожгли товарищи, рассыпалась пшеница, долго стояла пожженная техника. Жили под лозунгом “Долой!” А зачем было уничтожать? Если бы это всё добро использовать на общее благо, лучший совхоз бы получился!»

В 1924 году Сергей поступил в школу. Учились вместе ученики 1–4-х классов. Его быстро перевели в четвертый класс, схватывал он все на лету. Больше всего ему нравилась математика. «Учился с радостью и легко. Но меня часто ругали за курение».

Сергей Фомич вспоминает, как в январе 1924 года во время похорон Ленина «мы были на мельнице в станице Пролетарской. Гудели гудки, и все поезда остановились на пять минут. Учительница в школе говорила нам, что хоть Ленин и умер, вместо него остались Рыков, Бухарин, Каменев, Троцкий. Жизнь пойдет еще лучше, потому что народ работает с энтузиазмом».

ЮНОСТЬ

С 1926 по 1928 год Гавриловы работали в артели по совместной обработке земли. «Семей шесть–восемь чудесно работали, весело, хоть и нелегко. Я ровень со всеми пахал и сеял, косил, скот пас — был неутомим. Мужики все хвалили меня: «Вот получим трактор — тебе первому на нем работать». Обещали осенью купить красную рубашку. Ни рубашки, ни трактора я не дождался. Но радостно было от того, что хозяйство поднималось». При НЭПе появился смысл лучше работать, открылись ларьки с разнообразными товарами, инструментами. «Но жили еще

бедно, я так и не купил себе галоши, как другие. Но жили весело, пели, плясали, играли».

Благодарен Сергей за то, что приобщил его к культуре демобилизованный «избач» (деревенский культработник в годы культурной революции). «Он нам радость дал — мы пели старые и новые песни, ставили спектакли, я очень любил играть на сцене». Сергей Фомич самоучкой выучился игре на самодельных (!) скрипке, балалайке, позже — на гитаре. Был хорошим танцором, с друзьями танцевали «Польку», «Краковяк», «Гопак», «Казачок», «Яблочко», «Страдания», вальс. Позже, будучи взрослым, — блюз, танго, фокстрот. Это скрашивало ему и людям вокруг них трудную жизнь.

Общение с «избачом» повлияло и на сознание юного Сергея. «Он повел всю молодежь за собой: приобщал нас к Советской власти, организовал политшколу. Много я почерпнул, запомнил и искренне принял. Узнал, что социализм — это обобществление средств производства и учет. Только за всю жизнь не понял, почему у советской власти учет был только “брать”, а учета “дать” не было и нет?»

В 1929 году началась коллективизация. В хуторе зажиточных крестьян — кулаков не было, раскулачивать было некого. Никто не сопротивлялся, понимали — бесполезно. Шли в колхоз «безропотно, как на каторгу», «веселой жизни — конец, как будто нагрязнула на село чума, всё затихло, только по ночам слышен рев скота, пускали под нож, чтобы напоследок хоть наестся досыта». Сергей Фомич описывает, как раскулачивали соседа Ивана Яковлевича Бабкина, который не пожелал по доброй воле отдавать свое добро в колхоз: «Семья была из двенадцати человек. Работников всего семеро, инвалид, бабушка и трое детей. Хозяйство среднее. И вот из база выгнали всю скотину, погнали прочь на убой. Бегает по пустому двору Иван Яковлевич, плачет, причитает: “Как же так! Чем же я семью кормить буду?”»

Сергей Фомич отвел в колхоз коня, быка и «начали вкалывать все вместе, стащили все амбары вместе, думали, засыплемся зерном, но осенью приехали уполномоченные, вывезли весь хлеб на элеватор, а нам выдали отходы, зерна по несколько килограммов и денег ни копейки. Чем питаться, как жить? Никто не думал, кто и как будет выращивать хлеб».

Менялась и психология крестьян. В единоличном хозяйстве крестьянин работал от зари до зари, а «в колхозе стали работать

Сергей Фомич
Гаврилов. Свердловск,
1938

С женой Марусей
и дочерью Маргаритой

Дом, построенный своими руками. Поселок Шарташ.
Свердловская область, 1958

Сергей Фомич.
«Пятьдесят лет от роду». 1960

Сергей Фомич с супругой
Марией Федоровной
в своем саду. Свердловск,
1972

по восемь часов, за качество не переживали — всё равно всё отнимут. Когда появились МТС (машинотракторные станции), землю пахали, сеяли не вовремя, плохо и некачественными семенами. Болела душа у хлебороба Сергея Гаврилова: «При коллективизации уничтожение крестьянства продолжалось. Деревня полностью заросла бурьяном и развалилась. Немецкую слободу в войну выслали в Казахстан. Казачков — в Сибирь. Ни за что: из-за дикости, бескультурья, ненависти».

В ноябре 1930 года, от голода и непосильного труда умерла мать Анна Александровна. Последними ее словами были: «Ох, хватите вы, дети, горя без меня!»

Да, горя и лишений хватало. Главное — надо было выживать, а значит, работать! В колхозе не прокормиться, и в 1931 году Сергей Фомич уезжает по договору в Свердловск, где уже жил и работал его старший брат Саша с семьей. Поначалу работал грузчиком на Уралмаше, копал канавы, заряжал газогенераторы карбидом. Через полгода начальник цеха Пащевский (позже будет расстрелян как враг народа) перевел его в военный цех учеником. А в октябрьскую годовщину его как ударника первой пятилетки премируют за отличную работу. Сергей Фомич пишет, что не подарок был важен, а «торжество на глазах твоих товарищей. Это не деревня, где все старались пнуть тебя ногой, здесь ценят твой труд!» Зарабатывал по 70 рублей, смог послать деньги домой, купил первый в жизни костюм за 50 рублей.

Осенью 1932 года Сергея Гаврилова призвали в армию. Попал в Белорусский военный округ в учебную команду. «Пришлось опять хлебнуть горя. Весь день учеба — гоньба, а до 11 вечера строили казармы, железобетонные дзоты, бетон мешали вручную. Голодные были постоянно. Я-то привычный, а ребята плакали от голода и издевательств командиров». Восемь лет прослужил Сергей. Отлично изучил винтовку, пулеметы ручной и «Максим», пушку-сорокопятку, рацию, химзащиту. Сдал нормативы на значок «Ворошиловский стрелок». Друг Петя Патрушев выучил его шоферскому делу. Воинская служба очень нравилась Сергею, он даже хотел посвятить ей жизнь, но поступить в школу командиров не предложили, «а сам лезть, помня горькое казачье прошлое, не решился. С тем и поехал домой в январе 1939 года».

Вспоминая солдатскую дружбу и своих товарищей, Сергей Фомич пишет, что слезка и доносительство, тем не менее, были очень распространены: «...бывало друг Андрейка из Уфы ска-

жет: “Ты, Гаврил, ничего при мне не говори, за нами следят, и я, как член партии, тоже слежу”. Да и нам то же внушали».

Вернулся в Свердловск, окончил трехмесячные курсы шоферов. Послали работать на Алапаевский хромитовый рудник. Оттуда за 57 км возили руду на Уралмаш. Менялись рудники, поселки, в которых приходилось жить. Но везде Сергей Фомич находил время участвовать в самодеятельности, играл в спектаклях, освоил гитару. По-прежнему любил танцевать. На работе — очень добросовестный и ответственный. Приходилось много раз выезжать ночью в мороз, пургу на выручку водителям — спасать. Однажды его разбудили товарищи: «Вставай, засоня, а еще стахановец!» Оказалось, что над конторой вывесили транспарант «Да здравствует 1-й стахановец рудника т. Гаврилов!» И как стахановцу Сергею Фомичу выделили отдельную комнату в новом доме.

Женился. В браке с Клавдией родились две дочери: Маргарита и Татьяна. В январе 1941 года С. Ф. Гаврилова мобилизовали. Служил водителем на эмке в Уральском военном округе.

ВОЙНА

Потом была война. Можно очень коротко, словами самого Сергея Фомича сказать об этом времени так: «Четыре раза в танке горел, четыре ранения получил. Отступления, атаки, наступления. Выполнял приказ “стоять насмерть” в обороне. Двадцатиминутный сон, полуголодный паек. А как ушел помкомвзвода, так и пришел старшим сержантом, хоть и кончил четыре военных школы».

Сергей Фомич, как персональный водитель полковника, мог получить бронь, но ушел на фронт добровольцем. Закончил танковую школу под Читой, участвовал в боях за Сталинград, сражался под Курском, освобождал Белоруссию, Украину. После очередного ранения танком уже не мог управлять — повреждена кисть. Стал шофером на студебекере, потом на американском форде, возил грузы на фронт. В феврале 1945 года в Германии наскочил на мину, контужен, повреждены глаза. Лечился в госпитале в городе Ченстохов, после служил в эвакопоезде № 2 на немецком дизеле мерседес-бенц.

Вывозили из Германии оборудование шахты, вагоностроительного завода, листопрокатного завода, двух сахарных заво-

дов, кондитерской фабрики, военного завода, лампового завода. После восьмого мая, когда было объявлено о капитуляции Германии, дали в помощь пленным немцев и человек 200 угнанных в Германию девушек, они помогали грузить станки. Работали так до декабря 1945 года. В январе 1946 года погрузились в эшелоны и отправились домой. «У каждого командира был свой вагон с разнообразным добром и мебелью. Вез и я с собой три ключа гаечных, луженый кофейник, да медаль “За отвагу!” за все бои и труды».

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Из дома были тревожные вести. Клавдия три года не писала. Тревога за детей гнала домой, на Урал. Брат Саша подтвердил слухи: «Семья твоя распалась, а квартиру заняли». Пока Сергей Фомич был на фронте, Клавдия в 1943 году отдала младшую дочь чужим людям на воспитание, вышла снова замуж и уехала в Латвию, забрав старшую дочь Маргариту. Сергей Фомич вернулся на старую работу, на восьмой день после возвращения приступил к работе на новенькой полutorке. Через два месяца через прокурора отвоевал квартиру. «В 1946 году объявилась Клавдия, оставила Морю и уехала».

Друзья сватали то к одной, то к другой. Шофер Пятков познакомил с бездетной вдовой Марусей. Ей было 38 лет, Сергею Фомичу — 37. Сошлись, стали жить. Маруся очень полюбила Морю, та привязалась к ней. Много работали, держали хозяйство. Но смогли построить собственный дом, хоть и потеряли много здоровья. После выхода на пенсию, а на нее прожить было трудно, стали заниматься выращиванием цветов, рассады на продажу. Даже купили старенький автомобиль. Помогли стать на ноги дочери, племянникам рано умершей сестры Анны. Нашлась и Татьяна, младшая дочь, помогали и ей. Сергей Фомич очень любил и ценил свою жену Марусю. Очень сокрушался, что вынуждена она чрезмерно работать. Но по-другому они не могли.

ВЗГЛЯД НА ПОЛИТИКУ

Как я уже писала, Сергей Фомич был человеком неординарным, имеющим свой взгляд на происходящее в стране, на по-

литику. Хочу еще раз строками из его дневников это проиллюстрировать.

30.01.1949. «Сегодня в Свердловске большой праздник — выбираем суд. Выбираем судей своих и не знаем, кто они и что. Просто комедия».

15.01.1953. «Сегодня прочли, что раскрыта шайка врачей-евреев-отравителей. Кто в трамвае выражает свое недовольство, кто злорадствует. Никогда в жизни не было так скучно жить. Работа-забота, а денег и на еду не хватает. А чтоб пойти в кино или театр — это сверх роскоши — немыслимо. Дни идут как вода».

5.03.1953. «Отработал первый день на новой работе — в гараже скорой помощи на машине ГАЗ-653. Утром возвращаюсь домой на трамвае. На площади 1905 года по радио передали о смерти Сталина: “Любимый наш отец, учитель и вождь скончался”. Смотрю на людей: одна женщина плачет, а остальные пассажиры едут себе, кто разговаривает, кто смеется. И подумал: “Не шибко же его любили люди простые”. Да и пора давно сменить музыку. Никогда не думал, что его переживу. Ну, думаю, сейчас пойдет всё по-другому. Бояться некого, сядут в ЦК за стол на недельку и обсудят, как наверстать упущенные годы, как вернуть авторитет первому социалистическому государству и компартии, но оказалось, что думать было некому. Все подписывали списки на расстрел людей. И главаря не осудили, на Красной площади похоронили. Как же, заслуженный убийца!»

«Но всё-таки рад, что пережил царя-ирода Ёсифа-носаря! Ох, как опротивело это беспардонное вранье по радио и в газетах! Это бесконечная похвальба: любимый, дорогой, гений, учитель, вождь! Противно и стыдно за русского человека. До какого подхалимства и низости, позора и унижения его довели. Я о нищете уж и не говорю».

«Хрущев получил в наследство от Сталина разоренное до нищеты сельское хозяйство. Но всё же он закупил пшеницы и кукурузы в Америке и Канаде, и мы прожили год сносно. Но не посоветовавшись с народом, а только с партийцами, решил в 1956 году весь скот у частников ликвидировать. Стали требовать сдавать на мясо скот. А у нас корова была, по 15 л молока давала. Я наотрез отказался ее сдавать, принесли акт, что у коровы бруцеллез, опять требуют сдать, я опять ни в какую, тогда

стали грозить штрафом в 500 рублей. Принесли повестку в суд. Я доказываю, что нет такого закона, силой заставлять скот сдавать, а мне судья: решение власти — это и есть закон. Пришлось отвести коровушку на бойню. Вот какие у нас умные правители. И беда в том, что пожаловаться некуда. Печать вся у партии, а партия творит беззаконие. Покритиковали бы немного, глядишь, может, и устыдились бы. А наш Кириленко [первый секретарь Свердловского обкома партии в 1955–1962 гг. — Д. М.] не сильно возражал. В тот год Свердловская область выполнила план по мясу на 300% и ее наградили за это головоутиение Орденом Ленина, а Кириленко вскоре взяли в Москву секретарем ЦК. ...Поедешь, бывало, мимо деревень, стоят домишки, подгнили ворота, свалились крыши. И уж потом, когда жрать стало нечего, спохватились, стали целинные земли распахивать. Но ведь и дома земли полно, только позаботиться о ней надо и о тружениках! Но и тут не повернулись лицом к деревне».

Сергей Фомич, усвоивший уроки своего голодного сиротского детства, искренне верил в советскую власть. В идею коммунистической партии, которая призвана изменить жизнь бедняков. Считал, что Ленин бы смог помочь людям построить справедливую жизнь. И горькую обиду, злость испытывал он к Сталину, который, по его мнению, извратил ленинскую идею, подчинил своей воле миллионы людей.

«Хвалю Н. С. Хрущева хоть за то, что развенчал культ личности Джугашвили. Какой урон он нанес советской России, опорочил коммунистическую партию перед всем человечеством. И насколько надо было быть таким глупым, чтобы такое творить. А всё безнаказанность! Сейчас, при Хрущеве, люди стали немного лучше жить и дышать политически стало легче и, спасибо, оделись и хлеба белого наелись. Но живут люди еще очень тяжело, многие по-прежнему голодают. А люди болеют от голода и непосильного труда. Людям отдых дать надо!»

12.08.1963. «Наконец я, в 53 года, под конец уж жизни, считай, благодаря земле и своему труду добавочному с 6 утра и до 12 ночи, стал питаться досыта. Только правители тут не причем. Кто они такие? Да такие разночинцы, как и все, только называются коммунисты. Сами ничего не умея, создавали себе проблемы и трудности, боролись с ними, уничтожая при этом цвет трудового и военного народа. В одном они преуспели — в похвальбе и прославлении себя».

3.05.1964. «Прошло 10 лет... Все роблю. Для чего? Для кого? Всё для людей. Для государства. А что мне дало государство? Правящая партия коммунистов? Да ничего! Ни дома, ни машины, ни путевки на курорт, ни благодарности. Спасибо никто не сказал... В 1947 году прошла денежная реформа (обменяли 10:1). Цены остались старые в основном, снижали на что-то несущественное. А еще в обязательном порядке нужно было давать государству займы на 20 лет. Но вот уже прошло 30 лет, а государство с нами рассчитываться не торопится. В народе говорят: “Чем человек беднее, тем ум скуднее”. Так и есть. Откуда взять мудрых руководителей в бедной стране? А партия ведущая — правящая только и знает: “нельзя!”, “не пущать!” Неорганизованность, крик один, но ведь на словах далеко не уедешь».

28.12.1964. «Поехал на родину мою далекую, обнищавшую (хутор Романовский). Но, зато стыдно сказать — социалистическую! А как я раньше ратовал за социализм! Повез моему брату гостинцы: четыре обруча для кадушки, немного стекла оконного, гвоздей, две дощечки в сундуке. Тайком — нельзя вывозить из области древесину! А пшеницу забирать у них можно?»

5.02.1970. «Я ушел на пенсию! Мне 60 лет. Пенсию мне отвалили 57 рваных! Это за безупречный труд мой с 1928 по 1970 год! Да плюс война, холод, голод, оскорбления и унижения. Работать я любил, любил приносить пользу людям».

Сергей Фомич неоднократно повторяет в своих дневниках, что ведет записи, чтобы другие поколения не повторяли ошибок прошлого: «...нужны твердые законы, для руководства — в первую очередь. Чтобы были в стране две партии, а лучше даже больше. Важно, чтобы был народный контроль. А он не может действовать без свободы слова и печати. На международной арене надо оставить попытки распространять свое влияние в мире. Лезем, суем свой нос, а нас никто не слушает, потому что нечистую игру ведем и авторитета не имеем. Зачем кричать, что мы всех капиталистов уничтожим? Зачем же нам мир разрушать? Только упреки и злобу навлекаем на себя. Ведь там люди живут неглупые и решительные, они на всё пойдут, чтобы уничтожить (как они говорят) красную заразу. А нам, простым людям, своей кровью придется отвечать. Политику нужно проводить доброжелательную. Ведь сколько империй в истории было, и ни одна не удержалась, все пали. А у нас страна богатая, всё у нас есть, торгуй, развивай, организовывай у себя дома!»

Как болела душа за страну у Сергея Фомича! Как актуальны его слова и сегодня!

Передо мной страницы обыкновенной биографии русского человека — Сергея Фомича Гаврилова. Родился, рос, как и многие, голодал, работал, как каторжный, воевал, в танке горел, опять работал. Но, всё-таки, Сергей Фомич — необыкновенный человек. Природное стремление к воле, справедливости не позволило ему стать одним из миллионов советских «винтиков». Человеческое достоинство он сохранил, «никогда не падал и не плакал».

Хорошего образования в детстве он не получил — не до того было. Но самообразованием он занимался всю жизнь, был хорошим собеседником, много читал.

Раз за разом перелистываю пожелтевшие тетрадные страницы. Всё кажется мне, что что-то важное я упустила, не увидела! Лежит на мне теперь ответственность за доверие, оказанное Гавриловыми.

«Буквы разные писать тонким
перышком в тетрадь учат в школе...»
(Повседневная жизнь
и профессиональная деятельность
советских учителей
в 1950–70-х годах)

Анна Мурашева, Ирина Перхурова
школа № 2, г. Няндомы, Архангельская область
научный руководитель Галина Николаевна Сошнева

Няндомская школа № 2 открыла свои двери в ноябре 1962 года на месте бывшего призывного пункта в годы Великой Отечественной войны, затем военной части. В этом перестроенном здании она находится и поныне. Наша школа единственная в городе деревянная и одноэтажная. В ней учимся мы — Ирина Перхурова и Аня Мурашева, учились наши мамы, Галина Николаевна Сошнева и многие учителя, которые преподают у нас сейчас.

Мы решили узнать об учителях, которые ранее работали в школе. После того как мы обработали собранные интервью, у нас и возникло желание рассказать не только о жизни и работе советских учителей в 1950–70-х годах, но и об их детстве, о том как они выбирали профессию, которой посвятили всю жизнь.

ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Детство наших собеседников пришлось на предвоенные, военные и послевоенные годы.

Александра Рафаиловна Дроздова (в девичестве Варгасова) многие годы проработала учителем рисования. Она родилась 22 ноября 1930 года недалеко от станции Харовская в Вологодской области. Станция эта была такой тихой и малолюдной, что про нее даже была сложена частушка:

Наша станция Харовская —
такая дикая!
После каждого свидания —
тоска великая!

Отца ее звали Рафаилом Константиновичем, и жил он с отцом, то есть с дедушкой нашей рассказчицы, Константином Николаевичем Варгасовым. У них в хозяйстве имелся сепаратор, и вся деревня ходила к ним перегонять молоко в масло. Скорее всего, это обстоятельство и стало причиной раскулачивания семьи. Когда комиссия по раскулачиванию спросила, кто лучше живет, председатель ответил, что у Варгасовых сепаратор есть. В результате записали, что у Варгасовых маслозавод! «Всё отобрали, кроме какой-то одежды, — говорит Александра Рафаиловна. — Каким-то чудом папе удалось сохранить свою шубу из рыжей лисы на отличном английском сукне». Не выдержав проишедшего, дедушка Александры умер, а семью на время приютили соседи Журавлёвы. Можно сказать, что семье Варгасовых даже повезло. Отец Александры отправился сначала в Няндому поискать новое пристанище, а потом переехал в Ярославль, откуда и написал письмо.

Он устроился на завод, производящий резину и снял угол в селе Семёновское близ Ярославля на одном из берегов реки Волги. Позже семье выделили большую подвальную комнату.

Там у Александры был свой чуланчик, где она играла в куклы. Куклы тех времен были своеобразными: голова из папье-маше, а тело тряпичное. Однажды Александра решила сшить для куклы пальто. Ткань в доме имелась, так как мать очень хорошо шила, и у нее был уже раскроен жакет. Эти куски кроя и обнаружила Александра, решив из одного из них сшить кукле пальто... А вечером она услышала, что мама ищет кусок ткани, и очень испугалась. Маленькая Саша боялась наказания, но все равно честно рассказала маме, что взяла кусочки ткани, чтобы сшить одежды кукле. Поначалу мама рассердилась, но услышав, что дочка хотела сшить пальто для куклы, сменила гнев на милость — хозяйка растет.

Жизнь Варгасовых налаживалась, они даже позволили себе купить граммофон — дорогая для того времени покупка. Больше всего ей запомнилась пластинка «Шумел, горел пожар Московский». На ней была записана русская народная песня, посвященная нашествию Наполеона на Россию в 1812 году и пожару в Москве.

Паспортов или документов в семье ни у кого не имелось. Отцу на завод помог устроиться его дядя. Однако, как любит говорить наша рассказчица, везде есть добрые люди. Однажды

жене прокурора потребовалось найти хорошего столяра, ей посоветовали Рафаила Константиновича. Он, конечно, не отказался от дополнительного заработка. Когда он пришел выполнить работу, то разговорился с нанимательницей. Она была весьма любопытной женщиной, поэтому интересовалась тем, как живет работник, откуда он, как поживает его семья. Рафаил рассказал, что приехали они из деревни, что отца его раскулачили, что ни у кого из семьи нет документов. Жена прокурора пообещала помочь с паспортом. Так у отца Александры появился паспорт.

Мама работала на том же заводе, что и отец. Из-за отсутствия у нее какого-либо образования, она была просто чернорабочей. Братья отца тогда жили в Няндоме, имея огороды и коров, как когда-то в деревне. Они звали Рафаила переехать к ним. Кстати, коров в Няндоме держали очень многие. Александра Рафаиловна говорит, что насчитывалось 4 стада по 60–70 голов в каждом. Это позволяло людям жить более сытно, за эту возможность надо было платить государству налоги молоком, маслом, то есть продуктами животноводства.

Варгасовы — люди сельские, перспектива собственного огорода была для них очень привлекательной. И когда в городе стало жить тяжелее, почувствовалось приближение войны, приняли решение о переезде.

Когда семья Варгасовых переехала в Няндому, Александре исполнилось 10 лет и она пошла во 2 класс. Учиться ей нравилось, только огорчало, что не было уроков рисования, а она так стремилась рисовать. Любовь к этому занятию она пронесла через всю жизнь.

Другая наша собеседница, Кира Александровна Копенина, 1928 года рождения, тоже оказалась в Няндоме по воле случая. Вот, что она рассказала: «Я приезжая, жила в деревне в Вологодской области. Раньше тем, кто в деревне-то жил, паспортов не давали, вот и маме не дали. Мы так уехали, и долго она боялась, поэтому мы жили в Яковлехе (деревня около Няндомы). И там, и в Няндоме милиция часто проверяла, не живет ли кто без паспорта. Из Яковлехи папа ходил на работу на хлебопекарню, что находилась недалеко от железнодорожного депо (в Няндоме) пешком. Я училась в Яковлевской школе, она была маленькая с одним учителем.

Из Вологодской-то области в 1936 году мы плохо уехали. Отец работал на маленьком маслозаводе, и как-то у него испо-

ртилась партия сыра, вот его и отправили как бы на выселение. Хорошо, не посадили! Потом перебрались в Няндому, когда маме паспорт выправили».

В 1932 году для упрощения учета населения в СССР ввели паспорта. Но сельским жителям этот документ не выдавали, чтобы у них не было возможности покинуть деревню, а жилось в ней в условиях коллективизации всё труднее и труднее. С этим было связано множество страхов, ведь уехать в город, на поиски лучшей жизни, могли лишь те, у кого были паспорта.

Несколько штрихов добавила к описанию предвоенного детства и Галина Ивановна Перфильева (в девичестве Чапурина), 1931 года рождения. Ей, к счастью, не пришлось скитаться в поисках лучшей жизни, так как семья проживала в Няндоме в своем доме изначально. Отец работал на железной дороге, в «пути», как говорит Галина Ивановна. Мама не работала — в семье росло четверо детей, да и неграмотная она была, только и умела, что расписаться.

Когда мы спросили у Галины Ивановны, помнит ли она, как пошла в школу, она так начала свой рассказ: «Сшила мне мама сумку на пуговке для тетрадок, да платье фланелевое. Так и пошла». О школьной форме тогда особо никто не думал, в продаже ее не было. Обычно мамы шили детям платьица и штанишки из фланели. Галина Ивановна вспоминает, что и пуговицы на кофте пришили разного цвета, но внимания на такие пустяки не обращали. Да и условий особых для учебы в доме не было. Из мебели у них в доме стоял лишь шифоньер, три железные кровати, сундук и стол с самоваром. За столом этим и обедали, и уроки делали.

Центральной школой Няндомы считалась школа им. А. С. Пушкина. Она находилась на горе около городского парка.

«В классах стояли парты с откидными крышками, учебники сами покупали, ручки перьевые были и чернильницы на каждой парте», — рассказывала нам Галина Ивановна. Все учителя жили в специальном учительском доме неподалеку, то есть жильем их в маленьком городке обеспечивали.

Историей своей жизни с нами поделилась и Вера Николаевна Стрекина (в девичестве Семенова), родившаяся 4 февраля 1931 года в Ленинграде. Детство ее было омрачено многими факторами. В шестилетнем возрасте она потеряла родителей. Ее мама,

Мария Яковлевна, работала в НКВД в паспортном столе, а отец, Николай Николаевич, был краснодеревщиком. В семье росло пятеро детей: Кира, Ляля, Тамара и Вера с братом-двойняшкой Маратом. Семья Семеновых имела свой дом в Парголово. Однажды им сообщили, что мать умерла, а скорее всего, просто была арестована, как говорит сейчас Вера Николаевна. После ее исчезновения пришла милиция, проводили обыск, в квартире всё разбросали. Им был нужен отец, но он успел спрятаться, а дети, хотя и видели его в подвале, не выдали. Станным было и то, что похорон не было. После этого двойняшек отправили в детский дом для дошкольников, Тамару — в другой, для тех, кто постарше, а двух старших сестер, Лялю и Киру, забрала к себе бабушка в Ленинград, где они поступили на работу.

Сначала Вера и Маратик находились в Ораниенбауме, потом их перевели в Путиловский школьный детский дом. Дети пошли в обычную общеобразовательную семилетнюю школу. Обучение в то время начиналось в возрасте 8–10 лет, а школы были в основном семилетние. Это было установлено в 1928 году законом «О всеобщем обязательном обучении». Детдомовские учились вместе с детьми, которые имели родителей. Вера Николаевна вспоминает, что «в детском доме жизнь была очень даже неплохой. Хорошие, добрые и заботливые воспитатели», одна из воспитательниц брала Веру к себе в гости и один раз даже с собой в отпуск. «Все дети были сытыми, обутыми и одетыми, не лишенными любви со стороны взрослых. Ребята много читали». В ее рассказе постоянно звучала сердечная благодарность к тем людям, которые тогда находились рядом с нею.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Детство многих наших собеседниц пришлось на Великую Отечественную войну. В районе второй линии (так назывались улицы в Няндоме), где жили Варгасовы, располагались 3 барака, в одном из которых они и жили. Один раз, когда вся ребятня играла во дворе, кто-то крикнул: «Все в красный уголок! Там Молотов по радио говорит, что война началась».

Вскоре мужчин, которые жили в бараках, стали призывать в армию. Призвали и Николая, брата Александры. Николай, собираясь с ребятами, играл на баяне, а они пели «Спят курганы темные» или «В далекий край товарищ улетает...» Его отправи-

ли на курсы молодых командиров. Отец ушел на фронт позже, в 1942 году.

Школьная жизнь тоже изменилась. Стали учиться в 3 смены, потому что в Пушкинской школе организовали военный госпиталь, и все ученики были перенаправлены в школу № 31. Мы узнали, что перед войной многие школы строились с учетом того, чтобы использовать при необходимости как госпиталь. Занятия начинались в 16.00, «темень была непроглядная», по словам Александры Рафаиловны, «приходилось делать специальные фонари, брали спиртовку в коробушку и как-то прикрепляли к ней стекла».

Галина Ивановна вспоминает, как она с одноклассниками навещала раз в неделю раненых в госпитале. Они читали стихи, пели. Им, детям, страшно было смотреть на тяжелораненых, так как встречались сильно покалеченные на фронте.

В Няндоме всегда было много солдат, они останавливались по пути на фронт. «Однажды и у нас открывается дверь, мы слышим: “Двадцать человек заходи!”, и заходят 20 солдат. Мама, конечно, сразу запричитала, что нас и так шестеро и живем в двух комнатухах. Но делать нечего. Нас и не спрашивали. Около недели жили красноармейцы в доме, спали все на полу», — вспоминает Г. И. Перфильева. Это было частым явлением, когда солдат размещали по квартирам няндомцев. Разделили комнату, и на другой половине разместились солдаты. «Потом их отправили на Ленинградский фронт, они пешком должны были идти до Каргополя», — говорит А. Р. Дроздова.

Одной из наших собеседниц, Вере Николаевне Стрекиной, пришлось в детстве пережить эвакуацию, так как их детский дом находился под Ленинградом. Сначала их привезли на небольшую станцию, потом ехали 40 км через лес. На месте, где поселили детей, были только школа, магазин, баня, дом для учителей и общежитие для детей. Кругом лес. Тут они прожили год, позже ребятишек переселили в большое село Нема. В этом селе Вера Николаевна закончила школу.

Всю войну детдомовцы работали в колхозе, собирали лен, копали картофель. Хотя кормили их в детском доме три раза в день, как говорит Вера Николаевна, все равно они были полуголодными, «ходили на поле собирать упавшие горошинки, ели щавель, ягоды, а так же “пестики” — это побеги какого-то растения, на вкус как мучные».

Семье Розы Ивановны Чернецкой (в дев. Рябковой) тоже пришлось уехать с нажитых мест. Осенью 1941 года они покинули Чупу, где жили раньше, и переехали в Каргопольский район, на родину родителей. В вагонах-теплушках с железными печками ехали по железной дороге в Няндому. Спали на нарах. По пути мать писала письма отцу на фронт. Пока ехали, случались налеты — фашисты бомбили поезда. Как только звучал злоежущий сигнал, поезд останавливался и все бежали в лес. В Няндоме их встречал двоюродный дядя нашей рассказчицы с лошадько и санями. Поселились они в деревне Шильда в доме бабушки и дедушки.

Мама Розы Ивановны работала в колхозе, поэтому брала работу на дом. Колхозники выращивали дома телят, за это начисляли трудодни. Поскольку в деревне оставались одни женщины, то им и лесозаготовками приходилось заниматься — пилили бревна вручную, вывозили их на санях. «Мама там всё здоровье потеряла!» — сетует Роза Ивановна.

Сейчас Роза Ивановна говорит, что они во время войны особо не голодали, так как держали корову. Пекли лепешки из клевера, из «пестиков» — это считалось нормой жизни. «Мы на траве выросли!» На огороде брюква, репа, чеснок, лук. Когда топили печь, на углях пекли и картошку, и лук. Это считали за лакомство. Сахару не знали. В кипяток выливали две ложки топленого молока. Зимой мало молока-то». А мало потому, что колхозники сдавали молоко на маслозавод.

В школу Розе приходилось ходить в соседнюю деревню. Уроки ни при какой погоде не отменялись. В морозы все надевали валенки, кутались в шубы и шли учиться. А на более теплую погоду у школьников имелись сапожки. Их шил местный сапожник. Назывались они «крюки», если сшиты были только из кожи, а те, которые шили из других материалов, назывались «полукрюки». Такие сапожки были очень крепкими и служили долго. «А летом в школу босиком бегали, — говорит Роза Ивановна, — хотя некоторые девочки и в лаптях ходили». Мама перешивала старые вещи и меняла на хлеб.

Электричества в деревне еще и в помине не было, а керосин был большой редкостью, поэтому по вечерам зажигали лучину. Уроки старались выучить еще до того, как стемнеет, а ведь на Севере зимой темнеет очень рано. Писать приходилось сажей на газетах, прямо поверх напечатанного текста, чернил не было.

ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Детям военного поколения в войну приходилось главным образом не учиться, а выживать. Помимо школы было еще много забот. Например, семья Александры Рафаиловны держала корову, которая и спасала в голодное время. Для нее приходилось заготавливать корм, а значит, ходить на сенокос. Для Александры это было очень тяжело. Да и сенокос находился в 12 км у деревни Заозерье. «Придешь обратно, домашние дела ждут, — вспоминает Александра Рафаиловна. — А мама говорит: “Шура, только не садись, не встанешь”».

Своим хозяйством жила и семья Г. И. Перфильевой. «Имелся огород, корова, козы. И взрослые, и дети летом заготавливали сено. Пока маленькая была, мои сестры ходили, а как только 10 лет исполнилось, так и меня брали». Молоко продавали на рынке, что находился у железной дороги в районе современного переезда у площади Советской. Мама парила молоко в печи, а Галина перед школой шла на базар, где и продавала его или меняла на хлеб. Однажды ее чуть не обманули. Какая-то женщина пыталась расплатиться с ней фальшивыми талонами на хлеб, но Галина вовремя их распознала.

В войну продукты распределяли по карточкам. Мы узнали, что они были введены в августе 1941 года. 800 г хлеба в сутки полагалось служащим и рабочим, а иждивенцы и дети получали 400 г. Однако из-за нехватки хлеба нормы порой сокращались до 150–200 г, а то и до 75. Хлеб мама Галины Ивановны делила на части — папе и брату побольше, себе поменьше и детям по кусочку. Утром обязательно варили чугуны картошки, а к ней соленые грибы. Иногда к этому — простокваша или ложка сметаны. «Из ржаной муки мама готовила “кашу-густяшу”, а если к ней еще и простокваша, то вообще замечательно». Многие дети войны с особой ностальгией говорят о еде, которая в то время казалась им очень вкусной.

Еще в добывании еды очень помогал лес. Осенняя пора во время войны — большая радость. В лесу появлялись грибы, спели ягоды. «Все леса обегали», — говорит А. Р. Дроздова. Собранные грибы солили на зиму в больших кадках, бруснику толкли.

За событиями на фронте дети следили всем классом, отмечали победы на карте флажками, при победе советских войск

дружно кричали: «Ура!» Особенно переживали во время Сталинградского сражения.

О том, что война завершилась, все узнали в Красном уголке, говорит Александра Рафаиловна. Это такое помещение на предприятиях или в клубах, где размещалась политическая информация на стендах. Раздавались радостные крики: «Ура! Война закончилась!!!» Это был праздник со слезами на глазах, у многих не вернулись мужья, братья, отцы.

Вера Николаевна Стрекина тоже говорит о безмерной радости, охватившей ребятишек в день победы: «Прыгали на кроватях, да так сильно, что даже пружинные сетки порвали». Путиловский детский дом № 40 не вернули в Ленинград после войны, так как в нем прибавилось значительное количество местных сирот. Обрато возвращались только воспитатели. Веру хотела взять с собой та воспитательница, к которой она когда-то в Ленинграде ходила в гости. Но Вера не поехала без брата. Позже Маратик сбежал из детского дома, он стремился обратно в Ленинград, о его судьбе ничего не известно до сего дня. Вера Николаевна и сейчас называет его Маратиком, вероятно, в ней живут детские воспоминания и горечь от потери младшего братишки. Так сначала смерть мамы, а затем действия властей и война навсегда разлучили ее с последними родными людьми.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Трудностей и после войны еще будет не мало.

Розе Ивановне хорошо запомнилось, что когда отец пришел домой, то принес два кусочка сахара и отдал их сестренке, а она его и не помнила. Вскоре он уехал в Кемь, чтобы обосноваться. Туда он перевез и семью. В то время многие пытались найти место получше, да и в колхозе жилось тяжело на трудодни, поэтому по возможности люди стремились уехать из деревни.

Жить стали в доме, хозяева которого эвакуировались во время войны. В семье Рябковых вновь ожидалось пополнение. Но что-то пошло не так во время родов, ходили слухи, что мама заболела брюшным тифом. «Карточки продуктовые на маму мы отдали в больницу, и я каждый день носила литр молока. Вскоре она умерла», — говорит Р. И. Чернецкая. Появившуюся на свет девочку Раю не приняли в детский дом, так как имелся отец. Отец не забрал девочку домой. «Нас трое — я и два брата», — го-

А. Р. Дроздова с мамой

Г. И. Перфильева с семьей

Александра Дроздова
в 11-м педагогическом
классе. Вологда

Студенты-географы отправляются
на первую практику

Первые каникулы
молодой учительницы.
Р. И. Чернецкая

И. Н. Савина на демонстрации

ворит Роза Ивановна. Прележав месяц в больнице, она умерла. Это случилось в 1947 году.

После смерти матери отец Розы Ивановны стал работать товароведом. Дети часто оставались одни дома, отец ездил в командировки. За старшую оставалась Роза. Отец, уезжая, всегда отдавал деньги на хозяйство ей. А Розе всего 10 лет, распоряжаться деньгами ее никто не учил. Тогда еще действовали карточки, за хлебом приходилось отстаивать огромные очереди, порой даже по ночам. «Натурально голодали. Однажды, когда я училась в 6 классе, ребята даже не встали с кроватей, а я на утренник новогодний пошла в школу — в надежде, что подарок дадут. Но не дали, так как большая уже», — вспоминает Роза Ивановна.

В 1953 году семья переехала в Каргопольский район, в ту же деревушку, где дети с мамой жили во время войны. Личная жизнь у отца не складывалась, он никак не мог найти хорошую мать своим детям. У них перебивало семь мачех.

В деревенской школе не было старших классов, поэтому Розе пришлось переехать в Каргополь. Там она жила у знакомой родителей, у тети Маруси. Она выделила Розе угол в комнате, где та проживала бесплатно. Однако за обучение в 8–10 классах приходилось платить 150 руб. в год, рассчитывались за полгода. Плату за обучение в старших классах и вузах ввели еще в 1940 году. В школе уже носили форму, но не покупную, а сшитую своими руками — коричневое платье и черный фартук.

В Каргополе, в отличие от деревни, в середине 1950-х стало появляться электрическое освещение. Жизнь налаживалась, а дети военного поколения выросли, не почувствовав детства, выбирали свой дальнейший путь и профессию и часто вдалеке от родного дома.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

В СССР после войны не хватало учителей. Поэтому, как говорит А. Р. Дроздова, в городе Вологда был сформирован специальный 11-й педагогический класс, такие классы открывались специально для ускоренного пополнения школ учителями в первые послевоенные годы. Педкласс являлся формой ускоренной вузовской подготовки, поэтому отбирали лучших из лучших.

Именно там и училась Александра Рафаиловна. Чтобы поступить туда, надо было сдавать экзамен по русскому языку, литературе и математике. Всем иногородним предоставлялось общежитие. Общежития были очень скромными. Студенты получали койко-место с постельным бельем в комнате на несколько человек, где имелись еще стол, стулья, полки или этажерки, то есть весьма скромное убранство.

Из стипендии в 180 рублей 150 уходило на питание, а остальные 30 рублей тратились обычно на поход в кинотеатр. В училище была своя форма, похожая на школьную, но платье в ней было не коричневое, а синее, к этой форме прилагался фартук. Мы спросили Александру Рафаиловну, какие учебные предметы ей казались наиболее полезными? Она сначала сказала, что все, но, подумав, добавила, что, пожалуй, история партии была совершенно бесполезным предметом. Однако этот курс изучался во всех учебных заведениях. Изучали труды В. И. Ленина, слушали лекции о создании партии, учили даты партийных съездов. Но это и не удивительно. В стране существовала однопартийная политическая система, и всё население обязано было знать историю Компартии и ее политику.

Однажды весь класс девушек повели в клуб на лекцию, посвященную искусству одеваться. Александра Рафаиловна рассказывает, что там им объясняли, как правильно надо одеваться, когда идешь на работу или учебу, когда идешь гулять, на танцы, праздничный вечер, в театр. Но возможность разнообразно одеваться была не у всех, жили-то на стипендию. Что-то шили сами, что-то покупали у знакомых или донашивали после родственников. Одежда стоила недешево, например, шерстяное платье — 510 рублей, мужской костюм из бостона — 1400 рублей.

Так же, обдумав свое будущее и учитывая интересы и возможности, выбирала профессию Р. И. Чернецкая. Когда обучение в школе подходило к завершению, Роза вместе с подругой пошла в библиотеку изучать справочник по высшим учебным заведениям. Их привлек географический факультет в Архангельске, потому что летом студенты этого факультета ездили на полевую практику на Кавказ и в другие места. После выпуска они должны были стать учителями. Обе подружки сдали экзамены и успешно поступили на геофак в 1954 году. В институте дали общежитие, в котором они жили по 5 человек в комнате,

образовав «коммуну», как она говорит. Стипендия на пять человек составляла 260 рублей в месяц, 30 рублей студентки платили за общежитие, 150 рублей на еду, остальное же тратилось на баню, мыло, зубной порошок. Иногда девушки ходили в кино.

На первом курсе у Розы имелось только одно ситцевое платье, но так как все девушки в институте одевались скромно, разница в достатке в глаза не бросалась. Конечно, девочкам хотелось украсить свой наряд. Для этого они делали вышивки на платье, вязали воротнички.

В отличие от наших первых собеседниц, В. Н. Стрекиной не пришлось самой выбирать будущую профессию, за нее это сделало государство. В 14 лет, как и все дети, достигшие этого возраста, Вера покинула детский дом. Ее и еще одну девочку отправили в Иваново, где она стала учиться в ФЗО на ткачиху, остальные девушки в этом учебном заведении были в основном местные. За 9 месяцев учебы она стала хорошей ткачихой. После окончания ее приняли на фабрику им. Варенцовой. Жила Вера в общежитии, в комнате, где располагалось еще 5 девушек, в отличие от детдома, где жило 22 человека в комнате. В общежитии кормили, выдавали денежные пособия. Вера работала, перевыполняя норму на 6 станках вместо 4, а ведь ей тогда еще не исполнилось и 15 лет. При общежитии имелось много кружков. Больше всего ей нравилась акробатика, и она даже получила 2-й разряд по гимнастике. Она мечтала об образовании и хотела стать либо циркачкой, либо учительницей. В цирк она не проходила по возрасту, «значит, стану учительницей!» — решила Вера.

В то время как она собирала вещи, стало известно, что умер Сталин. Все девушки в общежитии плакали, кроме Веры. У нее не было жалости к вождю. Она винила его в том, что потеряла сначала родителей, а потом после войны вообще всю родню.

Так как взросление наших собеседниц пришлось на завершение эпохи сталинизма, почти все они затрагивали в своих рассказах события, связанные со смертью Сталина. Р. И. Чернецкая в тот момент училась в 8 классе. Во время болезни вождя по радио постоянно уведомляли население о состоянии его здоровья. Когда сообщили об очередном ухудшении, жена отца — тетя Дуся, не спала всю ночь, а когда объявили о его смерти, разбудила всю семью. «Наутро в школу все ребята пришли заплаканными. В школьном коридоре был установлен бюст Сталина и организован почетный караул».

Тот день запомнился и Александре Рафаиловне Дроздовой. Она как раз поехала на какое-то педагогическое совещание и на вокзале встретилась с подругами. В буфете они активно общались и смеялись. Тут к ним подошел какой-то мужчина и сделал замечание, что нельзя так себя вести в день смерти И. В. Сталина.

Весной Вера поступила в педагогический техникум, в котором готовили учителей физической культуры. В техникуме учащимся выдавали талоны на обеды и раз в год деньги на одежду, также они получали стипендию.

Вера Николаевна отметила, что ей, как и работающим, приходилось покупать облигации госзайма со стипендии. Облигации начали свой путь с 1922 года. Люди как бы давали деньги государству в долг. Вернуть облигации и получить обратно деньги было невозможно, но ежемесячно устраивалась лотерея, в которой была возможность выиграть. Выигрышные номера облигаций печатались в газетах. Однажды Вера выиграла при розыгрыше облигаций довольно-таки приличную сумму, купила часы и себе, и подруге, потом еще валенки себе и несколько платьев.

Нас удивила судьба Идеи Николаевны Савиной (в девичестве Базарина), 1932 года рождения. Она начала работать рано, окончив лишь 7 классов. А училась она хорошо, и в 1947 году мама, работавшая в типографии, пристроила ее к себе учеником наборщика. «Я работала, а зимой ходила в вечернюю школу в осеннем пальто и сапогах кирзовых. Учительница в вечерней школе, Клара Давыдовна Каплан, как-то спросила: “Базарина, неужели Вам не холодно?!” Мне так стыдно, а одеть-то нечего! В 7 классе я вступила в комсомол. Потом стала работать в райкоме партии в отделе учета. Я была очень активная, была пропагандисткой, везде участвовала. И в то время учителей немецкого языка не хватало и меня вызвали в РОНО (Районное управление народного образования) и сказали, что есть месячные курсы в Архангельске для подготовки учителей. И я туда поехала», — так рассказывала нам Идея Николаевна.

Таким образом, для Идеи Николаевны выбор профессии учителя был неким комсомольским заданием от РОНО. Подобная ситуация, когда кто-то за тебя решал твою судьбу, была не в тягость. Так поступали все, «не задумываясь», как говорили не раз наши собеседницы.

НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. В ДАЛЬНИЕ КРАЯ

В отличие от современных условий, в советское время, в середине 50-х годов XX века и позднее, молодые люди могли получить профессиональное образование бесплатно, но на конкурсной основе. После окончания учебного заведения надо было отработать 3 года по распределению. То есть работу гарантированно получали все, но в тех населенных пунктах, где требовались специалисты, а вот с жильем у каждого складывалось по-своему.

Так было и с Александрой Рафаиловной Дроздовой. Так как Вологодский педагогический класс курировался Министерством железнодорожного транспорта, то выпускниц отправляли работать в железнодорожные школы. Александре предстоял дальний путь — в 1950 году ее отправили работать на Дальний Восток, в Хабаровский край.

Перед отъездом ей выделили деньги на переезд к новому месту работы — «подъемные» 2500 тыс. рублей. На часть этих денег отец купил Александре много нужных вещей в Москве (часы, отрез драпа на пальто и др.), потому что в послевоенной Няндоме достать что-либо не представлялось возможным. Багажа можно было взять с собой сколько угодно (пассажиры, отправляющиеся по распределению, провозили его бесплатно), поэтому она взяла с собой большую коробку из-под чая, куда были сложены подушка, таз, посуда, постельное белье, одежда и маленький сундучок. Конечно, если бы сейчас молодой специалист поехал куда-то далеко, купил бы всё на месте, но в советское время товары широкого потребления были дефицитом.

Александрю Дроздову отправили на маленький разъезд. Говорит, была волком, но ничего не поделаешь, ехать надо. На руках у нее имелся небольшой саквояж со всем необходимым в дороге. До пункта назначения добиралась 8 суток. Остановки по пути следования были длинными, и на некоторых станциях даже столы на улицу с готовыми обедами выносили; встречались и небольшие базарчики. На них продавали и картошечку горячую, и огурчики.

Она вышла на небольшом разъезде Аур, от которого до конечного пункта еще идти пешком по шоссе 7 км. Настроение скверное. Еще бы! Надо же попасть в такую глушь на другом конце страны! Прошла она уже половину пути и видит, навстречу к ней ребяташки бегут! Чумазые все, но лица радостные! Молодая учительница забыла про свою печаль и больше ни о чем не жалела.

Комнату ей предоставили хорошую, только что отремонтированную и с мебелью. Там же располагалась и школа, которая представляла собой квартиру из двух комнат: учебного класса и раздевалки. Никаких учебных пособий и наглядного материала не существовало, как и учебников. Получив первую зарплату, Александра купила глобус, счеты и многое другое. Заработная плата у нее была для того времени неплохая — 960 рублей, поскольку она работала на 1,5 ставки (ставка учителя и полставки заведующей). Но получала она всего 760 рублей, так как из зарплаты каждый месяц вычитали заем на облигации госзайма, профвзносы, комсомольские взносы, налог за бездетность (такой налог взимался с бездетных мужчин и женщин и составлял 6% от заработной платы).

Родители учеников работали путейцами — обслуживали железнодорожные пути, поэтому половина ребятшек жила далеко от школы, километра за три. Занятия проводились при любой погоде. Ребятам очень нравилось посещать уроки, и даже родители не могли удержать их дома во время морозов.

В магазине, который был на разъезде, имелись только необходимые продукты: соль, хлеб, крупы и т. п. Всё остальное можно было купить у людей, благо все там держали огороды.

За 7 км от Александры Рафаиловны жила ее подруга. Они вместе часто ездили в Биробиджан. Там они ходили в кинотеатр на все сеансы подряд, потом на танцы.

Из Биробиджана привозила книги. Читала она при керосиновой лампе по вечерам, благо дрова и керосин предоставлялись бесплатно для сельских учителей. Через три года после начала педагогической деятельности наша рассказчица переехала на станцию Облучье. Александра стала работать учителем в начальной школе. Поселили ее в общежитии, где ей очень нравилось, так как там было централизованное отопление и водоснабжение. На каждый праздник устраивались замечательные вечера с музыкой и танцами. Все живущие там были холосты и молоды. И когда Александре Рафаиловне предложили переехать в отдельную комнату, она отказалась. Во-первых, она любила общество, ей не хотелось жить одной, а во-вторых, жить в общежитии гораздо практичнее, «ни тебе печек топить, ни воду носить».

Когда директора ее школы перевели в ГОРОНО, на свое место он предложил назначить Александру Рафаиловну. Поначалу

она в себя не верила, боялась руководить таким большим количеством людей — 300 учеников начальной школы плюс штат сотрудников.

Вообще, о работе на Дальнем Востоке Александра Рафаиловна говорит с воодушевлением, хотя ей очень хотелось в родные края.

Розу Ивановну Чернецкую по распределению отправили тоже не в близкие края. Хотя это и была родная Архангельская область. В общем, пришлось ей поехать в маленькую деревушку в Красноборском районе — в Куликовскую школу. Добирались сначала поездом до Котласа, на пароходе от Котласа до Красноборска, а потом неизвестно как нужно было преодолеть 60 км до самой деревушки. Автобусов нет, в руках два чемодана. Надежда только на попутки. «В общем, добирайся, как хочешь, — вспоминает Роза Ивановна. — Сидели на берегу с другой молодой учительницей, ждали попутку целый день». В деревне им на двоих дали квартиру в щитовом 4-квартирном доме.

Наша рассказчица стала работать учителем химии и биологии в 7–8 классах. Зарабатывала хорошо, около 800 рублей, поэтому высылала деньги домой. Нам удалось узнать, что в начальных школах оклад учителей составлял тогда около 350 рублей, в московских школах около 450 рублей. А у преподавателей средней школы оклад был около 900 рублей.

Частично по собственному желанию, а частично по воле государства на Севере оказалась известная уже нам Вера Стрекина. Сначала ей предложили преподавать в педагогическом училище в Архангельске, но пришлось отказаться, так как ни квартиры, ни комнаты в общежитии не предоставляли, а снять квартиру тогда было очень трудно. В итоге предложили два города: Няндому и Коношу. Вера Николаевна выбрала Няндому.

Поначалу, Веру Николаевну с ее новой подругой поселили в небольшой комнатке прямо в школе, где стояли две кровати, печка, плита и столик. Но вскоре их переселили в 2-комнатную квартиру в новом доме. Так как никакого имущества девушки еще не имели, от школы они получили кровати и матрасы.

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ

Идее Николаевне Савиной пришлось возвращаться в Няндомский район, РОНО которого и отправляло ее на ускоренные

курсы в Архангельск. Так как школы города были уже обеспечены учителями иностранного языка (в город приезжали выпускники вузов), ей пришлось ехать на железнодорожную станцию близ Няндомы. «И вот меня отправили на станцию Шипаховский (816 км), — вспоминает она. — Там жили выселенные украинцы. И там была школа, я там работала 2 года и учителем, и пионервожатой. Мне дали комнатку».

В то время на станциях и в лесопунктах было много выселенных спецпоселенцев. Переселяли в основном раскулаченных крестьян, там они работали и жили, а после войны — и жителей оккупированных территорий, заподозренных в сотрудничестве с фашистами. Отношения местных и спецпоселенцев были дружескими, люди друг друга не отличали по этому признаку, и скорее всего, понимали северяне, что не велика была вина тех, кого после войны выслали с оккупированных территорий на окраины СССР.

Идея Николаевна описала свой скромный быт: «Жила я в бараке, в комнатке, за стенкой жил учитель математики, а напротив моей комнаты располагался магазин. В нем были и промтовары, и продукты. Отопление печное, дрова привозили на машине бесплатно. В комнате был стол, стул, кровать железная, а больше ничего. Посуду я привезла, столик себе туалетный сделала из ящиков, закрыв их какой-то тканью, занавески и абажур сшила из марли. В наше время всё делали из марли. Почему? Да потому, что не достать в магазине ткани. Но меня всё устраивало, жилье было хорошее. Одевались небогато. Учителям порой давали талоны на отрез и с ним мы шли в магазин, давали только по разрядке, в свободной продаже сложно было купить одежду». Сейчас такое отношение кого-то может удивить, но Идея Николаевна пережила войну и уже привыкла к послевоенным условиям. Подавляющая часть населения, особенно в провинции так жила. Поэтому условия эти и считались хорошими.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ. ДЕЛА УЧЕБНЫЕ

Ранее мы рассказывали о пути в профессию разных учителей, которые рано или поздно оказались в школе № 2 г. Няндомы и работали до выхода на пенсию. Сейчас в школе работают педагоги, которые учились у наших собеседников.

Первым директором школы № 2 в 1962 году стала Кира Александровна Копенина. Она закончила географический факультет Вологодского педагогического института, отработала в большой деревенской школе учителем математики. Переехала в Няндому, когда родился ребенок. «Работала на двух работах, — вспоминает Кира Александровна. — Когда закрыли военный городок и решили создать новую школу, меня сразу же поставили туда директором. Когда я пришла на место будущей школы там были одни стены. Стали строить. Стены и фундамент оказались крепкие, разгородили казармы и получилось 9 классных комнат. В них обучалось 623 ученика, работали в две смены».

В школе работало много кружков и секций. Ребята занимались не только по будням, но и в выходные, по субботам и воскресеньям. Это потому, что приветствовался принцип «Школа открытых дверей», чтобы учащиеся не болтались на улице, а занимались полезным делом. В школе дежурили учителя. Поражает, что все эти дополнительные обязанности возлагались в обязательном порядке и не обсуждались. Вокруг школы сейчас много деревьев, палисадник с цветами. Всё это появилось при К. А. Копениной. Как она говорит, «школу я начала сразу озеленять. Не было ни одного дерева, ни куста, ничего не было вокруг». Очень бережно ученики и учителя того времени относились к школе. Они убирали территорию школы, чистили снег, после уроков мыли классные кабинеты.

Не только обустройством школы занималась Кира Александровна, при ней также появился интернат для детей, чьи родители жили в поселке «Мирный» и работали на лесозаготовках. «Их кормили бесплатно, и обеды, и ужины, и завтраки — всё свое».

Вероятно, для начала 1960-х годов, наша школа была вполне благополучной, но это благополучие приходилось поддерживать кропотливым трудом. В школе было печное отопление, поэтому одной из первейших задач было обеспечивать печи дровами, что делали обычно старшеклассники. «Если не принесут, то класс будет не тоplen. Но было тепло, даже форточки открывали. Еще был колодец за школой, за водой ходили технички, а потом воду стали подвозить на машине», — поведала нам И. Н. Савина. Какое-то время железные печи еще стояли в коридорах и классах после прокладки централизованного отопления. Здесь на Севере забота о тепле продолжается с октября по май.

«Учителя одевались не богато, но аккуратно, — вспоминает Кира Александровна. — Кто-нибудь в одном-двух платьях весь год проходит, а на них ни пятнышка, ни складки лишней, но я каждый понедельник появлялась в разных костюмах. В 1970-х стали появляться кримпленовые костюмы, стоили они недорого, но был дефицит товаров и доставали их через директора ОРСа (Отдел рабочего снабжения)».

И. Н. Савина, начавшая педагогическую карьеру еще в 1950-х, тоже упоминает, что учителя особенно не шиковали: «Муж работал на железной дороге, зарабатывал хорошо по тем временам. Но все шили, готового не было ничего, ни пальто, ни платья. Отдавали в мастерские. Материал покупали сами. Лицевала я только одно пальто, осеннее (лицевали, то есть делали изнанку лицевой стороной). И меняла пальто очень редко, было у меня только зимнее и осеннее. Носили, пока не выносятся полностью», — уточняет Идея Николаевна. И дело не в том, что не хватало средств, просто вещей не было. Ассортимент магазинов был скудным. Вещи берегли, ведь замены можно было и не найти. Сейчас мои одноклассники и не поймут фразу: «Пальто новое, ни разу не лицованное». В 1970-х одеваться стали лучше и разнообразнее.

Практически все учителя, жившие в Няндоме и тем более в районе, имели огороды. Вот и семья Малицыных обзавелась небольшим хозяйством. «Стали сажать картошку. За домами было большое поле совхозное, там дали землю. Сажали, чтобы свое что-то было, да и чтобы в магазине не покупать. Зарплата небольшая. Но можно было брать кредиты, например, мы брали кредит на письменный стол. Помню, мужу захотелось купить радиолу. В то время уже начинали класть деньги на книжку, но их было немного, поэтому пришлось всё равно брать кредит. Всё было в дефиците, даже дорожки на пол, — смеется Валентина Николаевна. — Не ко всем праздникам мы могли позволить себе что-то новое».

В 1960-х годах особое внимание уделялось общественно-полезному труду, в том числе и на приусадебном участке школы. Как рассказывала Р. И. Чернецкая, работавшая какое-то время в селе Красное под Вологдой: «Для интерната мы варили варенье из ягод, что росли на школьном участке. Капусту выращивали, огурцы в парниках и на грядках. Солили их для интерната». Даже у школы имелось свое маленькое хозяйство. «Раньше

обязывали выращивать кроликов. Кролико-фермы создавались при школах. Нам дали крольчиху. И как “посыпались” крольчата! Летом, как летнее задание, поручалось ученикам заготавливать веники для кроликов. А лучших заготовителей награждали кроликами». Пытаясь прояснить ситуацию с этими животными, выяснить, чем объяснялось появление кролико-ферм при школах, мы обнаружили упоминание о Законе об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы образования в СССР (1958 год). Более тесная связь школ с «жизнью» означала связь с сельским хозяйством и производством. В данном случае, вероятно, предполагалось обучить школьников кролиководству.

Сейчас на вооружении учителя очень много средств обучения: красочные учебники, таблицы, рабочие тетради, наглядные пособия, компьютеры и компьютерные программы. В те годы, как говорит И. Н. Савина, педагог почти всё готовил сам, стремясь, по ее словам, «чтобы урок прошел максимально эффективно и интересно». Все стенды и настенные пособия учителя делали сами, писали карточки с заданиями в качестве раздаточного материала, рисовали плакаты.

Коснулись мы в разговоре и вопроса о религии. Конечно, антирелигиозная политика, начатая в СССР в 1917 году, стала в 1950–60-х уже не столь агрессивной, но навязывание государством атеистического воспитания продолжилось. Своими мыслями по этому поводу И. Н. Савина тоже поделилась с нами: «В наше время проводили атеистическое воспитание, верить в Бога было нельзя. Раньше пошел в церковь — и всё, с работы сняли, из партии выгнали. Был случай, жена — учительница, а муж работал в милиции — решили они окрестить ребенка, и его сняли с работы. С этим было очень строго. Я, конечно, задумывалась, почему нельзя верить? У нас в Конституции прописано — свобода вероисповедания, свобода совести, так почему же так? В здании бывшей церкви Зосимы и Савватия устроили Дом Пионеров, и даже никто не вспоминал, что в Няндоме когда-то действовала церковь».

Каждый человек, наверное, отработав будни, ждет праздника. Но были в Советском Союзе такие праздники, которые учителя ждали с особым чувством. Это день Октябрьской революции 7 ноября и День международной солидарности трудящихся 1 мая. Явка на демонстрацию в честь этих праздников

для многих являлась обязательной. Учителя же, как и директор, завуч и всё руководство школы, должны были организовать школьников и подготовить праздничные транспаранты.

Вот что вспоминают наши учителя. «На демонстрации обязаны были ходить все, и после мероприятия обязательно проводилась линейка, и там выставляли тех, кто не был на демонстрации. Считалось, что если человек не пошел на демонстрацию, значит, он не солидарен с существующим политическим строем. На демонстрацию шли пешком, было тяжело, надо было нести транспаранты, но потом стали заказывать машины, стало легче. Однажды сделали ракету в честь полета человека в космос, в ракете сидел ученик, и спутник сделали с такими антеннами. Готовились хорошо!» — вспоминает Идея Николаевна Савина. Чтобы колонна выглядела красиво и торжественно, ученики шли с портретами членов Политбюро КПСС, знаменами комсомольской и пионерской организации школы и с лозунгами, написанными на красной материи.

Преимущество учительской профессии — это отпуск летом. Но позволить себе поехать куда-либо могли не все.

В 1970-х уже появилась возможность съездить за границу. Например, И. Н. Савина побывала в ГДР, а В. Н. Малицына в Болгарии. Путевку ей частично оплатили. Для учителей это было дорогое удовольствие, поэтому поездка за границу становилась целым событием. В Болгарии Малицыны впервые купили растворимый кофе.

ДЕЛА ОБЩЕСТВЕННЫЕ

Слушая рассказы учителей об их работе в советские годы, мы обратили внимание на то, что они занимались не только уроками и внеклассными мероприятиями. Как говорила И. Н. Савина, они «активно участвовали в общественной жизни, пропагандировали, читали лекции, просвещали людей!»

Некоторые факты нас удивили. Например, К. А. Копенина рассказала, что на рубеже 1950–60-х страна боролась с неграмотностью. «У каждого учителя был свой участок, и они ходили по домам, учили читать, считать. Это было распоряжение правительства и райкома КПСС. Главная задача была научить читать, чтобы люди читали газеты. Очень много было неграмотных». Эти рассказы удивили потому, что мы считали эту про-

блему решенной еще в 1930-х, ведь борьба с неграмотностью началась еще на заре советской власти. А оказалось, что и в конце 1950-х встречались взрослые неграмотные люди.

К. А. Копенина добавила, что от учителей в обязательном порядке требовалось выписывать газеты и журналы. «Например, я выписывала газеты “Правду” и “Учительскую газету” — они были обязательные, но без “Правды”, думаю, можно было бы и обойтись», — говорит она. В то время каждый учитель был агитатором, то есть на нем закреплялась определенная улица и он должен был ходить и рассказывать о выборах, о политике, о кандидатах. Раньше населению нравились выборы — это был большой праздник! На каждом участке музыка, множество развлекательных мероприятий, кино. И во всех этих мероприятиях опорой являлся учитель.

А поразил нас рассказ Идеи Николаевны тем, что она очень позитивно рассказывала об участии учителей в «общественной жизни». У нас же складывалось впечатление, что им и к урокам-то готовиться было некогда. На вопрос, оплачивалась ли работа агитатора, она ответила, что за общественную работу ничего не платили. Но выборами учителя занимались периодически, а вот различные собрания проходили каждую неделю — это политучеба, партийные, профсоюзные, производственные собрания.

«У учителя вся неделя была трудовой! Мы работали при одном выходном, — добавляет И. Н. Савина. — Вторая смена заканчивалась в 19:00, и домой порой приходили в двенадцатом часу! В общем, труд учителя был очень, очень тяжелый. Для подготовки к урокам мы еще составляли подробные урочные планы».

Как говорит Идея Николаевна, многие учителя были членами КПСС, а она вступила еще в 1952 году. Когда пришла в школу № 2, партийная организация объединяла трех человек, потом их стало больше. Бывший директор школы К. А. Копенина поясняет: «Я предлагала вступать только тому, кто хорошо работает. Было такое время, что, ну, надо было вступать, коммунист — это было престижно, даже устройство на работу от этого зависело. Общественная работа — это показатель. Учителя никогда не жаловались на нехватку времени. Помню, меня пригласили на передачу “Какие мы”. Приезжало в Няндому Архангельское телевидение, и я сказала, что не представляю жизни без общественной работы, и это было чистой правдой. Да было трудно,

но мы были так воспитаны. Были, конечно, такие учителя, у которых на первом месте был дом, но я к их числу не относилась, я совмещала и это и то».

Думается, Идея Николаевна немного лукавит. Она сама упоминала, что во многом ей помогала мама, например, она воспитывала детей, да и муж. Действительно, без помощи родных невозможно было успевать и работать и заниматься хозяйством. Одна из учительниц вспоминала, что муж при ее работе всегда занимался стиркой. «Пока я в субботу на работе, он воды нагреет, белье выстирает, воду вынесет, и мы с ним идем на реку полоскать. А вечером если успею, свожу детей в городскую баню», — говорит она и добавляет, что мужу полтора года приходилось работать во вторую смену, чтобы нянчиться с младшим ребенком, пока она на работе. Потом дочь определили в садик. Наверное, без такой помощи общественная работа в радость не будет.

Обязательной являлась и так называемая политучеба. Это занятие во внеурочное время, на котором учителями изучалась политика КПСС, материалы партийных съездов и многое другое. Изучить означало не только прочитать, но и законспектировать. За организацию политучебы отвечали парторг школы и директор. Политучеба, как и педсоветы, проводилась вечером и длилась минимум 2 часа. «Помню, была такая учительница Светлана Сергеевна, как проходило 2 часа, она начинала ерзать на стуле, вздыхать и смотреть на часы, мол, время вышло. Я к ней поворачивалась и говорила: “Светлана Сергеевна, сидите, еще политучеба не закончилась”, — говорит К. А. Копенина, улыбаясь. — Потом, конечно, всем приходилось в темноте и пешком добираться до дома». В. Н. Малицына тоже говорила про долгие педсоветы и политучебы даже при керосиновых лампах, поэтому она обрадовалась, «когда КПСС отменили».

А ведь кроме КПСС, куда, как мы уже сказали, «приглашали лучших», абсолютно всех принимали в различные общественные организации и общества: Общество спасения на водах, Общество книголюбов, Общество охраны природы, Общество Красного Креста и т. д. Одно хорошо, главное — это членство и уплата взносов, собраний проводить не требовалось. У В. Н. Малицыной сохранилось огромное количество таких удостоверений.

Как известно, в СССР существовала однопартийная политическая система, то есть господство КПСС, которая осуществляла контроль над жизнью общества, в том числе и над школой. И. Н. Савина, как парторг, следила за проведением комсомольских собраний, пионерских сборов, обязательно сама на них присутствовала.

Особо следует отметить такое явление в советской школе, как «Пятая трудовая четверть». Конечно, в учебном году всего 4 учебных четверти, но летом в обязательном порядке предполагался общественно-полезный труд для старшекласников. Один раз в год дети собирали металлолом и два раза в год макулатуру. Летом ездили в колхозы. Это было обязательно для всех. Например, около 5 лет подряд Г. И. Перфильева работала начальником трудового лагеря старшекласников школы № 2 «Романтик». «Мне не хотелось, но толкали везде и всюду как физрука», — говорит Галина Ивановна. Каждое лето в деревню Канакша в обязательном порядке отправляли всех будущих десятиклассников на сельскохозяйственные работы на общественных началах. Они пололи, заготавливали сено, выполняли другие необходимые работы. Считалось, что именно физрук должен сопровождать их на эту работу. Галине Ивановне самой приходилось даже сколачивать ящики. Желания ее никто не спрашивал, хотя в семье росло двое детей. А все потому, что рабочих рук не хватало.

«Осенью приходилось ездить в колхоз на уборку урожая. Желания моего никто не спрашивал, — вспоминает Г. И. Перфильева. — Даже недомогания из-за беременности не являлись причиной для того, чтобы остаться в городе. До Липово ехали на машине, дальше пешком, там и работали. Место это называлось Завара. Спали все на полу, на тюфяках в двухэтажном частном доме. Готовили кушать себе сами. Жили почти месяц. Обычно в сентябре ездили туда. В основном собирали горох и картошку. Мылись прямо на речке». Г. С. Доильницына, закончившая школу в 1957 году, тоже вспоминала поездки в колхоз, начиная с 5-го класса, когда работали неделю, а в старших классах вообще на месяц отправляли, в сентябре. Под жилье отводили почти нежилые помещения. «Помню, был дом у озера почти заброшенный. Ребята с одной стороны, мы с другой. Кроватей, конечно же, не было. Я не помню, сено или солома была постелена на пол. Нам поставляли каждый день молоко и какие-то овощи.

Во всяком случае, не голодали. Работали целый месяц. Но это выходило боком всем. Ведь отставали от школьной программы, преподаватели не могли уложиться, а ученики втянуться в учебную работу», — вспоминала Галина Степановна.

***

Для нас, живущих в XXI веке, разговоры с бывшими учителями стали своеобразным мостом в такие далекие для нас 1940–1960-е годы. Все наши собеседницы родились в 30-х годах прошлого века, и их детские воспоминания сохранили память о многих вехах в нашей истории. Например, тот момент, что в 1930-х годах сельское население приходит в движение, начинает переселяться в поисках лучшей доли. Так было с семьями К. А. Копениной и А. Р. Дроздовой. И им еще повезло, что не выслали, а дали возможность уехать из деревни. Не обошла их стороной и проблема паспортизации. После введения паспортной системы в СССР крестьяне этот заветный документ так и не получили, что затрудняло их передвижение.

Все говорят, что после войны уже хорошо жили, «лишь бы не было войны». Действительно, натерпевшись мучений, все свободно вздохнули после Победы. Но не обошел никого ни голод 1947 года, ни отсутствие жилья. Хотя, как говорили наши собеседницы: «Все так жили...» Жили, выбирали профессию. Как? По велению души, и не только.

«И юность ушедшая все же бессмертна...»

Оксана Елисова

гимназия № 20, г. Саранск, Мордовия

научный руководитель Юлия Владимировна Горшкова

Моя бабушка, Алия Халимовна Тенишева (Шехмаметьева), говоря про собственную юность, рассказывает, как ездила по вербовке на торфопредприятие рабочего поселка Аять Свердловской области. И хотя это была очень тяжелая работа, бабушка о том периоде своей жизни всегда вспоминает только хорошее. Наверное, в юности трудности переносятся легче, чем в зрелом возрасте. Как в любое другое время, в годы бабушкиной юности люди стремились каким-либо образом заработать, чтобы их близкие, да и они сами, могли жить лучше. В колхозе, где работала бабушка в конце 1950-х — начале 1960-х годов, зарплату платили пудами зерна. Поэтому, как только представилась возможность на полгода уехать из села на заработки, сельские девушки тут же отправились туда. Полвека назад молодежь ехала на заработки не в Москву, куда все сейчас прямо-таки рвутся, а за Урал — добывать торф.

С 1961 по 1964 год в татарские села Лобановка, Вачеево, Ново-Кадышево Ельниковского района Мордовской АССР приезжал вербовщик с торфопредприятия Свердловской области, куда на сезонную работу требовались рабочие. В Советском Союзе было достаточное количество торфодобывающих предприятий, но не хватало рабочих рук. Работа очень трудная, поэтому такие условия могли выдержать только те, кто с детства привык к тяжелой работе, то есть деревенская молодежь. Стране нужен был торф, а на его добычу и просушку требовались рабочие. Поэтому и ездили вербовщики по сельской глубинке, чтобы найти тех, кто поедет работать на торфодобычу.

Мой учитель истории, Юлия Владимировна Горшкова, посоветовала мне заняться изучением того, как в начале 1960-х годов жили и работали завербованные на торфодобычу рабочие. Лето 2013 года я провела в татарских селах Новое Кадышево, Вачеево, Лобановка, где беседовала с теми, кто вместе с бабушкой ездил на торф. Фотографий у них почти не сохранилось, «карточки» куда-то затерялись за про-

шедшие 50 лет. Этим людям было удивительно, что кому-то вдруг стала интересна их жизнь на торфе. «А зачем тебе все это надо?» — такой вопрос мне задавали неоднократно. Приходилось объяснять, что я хочу узнать, как жили тогда эти девушки, в первый раз уехавшие из родной деревни за Урал на заработки. Ведь бабушка была в то время всего на несколько лет старше, чем я сейчас.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НА ТОРФОДОБЫЧЕ

Моя бабушка в молодости ездила на «торфяные» заработки 3 раза, в 1961–1963 годах, и эти моменты навсегда сохранились в ее памяти.

В начале мая 1961 года на овцеферму в селе Лобановка приехал вербовщик и рассказывал о том, что в Свердловской области есть торфопредприятие, где требуются рабочие на сезонную работу с мая по октябрь. На вопрос девушек: «Какая зарплата?» отвечал: «Хорошо будете работать — до трехсот рублей выйдем». Все задали один и тот же вопрос: «Новыми?» После обмена денег прошло всего несколько месяцев, поэтому сразу поверить в столь большую сумму было трудно. Таких денег в колхозе никто и никогда не видел и в руках не держал. Поэтому, спросив у вербовщика, что это за работа, и услышав в ответ: «Торфодобыча и торфосушка», сразу же согласились. Отъезд намечался на 2–3 мая. Ехать надо было через Краснослободск в Саранск, а оттуда поездом Харьков–Свердловск до станции Аять, где и находилась торфодобыча.

Когда вербовщик спросил о возрасте, бабушка честно ответила, что ей исполнилось только 16, но работы она не боится, потому что с 11 лет ей пришлось бросить школу, чтобы работать почти наравне со взрослыми. С этого возраста она уже косила, укладывала стога сена, так как другие боялись стоять с вилами на самом верху скирды. Запрягала и распрягала лошадь, стригла овец, доила корову, ночами помогала братьям пасти табун. Ее мать решила, что четырех классов начальной школы вполне достаточно, а девочкам грамота вообще не нужна: печь хлеб, варить щи, стирать белье, мыть полы она и так научится. В самом начале 5-го класса бабушка вынуждена была бросить школу, притом, что ее старшие братья и сестра закончили всего по 2 класса. Но ведь был уже 1956 год, война закончилась 11 лет

назад, а в бабушкиной семье всё продолжали жить по традициям 100-летней давности.

Документов у бабушки вообще никогда не было, ее родители не забивали себе голову такой «ерундой», как точная дата рождения детей. При получении различных бумаг называли месяц и число, какие им больше нравились. Год иногда верно указывался в документах сельского совета, а иногда приблизительно. Так и выбирали себе день рождения. Тогда жителям села паспорта на руки не выдавались, а для того, чтобы на какое-то время выехать, нужно было брать временный. В данном случае за удостоверением личности надо было отправляться в город Темников. А чтобы до него добраться, 18 км шли пешком до райцентра — села Пурдошки, оттуда минут двадцать летели на самолете.

Указывая возраст, бабушка прибавила себе год, надеясь, что так точно возьмут на работу. В дорогу ей дали четвертую часть соленого гуся — неслыханная роскошь по тем временам! — и несколько домашних пресных булочек. В семье, где росла бабушка, осенью каждую гусиную тушку перед засолкой в дубовой кадке разрубали на 8 частей. Сначала куски круто посыпали солью, потом через несколько дней заливали рассолом. Так мясо хранилось до конца апреля — начала мая. На обед для семьи из восьми человек варили похлебку из одной восьмой части гуся, после еды всем выдавали по кусочку мяса. На следующий день в печи просто разогревалась оставшаяся половина супа, гусятины после нее уже не было. Вот так и жили, растягивая заготовленную с осени солонину на весь год.

Из Лобановки в райцентр девушек повез на машине вербовщик Юра. Это было для них непривычно, ведь обычный деревенский транспорт — лошадь с телегой. Вербовщику были выданы торфопредприятием деньги на дорожные расходы, поэтому за дорогу платил он сам. Больше всего девушки боялись, что эти деньги в дальнейшем у них вычтут из зарплаты.

На станции Аять их поселили в общежития для завербованных — деревянные бараки. Сходив один раз в столовую, решили готовить еду сами. Готовили те, кто, отработав ночную смену, днем отдыхал. А в столовой не питались из экономии: там нужно было деньги отдавать, а к этому деревенские девушки не привыкли. «Да и свиной могут накормить в этой столовой», — именно этого больше всего боялись молодые татарки.

На работу вышли на следующий день после приезда. До торфодобычи надо было ехать 7 км. Добирались на дрезине: так называли небольшой паровоз с двумя вагонами. Была проложена узкоколейка, по которой на станцию доставляли уже готовый торф.

Татарки еще в своей деревне договорились с вербовщиком (а он работал в управлении торфопредприятия), чтобы их взяли на торфодобывающий комбайн подсобниками. Просто спросили: «А где работа полегче?» Туда и устроились. Мордовкам же оставалось только одно — тяжелая работа в поле. На торфодобывающем комбайне работали в две смены по 12 часов, с 6-ти утра до 18-ти — дневная, с 18-ти до 6-ти — ночная. Выходных не было. Летом, если работали в ночную смену, днем собирали ягоды в лесу, варили варенье. В июле помогали мотористу заготавливать сено, — он держал корову. К этой работе девушки привыкли с детства, поэтому они совершенно спокойно после ночной смены целый день работали на сене. А вечером снова шли на работу. Во время ночных дежурств иногда они дремали, стоя у транспортной ленты, где из поступающего торфа нужно было убирать части корней деревьев, камни, ветки. За такой сон бригадир-удмурт в шутку называл их «пожарные лошади». На торфодобыче работать было легче, чем на торфосушке, где работали мордовки из соседних с Лобановкой сел. Такой график выдержать было очень трудно: девушки работали с 4-х часов утра и до заката солнца («мордва здоровые»). Работали они в одну смену, получали, если погода хорошая, до 380 рублей. А при дожде просто сидели в будке: торфодобыча не велась. При добыче торфа с нового участка приходил лаборант и проверял качество добываемого сырья. Большое поле — его называли «карта» — было покрыто длинными линиями из кирпичиков торфа. При подсыхании их переворачивали, еще через какое-то время ставили на торец. Когда торф был уже практически готов, из него строили примерно метровые сооружения, напоминающие колодцы. Затем торф из этих «колодцев» укладывали в корзины и на плечах несли к узкоколейке, где складывали в пирамиды. Крошки торфа отправлялись на удобрения. Увозили их вагонами: ничего не пропадало. Бабушка вспоминала, что у морденок работа была «адская»: к концу смены даже новые рукавицы превращались в ветошь, а из-под ногтей у девушек начинала сочиться кровь. После смены они держали руки

в тазу, куда была налита вода с перекисью водорода. Как могли, так и лечились. Но никто никого не принуждал на такую невыносимо тяжелую работу: была заинтересованность финансовая. Не выдержишь условий этой работы — уезжай домой и получай палочки-трудодни и зарплату в пудах зерна. «Мордовки были загорелые, как чугуны», но все они живы до сих пор, хотя некоторым уже под восемьдесят.

Зарплата на торфопредприятии была приличная: в месяц получалось 300–320 рублей новыми деньгами. В колхозе никто даже мечтать не мог о такой зарплате. Даже через 10 лет, в начале 1970-х годов, работая в колхозе, бабушка получала зарплату 30–40 рублей.

Жительница села Теньгушево (райцентр на окраине Мордовии) Валентина Петровна Щепетова, 1947 г. р., в 1964 году получала на торфопредприятии в Смоленской области зарплату 90 рублей в месяц. Можно сделать вывод, что в разных областях СССР на торфопредприятиях зарплата могла отличаться в разы. За Уралом платили гораздо больше, чем в центральных областях Советского Союза.

Летом 1961 года бабушка в первый раз попробовала «городскую еду»: батон с подсолнечным маслом и булку с маргарином: «Так вкусно было!» Это навсегда осталось у нее в памяти, как самое вкусное блюдо, что попробовала во времена своей юности. В первый раз она увидела, а затем и попробовала пшено, сварив из него кашу. Пшено продавали только завербованным рабочим торфопредприятия, простые жители поселка купить эту крупу не могли. Домой в Лобановку с собой привезла 13 кг пшена, отрезы ситца, крепдешина («Сошьем всем платья!»), 30 м льняной материи для полотенец. Из ягод, собранных в лесу, сварила ведро варенья для дома. Купила черный хлопчатобумажный материал, чтобы шить из него фуфайки, которые потом продавались на базаре в Ельниках. Посылала домой денежные переводы — два раза по 200 рублей, купить лошадь на мясо. Лошадь стоила тогда 200 рублей. «В семье 8 человек, а в колхозе только пудами зерна платили зарплату: надо было помогать родителям, поднимать младших».

Все девушки покупали в первую очередь что-то для дома. Бабушка купила цинковое ведро, кастрюлю большую, чтобы варенье домой привезти. Для себя приобрела сапожки на меху, до этого ничего, кроме валенок, зимой в деревне не обували.

Купила большой коричневый чемодан, чтобы привезти в нем новые вещи. В городе Глазове она приобрела неслыханную по деревенским меркам роскошь — капроновые чулки. «В Лобановке ни у кого таких не было», — до сих пор вспоминает бабушка. После первой стирки она решила погладить их утюгом, в результате от чулок осталась только пена. Зато новые чулки бабушка, наученная горьким опытом, больше уже никогда не гладила. Купила себе темно-синее зимнее пальто с цигейковым воротником, пуховый платок. «Носила их лет 18», — сказала бабушка с необычайной гордостью. Все деньги, что заработала на торфе, привезла матери. Домой девушки ехали бесплатно — за билеты платило торфопредприятие.

В 1962 году на торф собрались ехать уже пять девушек из Лобановки, всем хотелось заработать.

Сания Ибрагимовна Шехмаметьева, 1938 г. р., вспоминает: «Зимой готовились к поездке: пряли пряжу и вязали свитера. Готовые изделия дома красили в зеленый, бордовый, голубой цвета. Краску покупали на базаре в селе Ельники. Вода, краска, соль, уксус — и любой цвет готов. Недели через три после прибытия поехали в город Глазов, чтобы на рынке продать то, что связали за зиму. Кроме свитеров привезли красиво связанные женские шарфы — «паутинки» длиной 2 м. Вязка у них ажурная, по краям — зубчики. Ширина шарфа была 1 м. «Паутинки» продавались лучше свитеров. Все девушки привезли с собой на торф связанные за зиму свитера и «паутинки».

С половины октября начались заморозки: «Добыча (бабушка всегда ставит ударение на первый слог, наверное, это профессиональное) кончается, торф не сохнет». В один из дней девушки упали с тележки трактора в торфяную жижу, глубина в этом месте была 1,5 метра. Сверху их засыпало хворостом. Мастер Субботин долго кричал, что из-за глупых девчонок он в тюрьму садиться не хочет. Ответ девушек поражает своей наивностью: «Ну что же, посидишь немножко». На что Субботин ответил: «Всё, домой собирайтесь, на этот год торф для вас окончен». Как и в прошлом году, домой их довез вербовщик. В гостинец родителям бабушка привезла 15 кг пшена и деньги.

В августе того же года бабушка с подругами в Свердловске увидели на столбе объявление: «Нужны рабочие на строительство Братской ГЭС». Долго искали нужный адрес. Там был вербовщик, составлявший списки тех, кто хотел уехать на строи-

тельство в Братск. Обещал зарплату до 550 рублей в месяц. Это же на 250 рублей больше, чем они получают здесь! Не боялись никакой тяжелой работы, поэтому тут же решили завербоваться в Братск. Но документов с собой ни у кого не было, а отъезд был запланирован в этот же вечер. Так и вернулись домой ни с чем.

В 1963 году из Лобановки и Вачеева (татарское село в одном километре) поехало уже семь человек, так как все знали о раз- мере зарплаты на торфе. Жили в том же бараке, только комната была на 11 человек. В этом году впервые сделали для завербо- ванных рабочих танцплощадку. Она находилась метрах в двух- стах от барака. Танцплощадка — это настил из досок, поднятый на метр от земли. Рядом с танцплощадкой — кино. Билет в кино синий, цена 23 копейки. Ходили редко — сэкономили день- ги. «Хотелось, конечно, сходить, но денег жалко было. Четыре раза пойдешь, и рубля нет». Народ был деревенский, эконом- ный, получая по 300 рублей, они сэкономили даже на билетах в кино. В Свердловске бабушка в первый раз в жизни купила себе плащ — предмет роскоши для деревенских девушек, и туф- ли. Денег родным в деревню не посылала, — откладывала для себя. До конца сезона не доработала, вышла замуж за моего деда и уехала назад в деревню.

После возвращения бабушка больше не ездила ни на какие заработки, вышла замуж, пошли дети. Но до сих пор воспомина- ния живы.

«ПРИМЕЧАЙ БУДНИ, А ПРАЗДНИКИ САМИ ПРИДУТ»

Запомнилось бабушке празднование Троицы в июне 1962 го- да. За 2,5 месяца пребывания на торфе татарские девушки подру- жились с русскими и мордовками, и к празднику все вместе на- ряжали общежитие березовыми ветками. Татарки это делали от души и с большим удовольствием, совершенно не задумываясь о том, что Троица — праздник православный и к мусульманам отношения не имеет. Вопросы религии девушек вообще мало интересовали. Они вместе жили в общежитии, не разделяя друг друга на своих и чужих. К празднику испекли, кто что мог. Даже купили бутылку вина на 10 человек, праздник всё-таки. Попро- бовали — не понравилось. Вердикт: невкусно. Много пели, пля- сали под гармонию. Так и справили Троицу все вместе — русские,

татарки и мордовки. Татарок поразило, как хорошо две мордовки, стоя друг напротив друга, пели русские «страдания».

В 1962 году приехавшие на торф девушки стали покупать себе наряды подороже: «Белый свет увидели, когда из колхоза уехали». Очень понравился бабушке железнодорожный вокзал в Свердловске: «Большой, красивый, чистый, а главное — уютный, не то, что в Саранске или в Горьком».

Еще в июле 1962 года девушка Вера, которая тоже приехала на торф из Ельниковского района Мордовии, вышла замуж за местного парня. Так бабушка впервые побывала на русской свадьбе: до этого она видела только деревенские татарские свадьбы. Невеста была в обычном крепдешинном платье. Бабушку удивило, что русская невеста — без платка и лицо у нее открыто. Да и сидит рядом с женихом, и все гости ее видят. Бабушка запомнила, что гостей угощали окрошкой: «Я тогда ее в первый раз в жизни попробовала. А то в деревне все время на завтрак ели либо сваренную картошку в мундире с разбавленной водой квашеным молоком — аряном, либо с огуречным рассолом, куда были накрошены соленые огурцы». Еще на свадьбе гостям дали салат «викторию», которую бабушка никогда раньше не пробовала. Столы поставили в саду под яблонями. Прошло уже более 50 лет, а ту свадьбу с окрошкой и «викторией» бабушка вспоминает до сих пор. Такого простого и вместе с тем необычного сочетания свадебных блюд бабушке встретить никогда больше не довелось.

После того как Вера, их соседка по комнате, вышла замуж, девушки решили, что надо готовить приданое. Бабушка с улыбкой говорит об этом времени: «Приданное готовили, а женихато не было». Халифя Хасяновна Сухова (Кремчеева), 1946 г. р., из села Новое Кадышево вспоминает: «Купили льняной специальный материал, из которого потом нарезали полотенца, края которых украсили вышивкой. Купили белый коленкор — хлопчатобумажную ткань, чтобы нарезать из него носовые платки. На татарской свадьбе нужно было всем гостям подарить вышитые и обвязанные крючком носовые платки. Они красиво укладывались на подносе, с которым обходили всех гостей. Каждому из приглашенных полагалось подарить носовой платок, а он взамен должен был положить на поднос деньги. Отдельный платок вышивался для жениха: он был больше остальных, а вышивка гораздо красивее, чем на других платках. Также был куплен

«И юность ушедшая все же бессмертна...»

материал, из которого делали скатерти, вышивая их по краям. Скатерти готовились как для себя, так и для матери будущего мужа».

Работа работой, но душа, особенно молодая, требует праздника.

«РАДИ КРАСОТЫ И ПОТЕРПЕТЬ НЕ ГРЕХ». ПРО «ЧУГУНЫ»

Как-то в августовский вечер 1962 года девушки засиделись на крыльце общежития. Долго разговаривали, смеялись, а потом кто-то из них спросил: «А что это мы такие черные, как чугуны?» Все задумались. Работать по 16 часов в поле, перекладывая кирпичики торфа, и не загореть, было невозможно. Девушка из Ульяновска возразила: «Почему, как чугуны? Можем стать, как младенцы. Помолодеем». Все были озадачены: как можно убрать такой сильный загар за столь короткое время? Девушка из Ульяновска поделилась рецептом «Эликсира молодости». Все его составляющие были куплены на следующий день в ближайшем магазине. Взяли вазелин, пузырек йода, банку крема «Снежинка» (тара стеклянная с узким горлышком), всё перемешали. Первыми рискнули нанести эту «адскую смесь» на лица 4 мордовки из деревни Большие Мордовские Пошаты, которая находилась недалеко от Лобановки. А им было по 22–23 года. Эксперимент с «чудо-кремом» произвели вечером: «А может, к утру уже помолодеем?» Когда посмотрели на «экспериментаторов» утром — ужаснулись: они похожи были не на чугуны, а на, назовем их политкорректно, афроамериканцев. На работу идти нужно в любом случае, поэтому лица замотали платками, оставив одни глаза. В таком виде они ходили 2 дня, а потом пошли в баню. Завербованным рабочим давали 2 дня в неделю, чтобы сходить в поселковую баню, где можно было не только мыться, но и стирать. А постельное белье было казенное: в стирку его забирала комендант, потом она же выдавала чистое. После бани приходят радостные: с их лиц старая кожа цвета чугуна слезла, появилась новая — белая с розовым румянцем. Бабушка сама решила попробовать так «помолодеть» (а ей на тот момент было 17 лет), «чтобы в деревне прям ахнули». Нанесли с девушками этот «чудодейственный эликсир» себе на лица. Дальше началось «самое интересное»: «Лицо горело адом. Всю ночь просидели на крыльце», пытаюсь найти хоть какое-то

облегчение. Утром на работу пошли, замотав лица платками. Бригадир-удмурт, посмотрев на девчонок, сказал в сердцах: «Дуры! Зачем?!» «А бригадир нам казался старым, ему тогда лет 30 было». Два дня ходили с волдырями на лицах — ожог кожи. Потом пошли в баню: черная кожа слезла, боль прошла. Пришли на работу без платков, лица у всех белые с легким розовым румянцем. Бригадир-удмурт, удивленно взглянув на них, спросил: «Дуры, это вы?» Вопрос остался без ответа.

Девушки ходили очень довольные своей вновь приобретенной красотой: «Все черные, а мы беленькие». «Осенью в деревне все так и ахнули, особенно ребята». Сразу вспомнилась фраза: «Красота — это страшная сила».

На торфопредприятии в поселке Аять работали девушки из Башкирии, Ульяновской области, Мордовии. На торфодобывающих комбайнах работали механизаторы из Саратовской области, было несколько приезжих из Удмуртии. Никто из Свердловской области не шел работать на торфопредприятия: не устраивали слишком тяжелые условия работы, даже несмотря на высокую оплату труда. Жители поселка Аять, где жили приезжие рабочие, не хотели каждый день так далеко добираться до работы. Семь километров туда, семь обратно. Сейчас таких приезжих рабочих называют «гастарбайтерами». Получается, что таким «гастарбайтером» три сезона за Уралом была моя родная бабушка.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Письмо с войны (Живые страницы армейских писем пограничника Евгения Кротова)

Дарья Двойнишникова, Валерия Панфилова
школа № 4, школа № 17
г. Полевской, Свердловская область
научный руководитель Валентина Дмитриевна
Нестерова

Еще остались письма с той войны, афганской... Но письма эти не о прошлом. Они о настоящем.

Евгений Юрьевич Кротов, выпускник Полевской средней общеобразовательной школы № 4, — совсем еще мальчишка, солдат-срочник. Родина призвала его на службу в армию, а уж где нести эту службу, как распорядиться своей судьбой, было не ему выбирать.

А потому через что только не довелось пройти солдату, какие только мрачные мысли не рождались в его голове на затерянной в горах пограничной точке, и какую великую трагедию пришлось пережить его родителям!

Мы с интересом рассматриваем фотографию Жени. Светлорусые, волнистые, как у Есенина, волосы, приветливая улыбка. Не верится, что этот симпатичный юноша служил, как было принято говорить, в опасной «горячей точке». И погиб там 19-ти лет от роду...

Сейчас, спустя 30 лет после тех печальных событий, уже нет в живых ни мамы, ни бабушки Евгения. Но в ходе работы над исследованием мы повстречались с людьми, хорошо знавшими Женю, с теми, кто близко с ним дружил. Благодаря встречам, беседам и интервью с респондентами нам удалось выяснить немало подробностей.

Светлана Неволлина: «Я не знала кроме Жени более верного друга. Интеллигентный и в то же время очень простой, скромный, душевный, открытый, честный парень. К сожалению, я не могла ответить взаимностью на его симпатию (мне нравился другой мальчик), но это не мешало Жене искренне любить меня, не скрывая и не стыдясь своих чувств. Он охапками приносил мне цветы, дарил подарки, причем чаще сделанные своими руками, а оттого более милые сердцу. В классе все мы

его очень уважали, ценили за замечательные человеческие качества. Такие люди, как Женя, — соль земли, ее основа. Жить бы ему да жить!..»

Валентина Георгиевна Микурова, в то время директор школы: «За все годы учебы в школе Женя Кротов ни разу ни в один конфликт не вступил, да что там конфликт, даже напряженной ситуации не было. Со всеми мог поладить, поговорить, был начитан, приятен в общении. Но в решении принципиальных вопросов при кажущейся мягкости его характера Евгений всегда занимал собственную, достаточно жесткую позицию».

(Просим обратить особое внимание на слова директора, потому что эта отмеченная ею черта характера сыграет в судьбе Жени немаловажную роль).

Андрей Силин, одноклассник: «Женя просто обожал свою маму и очень любил бабушку — так нежно к ним относился, во всем помогал! И отца своего очень уважал».

Ираида Васильевна Маринина, классный руководитель: «Женя всегда был моим любимцем, одноклассники знали это, но не сердились на него. Такого, как он, нельзя было не любить. Кроме того что он был очень красивым, семья дала ему прекрасное воспитание. Умный, цельный, надежный, добрейшей души юноша. Он до сих пор стоит перед моими глазами: в светлой телогрейке на крыльце военкомата в день отправки в армию. Думаю, если бы Женя вернулся после срочной службы домой, он обязательно пошел бы учиться в институт, создал семью, сделал бы прекрасную профессиональную карьеру. И тем более горька утрата, которую уже ничем не восполнить...»

Когда в апреле 1982 года Кротова призвали в армию, он сразу же начал писать письма домой. Эти письма вроде дневника: многие писались с интервалом в один–три дня. Только после полугода службы Женя стал писать чуть реже. В школьном музее хранятся письма и фотографии Евгения Кротова, которые он присылал своим друзьям в период службы. А попали они туда случайно — сверток с наградами, документами, фотографиями и письмами (более полусотни!) от единственного сына и внука Кротовых обнаружили новые жильцы квартиры, где умерла его мать. Так они попали в школу, где он учился.

Толстая пачка конвертов, слегка потрепанных по краям. Видно, что их читали и перечитывали по многу раз.

Мы тоже стали читать армейские письма Жени.

Считаем, что эти солдатские письма — важный исторический источник событий, рассказывающий о нелегкой службе наших пограничников в 1980-е, суровые годы афганской войны на границе двух государств: бывшей союзной республики Таджикистан и мятежного, опасного Афганистана.

Читая весточки из «горячей точки», мы думали, что не у каждого военнослужащего хватало терпения и желания так регулярно писать и так подробно рассказывать о событиях армейской жизни, воинской учебе, о солдатском быте, службе на границе во время военных действий периода афганской войны. А у Жени хватало с лихвой.

ЖИВЫЕ СТРОКИ

Была в поселке Северский, включенном в 1946 году в черту города Полевского Свердловской области, обыкновенная семья Кротовых. Мама и папа, к сожалению, не жили вместе, но оба очень любили единственного сына. Отец, преподаватель горного института, профессор, после развода сразу уехал на Север и там руководил полевой практикой студентов-геологов. Мама Жени преподавала в ПТУ. Евгений родился 11 октября 1963 года, поступил в среднюю школу № 4 и успешно там учился.

После окончания средней школы Женя Кротов решил сначала отслужить в армии, а уж потом получить высшее образование. Но до призыва еще было время, и 1 сентября 1981 года он поступил в местное ПТУ. Через восемь месяцев, 14 апреля 1982 года, он получил диплом с отличием по профессии «резчик холодных труб» и был направлен на Северский трубный завод. Но уже на следующий день, 15 апреля, Евгения Кротова призвали на военную службу.

Письмо маме Екатерине Андреевне и бабушке, 18.04.1982

Дорогие мои, пишу вам первое солдатское письмо! Сейчас я в поезде Алапаевск — Свердловск. Выдалось свободное время, и я пишу вам весточку. Стучат колеса, звенит гитара, и ребята пишут домой письма. Нас «купили» пограничники. Поездом мы доедем до Свердловска, а оттуда самолетом до Читы. Не скушайте, я жив-здоров и отправился в дорогу.

Отцу Юрию Петровичу, 19.04.1982

Пишу тебе свое первое солдатское письмо. Это письмо пишу на борту самолета. Мы летим в Читу, потом поедем поездом до Амура. Я стану пограничником. Так решила моя судьба. А впрочем, я не жалею. Будут, конечно, трудности, и немалые. Но выйти из них победителем — это немаловажно для себя самого, для моей последующей жизни. Вот такие мои мысли. Думаю, что увеличившееся расстояние между нами не разлучит нас.

Целую. Женя.

Как ждали дома эти первые письма! Прочитав их, родители несколько успокоились, хотя бы потому, что Женю отправили служить за тысячи километров от опасного в то беспокойное время Афганистана. Шимановск, город в Амурской области на реке Большая Пера в 251 км от Благовещенска, построенный в 1911 году в связи со строительством Амурской железной дороги, наиболее интенсивно развивался в период строительства Байкало-Амурской магистрали. Сейчас там 22 тысячи жителей. Недалеко от города — граница РФ с Китаем. В армии Женю готовят к пограничной службе.

Маме и бабушке, 30.04.1982

Привет с далекого Дальнего Востока от пограничника. У меня все в порядке... О вас я вспоминаю часто, несколько раз снился мне дом. И знаешь, мама, как будто вся моя жизнь за 18 лет проплыла в памяти. И как мы с тобой ездили в лес на Чебулу, и как на вокзал ходили, и как в Москве были вместе. А помните, как ягоды собирали в районе станции Полевской, эти ягодные поляны! Я сейчас, прощаясь с детством, говорю вам, дорогие мои, большое спасибо за то, что вы подарили мне столько радостей, согревали меня своим теплом и лаской. Может, я порой не ценил этого, простите меня. Ну, как вы там, здоровы ли? Вы только не скучайте! Ну ладно, пока прощаюсь с вами. Ваш Женя

Из письма ясно, что Евгений впервые оказался так далеко от дома, от привычного окружения, от родных и друзей, и потому тепло вспоминает все подробности своей беззаботной доармейской жизни.

Маме и бабушке, 15.05.1982

Ура! Месяц прослужили! Огромной радостью для меня были ваши письма. Да какие письма — целые поэмы! Все новости теперь я знаю. А вот мои новости. Сегодня суббота, будет баня, а по баням я считаю недели. Завтра нам покажут боевую технику, и начнется учеба. К утренним зарядкам привикаю. Хотя и мерзну, но по утрам обливаюсь холодной водой. Горячей воды в армии нет. Болят ноги и мышцы в ступнях от строевых.

Мама, деньги в письмах высылать не надо, в твоём письме трех рублей не было. Об этом нам говорят командиры, что по дороге деньги из конвертов часто вытаскивают. Много мне не надо присылать. Главное, чтобы вам с бабушкой хватало.

Ну, ладно, родные мои, заканчиваю писать. Не скучайте, не болейте, будьте веселы.

Женю, конечно же, волновала его будущая военная служба. Но неопределенность, когда солдаты ожидают отправки в часть, очень тяжела.

Маме и бабушке, 31.05.1982

На какую профессию меня определят, пока не знаю. Я уже писал в прошлом письме, что в школу сержантов не прошел медкомиссию. Но за эту неделю будет известно, куда дальше. Сейчас раннее утро, 5 часов. Я стою дневальным в суточном наряде. Когда ты в наряде, имеешь возможность втихаря черкнуть письмецо. Вчера была большая стирка. Белье меняют не каждую неделю, поэтому приходится стирать самим.

Примечательным нам показалось сообщение, что солдатам приходится самим стирать постельное белье. Но Женя, видимо, уже привык.

Маме и бабушке, 16.06.1982

Ура! Прослужил два месяца! Я знаю, родные мои, что вы будете служить вместе со мной. Бабушка будет зорко нести дозор у окна, а мама будет все два года вместе со мной мысленно ходить в наряды. С такими помощницами мне ничего не страшно. Только по ночам спите спокойно, не волнуйтесь ни о чем. Мы 13 июня приняли присягу.

Маме и бабушке, 26.06.1982

В моей армейской жизни небольшая перемена: меня направляют в сержантскую школу командиров БМП (боевая машина пехоты). После окончания присваивается профессия механика-водителя или оператора-наводчика. Но это все впереди. Хотелось бы служить на заставе. Через четыре с половиной месяца поедем обратно в Шимановск, а оттуда будет распределение на дальнейшую службу. Пишите, для меня большая радость получить от вас письмо.

Маме и бабушке, 30.06.1982

Переживаю, что долго не получу от вас письма на мой новый адрес. В школе сержантов намного труднее, чем в учебке. Мама, письма, возможно, буду писать реже, так как времени не хватает, но как только выдастся свободная минутка, обязательно напишу. Сейчас мы уехали еще дальше на восток километров на 400. Это Райчихинск, на карте ты его найдешь. Погода стоит жаркая и сухая, как в Средней Азии. Мама, мне неудобно просить, но если можно, пошли денег рублей десять, мне кое-что нужно купить, а денег совсем нет. Так, по мелочам, конечно, да еще хочу сфотографироваться.

Райчихинск — город Амурской области, в 165 км к югу от Благовещенска. Женя снова испытывает материальные трудности, и мы понимаем, как унижительно для него постоянно просить денег у мамы. Однако тяжелая пограничная служба, очевидно, не предусматривала в советской стране такие мелочи, как забота об элементарных нуждах и денежных расходах солдата.

Маме и бабушке, 07.07.1982

Снова вам пишу коротенькое письмо. Сегодня у нас был день тактики, бегали в полной амуниции и с оружием. Дни стоят жаркие — очень хочется пить. Мама, ты уж меня извини, что я у тебя все время прошу. Но мне бы нужно купить синтомициновую мазь, бинты, мозольный пластырь, йод или зеленку. Если тебе не трудно. Ну ладно, дорогие мои, буду заканчивать. Крепко целую.

По-видимому, медицинские служащие недостаточно внимательны к военнослужащим, считая некоторые их заболевания

мелочами. Но они являются помехой армейской службе, и солдаты вынуждены обращаться за помощью к родным.

Двоюродному брату Сергею Кротову, 10.08.1982

К Свете я пришел накануне проводов, просто, чтобы посмотреть на нее. Она меня пригласила в дом, правда, я был не один — с другом. Мы долго разговаривали, вспоминали наши школьные дни. На проводы пришла, но была с другим парнем. А наутро к военкомату одна пришла. Попрощались с ней, как друзья. Написал ей уже два письма, на оба ответила и прислала фото. Но, понимаешь, письма ей у меня получаются какие-то официальные, скованные.

Думаю, что если напишу от души, то получу в ответ опять что-нибудь резкое. Эх, поскорей бы забыть все это!

Света Неволкина училась классом ниже и была первой школьной любовью Жени. Света не могла ответить Жене взаимностью, потому что ей нравился другой мальчик из их компании. Но первое время она старалась отвечать на письма, понимая, как нелегко солдату без весточки от друзей.

После смерти Жени она очень переживала. Позднее вышла замуж за своего одноклассника Андрея Викулова.

Маме и бабушке, 17.08.1982

Здравствуйте, мои родные! Долго ждал писем и, наконец, дождался. Посылку я получил, особенно понравилось фигурное печенье. Я часто вспоминаю любимого «Степку-растрепку», «Муравьиную горку» и, конечно, бабушкины пироги. Ну, хватит, а то слюнки рекой потекли. К норме пищи я привык, только каждый день одно и то же. Так хочется овощей или фруктов.

Сообщу вам потрясающую новость. В воскресенье вечером нам показали художественный фильм «На чужом празднике» Свердловской киностудии. И вот не поверите! В первых кадрах показали наш Северский! Автостанцию, вид на цех Т-1, кинотеатр «Родина», улицу Степана Разина, 17-ю школу! Не думал, не гадал, что, находясь так далеко от дома, сумею посмотреть на свой город!

Дорогая моя кормилица, бабушка! Я скоро пришлю тебе свою фотокарточку, посмотришь, какой я стал. Ты береги себя, тяжелое не носи и много не ходи, чтобы не болели ноги. Я служу,

и время, вроде, быстро идет, а по дому всё равно скучаю, часто вспоминаю твою заботу. Кончится моя служба, и снова встретимся.

Среди однообразных солдатских будней просмотр кинофильма, да еще в котором Женя увидел родной город, — событие для него неординарное. Он снова проявляет заботу о маме и бабушке, переживает за их здоровье.

Маме и бабушке, 31.08.1982

Здравствуйте, родные, дорогие! Сегодня на календаре последний день лета — 31 августа. Завтра школьники начнут учебу.

Мне сегодня особенно остро вспомнилась школа, Первое сентября. Всё нарядно и необыкновенно. А помните, как я пошел в первый класс? Гордо шагал по улице с букетом. Мне тяжело сталкиваться с наглостью и грубой силой, такая уж у меня натура. Мне легко со скромными, спокойными ребятами, сердце мое тянется к добру.

Но когда его не встречаешь, и нет поддержки в трудную минуту, и нет друга рядом — то бывает тоскливо на душе и всё валится из рук, ничего не получается. И земляков здесь нет, это плохо.

Поэтому ты, мама, пиши почаще. Не обязательно новости, пиши о прошлом — у нас было много приятного. Каждое письмо дает мне заряд бодрости и сил.

У нас похолодало, подул сильный ветер. Размениваю пятый месяц службы. Ну ладно, буду прощаться с вами. Любящий вас сын и внук.

Евгений знакомится с новыми людьми, ищет среди сослуживцев своих единомышленников. Упоминает о неуставных взаимоотношениях между военнослужащими («тяжело сталкиваться с наглостью и грубой силой»). Из письма видно, что проблемы страны отражаются в армии, как в зеркале.

Маме и бабушке, 14.09.1982

Первые полгода в армии считаются как бы периодом акклиматизации: для солдата создаются трудности и физические, и моральные, для того чтобы он привык к армейскому ритму, к взаимоотношениям, знал, с кем и как общаться — с «дедами» и сослуживцами своего возраста. Период этот бывает, как пра-

Евгений Кротов в старших
классах

Женя в детстве

ПТЖТУ-44 чрв 1965

Форма № 26 к ст. 106

Гражданину Кривошея Евгений Ю
 проживающему д.р. в. Шарахово 176

ПОВЕСТКА

На основании Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» Вы подлежите призыву на действительную военную службу.

Предлагаю «31» 03 1982 г. к «...» часам прибыть на призывной участок по адресу:
д.р. в. Шарахово

Взвездником Туркин
 (звание, подпись)

Линия отреза

Повестка в армию. 1982

В армии. 1982-1983

вило, трудным. Для меня он тоже был нелегким, и, прежде всего, потому, что я медлительный и нерасторопный, тихоня и размазня. И еще потому, что я не увидел того сплоченного и настоящего армейского коллектива, к которому привык в классе и о котором мечтал. Все у нас здесь как-то разделилось на группы, смотрят волками друг на друга. Есть, конечно, и хорошие ребята, к которым я тянусь. Но есть грубые и нахальные, которые ни перед чем не остановятся. На заставе этого нет. Туда таких не берут. Я теперь сто раз поругал себя за то, что попал в эту сержантскую школу.

Мне сейчас как-то стало всё равно — я устал морально. В армии порой много делаешь лишнего. Какому-нибудь командиру взбредет в голову показать свое превосходство над подчиненными — а ты под козырек и вперед! Правильно ли это, разумно ли приказание — обсуждать не велено... Мама, ты только не принимай это близко к сердцу. Через полгода мне уже будет легче, и еще я понимаю, что, возможно, сам во многом виноват: не могу перешагнуть через других ради себя.

В октябре у нас окончится «учебка», поедем на новое место. Если можешь, пришли, пожалуйста, к этому времени денег рублей 10–15 на дорогу и на устройство на новом месте, только не в ущерб себе.

Маме и бабушке, 04.11.1982

Здравствуйте, мои милые! Пишу в поезде. За последние дни в моей жизни произошли большие перемены. Думал, уеду из части только после ноябрьских праздников, а отправили внезапно 26 октября. Отправили меня в Среднюю Азию в Таджикистан. Сегодня вот уже шестые сутки на колесах... Поедем до Душанбе, а затем дальше — на границу в поселок Московский. Так что, мама, ухажу в горы...

Климат, конечно, там жаркий, и снег, наверное, только через полтора года увижу. Так что, за службу объеду больше, чем за всю мою 18-летнюю жизнь. Побывал на Дальнем Востоке, проехал через всю Сибирь, посмотрел на Байкал, а теперь вот — в Среднюю Азию. Вы, мама, не волнуйтесь, как приеду на место, сразу же напишу.

Наконец-то в его дальнейшей армейской жизни появилась какая-то определенность — его направили служить в Среднюю

Азию в Таджикистан на границу в поселок Московский. Наверное, тогда он еще не понимал, что это — Афганистан!

Маме и бабушке, 18.11.1982

Я хотя и мечтал о горах, но никогда там не был и поразился всему, что увидел. Такое ощущение, что попал совсем в другой мир. 7 ноября вертолетом улетели на заставу. Так что служить буду на границе. Сегодня пойду в свой первый наряд.

Земляков не встретил. Здесь много украинцев. Коллектив хороший. С заставы много ребят увольняется, и мы пришли им на смену. За меня не беспокойтесь и не волнуйтесь. Как дела у вас, дорогие мои? Денег, мама, посылать не нужно, здесь всё равно их тратить негде и нечего купить — кругом только горы. Женя.

Постепенно Женя освоился в части, научился радоваться небольшим «подаркам судьбы» — посылкам, хорошей погоде, новым знакомствам. Но нас удивило, что на афганской границе так же, как и на дальневосточной, солдаты ждут из дома посылку, где будет немного печенья или пряников. Видимо, в столовой ничего этого не дают.

За водой для заставы ездят за три километра по трудным и опасным горным дорогам, и воды порой не хватает.

Маме и бабушке, 23.11.1982

Шлю вам теплый привет с далекой, затерянной в горах заставы. Над нами вот уже целую неделю висит туман, и вертолеты не могут сюда пробиться. Впредь вы учтите это обстоятельство, и если долго не будет писем, не волнуйтесь.

Жизнь течет нормально. Хожу на службу. Поначалу было трудно — ночами холодно и сыро, а дневальный будит: «Вставай!» Надеваешь бушлат, берешь автомат и уходишь в холодный туман и тьму. У нас горы уже все побелели, снежные, красивые, уже и солнце почти не греет — скоро ведь зима. Кто здесь уже давно служит, говорят, будем грязь месить, такая почва — камни да глина.

Мама, ты только чаще пиши, дорогая моя. Если можешь, вышли мне теплые носки, а то сапоги мои совсем развалились, и ноги очень мерзнут. Из продуктов, мама, пошли печенья или пряников побольше дешевых каких-нибудь, так хочется...

Женя пишет, что жизнь течет нормально, хотя ночами холодно и сыро, а сапоги совсем развалились, и ноги очень мерзнут. Он просит маму прислать теплые носки — скоро ведь зима. Очевидно, в армии не заботятся о своих солдатах срочной службы, и они вынуждены с помощью родных заботиться о себе сами. Сын старается успокоить маму: если долго не будет писем, значит, в горах висит туман и вертолеты не могут пробиться на заставу. Прочитав эти строки, мы невольно задумались: как же солдаты питаются, если вертолеты не могут регулярно доставлять продукты и остаются проблемы с водой? Каким же может быть в таких условиях здоровье и настроение защитников Родины?

Служба становится всё труднее. В письме Женя пишет, что они охраняют границу с Афганистаном.

Отцу, 23.12.1982

Папа, если бы ты мог ко мне приехать деньков на пять. Мне надо с тобой встретиться и многое обсудить. Встреча с тобой, пять гражданских дней дадут мне большой запас сил. Если бы я мог вырваться в Союз! Папа, я очень хочу с тобой увидеться, я очень соскучился и мне надо о многом поговорить. Это важно. Может быть, ты приедешь в июне. Но если будет возможность, то приезжай раньше, я очень жду.

Считаем, что это письмо — крик души. Впервые так настойчиво сын просит отца о встрече, которая, по мнению Жени, даст ему большой запас сил. Очевидно, в армейской службе не всё так безоблачно, как сын описывает в письмах к маме.

Маме и бабушке, 05.01.1983

Ну, вот мы и вступили в новый 1983-й год. Что он нам принесет? Мама, ты задала мне много вопросов, на которые я постараюсь ответить. Сначала о здоровье. Солдаты тоже не железные: мы и боеем, и устаем. Но, знаешь, в армии свои законы, здесь порой приходится забывать о своих болезнях и нуждах. ... Кстати, условия здешнего климата способствуют развитию различных кожных заболеваний типа пендинской язвы, чиреев. Порой я тоже устаю, сказываются бессонные ночи. На втором году, думаю, будет легче. Есть и нервные нагрузки. Если бы мы все были равны! А то среди нас есть «деды». Меня немного, правда, спасают сержантские лычки.

Вторая сторона — то, что басмачи не дают покоя, и их немало, а вооружены они не фитильными ружьями. Так что, проща говоря, не разевай «варежку»! И не дай бог заснуть на посту!

БМП используется у нас для сопровождения колонн военных машин на территорию Афганистана. На БМП стоит довольно сильное орудие. Воду мы пьем ключевую, родник, правда, находится в трех километрах от заставы на территории Демократической Республики Афганистан. За водой ежедневно выезжает водовозка в сопровождении БМП и БТР.

А впереди еще пускают минорозыскную собаку: «духи» любят делать сюрпризы. Так что вода у нас на вес золота. Живем мы в глиняных мазаных казармах, которые наполовину находятся под землей, лишь окна наверху. Печки топим сами. Дрова и уголь привозит вертолет. Раз в неделю топим баню, если есть вода. Ну, пока, милые мои. Крепко целую вас, ваш Женя.

Женя говорит о том, что в армии свои законы, и порой приходится забывать о своих болезнях и нуждах. А болезни нештучные. Он упоминает пендинскую язву (иначе — болезнь Боровского, или кожный лейшманиоз) — болезнь южных и влажных стран, при которой на коже появляются язвы, доходящие размером до 2–4 см в диаметре, долго не заживающие и оставляющие на коже некрасивые рубцы. Есть и нервные нагрузки: во-первых, существует еще «дедовщина», а во-вторых, душманы («духи») не дают покоя, их немало и они хорошо вооружены. Мы представили, каково было матери читать эти строки.

Маме и бабушке, 24.01.1983

С каждым вертолетом получаю от вас письма. Большое спасибо за то, что поддерживаете меня в трудное время. Мама, бандероль я получил. Хотя теперь и есть у меня теплые вещи, я и сам не рад. Дело в том, что у нас обнаружили вши, ведь живем в землянках, в сырости. Белье не сохнет, да и баню редко видим.

О проблемах с водой я вам писал, да и дров постоянно не хватает. Офицеры подумали, что вши от свитеров, и забрали у нас все теплые вещи. Мне удалось свитер спрятать, но долго ли я его сохраню, не знаю. Мама. Если будешь что-нибудь посылать, то вышли парочку трусов и носки простые или полушерстяные. Я буду носить свое белье и стирать его сам. Мама, ты

спрашиваешь, как часто прилетают к нам вертолеты. Это зависит от погоды и от других причин.

Что здесь порой надоедает, так это ожидание вертолетов. К нам на заставу вертолет должен прилетать два раза в неделю, если погода позволяет. А если туман или другие причины, то и по 20 дней его нет. Бывает, что целую неделю вертолета не дождешься, а то снуют мимо заставы, как у нас дома комары. Тогда ни днем и ни ночью нет покоя. Но что делать — регион такой, можно сказать, военный.

Продукты заканчиваются, и тогда мы грызем сухари. Так что ты, мама, не ругай меня, если не будет долго писем. Писать я стараюсь хотя бы раз в неделю, а то, что письма идут долго, это не моя вина. Хотя я понимаю, что ты очень волнуешься. Мне тебя жаль, тебе очень нелегко. Вообще, условия у нас здесь в горах, конечно, суровые: мы лишены многого того, что создано для солдат в Союзе. В отпуск я съездить не надеюсь, у нас здесь отпусков почти не дают. Хотя бы в Союз вырваться на недельку, посмотреть на людей, на родную землю. На заставу нас после учебки приехало восемь человек. Трое сумели смыться в отряд: то ли по состоянию здоровья, то ли договорились.

Ты спрашиваешь, часто ли мы бываем в Афганистане. Да, мы туда навещаемся, потому что наша задача — не только охранять границу, но и не допустить проникновение душманских банд на определенное расстояние к границе с афганской стороны.

Нас просто возмущает отношение государства к своим защитникам! В письме Женя снова описывает ужасные условия для солдат: живут в сырых землянках, обнаружили вши, белье не сохнет, в баню ходят редко из-за проблем с доставкой воды и дров — их на заставе постоянно не хватает. Часто не хватает и продуктов — тогда солдаты вынуждены грызть сухари.

Думаем, причина отсутствия отпусков в том, что нужны были постоянные и подготовленные военные кадры из солдат срочной службы. А может быть, солдат не отпускали домой еще и потому, чтоб родные знали не всю правду о тяжести армейской службе?

Женя говорит напрямую: в Афганистан они навещаются часто, так как их задача — не только охрана, но и действия на той стороне границы.

Маме и бабушке, 05.02.1983

Службу я несу чаще ночью. У нас за сутки шесть смен: первая, вторая и третья — ночные, а четвертая, пятая и шестая — дневные, но днем я попадаю редко. Сейчас меня поставили на должность командира отделения.

С машиной дела почти не имею, хотя и умею обращаться с вооружением. Научился стрелять из автомата, пулемета. Стреляем часто. Я вот уже три месяца чуть ли не сплю с автоматом, и в столовую ходим с автоматами — того требует обстановка. Четверых моих ребят, что вместе со мной приехали, уже отправили в отряд: троих по состоянию здоровья (!!!), а одного — по направлению в особый отдел органов КГБ. Я бы тоже, как он, не прочь спуститься с этих диких гор. В Московском я был один раз, да и то не в самом отряде, а на вертолете минут 40 посидели, пока ждали, когда заправят вертушку, но и от этого впечатление осталось.

Да, мама, я теперь жалею, что не остался на учебном пункте в Шимановске. Там на заставах более человеческие условия, там бы и в отпуске обязательно побывал. ...Мама, приехать ко мне ты, конечно, можешь, я был бы рад этому. Но боюсь, что это будет затруднительно для тебя одной. Если бы с кем-нибудь — другое дело. Мне так хочется вырваться в Союз, спуститься с этих гор, повидаться с вами. Это было бы огромным зарядом сил на всю дальнейшую службу. Если ко мне приедут, то меня вызовут с заставы и дадут увольнение на несколько дней. Ну, пока.

Двоюродному брату Сергею Кротову, 06.02.1983

Четвертый месяц почти не выпускаю из рук автомат, он стал моим близким другом. Службу несем в основном ночью. Время идет, но как подумаешь, сколько еще осталось служить!

Часто стреляем и помногу. Научили стрелять из автомата, пулемета, гранатомета. Обстановка на границе беспокойная. Басмачей еще много и вооружены они отнюдь не фитильными ружьями, так что, попросту говоря, «не разевай варежку».

Спим в палатке, врывается взводный и будит прикладом по ногам: «Вставайте! Обстрел! Быстро в укрытие!» Шел дождь, и наши, и «духи» устроили перестрелку через пограничную полосу.

С одной стороны наши стреляют по душманам прямо над нами, с другой — бандформирования по нашим. Лежим и гадаем: пролетит — не пролетит. Очень было страшно. Вот такие, брат, дела! Пиши-ка лучше ты мне и больше о своих мирных буднях. Пиши, брат, буду ждать.

Служба Евгения становится все более напряженной. Он часто стреляет и помногу: четвертый месяц почти не выпускает из рук автомат. Басмачей, как он называет афганских моджахедов, много, и они хорошо вооружены.

Отцу, 09.02.1983

Папа, насчет переводов. Денежные переводы на заставу не привозят, и вообще нам запрещается иметь деньги при себе. Так что переводы, папа, посылать не нужно. Если тебя не затруднит, то время от времени посылай небольшие продуктовые посылочки.

Я почему это у тебя прошу? Мне, конечно неудобно, но, сам понимаешь, питание однообразное, да и того порой не хватает, если нет погоды и не летают вертолеты. Очень хочется с тобой увидеться. И еще у меня к тебе есть заветная просьба. Вдруг мне, может быть, дадут отпуск, понадобятся парадка, фуражка, ботинки. Этого у меня ничего нет.

Может быть, у кого-нибудь из ваших студентов, бывших пограничников, осталась форма, которая уже не нужна, помоги мне в этом, если сможешь. Буду очень благодарен за всё. Крепко целую тебя, твой сын.

В письме к отцу Женя просит посылать небольшие продуктовые посылки, так как питание по-прежнему однообразное, да и того порой не хватает.

Не перестает мечтать об отпуске и очень хочет увидеться с папой.

Двоюродному брату Сергею Кротову, 14.03.1983

Сейчас я нахожусь в Союзе, в командировке в отряде. Здесь я — на родной земле! Скажу тебе откровенно, надоело мне до чертиков на точке. Представь себе: территория 300х300 метров, обнесенная колючей проволокой и обложенная минами по всему периметру, земляные казармы, постоянная сырость, грязь.

Афганский кишлак по соседству. Всюду с собой таскаешь автомат, даже ночью ставишь рядом с койкой, на ремне висят четыре магазина и две гранаты. Надеюсь, понимаешь, зачем.

Два раза в неделю прилетает вертолет, приносит весточки с Большой земли. Но солдату не положено жаловаться, так что маме моей скажи, что жизнь прекрасна и всё хорошо.

Маме и бабушке, 15.03.1983

Здравствуйте, мои родные! Дорогая мама, получил твою посылку с вареньем, вафельным тортом, печеньем. Большое спасибо! Мне это всё вдвойне вкусно и приятно уже только потому, что собрано твоими руками. Я по-прежнему пока нахожусь в отряде. Но скоро, вероятнее всего, улечу обратно на заставу. Немного подлечился в санчасти, язвы почти затянулись. Мне кололи хлористый кальций и витамины, промывали раны перекисью, накладывали какую-то мазь и делали перевязки. Но лишь бы в горах не появились новые болячки, хотя вполне вероятно, что все может начаться снова. Мама, ты не волнуйся, хирургу я тоже покажусь. Я заказывал телефонный разговор с отцом, но ничего не вышло: меня так и не вызвали. Вы только не волнуйтесь за меня. Я обязательно вернусь домой ЖИВЫМ И НЕВРЕДИМЫМ. Служить осталось 14 месяцев! Все-таки уже не 26! Целую вас, ваш Женя.

В письме к брату Евгений предельно откровенен и делится с ним всеми подробностями о своей службе. Обстановка крайне опасная: территория обложена минами по всему периметру, повсюду приходится брать с собой автомат, даже ночью ставить рядом с койкой, а на ремне висят четыре магазина и две гранаты. Маме он пишет, что заказывал телефонный разговор с отцом, но ничего не вышло: его так и не вызвали, и он не знает, почему. А мы думаем, что или связь плохая, или, что более вероятно, командование не хотело никаких прямых разговоров солдат-срочников с родителями.

Но маму Женя старается успокоить и обещает обязательно вернуться домой ЖИВЫМ И НЕВРЕДИМЫМ, специально для нее крупно выделив эти слова.

Отцу, 04.04.1983

Папа, два твоих письма меня очень встревожили. Что значит твое заявление командиру части? Ты зря это делаешь.

Учти, что я могу попасть в крайне нелегкое положение и испорчу свою репутацию до конца службы, а я не хочу увольняться последним солдатом. Теперь читай внимательно. Я тебе излагаю более подробную обстановку дел. Об этом должен знать только ты один, ни в коем случае мама. Служу я на точке, на другой стороне границы, понятно, что это значит? Хотелось бы служить на заставе — там морально служить легче: не так одиноко и менее опасно. Но об этом я расскажу тебе при встрече. Я командир БМП, но БМП на заставе нет, поэтому просто так меня туда не переведут. Я стараюсь освоить смежную специальность — прожекториста. С этой специальностью можно устроиться на заставе. Если бы ты похлопотал об этом! Приезжай при первой же возможности, и желательно быстрее. Нам необходимо скорее встретиться! Еще раз прошу, не делай ничего лишнего, не советовался со мной. Приезжай, мы с тобой вместе подумаем, как ты сможешь мне помочь попасть на заставу или в другой отряд или округ.

Маме и бабушке, 05.04.1983

Мама, меня беспокоит то, что отец поднял тревогу по поводу моего здоровья. Если он этим хочет добиться, чтобы меня перевели служить в более хорошее место, то, я думаю, это, пожалуй, может принятъ худший оборот.

Я прошу, мама, напиши ему, чтобы он прекратил панику и все дела, которые затеял. А то я могу оказаться в неловком положении и испортить себе репутацию до конца службы.

И запомните: служба легкой не бывает, легкой службы просто нет, если служить честно. Переносить все трудности — это наша воинская обязанность. И хлопотать за теплое место в солдатском коллективе — это унижительно для солдата.

Вы, конечно, правы, что армия — это не вся жизнь и что я должен быть здоровым для моей дальнейшей жизни вне армии. Но если вы дадите какие-то родительские советы, я прислушаюсь, только не надо ничего делать за меня! Я сам о себе в состоянии позаботиться. Вот так я вас немного пропесочил, но не сердитесь. Пусть отец скорее приезжает! Мне с ним о многом и о важном нужно потолковать.

С отцом об опасностях своей службы сын более откровенен, чем с мамой. Ему он прямо дал понять, что не охраняет грани-

цу, а принимает участие в военных действиях. Он очень просит отца о встрече и дает понять, что для него она очень важна.

Отцу, 08.04.1983

Папа, приезжай скорее с документами. Постарайся в течение двух недель. Пожалуйста!!! Я не хочу идти против своих, но и молчать уже не могу.

Маме и бабушке, 12.04.1983 (последнее письмо домой!)

Сегодня опять прилетел вертолет и привез нам милые весточки из дома. Мне сразу пришло восемь писем! Все живут по своему.

У нас, возможно, скоро будут ученья. Если куда поедем, то я тебе напишу обязательно, чтобы не беспокоилась. Очень хотелось бы с отцом встретиться побыстрее! Мама, в армии у меня появилась тяга к технике. Не подхожу я все-таки по своему характеру к руководящим чинам.

Мама, ты узнай об авиационных училищах, где готовят механиков. Из высших учебных заведений есть хорошие институты в этом плане в Казани, Киеве, Москве, где готовят инженеров-механиков. Кстати, сегодня — День Космонавтики.

Мама, берегите друг друга. Когда вы здоровы, то и я здоров, и у меня все хорошо. Первый год пролетел удивительно быстро, осталось еще столько же. Потерпите, родные, пройдет и этот год. А пока мы, мама, смотрим на одну и ту же луну. Не скучайте. Не переживайте за меня. На этом заканчиваю, ваш Женя.

Из последнего письма мы можем предположить, что у Евгения появились какие-то серьезные проблемы в отношениях с подчиненными. На это же самое он пытается намекнуть отцу. Впоследствии эта тайна раскроется.

18 апреля 1983 года командир отделения пограничной заставы сержант Евгений Юрьевич Кротов был убит!

НАВСЕГДА НЕ ДОЖИВШИМ ОСТАЛСЯ...

Когда-то афганская война считалась государственной тайной — о ней не говорили вслух. А участие в ней пограничных войск вообще тщательно скрывалось. Смерть сержанта-

пограничника Евгения Кротова до сих пор так и осталась не до конца раскрытой.

Пообщавшись в ходе данного исследования со многими людьми, мы почувствовали, что помимо видимой, «надводной части», во всей этой истории была, скорее всего, еще и «подводная», проникнуть в которую в то время казалось почти невозможным. Нас поразили секреты и недомолвки, до сих пор царящие вокруг смерти Евгения Кротова.

Оказывается, в том далеком апреле 1983 года его родителям, которые чувствовали из писем о грозящей сыну опасности, на серьезные требования объяснений обстоятельств смерти Жени руководством заставы было сначала сообщено, что Кротов якобы не перенес трудностей военной службы и, проявив слабость характера, совершил самострел. Возмущенные неправдой, все, кто знал ответственность, честность и порядочность Жени, его любовь к матери, которой он не смог бы доставить подобную боль, — родственники, педагоги школы и училища, друзья, — отправили письма протеста в адрес командира погранзаставы и в Министерство обороны СССР.

После этого отцу, выехавшему на заставу, было сказано, что смерть сына случайна: он якобы погиб от неосторожного выстрела солдата, напарника Жени. Виновным «признали» служившего на заставе парнишку-таджика. Тот, оказавшись под следствием, ничего внятного рассказать о своем «случайном» выстреле не мог, да и вообще, по словам Юрия Петровича Кротова, «мало что понимал и с трудом говорил по-русски».

Только благодаря настойчивости учителей и директора школы № 4, педагогов училища, в котором работала Екатерина Андреевна Кротова, отца и друзей Жени, наконец, были проведены более тщательные следственные мероприятия, которые выявили и рассекретили хоть какие-то подробности гибели Евгения. Из неофициальных источников — от нашего научного руководителя и других педагогов, отца и друзей Жени, некоторых сослуживцев, пожелавших остаться неназванными, мы узнали следующее.

В ночь на 18 апреля 1983 года Женя как обычно заступил в наряд на охрану государственной границы СССР с Демократической Республикой Афганистан. Когда утром он не вернулся, на заставе объявили тревогу.

Тело Жени нашли в горах по ту сторону границы — на афганской территории. В сохранившемся «Свидетельстве о смерти» мы прочитали причины гибели: открытый перелом костей черепа с повреждением головного мозга, огнестрельная травма, острая кровопотеря.

Родителям сообщили, что их сын «верный идеям Коммунистической партии Советского Союза и военной присяге погиб при исполнении интернационального долга».

Похороны Жени собрали друзей, соседей, добрых знакомых, товарищей по школе и училищу, жителей города. Было видно, что сотни и сотни людей хранят о нем добрую память.

После этого трагического события мама Жени слегла в больницу (у нее было больное сердце), а Юрий Петрович Кротов тут же выехал на заставу. Он сразу почувствовал, что в причинах гибели сына не всё так просто. Стоит лишь вспомнить некоторые намеки Жени в его письмах к отцу.

Например, такие: *«Вчера была боевая тревога, говорят, что банды, сформированные в Афганистане, стремятся проникнуть на советскую территорию... А еще донимают торговцы наркотиками. У них, по разговорам командиров, даже есть пособники по эту сторону границы... Мне надо с тобой встретиться и многое обсудить...»* (03.03.1983).

Далее, за две недели до гибели, Женя просит отца: *«Теперь читай внимательно. Я тебе излагаю более подробную обстановку дел. Об этом должен знать только ты один, ни в коем случае мама. Служу я на точке, на другой стороне границы, понятно, что это значит? Хотелось бы служить на заставе — там морально служить легче: не так одиноко и менее опасно».* (Скорее всего, кроме участия в боевых операциях, сын имел в виду и какую-то иную опасность).

Еще: *«...об этом я расскажу тебе при встрече! Папа, приезжай скорее с документами. Постарайся в течение двух недель. Пожалуйста!!! Я не хочу идти против своих, но и молчать уже не могу»* (08.04.1983). Эти фразы, на наш взгляд, тоже многое проясняют.

Следствие по факту загадочной смерти военнослужащего Евгения Кротова шло больше месяца.

В ходе расследования было выяснено, что через точку, на которой служил Женя, переправлялись контрабандные товары, не исключались и наркотики, а значит, были те, кто занимался

этим. Возможно, во время своего дежурства на границе Кротов стал тому свидетелем, но не мог открыто рассказать обо всем командиру части. *«Неприятное, скажу тебе, ощущение — подозревать кого-то из своих»*, — писал солдат отцу. На наш взгляд, причина нежелания заявлять о своих подозрениях кроется в том, что, может, Женя просто опасался за свою жизнь.

В связи с этим мы тоже не можем не признаться, что во время нашей работы и до сих пор, когда она уже закончена, нас не покидало ощущение, что подобное «копание» в поисках истины мягко говоря «непопулярно» и в наше время. А в тот период это было очень опасно.

Возможно, Евгений и пытался самостоятельно разрешить ситуацию, как старший по званию, с кем-то из подчиненных, ведь не случайно делится с мамой такими мыслями: *«Порой думаю, зачем мне лычки? Лучше бы было ходить самому по себе и ни о чем не думать, чтобы не было никаких проблем»*.

Как установило следствие, которое шло до июня 1983 года, Евгению Кротову сначала была нанесена тяжелая черепно-мозговая травма, а уже потом он был застрелен.

Этот факт мог бы свидетельствовать о том, что Женя близко подпустил к себе хорошо знакомого человека, и вдруг неожиданно получил удар прикладом по голове. А потом был и выстрел. А может, это был все-таки незнакомый враг, но настолько ловкий и хитрый, что смог незаметно приблизиться к пограничнику, прослужившему год и уже имеющему определенный военный опыт, чтобы его убить? Хотя вряд ли. Но сейчас обо всем этом нам всем остается лишь догадываться.

Похоронили Евгения Кротова как героя афганской войны со всеми почестями. Посмертно он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», грамотой Президиума Верховного Совета СССР и знаком «Воину-интернационалисту СССР».

Нам было трудно работать над этим исследованием — трудно не оттого, что мы не могли найти сведений о нашем герое, не потому, что некому было о нем рассказать. Трудно было осознать нелепость и трагичность такой жизненной ситуации, когда честный человек оказывается фактически чужим среди своих.

Ему, не склонному к предательству и авантюрам, трудно было понять бесчестные человеческие поступки — тяжело было сталкиваться с алчностью, цинизмом и грубой силой.

Знал ли он, уходя в армию, во имя чего должен был отдать жизнь? Ради чего стойко переносил все тяготы и лишения такой страшной военной службы? Думаем, нет. Солдат, шедший через горнило той несправедливой, ненужной войны — ее печальная жертва. Немало семей потеряли в период афганских событий близкого человека, и сколько бы лет ни прошло — боль утраты вряд ли утихнет.

Закончим словами одного из сослуживцев Жени: «Помню, в 1983 году, в декабре, меня нашла мама Евгения — Екатерина Андреевна. Мы проговорили с ней часа четыре. За эти часы я выкурил пачку сигарет, хотя, вернувшись в июне 83-го домой, сразу бросил курить. Через несколько дней ко мне пришел его отец. Я потом разговаривал с сотрудниками военкомата, откуда Женя призывался. Мама Жени отказалась от всего, что бы ей там ни предлагали: говорила, что сына этим не заменишь. Так и умерла...»

Если тебе комсомолец имя (Курлакский комсомол от рассвета до заката)

Николай Веретин, Дарья Гальцова,
Софья Караборчева, Виктор Мещеряков,
Виктория Пятецкая, Александр Пятецкий
школа, п. Новый Курлак, Воронежская область
научный руководитель Николай Александрович
Макаров

ЧТО ЗНАЮТ НЫНЕШНИЕ ШКОЛЬНИКИ О КОМСОМОЛЕ?

Ответим сразу: практически ничего. Мы провели блиц-опрос среди учеников нашей школы. Вопрос был один: «Что такое комсомол?» Результат получился такой: 81% всех опрошенных сказал короткое «не знаю».

Были такие варианты ответов: «объединение 60–70-х годов», «ученики, которые всем помогали», «молодые люди при СССР», «ученики, которые строго выполняли предписанные им поручения», «дети, работающие в колхозе», «молодежная организация», «комсомол был в те времена, когда были пионеры и декабристы», «молодежь того времени», «объединение партии», «коммунизм», «человек, который был при Ленине», «молодежная организация, в которую принимали постепенно».

А один мальчик сказал, что комсомол — это разновидность птицы.

Честно сказать, и мы недалеко ушли в знаниях о комсомоле от остальных школьников, именно поэтому и решили выяснить, что это было такое...

Если не заглядывать в учебник, где написано, что Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ) — это политическая молодежная организация в СССР, — был создан 29 октября 1918 года и в 1924 году ему присвоено имя Ленина, а вспомнить, что нам объясняли взрослые или что мы когда-то читали, то можно сказать, что комсомол — это молодежная организация, созданная после революции в нашей стране. Партия большевиков во главе с Лениным готовила себе резерв из молодых людей.

В комсомол принимали с 14 лет, надо было выучить устав, ответить на вопросы. Если отказывали в приеме в комсомол, то это было пятном на всю жизнь.

В нашем музее есть школьный отдел, где мы видели различную комсомольскую символику: знамена, значки, комсомольские билеты.

Также мы слышали о комсомольцах-героях: Павке Корчагине, Зое Космодемьянской, которые для многих служили идеалом.

Вот такие у нас были представления в начале нашего исследования. Мы понимали, что этого мало для воссоздания полной картины.

И мы взялись за работу. На примере истории нашей местной комсомольской организации мы хотели посмотреть, что это было на самом деле — комсомол.

Мы опять отправились в школьный музей. В архивном отделе нас ждала груда интереснейших материалов: письма первых курлакских комсомольцев, рукописные альбомы с описанием комсомольских дел, рапорты и отчетные доклады, библиотечка на тему «Вступаем в комсомол», многочисленные фотографии и газетные вырезки.

Мы читали художественную литературу (повести Ю. М. Полякова «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками» и даже произведение Л. И. Брежнева «Целина»).

Мы ездили в областную библиотеку имени И. С. Никитина, где есть отличный зал периодики. Мы впервые оказались в такой библиотеке и были просто огулены. Нам принесли толстые папки с газетами, начиная с 1935 г. Было такое впечатление, будто ты соприкасаешься с историей. В тишине, которая бывает, наверное, только в библиотеке, мы листали пожелтевшие страницы, вдумывались в советские лозунги, ужасались заголовкам типа «Собакам — собачья смерть». Нам эта поездка тоже очень помогла.

Но главным нашим источником стали комсомольцы самых разных возрастов и взглядов, к которым мы ходили весной и летом 2013 года. Кстати, далеко не все охотно шли на контакт. Например, мы очень жалеем, что вначале согласился на беседу, а потом под благовидным предлогом отказался бывший парторг колхоза. Он мог многое рассказать о комсомольской организации в колхозе и о том, как эта организация в итоге развалилась. Но, видимо, ему не слишком приятна эта тема.

Постепенно мы погружались в исследование советского прошлого, потому что комсомол являлся неотъемлемой частью советской системы. Но выводы будут в конце работы. А пока нам предстоит воссоздать историю курлакского комсомола — от рассвета до заката.

РАССВЕТ (20-е)

21 сентября 1924 года — такова дата образования комсомольской ячейки в Новом Курлаке. В Моховом и Старом Курлаке отдельные ячейки возникли намного позже, в 1929 году. То есть повсеместное внедрение комсомола произошло далеко не сразу после установления советской власти и образования всеобщей комсомольской организации.

Скорее всего, с течением времени эти ячейки стали насаждаться «сверху», от партийных организаций власти требовали, чтобы эти ячейки были.

В рукописной книге «История села Новый Курлак» об организационном собрании говорится очень пафосно, можно подумать, что многие молодые люди в деревне всей душой стремились в комсомол:

«23 заявления от юных курлаковцев легли на стол секретаря партийной ячейки Дмитрия Павловича Комлевского. В них было написано: “Заявление в Новокурлакскую ячейку Российской Коммунистической Молодежи. Прошу зачислить меня в члены, так как я — пролетарского происхождения. Цель моего вступления в ячейку — получить политическое воспитание, защищать интересы пролетариата и строить новую коммунистическую жизнь!” Им по 17 лет. На них домотканые застиранные рубашки, на ногах стоптанные самодельные башмаки. Пришли они в партакс на свой самый большой праздник — они сегодня станут комсомольцами. Они получают комсомольские билеты с профилем Ленина. Надо бы и одеться по-праздничному, да не во что: гражданская война, отряды белобандитов, голод и болезни у многих отняли отцов и старших братьев. Не беда, если нет пока новой рубашки! Важно, что они решили вступить в Ленинский союз молодежи».

Надо сказать, что дальнейшая дорога первых курлакских комсомольцев оказалась не такой уж светлой, и впереди их ждали очередные трудности и испытания. Кто-то был признан

«врагом народа», другие погибли на следующей, самой страшной войне, трети отнюдь не высоко несли затем комсомольское знамя.

Конечно, первое собрание курлакских комсомольцев проходило не совсем так, как писали о нем в 1974 году краеведы, потому что тогда готовился вечер в школе, посвященный 50-летию курлакской комсомольской ячейки. А на юбилеях стараются говорить лишь лестные слова.

Мы посетили сына первого комсомольца Ивана Бассардинского, В. И. Бассардинского. Он рассказал, что отец совсем не так вспоминал о приеме в комсомол. Все проходило намного будничней. Сначала приехали из Боброва агитировать, и он попал в число тех, кого уговорили вступить. На собрании в здании сельского совета присутствовали и уездные представители. Конечно, они, малограмотные крестьянские дети, не были такими красноречивыми, как об этом написано в рукописной книге.

Первым комсомольским вожаком в Новом Курлаке стал Иван Прокопенко, но он вскоре уехал из села и роль комсорга перешла к Ивану Яковлевичу Лабутину, брату Прасковьи Яковлевны Алексеевской, сельской активистки.

Комсомольцы, выполняя данные в заявлениях обещания, включились в строительство новой жизни. Они активно участвовали в кружках художественной самодеятельности, распространяли книги, журналы среди односельчан. Однажды они с подачи Д. П. Комлевского даже обратились с просьбой прислать в избку-читальню книги к самой жене Ленина — Н. К. Крупской. Книги вроде бы поступили в Курлак. По крайней мере, так утверждает секретарь партийной ячейки Д. П. Комлевский. Он написал краеведам в 1971 году: «Письмо Крупской писал я лично один. Описал, что я политработник РККА, демобилизовался. Ведаю избой-читальней, но мы очень бедны, книг у нас мало. Народ — крестьяне — стремятся читать. Прошу, если есть возможность, прислать нам в Н. Курлак книг. И мы получили две большие посылки».

Прознав, что в доме сына местного фельдшера Константина Леонидовича Ширяева находится пианино из усадьбы бывших помещиков Станкевичей, комсомольцы во что бы то ни стало решили заполучить его в свой красный уголок. Обратились ко всемогущему Д. П. Комлевскому. Тот через Аннинский

нарсуд вытребовал инструмент для своих подопечных. Однако вскоре пианино было разбито: играть на нем толком никто не умел.

Своими силами юные курлаковцы оборудовали спортивную площадку, здесь проводились военно-спортивные соревнования, победителям выдавалась премия.

Настоящую войну повели комсомольцы против религии. Они организовали струнно-духовой оркестр и в каждый религиозный праздник, когда народ шел в церковь, устраивали концерты на паперти и крыльце бывшей церковно-приходской школы. Звуки, которые выводили музыканты, заглушали звон колоколов. Комсомольцы сочиняли частушки про попа и церковь и пели их под балалайку со сцены. Часть из них были записаны краеведами, так что мы можем их сейчас воспроизвести:

Как родной Ильич учил,
Так народ и поступил:
Прогнал пана, кулака,
Урядника и попа.

Разлилася песня звонко
По нашему по селу –
Не пойду я больше в церковь
В поповскую кабалу.

Нет ни бога, ни чертей,
Ни святых и ни дворян –
На поповскую уду
Не возьмешь уже крестьян.

Ой, у дьяка суета,
У попа тревога:
Бабка старая, и та
Не верует в бога.

Поп косится на поля,
Рожь волнами ходит,
А совхозная земля
И без бога родит.

Поп напился хлебной водки,
По Курлаку он идет,
Вместо «Господи, помилуй»
Он «Коробушку» поет.

Больше нам икон не надо,
И без них мы проживем.
Есть у нас товарищ Ленин,
По его стопам идем.

Не звенеть колоколам
Языками длинными –
Заглушили мы трезвон
Песнями машинными.

От молитвы нет корысти,
В печку брошена свеча.
Нам Илья-пророк не нужен —
У нас лампа Ильича.

На горе стоит сосна,
Под горою зелен дуб.
Раньше мы спешили в церковь,
А теперь спешим мы в клуб.

Нас поразило отношение тогдашних властей к церкви и религии. Оно было не просто негативное, а какое-то истребительское. Чем мешала церковь? Но, видимо, мешала, так как решалась только коммунистическая пропаганда. Комсомольцы первого набора говорят в своих письмах о кружке СВБ. Это Союз воинствующих безбожников. И он был достаточно многочисленным.

А когда в 1924 году в Новом Курлаке сгорела красивая деревянная церковь, то представители «нового мира» не скрывали своей радости. В Старом Курлаке немного позднее церковь разобрали, и из ее бревен сделали клуб, но он развалился в самое время строительства социализма и коммунизма.

Комсомольцы решили освободить трудящихся и угнетенных всего мира не только от религиозных пут, но и от эксплуатации со стороны «бывших» — купцов и зажиточных крестьян.

Они начали это освобождение со своего родного села. В лесу, на реке Битюг, был участок земли, принадлежавший семье Расторгуевых. У них была ветряная мельница, большое пчелиное хозяйство. Конечно, у них работали и наемные силы, по собственной воле. Комсомольцы постановили облегчить их участь: заставить Расторгуевых подписать договор о гарантированном восьмичасовом рабочем дне и одном выходном в неделю для работников. Иван Демьянович Козин через 40 лет, в 1968 году, вспоминал в своем письме: «Кулачье буквально издевалось над бедняками, называли их лодырями и эксплуатировали или заставляли работать на себя по 16-18 часов в сутки без всяких выходных дней. Перед нами, комсомольцами, встал вопрос, как ограничить эксплуатацию кулаками батраков.

Партийная организация поручила мне заключение договоров на рабочих-батраков с кулаками. Тогда в районе был союз, который назывался Всеработземлес. Казалось, чего проще: пришел к хозяину и заключай договор. Оказалось, это не так просто: кулачье всё было против договора и угрожало батракам в случае заключения договора их уволить.

А теперь я расскажу случай, который я имел на мельнице кулака Расторгуева. Эта мельница была на реке Битюг. 1926 год. Я иду к хозяину мельницы для заключения договора. Смотрю — хозяин меня встречает и просит зайти в комнату. Я сказал, что у меня нет времени, я здесь, на терраске, за столиком заключаю договор. Хозяин говорит так любезно: “Что вы, куда вам спешить — пообедаете, тогда и поговорим”. Я сказал, что я очень спешу, поэтому прошу пригласить батрака. Хозяин из вежливо-го превратился в тигра. Пришел батрак. Он мне заявил, что он хочет работать, а я его хочу лишить работы. Хозяин тут же встал, что он больше не держит батрака и завтра уволит. Я ему заявил, что какой бы здесь батрак не работал, всё равно придется заключать договор. И только после ряда споров договор был заключен. Я хотел уходить, но хозяин предложил меня проводить. Но до этого батрак меня предупредил, что лучше мне идти одному. Так я выполнил задание парторганизации и комсомола».

Сейчас нам трудно с этим разобраться. С одной стороны, комсомольцы на самом деле действовали из соображений справедливости. Но, с другой стороны, уж как-то слишком много злости в словах автора. И — еще вопрос: почему эти батраки, получившие после 1918 года землю в пользование, как

и все жители села, не работали на ней? Что-то тут не складывается.

Комсомольцы выдумывали разные акции и мероприятия, порой очень нелепые. Например, когда в Новом Курлаке появились тракторы, они устроили «похороны сохи». Под траурные мелодии оркестра на сельскую площадь вынесли «покойницу» и положили перед заранее выкопанной ямой. Комсомольцы произносили жаркие речи о светлом будущем, о том, что надо поскорее кончать со всем старым и отжившим, что очень близок час, когда землю будут пахать только «железные кони». А потом закопали бедолагу. Но вечером того же дня ее снова вытащили на белый свет — в то время без сохи было просто не обойтись. Кстати, сохой пользуются на селе и до сих пор.

Комсомольцы вводили в обиход новые, советские обряды. В Новом Курлаке были сыграны две комсомольские свадьбы. Сведения о них содержатся в рукописной книге «История села Новый Курлак». В 1925 году комсомольским браком сочетались Кретинин Василий и Волкова Мария. В клубе провели торжественный митинг, после которого начались традиционные пляски и песни.

Через три года «красная» свадьба была у Егора Борзакова и Анны Сурковой. Торжество вновь проходило в клубе. На сцене был поставлен стол, покрытый кумачом. Там сидел президиум, руководил всем уполномоченный от партийной ячейки Сергей Михайлович Козьявкин, учитель местной ШКМ (школы крестьянской молодежи). В своем докладе он сказал, что теперь по-новому будет создаваться советская семья, не с попами и венчанием, а вот так, в клубе, в присутствии всех желающих посмотреть и поздравить молодых. Присутствовало, конечно, почти всё село. Молодых отвозили домой на паре школьных лошадей. Дуги были убраны разноцветными лентами.

Однако таких свадеб было всего две, а остальные продолжали венчаться в церкви, пока она еще существовала (до 1937 года).

Какими же они были — комсомольцы «рассвета»? Отчасти помогли дать ответ на этот вопрос сохранившиеся в нашем школьном музее письма.

Нам было очень интересно познакомиться с этими письмами и заочно — с бывшими комсомольцами. Всё это разные люди, и судьбы у них сложились по-разному, их объединяет только то,

что в юности они жили в наших селах и когда-то вошли в число первых комсомольцев.

Среди множества писем мы выделили одно. Его автор — Сергей Федорович Вошинский. В 1968 году он проживал на Западной Украине, в городе Ровно. Там он остался после Отечественной войны, так как его жена — уроженка тех мест.

А родился он в Новом Курлаке. В письме он рассказывает о времени, когда был комсомольцем. Нам кажется, что Сергей Федорович искренне, хоть и немного наивно делится своими воспоминаниями. Из этого письма видно, как на самом деле жила курлацкая комсомольская ячейка, чем занимались комсомольцы. Далеко не всё было так однозначно, как потом написали краеведы 60-х.

«Здравствуйте земляки получил я ваше письмо и что я вам могу сказать ведь в то время нам было очинь трудно работать нас можно считать и недопускали до работы. Я скажу про своих курлацких комсомольцев кто оне это самая беднота. Оставшие сиротою без отца и матери. Илиже с одной матерью без отца. А ктоже в то время был в почете это. Кулаки и подкулашники. Попы затуманивали головы церковью.

Наша ячейка большинство занималась по Борьбе с варением самогона в то время очинь это было распространена. Когда-ба нипоехали всегда возами привозили Опараты. Производили читку газет книг брошюры Ленина. Заветы Ленина.

Хотя на это очинь мало обращяли внимания потомушта бедняков их не считали за людей. Мне очень хотелось помогать в общественной работе да и каждому из нас. Но все наши комсомольцы это самая беднота и все оне жили в ботраках а рас так то ты не пойдеш куда тебе нужно и когда нужно. В комсомол я вступил в это время мы жили на поселке Ясная Поляна я часто ездил в Курлак присутствовал насобраньях ставили спектакли разныя декламациеи про Попов Кулаков и т. д.

Мене было заданья штоб я организовал на Ясной свою ечейку но где в то Время можно организовать даже мое таварищи надомной смеялись если кому упомяну вступить в комсомол».

Считается, что 20-е годы XX века были временем сплошного энтузиазма. Мы можем об этом судить только по этим письмам (как знать, насколько искренним?) и по тому, что говорили нам те, кто жил позже. Но краеведы 60-х годов отыскиали в партий-

ном архиве документы, из которых становится понятно, что энтузиазм 20-х годов — это скорее легенда, чем явь.

Вот такие, например, документы:

«Выписка из протокола № 20 заседания Анненского райкома КСМ от 14 сентября 1926 г. Слушали: 1) текущие дела; 2) постановление Ново-Курлакской ячейки об исключении Сысовского Г. Ф. и Бердникова за непосещение собраний в течение 6 месяцев, неуплату членских взносов (9 месяцев), за хулиганство, денежную картежную игру и пьянство. Постановили: постановление ячейки утвердить».

Вряд ли эти документы упоминались на торжественном вечере в школе, посвященном 50-летию курлакского комсомола.

После всего этого мы и не знаем, как относиться к комсомолу. Наверное, для молодежи тех лет это было нужно и важно. А представить комсомол сейчас — нет, он не будет популярен, потому что не те исторические обстоятельства, не то время.

ЗЕНИТ (30-60-е)

Историю курлакского комсомола, начиная с 30-х годов, мы смогли проследить не только по документам, но и со слов наших респондентов. Мы считаем, что в 30–60-е годы XX века комсомол находился в зените, это были уже не малочисленные ячейки при сельсоветах. Комсомол стал обязательным почти для всех юношей и девушек, достигших 14 лет. По крайней мере, школьники были комсомольцами почти поголовно, а в школы тогда ходили практически все дети.

Именно в этот период комсомол получил свои награды от государства (первый орден комсомолу дали в 1928 г., последний — в 1968 г.). Мы обратили внимание на то, что половина орденов вручалась в юбилейные годы (1928, 1948, 1968). В альбоме, оформленном новокурлакскими школьниками в 1974 году, об этом (правда, сумбурно и как-то трескуче) говорится так:

«Центральный Исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик в 1928 году в честь десятилетия Красной Армии награждает комсомол орденом Красного Знамени — символ мировой социалистической революции.

“За инициативу, проявленную в деле строительства и социалистического соревнования, обеспечивших успешное выполнение пятилетнего плана” Президиум Центрального Исполни-

тельного комитета СССР 21 января 1931 года наградила комсомол орденом Трудового Красного Знамени.

За выдающиеся заслуги комсомола перед Родиной в дни Коммунистического воспитания молодежи 29 октября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР наградила ВЛКСМ орденом Ленина.

За участие в Великой Отечественной войне, за героизм и мужество, проявленные во время войны, в 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР наградила комсомол орденом Ленина.

За освоение целинных земель в 1956 г. комсомол наградили третьим орденом Ленина».

В 1968 году «за заслуги комсомольцев, советской молодежи и укрепление советской власти, за мужество и героизм, проявленный в боях с врагом нашей Родины, активное участие в соц. строительстве, за плодотворную работу по воспитанию поколения в духе преданности заветам В. И. Ленина и в связи с 50-летием ВЛКСМ» был вручен уже шестой орден — Октябрьской Революции.

Мы хотели посмотреть, что делали комсомольцы в наших селах, когда в столице вручались все эти ордена.

К одной из первых мы решили пойти к Марии Максимовне Микляевой, которая долгие годы возглавляла краеведческий кружок и под руководством которой копились сведения о первых курлакских комсомольцах.

Когда наш руководитель Н. А. Макаров сказал, что мы встретимся с Марией Максимовной, мы очень обрадовались. Мы знали, что она уникальный человек. Мы прочитали столько материалов в музее, которые она с краеведами собирала по крупицам, видели ее фотографии разных лет.

А бабушку Даши Гальцовой она даже учила! Это было давно, почти 50 лет назад. Бабушка много рассказывала внучке про Марию Максимовну, как ее любили и уважали ученики, каким знающим учителем она была. Кроме краеведения, Мария Максимовна готовила театральные постановки. Бабушка была не очень артистична, но ей хотелось участвовать в театре. И Мария Максимовна взяла ее суфлером. Бабушка была довольна: хоть тебя не видно на сцене, а чувствуешь себя нужной.

Мы пришли к Марии Максимовне 22 мая. Все наши опасения тут же рассеялись, как только началась беседа. Мария Мак-

симовна оказалась интеллигентной пожилой женщиной, приятной в общении.

О комсомоле Мария Максимовна сказала, что он был создан для того, чтобы держать молодежь в ежовых рукавицах и чтобы вовлекать в разные общественные дела. Может, он и сыграл какую-то положительную роль, а может, и наоборот. Самые активные комсомольцы обычно только и думали о карьере. «Комсомол-то ладно. Он не столько в ответе за то, что произошло со страной. Коммунисты за всё в ответе. У Зюганова как-то спросили, видит ли он какую-либо ошибку в деятельности КПСС. Он так несмело, неуверенно говорит: “Ссору с религией”. Истребление веры он назвал “ссорой”. А что делали со своим же народом — убивали без суда и следствия! Об этом он умолчал», — сказала наша собеседница.

Мария Максимовна посоветовала нам как можно скорее посетить Марию Андреевну Фролову, назвала другие имена бывших комсомольцев.

В мае началась наша серия встреч с разными людьми.

Мы задавали респондентам одни и те же стандартные вопросы, которые утвердили заранее. Вот они:

Какую роль сыграл в Вашей жизни комсомол?

Какие наиболее яркие моменты Вам запомнились из комсомольской поры?

Вы верили в приход коммунизма?

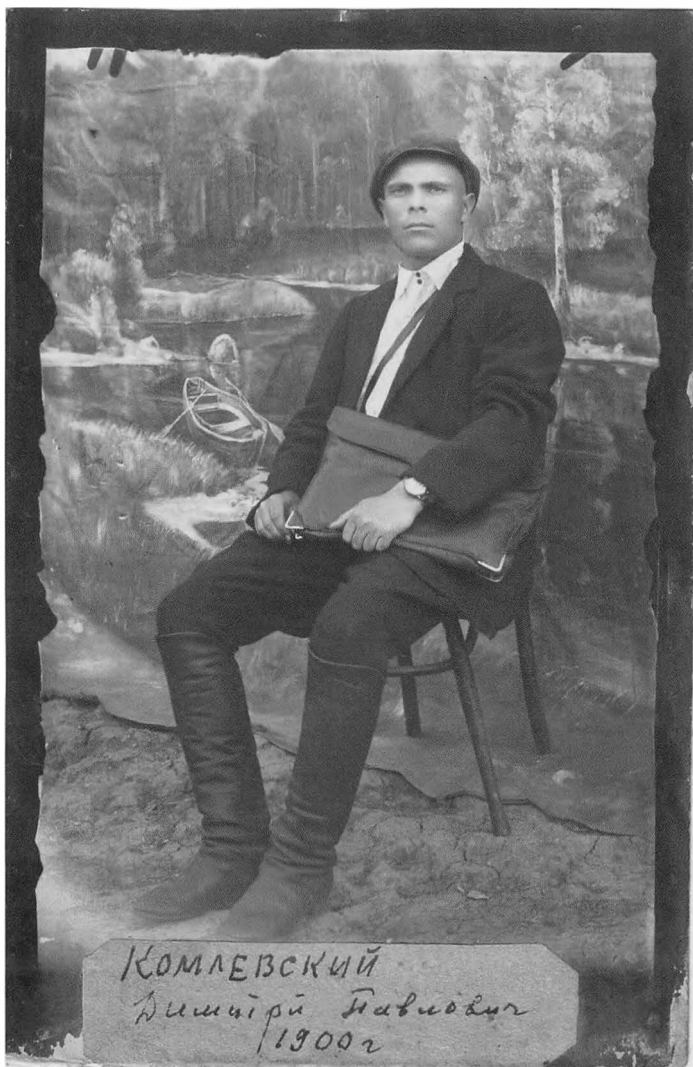
Что такое комсомольские взносы и куда они поступали?

Как Вы считаете, нужна ли сейчас такая организация, как комсомол?

А вот ответы получились совсем не стандартными. Часто стандартный вопрос уводил собеседника далеко «в сторону», но мы были этому только рады. А некоторым собеседникам бесполезно было задавать вопросы, их надо было просто слушать.

Интервью с Марией Андреевной Фроловой (20.06.2013)

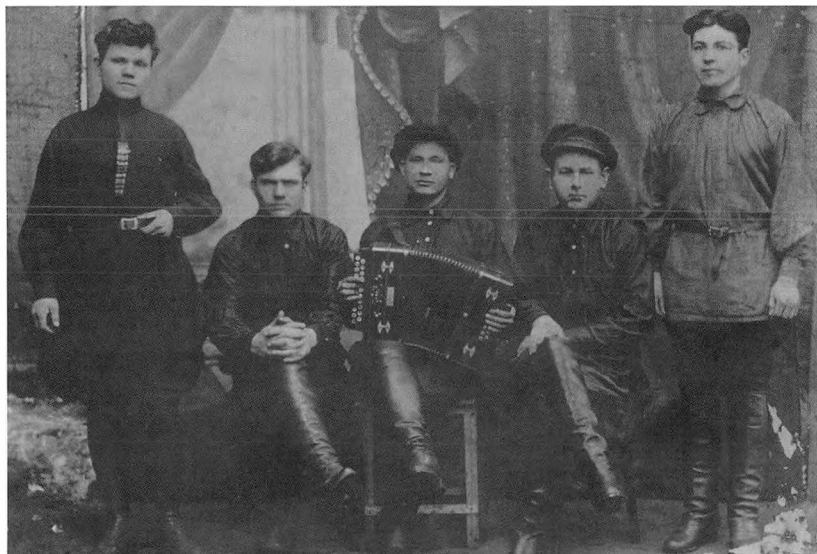
Мария Андреевна родилась в 1921 году, так что она была комсомолкой 30-х годов. Она окончила нашу школу, а потом стала учителем географии. Участвовала в Великой Отечественной войне. Долгое время занимала должность завуча. Сейчас она, конечно, на заслуженном отдыхе.

КОМЛЕВСКИЙ
Дмитрий Павлович
1900г

«Я работал секретарем
Влаости ячейки
РК ПБ с 1923 г. по 1927г.»

Д. П. Комлевский

Комсомольцы конца 1920-х

Курлакский комсомол в 1930-е

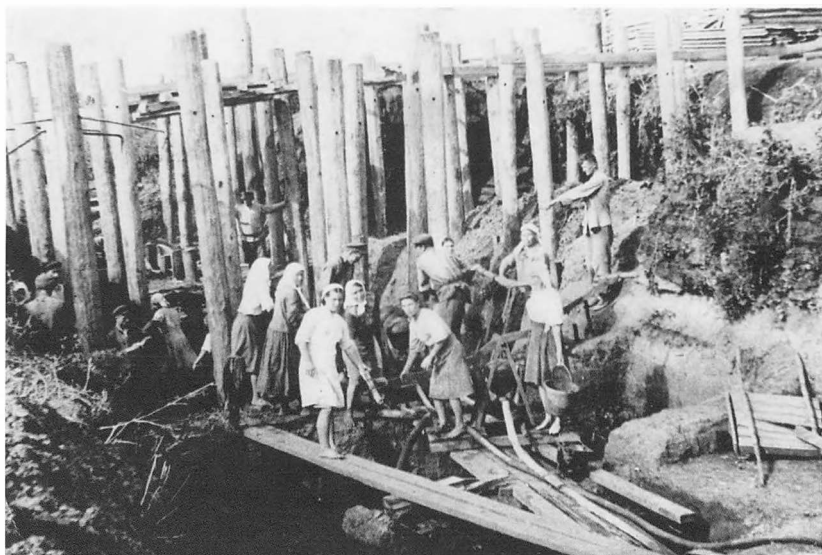
Новокурлакская ячейка ВКП(б). 1930

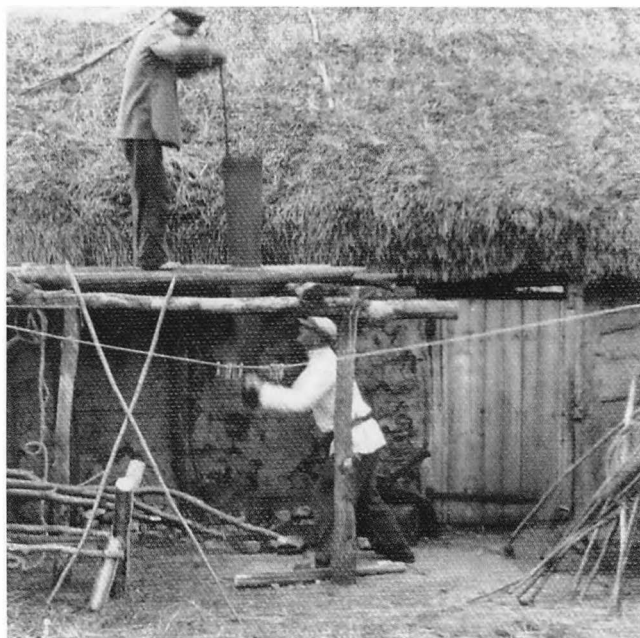
Первый выпуск школы крестьянской молодежи. 1927-1928

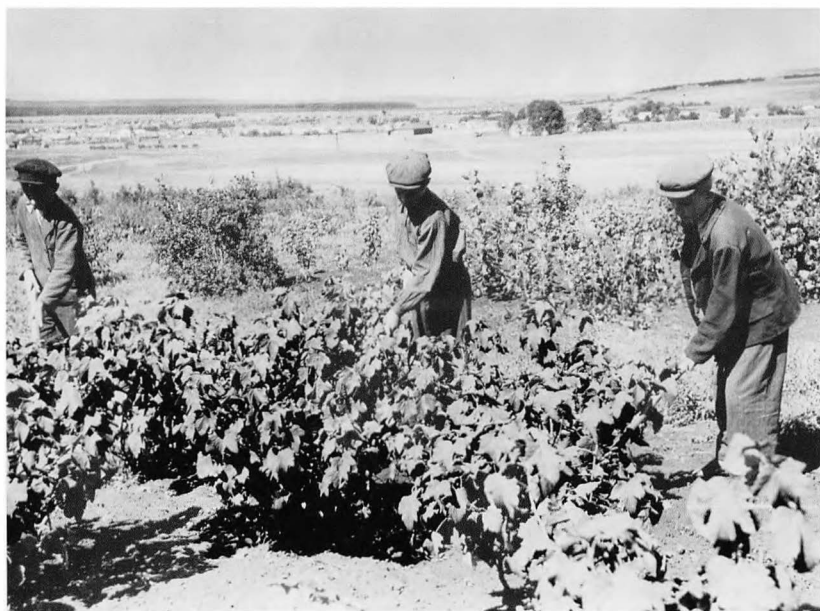
Театральная постановка. 1960-е

Строительство ГЭС на Битюге-1

Строительство
сарая

В школьном саду. 1950-е

Перед выездом на уборку

Отдых после рабочего дня

Удивительно, но наша собеседница не так уж и много сказала о роли, которую сыграл в ее жизни комсомол. Конечно, она отметила: «Комсомол — это надо. Он все же проводил большую организационную работу, очень важную. Какая-то ответственность была. У меня с тех пор хранится комсомольский билет. Комсомол — это было почетное звание, он давал нам самостоятельность».

Но потом Мария Андреевна сразу перешла к рассказу о том, как они, комсомольцы, однажды объявили забастовку. Их перевели учиться во вторую смену, так как школа была переполнена. Старшеклассникам это не понравилось, потому что заниматься в темное время было трудно: «Не было электрического света, а были керосиновые лампы, две на весь класс. А писать то надо». Забастовка проходила так: «Мы решили не приходиться в школу на занятия. Не пойдем — и всё. А мы, девчонки, послабее, у нас нервы, мы некоторые пришли туда потихонечку. А мальчишки к нам через форточку прислали своих делегатов. Говорят: выйдите, предательницы!

А потом с нами разбирались. Дали всем по строгому выговору. Мы очень переживали. По этому поводу проводили комсомольское собрание. Из райкома партии приезжали. Каждого вызывали к столу и стыдили: как же можно было так поступить?»

Но забастовка сыграла свою роль — их все-таки вернули в первую смену.

Во время войны Мария Андреевна тоже была комсомолкой, а потом и вступила в коммунистическую партию. Мы спросили ее и об этом.

«А на войне страшно было. И страх не проходил. С большими потерями, с нуждой страшной — голод был. Есть мы стали, только когда пришла помощь, когда второй фронт открыли. Вот тогда нам какие-то консервы завозили, еще что-то из продуктов, крупы, например. А до этого мерзлую, мороженую картошку ели. В обороне стояли. Картошку вымерзшую сварят — этим бульоном и питались.

Наша часть называлась 110-й дорожно-саперный батальон. Мы прокладывали дорогу, строили мосты временно-навесные, понтонные. И когда делали эти мосты, то самолеты вражеские не сходили с этого места. Летали без конца. И всё время бомбили.

Я контуженная. В Харьковской области мы передвигались колонной, нас стали бомбить. И взрывной волной меня вышибло из машины, я полетела как раз под угол стоявшей там каменной церкви. Очень сильно ударилась спиной. Контузия была. Потом всё время это чувствовала. Поэтому я сейчас такая согнутая».

Помолчав и вздохнув, Мария Андреевна продолжила: «Я всё же вот что скажу — много ошибок тогда совершенно было. Преступлений, словом, против народа. Вот дедушку у меня расстреляли. У него была мельница-ветрянка, стояла, как на Бродовое ехать. Купил он ее. А у нас было четверо детей, отец с матерью, и они двое с бабушкой еще прибавились. Мы считались тоже состоятельными. Корову отобрали. Лошадь отобрали. Куры были — отобрали. В погребе капусту в кадушке, огурцы — всё отобрали. Картошку, которую вырастили и выкопали, — всю забрали. Ничего не оставалось совершенно.

И в 37-м году дедушку моего забрали. Пришли ночью с активистами. И его забрали неизвестно куда. После мы ни одного слова о нем не слышали.

А потом, когда уже не стало Сталина, в архив пошла моя дочь Тамара, и там ей дали все документы. Оказывается, его 15 декабря взяли из дома, а 25 января расстреляли. Под Воронежем. Ему было 56 лет. Расстреляли совершенно ни за что. Потом дали документы, по которым его обвиняли. Там такое написано, что он этих и слов не знал. Он был неграмотным».

Странно было после этого страшного рассказа слушать, как Мария Андреевна с восторгом вспоминала, как они начинали собрания с комсомольской песни, как маршировали, верили в коммунизм и превозносили Сталина.

О вере в приход коммунизма Мария Андреевна сказала: «Конечно, мы верили, когда в комсомоле были. Потом многое поняли — поняли, что коммунизмом тут и не пахнет. Я и сейчас многому не верю».

Интервью с Иваном Митрофановичем Попковым (18.05.2013)

Иван Митрофанович Попков относится уже к поколению комсомольцев конца 40-х — начала 50-х годов. Он родился в 1930 году и, как многие дети военных лет, не окончил школу: надо было помогать родителям, вернее, матери (отец был на

фронте), по хозяйству. После пятого класса он больше не ходил учиться, так что в школьной комсомольской организации не состоял. Тем не менее, он был комсомольцем.

Вначале мы спросили Ивана Митрофановича: «Вы комсомольцем были?» Он на это ответил: «Да как же? На целину готовился. В Новохоперске нас учили. Я кончил школу механизации. А потом жена не согласилась (я уже женатый был), сказала: “Нечего там делать”. Я ее послушал и передумал».

То есть Иван Митрофанович вступил в комсомол по нужде. Целина (освоение новых пахотных земель) считалась комсомольским делом, поэтому не комсомольцев туда не брали.

В комсомол он вступил при МТС. Мы, кстати, сначала не поняли, что это такое, а оказалось, что это машинно-тракторная станция. Иван Митрофанович работал трактористом — им и хотел быть на целине, но так и не пришлось.

Его принимал в комсомольцы представитель Садовского райкома. Когда мы спросили, зачем же он вступил в эту организацию, он сказал: «А знаете, для чего? Агитировали. Всех старались туда принять. Меня потом и в партию сагитировали. Всех принимали подряд. А не пойдешь — житья не дадут. Могли кого-то для острастки не принять, давали исправительный срок, месяц или сколько. А он еще хуже становился».

В колхозе, куда Иван Митрофанович перешел после развала МТС, существовала комсомольская организация. Но она, по его словам, абсолютно никакой роли не играла: секретарь только и делал, что собирал членские взносы.

Если кто и воспитывал как-то молодежь, то взрослые люди. Сам Иван Митрофанович был наставником, то есть приглядывал за молодыми механизаторами-комсомольцами.

Вообще, по выражению Ивана Митрофановича, все его подшефные комсомольцы были «101-й километр», то есть те, кому запрещалось после отсидки в тюрьме жить ближе, чем за 100 километров от крупных городов. «Я их каждый день по кустам разыскивал. Сейчас вот я иду мимо этой сирени рядом с магазином, где они прятались, и думаю: теперь бы я их и не нашел. Так она разрослась. А им удобно было: из магазина — и прямо в кусты. Как-то мне мать одного такого комсомольца, говорит: “Ты что же не глядишь?” — “А что такое?” — “96 рублей у него получка, а он принес 20”. Я говорю: “Так он должен в магазине”. А в магазине в долг давали, он месяц гуляет в этой сирени-то.

А потом долг отнес, а что осталось — матери. А комсомольской организации до этого и дела не было».

Мы поинтересовались, былили все-таки в Курлаке активные комсомольцы. Иван Митрофанович отреагировал так: «А это те, кто в колхозе не хотел работать. Они все крутились возле клуба. Всегда на глазах у начальства были. Как какое собрание, придешь — а они уж там, в президиуме сидят».

Иван Митрофанович без особого восторга говорил о комсомоле. Чувствовалось, что никакого следа в его жизни он не оставил.

Интервью с Валерием Петровичем Матвиенко (14.06.2013)

Валерий Петрович — уроженец Нового Курлака, он комсомолец уже 60-х годов (родился в 1946 году). Раньше работал у нас в школе учителем технологии. Комсомольцем был активным.

Самым интересным моментом комсомольской поры он считает то, что их класс откликнулся на призыв партии: «Сельская молодежь, возвращайся в колхоз!» Тогда молодые люди (Валерий Петрович окончил школу в 1964 году) старались всеми силами уехать на жительство в город. А эти ребята решили (или им подсказали): поступить в такие учебные заведения, чтобы потом пригодиться в родном селе. В Новом Курлаке в то время учились дети из многих сел: Старого Курлака, Мохового, Хлебородного, Бродового, из множества степных поселков.

В школу, по его словам, приезжал корреспондент из областной молодежной газеты, написал о них статью на целый разворот. Директор школы, как сказал Валерий Петрович, «рассхвалился везде» об инициативе комсомольцев, и их повсюду чествовали, говорили, что они молодцы. Потом их всем классом возили в Воронеж на слет передовиков ученических бригад. И там тоже чествовали.

Валерий Петрович добавил, что всё это была немного показушная акция, но они тогда восприняли ее серьезно, верили в лозунг: «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!»

В конце беседы Валерий Петрович очень развеселил нас. Он показал на Дашу Гальцову и поведал такую историю: «Вот, бабушка Даши, моя одноклассница Валя Богданова, окончила пединститут. Тоже вернулась в свое село по тому призыву. Вот вы

кино смотрели “Бриллиантовая рука”? Там домоправительница говорит: “Лотерейные билеты распространить среди жильцов. А кто не купит — отключим газ”. Вот так и Вале директор школы Михеев приказал распространить. Она была молоденькая, никому не стала навязывать. Купила на свои деньги. Билет стоил 30 копеек что ли, а их было десять. И так вышло, что она выиграла “Волгу”. А директор школы слег с инфарктом. Да, “Волга” Газ-21. Пять с половиной тысяч стоила, тогда это были огромные деньги. Валя ее продала, а на эти деньги построили дом. И она тут же вышла замуж: богатая невеста».

Интервью с Ниной Ивановной Желнинской (17.06.2013)

Нина Ивановна Желнинская — еще одна бывшая комсомолка, выпускница нашей школы. Это очень талантливый человек, она пишет стихи. А когда была ученицей, то считалась незаменимой журналисткой, освещавшей все события. Мы с удовольствием прочитали дневник похода новокурлакских старшеклассников по родному краю, который она вела. Нина Ивановна пишет искренне, просто и в то же время вдохновенно.

А вот о комсомоле она рассказывала не очень-то восторженно, она была девушка с характером, могла и резко о чем-нибудь высказаться. И на наш вопрос о роли комсомола в ее жизни, она сразу же заявила: *«Чтобы особенную роль сыграл — нет. Бывало, сидишь на комсомольском собрании и не про комсомол думаешь, а как бы других не подвести».*

Как почти всем нашим респондентам, Нине Ивановне запомнился день приема в комсомол: «Ну, тогда жизнь-то какая была? Дали нам из дома по 50 копеек: в Анну все-таки едем. Ну, мы и пошли туда. А мороженого-то хочется, вот и потратили эти деньги. И оттуда пешком пришлось — за автобус уже платить нечем. Вот мы идем-идем, сядем на снег, в сугроб (нас зимой принимали) и свои комсомольские билеты разглядываем — у кого там фотография лучше получилась.

А еще вот что запомнилось: меня чуть не вытурили из комсомола. А за что? Приехал какой-то представитель из райкома комсомола, стал агитировать нас, чтобы мы беседовали с бабушками и отговаривали их молиться. А я языкастая была, говорю: “Ага, как же стану я отговаривать, а кто же мне тогда 20 копеек на кино даст? Не буду я этого делать — бабушка жизнь прожи-

ла”. Этот представитель спрашивает: “Может, Вы сами в Бога верите?” Я в ответ: “Верить не верю, а бабушку агитировать не буду, что ей — в комсомол что ли вступить?” Ну вот, и все начали меня прорабатывать. Не выгнали, но замечание записали. “Почему не борешься с иконами?” А что с ними бороться — они в каждом доме висят».

О коммунизме Нина Ивановна сказала, что в него заставляли верить, то есть молодежи внушали, что он непременно наступит. И всем хотелось верить, что действительно придет какое-то светлое будущее: «Верили мы в будущее. Казалось, прямо вот сейчас выучишься, поступишь куда-нибудь, чего-то добьешься».

На вопрос о необходимости сейчас подобной организации наша собеседница отреагировала категорично: «Может, какая-то организация и нужна, но только не комсомол. Может, вы сами организуете что-то свое. А комсомол — это уж очень. Там очень строгая линия была — и придерживайся ее. Свое мнение не терпелось. Будь, как все. А если ты не такой — то загнобят. И ведь никому же не хотелось ходить на эти собрания, удирали с них, кто мог. Но были и такие, кто подлизывался, и с комсомола начиная они лавировали и дальше наверх шли. Они только “да” всегда говорили. А комсомольский энтузиазм — может, и был. По рассказам. Сама я не встречала».

После этого разговора Даша Гальцова решила побеседовать о комсомоле со своими бабушками, они же относятся как раз к поколению Нины Ивановны. Тем более, выяснилось, что Нина Ивановна прекрасно знает их обеих.

Валентина Николаевна Гальцова, мама Дашиного папы, всю жизнь проработала в колхозе. У нее есть наградные значки, ленты, грамоты, но оказалось, что в комсомоле она никогда не была. После шестого класса ей пришлось бросить школу, так как в семье было 9 детей. Пошла работать, затем училась в вечерней школе, когда стала уже взрослой. О комсомоле знает только, что это была организация. Даше понравилось, как она сказала: «Не была я в комсомоле и ничего не потеряла, а другая твоя бабушка была, да ничего не нашла». Она добавила, что осталась навсегда пионеркой. Удивительно, что в советское время можно было в 12 лет бросить школу и не быть комсомольцем. Даша спросила у бабушки, разве никто не заставлял ее вступить в ту организацию? Она ответила: никогда и никто.

Валентина Константиновна Коновалова, мама Дашиной мамы, напротив, была примерной комсомолкой. Она сказала, что это была очень важная, нужная организация. Все стремились к лучшему. На комсомольцев равнялись, они были везде впереди. Скажут помочь колхозу — сразу откликаются. И коров доили, и на свинарнике работали, и металлолом с макулатурой собирали. Помогали одиноким старикам, были водителями у пионеров. Бабушка ведь училась в том самом классе, который обещал всем составом вернуться в родное село. Она так и сделала: работала учительницей. Но в партию так и не вступила. Даша спросила, почему, а она как-то не захотела говорить об этом: «Ну не вступила и не вступила. Так получилось».

Разные взгляды на комсомол у двух бабушек, как тут найти общий знаменатель?

Интервью с Татьяной Николаевной Малаховой (13.06.2013)

Татьяну Николаевну мы знаем давно, она ведь работает учителем в нашей школе. И училась она тут же (окончила школу в 1971 году). Мы беседовали с ней, конечно, о комсомоле и обо всем том, что с ним связано.

Свой рассказ Татьяна Николаевна начала с того, что сказала: «Знаете, я не хотела бы каких-то высоких слов говорить». Обычно многие вначале вспоминали, как их принимали в комсомол, как волнительно это было. Татьяна Николаевна тоже об этом впоследствии говорила, но она продолжила так: «Комсомол — это что-то тяжелое, что-то такое было гнетущее. Если ты комсомолец, то ты должен быть во всех отношениях идеальным. И тут приходилось быть, как говорится, ответственным, это был тяжелый груз ответственности. За что? За всё буквально: и за учебу, и за поведение, и за какие-то общественные поручения. Не все, конечно, были идеальными. Встречались разные. Я не буду отвечать за всех, но если особо нарушали, то исключали из комсомола. Правда, при мне таких случаев не было, а по рассказам, раньше бывало.

Даже когда принимали в комсомол, даже вот этот момент связан с трудностями. Этот вот устав надо было знать. Книжонка была, и ее надо было учить наизусть. И всех политических деятелей без ошибок называть. Вопросов задавали много. Лад-

но, если бы нас где-то в красном уголке принимали, было бы спокойнее, а то надо было в Анну идти пешком. Транспорта-то особого не было.

Но зато когда я ответила на все вопросы (а там сидели три или четыре человека, не помню), мне пожали руку. И обратно я на крыльях летела, чтоб родителям рассказать. Да меня же похвалили! Боже! Вопросы, на которые я отвечала, точно не припомню, там что-то про ордена, за что орденом Ленина комсомол наградили, что-то о политбюро — кто там занимает какую должность. Что меня еще напрягало, так это, что надо было изучать разные материалы партийных съездов. Как только что там проходило, то заставляли учить и конспектировать.

Но принимали обычно всех. Я что-то не знаю, кто был среди наших одноклассников не комсомольцем».

То есть самым действительно наивысшим моментом для комсомольцев был сам факт вступления в ряды организации (да и то это было нелегко), а все остальное было рутинной.

А вот о вере в приход коммунизма Татьяна Николаевна сказала своеобразно: «О да! Мы верили. Мы жалели тех бедных рабочих, которые жили в капиталистических странах, как их там эксплуатировали. Но все-таки, несмотря на “железный занавес”, до нас доходили известия, что на “загнивающем Западе” живется гораздо лучше, чем в процветающем СССР, стоявшем прямо перед коммунизмом. Был такой анекдот:

Кто-то уезжает в командировку в Западную Европу и говорит своему другу:

— Уезжаю на загнивающий Запад.

Тот отвечает:

— Привези мне мешочек гнили».

На наш вопрос, сыграл все-таки комсомол в ее жизни хоть какую-то важную роль, Татьяна Николаевна припомнила: «Да, когда я загранпаспорт оформляла. И там была графа — комсомолец ты или нет. Надо обязательно быть комсомольцем, иначе бы не выпустили».

ЗАКАТ (70-е — 1991)

В годы, которые в истории СССР называют эпохой застоя (то есть во время правления Брежнева), комсомол стал настолько массовым, что почти никому после четырнадцати лет не удава-

лось миновать его. Ни о каком почетном звании комсомольца речь уже не шла.

В наших интервью мы много раз убеждались в этом. Ученики школ вступали в комсомол только потому, что так было положено, иначе станешь белой вороной. Вот, например, что мы услышали от наших респондентов:

«А как же ты не вступишь — сразу ты будешь какой-нибудь изгой. Будут пальцем показывать — не комсомолец. Так что принимали всех туда, хочешь — не хочешь» (из интервью с В. В. Денисовым, 05.08.2013).

«Когда вступали в комсомол, это уже лет 14 или 15, уже проходили и октябрятскую, и пионерскую организацию и понимали, что всё это поденщина и никому это не надо. Принимали всех. Говорили: принимают лучших, самых лучших. А принимали всех подряд» (из интервью с Н. Н. Толкачевой, 24.07.2013).

А если кто-то сам не хотел становиться комсомольцем, то его затагивали в организацию любыми способами. Возникали чисто анекдотические ситуации. М. М. Микляева рассказала нам такую историю. В классе, где она была классным руководителем (середина 70-х годов) был некий А. Ж. по прозвищу Олень. Его сразу в 14 лет не приняли в комсомол, хотели приструнить: он не отличался примерным поведением, да и учеба у него «хромала». А потом выяснилось, что в классе он единственный «несоюзный». Класс страдал — не мог получить из-за этого переходящий красный вымпел. Его пытались уговорить написать заявление, а он отвечал: «Не приняли сразу, а теперь отлепитесь». Тогда его приняли «заочно». То есть отправили «его» заявление, написанное активистками класса, в райком, а там с удовольствием приняли заявку (таким образом повышался процент комсомольцев). Но на самое первое свое комсомольское собрание Олень не пришел. Активистки на следующий день подступили к нему с вопросами: «Ты почему отсутствовал? Как тебе не стыдно?» А он ответил: «Вы меня туда записали, сами и ходите на свои собрания».

Комсомолу как организации отдельные комсомольцы были практически не нужны, они были лишь «массой» и «базой роста». Аппаратчиков (комсомольских чиновников) волновали в первую очередь собственная карьера, слеты и отчетно-выборные собрания, которые проводились по обкатанному шаблону.

Закат курлакского комсомола, как мы увидели, происходил примерно так же, как и повсюду в СССР. Мы решили проследить за ним по нашим традиционным вопросам.

Какую роль сыграл в Вашей жизни комсомол?

Комсомольцы времени «заката» отвечали нам по-разному. Были те, кто без него не мыслил жизни, и те, кто относился к нему равнодушно; встречались и противники комсомола.

Начать хотелось с самых близких нам людей, родителей, с которыми мы провели доверительную беседу дома, когда никто не мешал.

Мама Даши Гальцовой сказала, что ей особенно запомнилась пионерская жизнь. Она ей казалась насыщенной и интересной, у нее даже грамота есть из района. Ей нравились пионерские сборы, линейки, множество мероприятий и, конечно, красный галстук на груди. Мама считала себя хорошей и достойной пионеркой и мечтала поскорее стать комсомолкой.

А вот комсомольская-то юность у нее как раз не задалась. Маму выбрали комсоргом класса. Надо было проводить комсомольские собрания, писать протоколы, собирать взносы. Это было далеко не интересно. Собрания были долгие и скучные. Взносы одноклассники вовремя не сдавали, бывало, что мама сама платила за всех.

Первая неприятность случилась в 8 классе. Мальчишки принесли в школу карты. Мама запретила им доставать их, тем более играть. А кто-то рассказал директору школы, и та вызвала ее как комсорга в свой кабинет и отругала за нечестность. Надо было доложить обо всем завучу и директору. Так должна поступать истинная комсомолка. Дашина мама подумала: неужели истинный комсомолец должен обязательно «стучать» на своих товарищей? Тогда в ее душу в первый раз закралось сомнение: а хорошая ли она комсомолка?

Следующий случай был еще хуже. После шестого урока было назначено общешкольное собрание по подготовке к Дню комсомола. Был конец октября, темнело рано. Всех ребят из Старого Курлака отпустили раньше, задержали одну маму, не помогла даже просьба классного руководителя. Завуч школы сказала, что во время Великой Отечественной войны комсомольцы в разведку ходили, на доты бросались, а тут ерунда какая-то. Маме надо

было одной идти 3 км по пустырю. Собрание шло долго, решали много вопросов (хотя не таких уж и важных). В пять часов вечера мама отправилась домой. У моста ей повстречался пьяный мужчина, недавно освободившийся из тюрьмы. Мама шла на «ватных» ногах. На какую сторону дороги она переходила, туда переходил и он. Встретились лицом к лицу. Он дохнул на нее перегаром и спросил: «Что, идешь?» Она еле ответила: «Иду». Он сказал: «Ну, иди, иди». Мама побежала. Слезы лились, дрожь была изнутри, задышалась от бега. Дома родители были в шоке. Телефонов тогда не было, узнать, где дочь, они не могли. Когда мама все рассказала (после таблеток валерианы и стакана воды), дедушка хотел идти в школу скандалить. Но решили, что так будет еще хуже. А мама всю ночь думала, что она плохая комсомолка, трусиха и слабачка.

С той поры она боялась комсомольских собраний и разговоров о том, каким должен быть комсомолец. А то, что она помогала двум соседкам-старушкам (ходила в магазин, носила воду, убирала около дома) или собирала соседских ребятишек и учила их читать и писать, никто в школе не знал.

А вот Дашин папа сказал, что ему, наоборот, больше нравился комсомол, чем пионерия. Объяснил он это интересно: во время комсомола надо было носить значок, а не галстук. Значок прицепил раз — и носи до стирки формы. А галстук надо было чуть ли не каждый день гладить и повязывать. Правда, на комсомольских собраниях ему всегда хотелось спать, он всяческими способами старался их пропустить.

Соня Карабочева разговаривала в первую очередь со своей мамой, поэтому естественно, что вначале она смотрела на комсомол ее глазами. А ее мама была активной комсомолкой и с гордостью носила комсомольский значок, не прятала его, как некоторые. Точно так же, с любовью и трепетом, надевала комсомольскую форму и дорожила ею. Вместе со своей подругой собирала сведения о ветеранах Великой Отечественной войны, то есть, по сути, была таким же краеведом, как и Соня теперь. За эту работу ее наградили путевкой в санаторий. Каждому из нас хочется быть похожим на маму. Вот и Соня после беседы с мамой подумала: «Если бы представилась такая возможность, я бы с радостью вступила в комсомол». Правда, это было в самом начале нашего исследования, сейчас она уже заколебалась, потому что узнала много других фактов о комсомоле.

Родители Виктории и Александра Пятецких тоже очень положительно отзывались о комсомоле, они считают, что это была полезная организация. Мама добавила, что если бы она существовала сейчас, то молодежь была бы занята делом, а не пила и не курила бы за углом. А папа, оказывается, даже был комсоргом.

Мама Виктора Мещерякова сказала, что, конечно, в юности жилось весело, но вовсе не из-за комсомола. Комсомол был «бесплатным приложением». Хотя не совсем «бесплатным»: взносы-то платили! У Витиной мамы сохранился комсомольский билет, и мы подсчитали, что за девять лет и три месяца ее пребывания в комсомоле она выплатила 44 рубля 58 копеек. В комсомоле ей досталась должность организационного сектора. Она, как выяснилось, ничего не организовывала, а просто придумывала темы для комсомольских собраний, а потом записывала всё это в специальные протоколы.

Родители Николая Веретина в один голос заявили, что для них не существовало большой разницы, есть комсомол или нет. Но папа однажды отличился по комсомольской линии. В 1989 году его наградили специальной комсомольской грамотой за то, что он выполнил план посева зерновых на 146% и занял второе место среди всех трактористов района. Эта грамота до сих пор хранится в доме бабушки, причем выглядит так, будто ее выдали только вчера. Бабушка тщательно хранит ее, убеждает от света, чтобы она не выгорела. А Витин папа пожимает плечами: он набирал эти проценты тогда не из-за грамоты, а чтобы подзаработать денег.

Это мнения наших родителей о роли комсомола в их жизни. Мы оставим их, пожалуй, без особых комментариев, а то мало ли — могут и обидеться. Но ведь именно в то время, когда они были комсомольцами, комсомол двигался к закату.

А однажды наш руководитель Н. А. Макаров спросил: «Почему вы у меня не берете интервью, я ведь тоже был комсомольцем? Причем до самого его заката». И мы спросили: «Какую роль сыграл в Вашей жизни комсомол?»

Он ответил: «Кто такой комсорг, слышали? Все мы в классе пытались сделать так, чтобы не выйти в комсорги, потому что с него был особый спрос. Он должен был отчитываться, оформлять разную документацию, вести так называемую “летопись комсомольских дел”. Никому не хотелось это делать. В итоге мы

“скинули” эту должность не на самого хорошего ученика. Так сумели проголосовать. А когда мы выходили из класса, он нам сказал: “Ну ладно, твари, я вам еще припомню!”

Я лично мало уделял внимания комсомольским делам. Моей главной задачей было учиться, я прекрасно видел, что знания мне пригодятся. А комсомол мне был не нужен.

Однако, так получилось, что мне довелось занимать комсомольскую должность. После окончания университета я работал переводчиком в одной войсковой части, в Германии. А там было так устроено: раз ты переводчик, значит, тебе по жизни быть комсоргом. У нас было человек 10 солдат, и вот я возглавлял эту “организацию”. И мне приходилось, знаете, что делать? Писать протоколы комсомольских собраний, которые никогда не проводились. Была такая тетрадка специальная. Я выдумывал повестку дня, писал, кто что якобы сказал. Повестка была самая что ни на есть скучная. Обычно после любого какого-нибудь пленума КПСС, даже по вопросам сельского хозяйства, надо было обязательно провести комсомольское собрание и все это обсудить. А нужно это было нам? Собрания, естественно, не было, но я писал: да, мы обсудили и приняли решение. А чтобы почерк был не один и тот же, я писал сначала на отдельный лист, а потом сажал какого-нибудь солдата, и он всё это переписывал. Собрания если и были, то только отчетно-выборные. На них хватало пяти минут, потому что отчета я никакого не делал, да и выбирать никого не выбирали — всем было известно, что тянуть лямку комсорга всё равно придется мне».

Пожалуй, одним из самых запоминающихся интервью состоялось у нас с Ниной Николаевной Толкачевой, которая была комсомолкой в середине 70-х годов. Нина Николаевна была с нами искренней и говорила от души.

«Все кругом, не только я одна, видели, что никому это не нужно и на самом деле ничего не дает. Какие все есть, такие и есть. Вот, например, принимали обязательства на комсомольском собрании. Обещали перед всеми что-нибудь. А что обещать-то? Кто плохо учится, обещает, что будет учиться хорошо. Ну и что — будет он учиться хорошо? Как он учился, так и будет. А кто хорошо учится, тот и будет хорошо учиться. И вот проскочил мимо меня этот комсомол, я его и не заметила.

Потом, когда в педучилище поступила, я узнала, что не все были комсомольцами, кто-то и не вступал. Для меня это было

открытием. В нашей группе две девчонки не были комсомолками. Одна скрывала причину, но на самом деле она была верующая.

А вот со мной сидела девочка, на нее всегда классная руководительница вскрикивала: “Овчинникова, баптистка!” А она никакая не баптистка, она говорила: “Не хочу устав учить”.

Комсомол — это, считаю, всё временное. Ведь легче управлять народом, когда он под одну гребенку. Вообще, любая организация человека нивелирует, лишает его индивидуальности. Вот друзей бывает сколько — три-четыре самое большее. А если уже компания, например, на улице — уже человек восемь. Среди них волей-неволей выдвигается лидер. А лидеру надо что? Чтобы остальных задвинуть. Чтобы они не дай Бог его не свергли. Ведь у каждого человека своя жизнь, и все хотят жить по-своему. Почему мне кто-то должен диктовать: нет-нет-нет, вот так надо, так хорошо, так интересно. Представьте, у вас день рожденья, ты всё продумал — какой-нибудь обед, какие-то развлечения. Глядь — кто-нибудь из гостей скажет: нет-нет-нет, это всё не так, надо вот так. Ну вот, и комсомол. Песни мы пели комсомольские, многие поехали на комсомольские стройки, на БАМ. Вот у меня знакомый там был. Он говорил потом: ничего там такого, текучка, народу полно, кто приезжает, кто уезжает. Но в основном строили этот БАМ уголовники. А называлось: комсомольская стройка».

Мы поняли, что комсомол стал к 70-м годам абсолютно формальной организацией. Несколько документов, которые мы vybrали в школьном музее, только доказывают, что комсомол как бы делился на комсомольских работников, которые получали за это зарплату, и обычных комсомольцев, которым до комсомола дела не было.

Наш руководитель также поделился своими «комсомольскими» воспоминаниями:

«И случилось так, что накануне ленинского зачета мы, несколько одноклассников, увлеклись на перемене игрой в баскетбол и опоздали на урок математики. Учительница Мария Владимировна Пронина была очень строгой. “Идите, играйте дальше”, — сказала она нам и не пустила в класс. Мы знали, что спорить с ней не имеет смысла, и отправились в спортзал. Надо заметить, сделали мы это не без радости. И в то же время нас

грызла невеселая думка: “Всё станет известно директору школы или (что еще хуже) секретарю парторганизации!” Но Мария Владимировна никому не стала жаловаться. Ленинский зачет мы сдали».

Интересно, что по настоянию классного руководителя одноклассницы Н. А. Макарова написали тогда заметку в районную газету. Николай Александрович сохранил вырезку. Он сказал нам, что в основном писала классная руководительница. И то, что в ней написано, совсем не отражает действительности. Но интересно все-таки процитировать газету комсомольских времен:

О будущем и о себе

Общественно-политическая аттестация. Это событие надолго запоминается каждому комсомольцу.

Вот и в этот раз такое важное мероприятие состоялось на очередном комсомольском собрании в Новокурлакской средней школе. Памятно оно еще и тем, что проводилось ровно за месяц до дня рождения В. И. Ленина.

...Празднично украшен кабинет русского языка и литературы. На стенах плакаты с высказываниями В. И. Ленина, Л. И. Брежнева, А. М. Горького. На специальном столике выставка школьных рефератов, докладов, альбомов о В. И. Ленине, о родном крае, профессиях, рукописный журнал класса «Комсомольская летопись наша», коллекция значков с изображениями великого вождя.

На комсомольском собрании ребята говорили о своих устремлениях, мечтах, жизненных позициях. Много было сказано о тех редкостных качествах характера Владимира Ильича, которые должны стать образцом для каждого сегодняшнего комсомольца.

В полной тишине слушали «Аппассионату» — любимое музыкальное произведение Ленина.

А потом были стихи о счастье. Их прочитали ученицы нашего класса Оля Болдырева, Галя Калаева.

Много интересного рассказали в тот день ребятам учителя П. И. Бобыр, Е. П. Хмелева, секретарь комсомольской организации школы В. Ильина.

Закончилось собрание, комсомольцам вручены памятные открытки, но никому не хотелось расходиться. И долго ученики

вместе с классным руководителем Т. В. Белозерцевой говорили о будущем, о том, что ждет ребят в их скорой самостоятельной жизни.

*А. Борзакова, Н. Денисова, Л. Позднякова,
учащиеся 9 «Б» класса*

Николай Александрович сказал нам, что на собрании он думал только о том, чтобы не выплыл наружу их баскетбольный матч на уроке математики и как бы поскорее это собрание закончилось. И уж никто после него не сидел с классным руководителем — все быстро побежали по домам.

И еще один эпизод, рассказанный Н. А. Макаровым: «Это было, когда я за границу уезжал, то есть учился в университете. Надо было обязательно получить рекомендацию от комитета комсомола всего университета. И хотя уже по стране шагали гласность и перестройка, комсомола это пока никак не касалось. Прихожу я на этот комитет, билет надо было обязательно комсомольский туда принести, они его рассматривают. А комсорг нашей группы забыла поставить мне штампики об уплате взносов. Они там все такие важные сидят, вопросы мне задавать начали. Такой, например: “А что там у нас на Шри-Ланке?” Это такой остров в Индийском океане. Эта страна как бы хотела идти по социалистическому пути. А что там идти? Там они просто дрались между собой. Я только открыл рот что-то отвечать, как кто-то из этого комитета заметил, что у меня за два месяца не проставлен штамп об уплате. Тут же кто-то сказал: “Поднять вопрос об исключении из комсомола”. И на этом рассмотрение моего “дела” закончилось. Конечно, потом все уладили, меня брала к себе на работу что называется “весомая организация”, но тем не менее».

Мы отметили, что, в отличие от старшего поколения, комсомольцы 70–80-х годов уже почти не верили в приход коммунизма, причем, чем моложе респондент, тем меньше он верил. Видимо, пропаганда уже работала слабее: «Нет, в 80-е годы уже никто не верил. Да и сами коммунисты тоже. Они потом все в “Единую Россию” перебежали. У нас вот Авдеев Василий Иванович тоже коммунистом был, а потом что-то в этой самой “Единой” оказался. Перестроился» (из интервью с В. В. Денисовым).

А курлакский комсомол, как и везде в СССР, закончил свое существование в 1991 году. И это было, как нам кажется, закономерно.

Например, мама Даши Гальцовой окончила школу в 1988 году и поступила в педагогический институт. Она очень боялась, что ей дадут опять какую-нибудь комсомольскую должность. На первом собрании сидела тихо, ни в какие дискуссии не вступала. Комсомольские собрания стали проводиться все реже, взносы сдавали сразу за полгода или по полгода не платили вовсе. А в 1990 году вся группа, где она училась, решила выйти из комсомола. Дашина мама не помнит, кто именно был инициатором. Комсомол оставался только на бумаге, никому ничего уже не было нужно. Вот всей группой и написали заявление. В институте все были в шоке: чтобы всей группой, чтобы исторический факультет — сенсация! Но такие случаи становились всё чаще.

Еще один характерный штрих к закату курлакского комсомола, о котором нам рассказали. В 1990 или 1991 году в школе проходила генеральная уборка. Двум старшеклассницам поручили протереть барельеф Ленина, висевший в коридоре. Одна другой сказала: «Смотри: Ленин, а уши не моет». Это показывает, что молодежь того времени уже пренебрежительно относилась к коммунистическим идеалам и ценностям.

Сам закат комсомола в Новом Курлаке оказался весьма будничным. Мы хотели об этом услышать от бывшего парторга колхоза «Путь к коммунизму» (надо же — как в тему это звучит!) В. А. Ковалева. Но он отказался, как мы уже писали, встретиться с нами. Однако мы все-таки отыскали его точку зрения, потому что несколько лет назад он давал интервью нашей недавней предшественнице по краеведческой работе Тане Галиной. Ее работа опубликована в сборнике «Вверх по реке времени», и мы воспользуемся цитатой оттуда:

«Ко мне пришел участковый Иван Петрович — был такой — и сказал:

— Виктор Андреевич, ты извини, но я должен твой сейф опечатать.

— С какой это стати? С какого перепуга? — спросил я.

— Приказ сверху. Если у тебя там что есть важное для тебя — забирай.

Ну, а что там? Забрал списки партийной и комсомольской организаций, ведомости забрал уплаченных взносов и говорю: “Опечатывай и увози!”

Вот, собственно, и всё. Никаких возражений и волнений со стороны бывших комсомольцев отмечено не было.

А в этом году комсомолу исполнилось бы 95 лет. О нем все еще помнят. Вот и в нашей школе 29 октября прошло мероприятие, посвященное этой дате. Мы считаем, что, в принципе, провести его было нужно — ведь это и часть истории, и целая эпоха в жизни миллионов людей, комсомол ведь был огромной организацией. Пришедшие на праздник гости вспоминали свою юность, молодость, а это всегда самые лучшие, светлые воспоминания.

Еще мы обратили внимание на то, как одна из выступавших сказала: «В 1991 году на Всесоюзном съезде ВЛКСМ было принято решение о роспуске организации, так как все задачи, которые она себе ставила, были достигнуты». Но ведь главной целью партии и ее подразделения комсомола был коммунизм! Так как же можно говорить о выполнении всех задач? Что-то нестыковка получается.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ КОМСОМОЛ И НАДО ЛИ В НЕГО ВСТУПАТЬ?

Нам кажется: мы всё-таки поняли, что такое комсомол. Мы можем, конечно, ошибаться, но это просто организация государственного уровня, которая хотела сделать всех равными, но ограниченными. Большинство из тех, с кем мы беседовали, говорили, что это была, в принципе, не нужная для простых людей организация. Были и такие, кто утверждал, что очень даже нужная.

Мы много прочитали о комсомоле, но к определенному мнению так и не пришли. Комсомольцы (не все, конечно) искренне верили, что они могут горы свернуть. И с открытой душой ехали на стройки, терпели разные неудобства, думая, что приближаются к коммунизму.

С другой стороны, комсомол создавался как придаток коммунистической партии. То есть комсомольцы должны были способствовать тому, чтобы все любили и уважали советскую власть. Но разве можно насильно заставить любить и уважать?

Нас поразило отношение комсомольцев к церкви. Чем она мешала? Мы поняли, в конце концов, что религия была соперником, который мог бы помешать влиять на народ.

Имеем ли мы право судить историю прошлого, когда живы те, для кого это самые лучшие годы? Но одно мы скажем точно: если бы комсомол кто-то решил возродить, то мы бы в него не вступили.

Герой. Кто он?

Дарья Первушкина

школа № 25, г. Балаково, Саратовская область

научный руководитель Елена Александровна Шибаева

Когда мне было 5 лет, мой папа погиб в одной из войн в Чечне. Я была слишком маленькой для того, чтобы как-либо анализировать эту ситуацию, поэтому я просто ее приняла. Когда я подросла, то всё еще не пыталась узнать подробности. Эта мысль, отложенная на очень далекую полочку в моем сознании, выполняла на поверхность лишь пару раз в год: в годовщину его смерти и ко дню милиции 10 ноября, так как этот праздник отмечается каждый год с семьями погибших в Чечне при исполнении служебного долга. Я до сих пор не понимаю, почему я не стремилась узнать о своем отце как можно больше, ведь я его совершенно не помню.

Но к двенадцатой годовщине была повешена первая мемориальная доска рядом с одним из отделений полиции в моем городе Балаково Саратовской области. Затем и в школе, которую он окончил (нынешняя гимназия № 2), и в техникуме, который так же окончил. И тогда я задумалась: раз моему отцу повесили мемориальную доску, значит, он был не просто человеком, он сделал что-то очень важное для людей. Я всю жизнь считала своего папу героем, но никогда не задумывалась об этом достаточно глубоко. Когда я увидела эту мемориальную доску, меня переполнило чувство гордости, что я дочь такого человека, чье имя сейчас слышит в новостях и видит на этой доске весь город. И хотя за двенадцать лет я привыкла к этой мысли, но непрошенные слезы всё-таки выступили из моих глаз. И тогда я поняла: я расскажу всем, чтобы они узнали, кто такой Дмитрий Анатольевич Первушкин и каким он был.

Основными источниками при написании работы стали воспоминания бабушки и деда, сослуживцев отца, а маму я так и не решилась спросить.

У меня совершенно не осталось о нем воспоминаний. Я не знаю, каков был его характер, его привычки, что он любил делать в свободное время, как рос, как получилось, что он уехал в командировку и не вернулся из нее, оставив меня пятилетней девочкой. Но один момент я запомню на всю жизнь. То утро,

когда он собирался уехать. На улице было темно, когда я открыла глаза. Рядом со мной, у изголовья моей кровати, стоял шкаф, в котором копался папа. Он собирал нужные для командировки вещи. Но когда я открыла глаза, тень от чего-то сыграла со мной злую шутку, и мне померещилась какая-то черная фигурка, напоминающая бабочку, только большую. Она меня жутко напугала, и я закрыла глаза. Я больше ничего не видела, только лежала и слушала, как он собирается. И когда я в следующий раз открыла глаза, то увидела, как мама с папой стоят у порога и прощаются. Возможно, я не понимала или не знала, что он уезжает куда-то далеко и надолго, поэтому с кровати я так и не встала, проводила его взглядом и, когда он ушел, продолжила спать спокойным сном.

Сейчас я так жалею, что не встала тогда и не обняла его на прощание, ведь в моей памяти нет ни одного момента, проведенного рядом с ним. Лишь фотографии напоминают мне о том, что когда-то, в раннем детстве, он находился рядом со мной. Играл со мной, обнимал, любил. Эту отцовскую любовь не заменит ничто, и мне ее очень не хватает.

Меня практически никогда не покидают мысли о том, как было бы всё сейчас, если бы он тогда выжил. Какой была бы я, какой была бы наша семья, где бы мы жили, какие были бы у меня интересы. Ведь вся моя жизнь, я уверена, была бы совершенно другой. Я хотела бы увидеть ее и поэтому часто фантазирую на эту тему.

Еще один момент, горький момент, занимает огромное место в моей памяти, — это когда мама сообщила мне, что он погиб. Мне было по-прежнему 5 лет. Слишком мало, казалось бы, чтобы осознавать всю серьезность ситуации, но ручей своих слез я не забуду никогда. Мне бы хотелось не вспоминать этого момента никогда, оставить вместо него что-то более приятное из детства, но, увы, он крепко уцепился за мое сознание, и не думаю, что когда-нибудь исчезнет.

Мне понадобилось целых 12 лет, чтобы вновь освежить в памяти эти воспоминания, чтобы узнать всё. Поэтому я пошла к бабушке с дедом, его родителям. Мне хотелось узнать, каким же он был до того, как стал работать в милиции.

Дмитрий Анатольевич Первушкин родился 25 июля 1974 года в городе Ленинске Андижанской области Узбекской ССР. Он

жил с мамой и папой, но в 1981 году семья распалась и он со своим отцом, моим дедом, уехал в Россию и жил в новой семье, в которой у него появились сводные брат и сестра. Жили они очень дружно. Они любили совместные ужины, на которых всегда было весело, любили свою собаку, с которой играли в прятки.

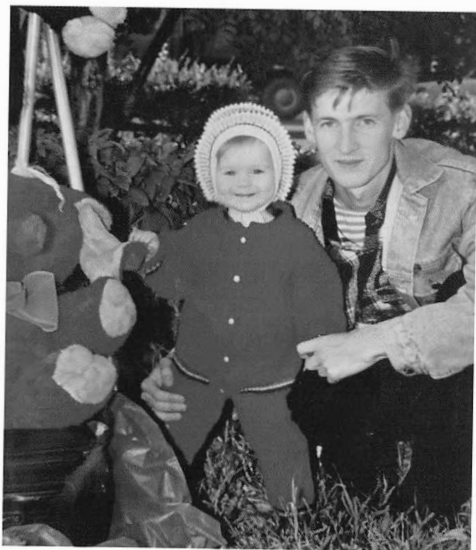
Он окончил музыкальную школу и умел профессионально играть на баяне. Но помимо этого умел играть еще и на пианино, учился игре на гитаре. За несколько месяцев до окончания музыкальной школы захотел ее бросить, но все-таки окончил. Бабушка сказала, что на баяне он играть не любил, только когда его просили, и в основном баян лишь придерживал дверцу постоянно открывающегося холодильника. Читать он тоже не любил, в отличие от брата с сестрой, и читал только то, что давали в школе.

Учился папа в школе № 24 в городе Балаково и учился очень хорошо. После окончания девяти классов поступил в Балаковский химико-технологический техникум. Окончив его, он был очень рад тому, что имел два образования, считая музыкальную школу.

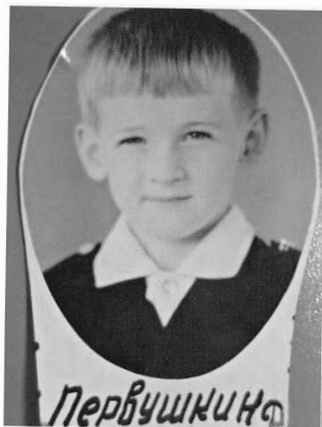
После техникума, осенью 1993 года был призван в армию, служил в десантных войсках в Марксовском районе. Вернувшись, работал на Балаковском заводе резинотехнических изделий. Познакомился с будущей женой, моей мамой. В 1996 году родилась я — его единственный ребенок. А с 1997 года начал работать в милиции.

Чтобы узнать подробности службы и гибели своего отца, я пошла в одно из отделений полиции, в надежде найти его сослуживцев, которые расскажут мне то, чего ни от кого другого я не смогла бы узнать. Меня немного напугали все эти люди в форме, грозно спрашивающие, что же мне от них нужно. Но когда я произнесла свою фамилию, выражения на их лицах резко поменялись, и в голосах можно было почувствовать нотки уважения. Это было довольно-таки приятно, оказалось, что моя фамилия — ключ ко многому, и я буду гордо ее носить.

Уже через год работы получил звание старшего сержанта, командира отделения, кинолога. По воспоминаниям товарищей, папа всегда был вежлив и внимателен к гражданам, в работе проявлял решительность и смекалку. Он был признан лучшим милиционером роты ППС. А за высокие показатели служебной

Автор работы с папой

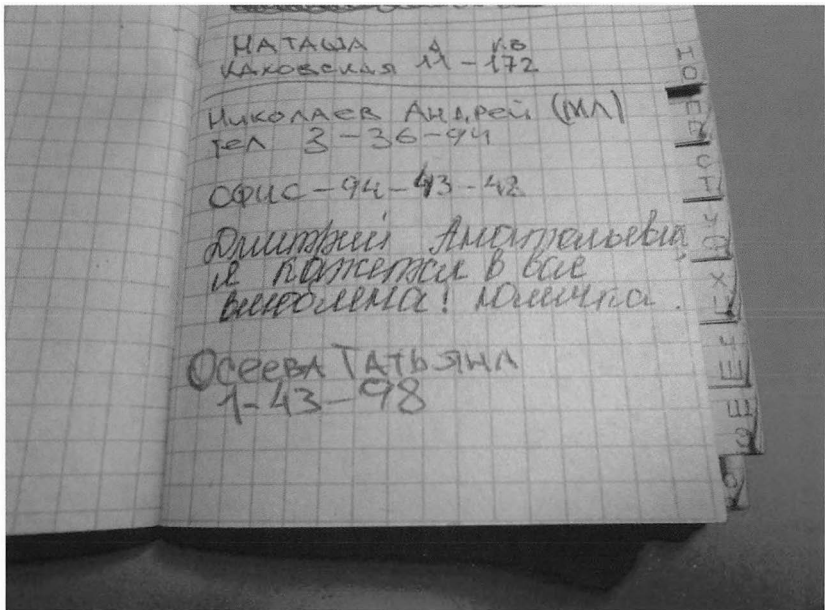

Фотография
Дмитрия Первушкина
из школьного альбома.
1 класс, школа № 24

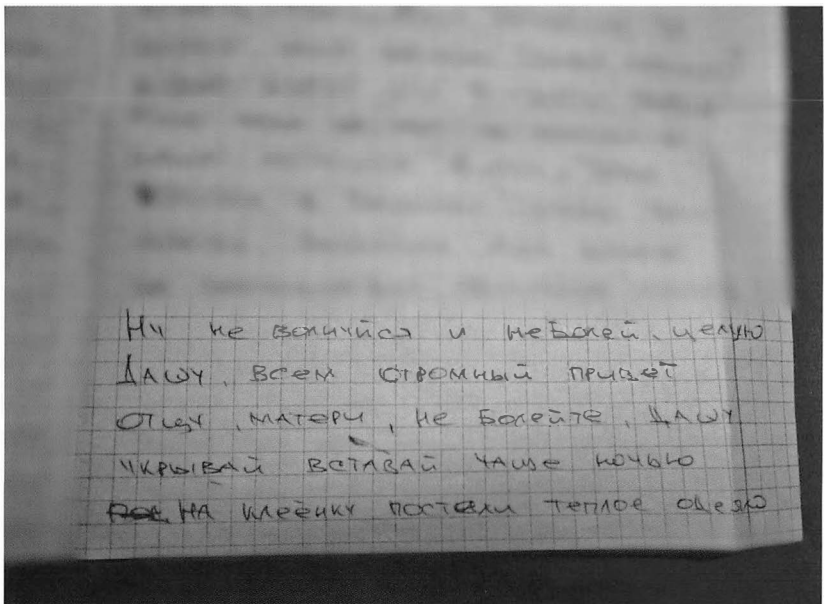

Орден мужества (посмертно)

Страница из записной книжки отца. Признание в любви папе от мамы

Письмо отца домой

деятельности его фотография была помещена на городской Доске почета.

Следующую информацию об отце я нашла на официальном сайте МВД Саратовской области: «В сентябре–ноябре 1999 года в составе сводного отряда УВД Саратовской области сержант милиции Д. Первушкин оказался в самом пекле кавказского противостояния, нес службу в зоне ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. Активно участвовал в проведении рейдов по выявлению фактов перевозки оружия, боеприпасов, взрывчатых средств и наркотических веществ. В 2000 году за высокие показатели в служебной деятельности его фотография была помещена на Доску Почета города Балаково» (64.mvd.ru/gumvd/hero/heroes/772).

Товарищи отца больше старались рассказать о личных качествах отца, не затрагивая тему командировок в горячую точку. Видно было, как им тяжело вспоминать об этом. В отделении я объяснила цель своего прихода, и мне повезло — я нашла человека, которого искала. Он рассказал мне те самые горькие подробности происшедшего, ведь он пережил их вместе с моим папой. От этого рассказа мне стало как-то не по себе, да и по нему было видно, что тяжело такое ворошить в памяти, но он понимал, что мне это нужно, что я хочу и должна это знать.

За все годы работы в милиции папа совершил две командировки в Чечню. Когда началась Вторая Чеченская война, он, в составе сводного отряда ГУВД Саратовской области поехал туда. Позже была вторая командировка. Памятью о войне стали награды «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Ветеран боевых действий на Северном Кавказе», «За отличие в службе 1 степени», «За службу России»... да еще тяжелые кошмарные сны. Но вновь приказ и вновь блокпосты и тяжелая служба на войне.

Тот роковой вечер 6 августа 2001 года навсегда останется в памяти товарищей моего отца. Еще не стемнело, когда их позицию, на которой располагался отряд Саратовской милиции в поселке Черноречье, начали бомбить минометы. Личный состав блокпоста занял оборону. Папа увидел, что группа боевиков пытается прорваться на блокпост с восточной стороны. Доложив командиру о попытке прорыва, он с товарищами открыл огонь из автоматического оружия. Через некоторое время бое-

вики предприняли очередную попытку захвата блокпоста. Они наступали с трех сторон, ведя шквальный огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Силы были неравными, среди милиционеров имелись раненые. В поселке Черноречье при минометном обстреле и погиб сотрудник сводного отряда милиции ГУВД Саратовской области Дмитрий Первушкин.

За мужество и отвагу, проявленные при исполнении служебного долга, старший сержант милиции Д. А. Первушкин Указом Президента РФ награжден орденом Мужества (посмертно). Приказом Министра внутренних дел Российской Федерации он навечно зачислен в списки органов и подразделений ГУВД по Саратовской области.

После смерти его вещи долго простояли в сумке на балконе. Большинство из них испортились, в том числе и некоторые награды. Мне очень жаль, что раньше я не знала об их существовании и не сохранила все. Но некоторые все-таки попали мне в руки. Когда я нашла орден Мужества, то была поражена. Я даже не знала, что всё это время эти награды пролежали в моей квартире. Когда я была у бабушки, то впервые узнала, что еще папа был награжден ножом «Беркут», который хранился у нее. Он оказался очень красивым и тяжелым. Когда я стану самостоятельной и буду жить в собственной квартире, бабушка отдаст мне его на память.

Дома я стала искать вещи, оставшиеся от папы. Нашла пакет его документов, в котором лежали блокнотик и записная книжечка. В ней записаны номера родных и знакомых отца, их дни рождения, он туда даже свой записал. Я его весь пролистала и когда дошла до буквы Н, то увидела внизу надпись. Почерк я узнала сразу, это написала моя мама. Там написано: «Дмитрий Анатольевич, я, кажется, в вас влюблена». Мне это показалось очень милым. Интересно было бы узнать историю появления этой надписи в этой книжечке, но спрашивать этого у мамы я пока не решаюсь. Ей очень тяжело говорить об отце. Когда-нибудь я спрошу.

Помимо этого, в обложке блокнотика я нашла вложенный листочек. На нем очень красивым почерком выписаны различные цитаты на военную тематику. Они отделены друг от друга маленькими звездочками. Видимо папа просто их выписывал, потому что они ему нравились. Вот несколько из них: «Много на свете дорог, но самая лучшая — к дому», «Если попал в ВДВ, то

Герой. Кто он?

гордись, не попал — радуйся», «Если нас ждут, то мы вернемся и с того света».

Последнюю цитату я перечитала несколько раз и вложила в нее определенный смысл. Я подумала, что даже если он и не вернулся, то всё равно навсегда рядом со мной, в моем сердце. Он жив, пока жива память. Некоторые номера, даты отпуска и отъезда, список покупок в дорогу, странная игра в «крестики-нолики» в непонятном для меня порядке, и даже несколько выписанных элементов из таблицы Менделеева — всё это присутствует на этом листе. Этот блокнот стал для меня ценностью, я обязательно его сохраню, вместе и с другими вещами, которые нашла.

Среди них так же оказалась пара писем. Эта находка меня подняла на седьмое небо от счастья. Так было здорово их найти, подержать в руках и прочитать то, что когда-то писал папа, его слова. Читая их, я представляла, будто он говорит сам. Великолепная для меня возможность, учитывая то, что я абсолютно не помню ни одного его разговора со мной. Он писал маме о том, как устроился, где, с кем, что покупал, что делал. В конце одного из писем я прочитала строчки: «Целую Дашу, всем огромный привет, не болейте, Дашу укрывай, вставай чаще ночью, на клеенку постели теплое одеяло...» От этих слов у меня начало пульсировать где-то в районе живота. Ком в горле мешал дышать, а слезы на глазах — дальнейшему чтению письма. Я перечитывала эти строки, и перечитывала, и перечитывала... Обычная бумага излучала невероятную теплоту. Столько любви от простого текста.

Смотря на других моих сверстников и на их отношения с отцами, я не понимаю, каково это. Дурачиться, общаться, спрашивать совета, чувствовать защиту и опору во всем со стороны не матери, а отца. Мне хотелось бы отдать всё, только чтобы понять это, ощутить на себе. Но я отдаю себе отчет в том, что этому не бывать. Осуждаю всех, кто не ценит отцовскую любовь, считая ее слишком преувеличенной и ограничивающей. Как же это глупо! Они не осознают, что не у всех есть такая возможность, как у них. А ценится всё лишь тогда, когда теряется безвозвратно.

Некоторые говорили мне, что завидуют тому, какую огромную поддержку мы с мамой получаем со стороны милиции (теперь полиции) в виде летних путевок, денежных выплат, много-

численных подарков на различные праздники. И действительно, за заслуги моего папы я получаю очень многое. Хоть его и нет рядом, но он обеспечил мне хорошее детство и перспективы в будущем, которые, возможно, помогут мне поступить в институт после школы. Но как же они не понимают, что все это нисколько не стоит того, что его нет рядом. Я бы отдала всё это, лишь бы поговорить с ним хоть пару минут.

Но он жив, пока жива моя память о нем, а значит, он проживет со мной всю жизнь. Я очень рада, что взялась за эту работу, ведь иначе, я, возможно, никогда не узнала бы, каким был мой отец. И я лишь убедилась в том, что это был замечательный человек и прекрасный отец, в чем я никогда не сомневалась. В моей памяти он навсегда останется героем. Жаль, и даже стыдно, что лишь в 17 лет я осознала всю его значимость. Но ведь лучше поздно, чем никогда.

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится Международным обществом «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России, Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева и Кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета с 1999 года.

В жюри конкурса входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели. С момента основания конкурса бессменным председателем жюри был выдающийся историк, краевед, действительный член Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013). С сентября 2013 года жюри конкурса возглавляет писательница Людмила Улицкая.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Молодые люди находят темы и материалы для своих работ, записывая рассказы о прошлом, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы.

Работу школьников направляют педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За пятнадцать лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 35 тысяч исторических работ. Около трети из них прислано из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в пятнадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), «Время местное, прошедшее» (2006), «Верх по реке времени: Российские школьники об истории XX века» (2012), «По крупицам: Российские школьники об истории XX века» (2013), а также восемь тематических сборников: «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006), «Как наших дедов забирали: Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007), «Круг семьи и колесо истории: Российские школьники о судьбах своих семей» (2008), «Пути следования:

Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века» (2011), «Пишет вам ваш сын и брат: Человек, общество, армия в работах российских школьников» (2014).

На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса. Сборник «Быть чеченцем» переведен на норвежский («Å være tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006), итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) и немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007) языки.

Конкурс проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Комитета общественных связей города Москвы, Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ)

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

Адрес оргкомитета конкурса:
127051, Москва, улица Каретный Ряд, 5/10
Тел. 495 699-65-04
E-mail: konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs

САЙТ «УРОКИ ИСТОРИИ»

В мае 2009 г. был открыт сайт «Уроки истории» (www.urokiistorii.ru). Это консультационный и методический портал для подготовки исторических исследований, дискуссионная площадка для обсуждения проблем отечественной истории. Сайт освещает актуальные события, касающиеся современного состояния культуры памяти и исторической политики, развития исследований истории XX века.

На сайте размещены сборники работ участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», информация о российских и международных конкурсах, выставках, аннотации учебников, книг и научных статей, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Жюри конкурса

Людмила Евгеньевна Улицкая

председатель Жюри конкурса
писательница, Москва

Даниил Александрович Гранин

писатель, Санкт-Петербург

Александр Юльевич Даниэль

директор программы «История инакомыслия в СССР»
Международного «Мемориала», Москва

Сергей Аркадьевич Иванов

историк, профессор НИУ ВШЭ, Москва

Ирина Владимировна Карацуба

историк, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Александр Валерьевич Кобак

исполнительный директор Международного благотворительного фонда
имени Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов

заведующий кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ,
председатель Союза краеведов России, Москва

Ксения Андреевна Ларина

журналист, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», Москва

Мария Александровна Липман

главный редактор журнала Pro et Contra, Московский центр Карнеги,
Москва

Александр Давидович Марголис

генеральный директор Международного благотворительного фонда
спасения Петербурга-Ленинграда, Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский

председатель правления Международного «Мемориала», Москва

Никита Павлович Соколов

шеф-редактор журнала «Отечественные записки», Москва

Ирина Лазаревна Щербакова

председатель Оргкомитета конкурса, руководитель молодежных
просветительских программ Международного «Мемориала», Москва

Ирина Евгеньевна Ясина

вице-президент фонда «Либеральная миссия», Москва

век двадцатый – век необычайный
российская история xx века глазами школьников

Редактор-составитель Ирина Щербакова
Редактор Николай Гладких
Корректор Николай Гладких
Верстка Жанна Махмутова

Международное общество «Мемориал»
127051 Москва
Малый Каретный переулок, 12
e-mail konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs
Телефон 495 6507883

Подписано в печать 8 сентября 2014 года
Формат 60х90 1/16
Гарнитуры Charter, FranklinGothicBook
Объем 24,5 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 1000 экз.
Распространение бесплатное
ЗАКАЗ № 2907-14 от 04.09.2014
Отпечатано в ООО «Печатный Салон «Еврографика»
Адрес 121471, г. Москва, Можайское шоссе, дом 21, корп. 3
Телефон 495 2760076
www.egf.ru

«Хочется написать тебе, пока свободен. Полк ушел на репетиционный смотр. Я как дежурный остался. Я пишу, у печки притулились два моих товарища и тихо болтают с одним из денщиков, мы совсем обеднели. Нет ни табаку, ни сахару, ни свеч и достать буквально негде. Писать тороплюсь, через четверть часа мой огарок догорит и в хате воцарится темнота. Теперь я в пулеметной команде. Совсем неожиданно назначили. Попасть в эту команду считается очень лестным».

Анастасия Сироткина, г. Тверь

«В самом центре села растет ветла. Никто не может назвать ее возраста. Ее кора испещрена уродливыми шрамами и трещинами. Такие же глубокие шрамы и на роду Повериновых».

Ветла была свидетельницей всех событий, происходящих в селе в XX веке. Жаль, не может о них рассказать. Так же долго ничего не рассказывали об истории своего рода Повериновы. Шелестят листья на ветвях дерева. Их не сосчитать. Так и род Ивана Фомича Повереннова. Он словно ствол ветлы, а его потомки – множество листьев на ветках».

Марина Беляева, с. Ельники, Мордовия